Из фондов Российской государственной библиотеки

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 90. Произведения, дневники, письма 1835-1910

Москва
Российская государственная библиотека
2006

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 90. Произведения, дневники, письма 1835-1910 [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой ; издание осуществляется под наблюдением Государственной редакционной комиссии ; подготовка текста и комментарии В.С. Мишина. - М.: РГБ, 2006. - (Из фондов Российской государственной библиотеки)

Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в фонде РГБ:

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 90. Произведения, дневники, письма 1835-1910

Государственное издательство художественной литературы, 1958

Российская государственная библиотека, 2006
(электронный текст)

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ц 224
67

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИИ
ПЕРВАЯ—ТРЕТЬЯ

ТОМ
90

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Перепечатка разрешается безвозмездно

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

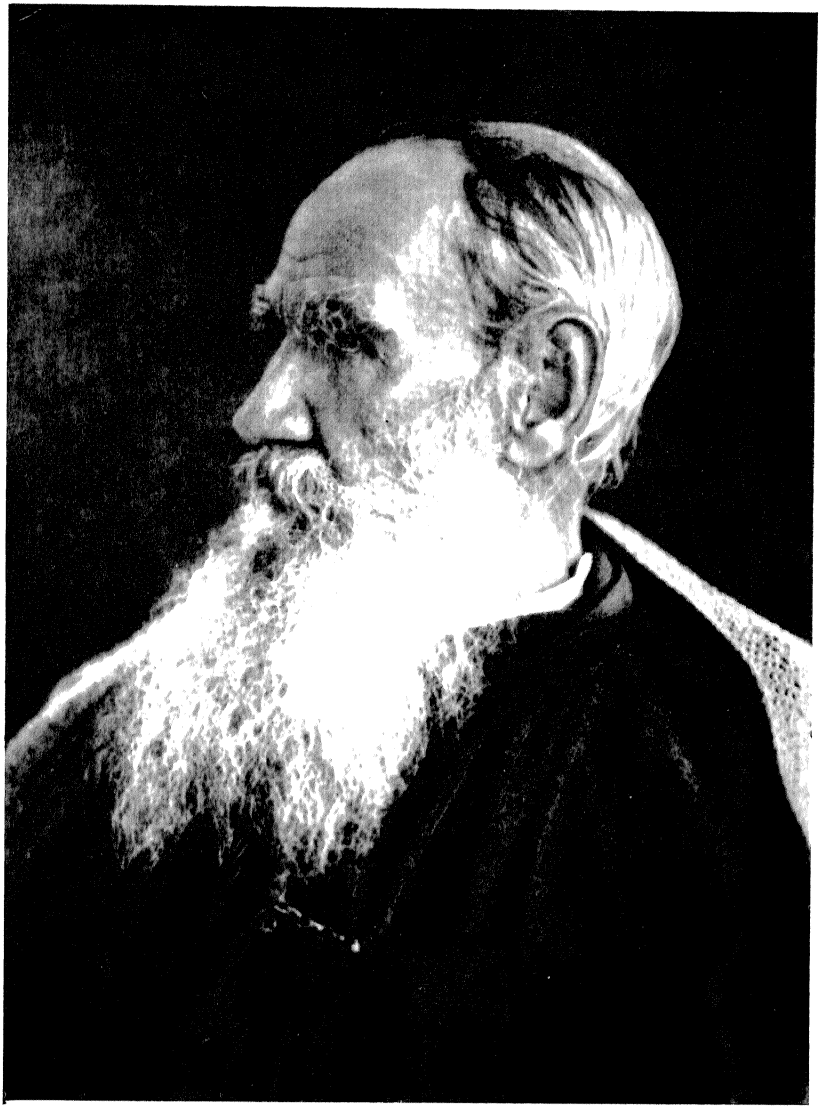
58- 62747

ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ДНЕВНИКИ,
ПИСЬМА

1835—1910

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

В. С. МИШИНА

Л. Н. ТОЛСТОЙ
1907 г.

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1835—1910

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [*1, 2, 3 и т. д. неразобр.*], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных ⟨ ⟩ скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** — что текст печатался после смерти Толстого.

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

** АССИРИЙСКИЙ ЦАРЬ АССАРХАДОН

Царь Ассархадон завоевал царство царя Лаила, воинов всех перебил, разорил и сжег все города и жителей всех перегнал в свою землю, самого же царя Лаила посадил в клетку.

Ночью царь Ассархадон не спал и думал о том, как казнить Лаила, и вдруг он услыхал подле себя шорох и, открыв глаза, увидал старца с длинной седой бородой. Царь удивился и спросил:

— Кто ты и зачем ты пришел?

— Я пришел сказать тебе об Лаиле.

— Нечего говорить о нем. Завтра я казню его. Я только не придумал, какой казнью казнить его.

— Зачем же тебе казнить его? Ведь Лаил это ты, — сказал старец.

— Это неправда, — сказал царь.—Я — я, а Лаил — Лаил.

— Ты и Лаил — одно и то же, — сказал старец. — Тебе только кажется, что ты и Лаил — разные люди.

— Как кажется? — сказал царь. — Я вот лежу на мягкой постели, вокруг меня мои рабы и рабыни, а завтра я буду так же, как сегодня, пировать с моими друзьями, а Лаила завтра не будет.

— Ты не можешь уничтожить его жизнь, — сказал старец.

— А как же я убил 14 000 его воинов? Их было, а теперь их нет, — сказал царь. — Стало быть, я могу уничтожить жизнь.

— Почему ты знаешь, что их нет?

— Потому что я не вижу их.

— Это тебе кажется.

— Не понимаю, — сказал царь.

— Хочешь понять?

— Хочу.

— Так вот, — сказал старец, — сядь в эту купель с водой и ты поймешь.

Царь встал с постели и подошел к купели.

— Разденься и войди в воду, — сказал старик.

Ассархадон разделся и влез в купель.

— Теперь, как только я начну лить на тебя воду, — сказал старец, — окунись с головой.

Старец зачерпнул кружкой воды и поднял ее над головой царя. Царь окунулся.

И только что царь Ассархадон окунулся, он тотчас же увидал себя в совсем новом, чужом месте. Он сидит на престоле, и перед ним стоят какие-то вельможи, и один из них говорит ему речь и называет его царем Лаилом и просит его о том, чтобы он защитил своих людей от злого царя Ассархадона, и Ассархадон понимает, что он уже не Ассархадон, а Лаил, и забывает всё то, что он думал как Ассархадон, и помнит всё то, что думал и делал царь Лаил. Лаил обещает вельможе, что он пойдет войной на Ассархадона и велит собирать войско.

Потом, по обыкновению, выходит на двор, где ожидают его просители, и решает дела. Потом едет на любимую свою забаву — охоту.

После охоты он опять пирует со своими друзьями, забавляясь музыкой и пляской, а ночь проводит с любимой женой своей.

Так живет он дни и недели, пока собирается войско. Когда войско собралось, царь Лаил сам идет в поход. Поход продолжается 7 дней. Каждый день царь объезжает войско и здоровается с воинами. На 8-й день его войска сходятся с войсками Ассархадона. Войско Лаила храбро дерется. Но воинов Лаила сотни, а Ассархадона — тысячи, и войско побеждено и сам Лаил ранен и его берут в плен.

Девять дней он с другими пленниками идет связанный среди воинов Ассархадона. На 10-й день его приводят в Ниневию и сажают в клетку.

Лаил страдает не столько от голода и ран, сколько от стыда и злости. Он чувствует себя бессильным отплатить врагу за всё зло, которое он терпит. Одно, что он может, это то, чтобы не доставить своим врагам радости видеть его страдания, и он

твердо решил мужественно, без ропота, переносить всё то, что с ним будет.

20 дней сидит он в клетке, ожидая казни. Он видит, как проводят на казнь его родных и друзей, слышит стоны казнимых, которым одним отрубают руки и ноги, с других с живых сдирают кожу, и не выказывает ни беспокойства, ни жалости, ни страха. Видит, как евнухи ведут связанную любимую жену его. И он переносит и это без жалобы.

Но вот два палача отпирают клетку и, затянув ему ремнем руки за спиной, подводят его к залитому кровью месту казней. Лаил видит острый окровавленный кол, с которого только что сорвали тело умершего на нем друга Лаила, и догадывается, что кол этот освободили для его казни.

С него снимают одежду. Лаил ужасается на худобу своего когда-то сильного, красивого тела. Два палача подхватывают это тело за худые ляжки, поднимают и хотят опустить на кол.

«Сейчас смерть, уничтожение», — думает Лаил и, забывая свое решение выдержать мужественно спокойствие до конца, он молит о пощаде. Но никто не слушает его.

«Да это не может быть, — думает он, — я, верно, сплю. Это сон. — И он делает усилие, чтобы проснуться. — Ведь я не Лаил, я Ассархадон», — думает он.

— Ты и Лаил, ты и Ассархадон, — слышит он какой-то голос и чувствует, что казнь начинается. Он вскрикивает и в то же мгновение высовывает голову из купели. Старец стоит над ним, выливая ему на голову последнюю воду из кружки.

— О, как ужасно мучился я! И как долго! — говорит Ассархадон.

— Как долго? — говорит старец. — Ты только что окунул голову и тотчас опять высунул ее; видишь, вода из кружки еще не вся вылилась. Понял ли ты теперь?

Ассархадон ничего не отвечает и только с ужасом глядит на старца.

— Понял ли ты теперь, — продолжал старец, — что Лаил — это ты, и те воины, которых ты предал смерти, — ты же. И не только воины, но те звери, которых ты убивал на охоте и пожирал на своих пирах, были ты же. Ты думал, что жизнь только в тебе, но я показал тебе истину. Жизнь одна во всем, и в тебе только часть этой одной жизни. И ты властен только в этой одной части жизни, в себе. Только в себе ты можешь улучшить

или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь в себе ты можешь тем, что будешь забывать себя, а жить жизнью других существ, будешь любить их. Ты думал удлинить свою жизнь и укоротить жизнь других, но ты не можешь этого сделать. Жизнь — мгновение, и жизнь — тысячи лет. Ты большое, сильное существо против блохи, но ты сам меньше блохи против всего мира. Жизнь уничтожить и изменить нельзя, потому что она не телесна, а духовна, и одна она была, есть и будет.

Сказав это, старец исчез.

На другое утро царь Ассархадон велел отпустить Лаила и всех пленных и прекратил казни.

На третий день он призвал сына своего и передал ему царство, а сам сначала удалился в пустыню, обдумывая то, что узнал. А потом он стал ходить в виде странника по городам и селам, собирая подаяния и проповедуя людям, что жизнь одна и что люди делают зло только себе, когда хотят делать зло другим.

II. СТАТЬИ

** ПРОЕКТ О ПЕРЕФОРМИРОВАНИИ БАТАРЕЙ В 6-ОРУДИЙНЫЙ СОСТАВ И УСИЛЕНИИ ОНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИМИ СТРЕЛКАМИ

3 февраля 1855 г.

Преимущества ручного огнестрельного оружия перед полевой артиллерией вообще состоят:

1) в большей меткости стрельбы,

2) в меньшей цели, представляемой неприятелю,

3) в большей подвижности,

4) в меньших расходах содержания.

Преимущества полевой артиллерии перед ручным огнестрельным оружием состоят:

1) *в большей дальности полета снарядов*,

2) *в большем количестве бросаемых снарядов* при меньшем числе людей,

3) *в величине и силе оных*, дающих возможность разрушать земляные и каменные укрепления,

4) *в быстроте движения*,

5) *в моральном влиянии*.

Вследствие последних, более важных преимуществ в войсках почти всех европейских государств введена артиллерия в пропорции одного орудия на 300 человек пехоты. Но со введением ружей, имеющих дальность полета пули более 6-фунтового ядра и 1/4-пудовой гранаты и большую скорость заряжания, преимущества артиллерии перед ручным оружием значительно уменьшились, а потому калибр и пропорция оной на пехоту необходимо должны измениться.

Разберем по одному относительные преимущества ручного оружия и артиллерии как легкой, так и батарейной (я не буду

говорить о горной артиллерии, составляющей не особый род, а исключение, употребляемое только в немногих случаях). (Я буду сравнивать относительные выгоды действия одного орудия и 15-ти нарезных ружей, так как 15 человек есть число людей, необходимое для управления одним легким орудием.)

1. Преимущество артиллерии, состоящее *в дальности полета снарядов*, со введением ружей, действующих на 500 сажен, осталось только для батарейной артиллерии, и то при настильно-рикошетной или навесной стрельбе ядрами и гранатами. Огонь же 15 стрелков будет несомненно действительнее, чем стрельба ядрами и гранатами из полевых орудий с дистанции от 350 до 500 сажен. (Стрельба картечными гранатами, мало действительная против колонн, по невозможности соблюдения во время боя точных условий, требуемых сим снарядом, не может быть с пользою употреблена теперь против цепей, которые со введением штуцеров всегда выставит неприятель против артиллерии.)

2. Преимущество артиллерии, состоящее *в большем числе бросаемых снарядов* (стрельба картечью), со введением штуцеров и нарезных ружей уничтожается: а) *при наступлении* тем, что цепь неприятельских стрелков, кладя по 15 человек против каждого орудия, не подпустит не только легкую, но и батарейную артиллерию на картечный выстрел; б) *при обороне позиции* тем, что направления огней стрелков скорее могут изменяться и следовать за движениями неприятеля, чем направления огней орудий, и что первые будут оставлять менее мертвых пространств, чем последние, ибо каждая из 15 пуль стрелков будет иметь разное направление, тогда как все 60 пуль орудия будут иметь одно и то же; в) *при отступлении* тем, что войска, имеющие штуцера и нарезные ружья, будут наступать не колоннами, а развернутым фронтом, против которого картечь, поражая в форме элипсиса, имеющего большую ось по направлению огня, не может быть так действительна, как была бы против колонн и как мог бы быть огонь 15 стрелков вместо каждого орудия. (Только *при преследовании*, при поражении расстроенного в неудавшейся атаке или обойденного неприятеля картечь, в особенности из конных орудий, подскакивающих на самые близкие дистанции, остается оружием вполне действительным и незаменимым.)

3. Преимущество, состоящее *в силе и величине бросаемых снарядов*, имеет место только в крепостной войне. Для разрушения же полевых укреплений и действия артиллерии против артиллерии преимущество будет иметь артиллерия большого калибра. Легкая же наша артиллерия и в этом отношении оказывается оружием бесполезным по своему малому калибру.

4. Преимущество *быстроты движения*, как сказано выше, существует только для конных орудий, двигающихся с кавалерией, и с пользой может быть прилагаемо при преследовании; для пеших же орудий, в больших движениях связанных своим прикрытием, оно уничтожилось тем, что, как бы быстро они ни выезжали на позицию, ружья, имеющие дальность полета пули больше дальности батарейной картечи, уничтожат лошадей и прислугу прежде, чем орудия успеют сняться.

5. Преимущество *морального влияния* существует только для войск необстрелянных; войска же обстрелянные подчиняются моральному влиянию оружия, причинившего им наибольший вред, и влияние это с начала нынешней кампании уже приобрел штуцер.

Итак, со введением штуцеров и нарезных ружей в войсках европейских государств легкая артиллерия утратила свое значение, батарейная получила новый вес, а ручное огнестрельное оружие, удержав свои преимущества: *меткости, меньшей цели, представляемой неприятелю, подвижности и меньших расходов*, приобрело новые преимущества: дальности и морального влияния.

Потребности заменения легкой артиллерии — батарейной, уменьшения вообще пропорции оной на пехоту и увеличения числа стрелков одинаково чувствуются в нашем войске.

Но так как не готовы еще батарейные облегченные орудия, коими предполагается заменить легкие, и не уничтожены бесполезные легкие батареи, не вооружены и не обучены люди, которыми предполагается увеличить число стрелков, осмеливаюсь предложить изменение, посредством которого была бы достигнута сия троякая цель, и изменение не только возможное в настоящее время, но дающее тотчас огромные преимущества нашему войску как в отношении боевом, так и продовольственном.

Предлагаю расформировать по две легкие батареи в каждой нашей артиллерийской бригаде (6 легких батарей в корпусе),

т. е. сдав лошадей в депо или другие ремонты, амуницию в склады, а орудия в арсеналы, для переплавки металла, включить людей каждой батареи, в пешем строю, в кадры, составленные из стрелковых батальонов.

Остальные 6 пеших батарей в корпусе — 4 батарейные и 2 легкие — расформировать из 12 — в 6-орудийный состав, оставив на прежнем основании по батарее при каждом пехотном полку, так, чтобы вместо 8 легких и 4 батарейных 12-орудийного состава в корпусе было 8 батарейных и 4 легких батарей 6-орудийного состава.

Легкие 6 батарей, включенные в стрелковые кадры, вооружив штуцерными или нарезными ружьями и обучив стрельбе, разделить на 12 отделений, по 100 человек в каждом, и присоединить по одному отделению к каждой 6-орудийной батарее.

При лучшем выборе людей в артиллерии, лучшем образовании их и знании оснований действия из огнестрельного оружия можно быть уверену, что артиллерийские команды не только скорее будут обучены, чем пехотные, но что через месяц, выпустив по 300 патронов на ученьях, они будут достаточно обучены, чтобы с пользой быть употреблены в дело.

Не повторяя доказанных преимуществ, которые будут иметь 15 артиллеристов, вооруженных нарезными ружьями, перед 15 артиллеристами, вооруженными легким орудием, скажу еще несколько слов о новых выгодах, вытекающих из такой организации артиллерии как в боевом отношении, так и в отношении хозяйственном.

Выгоды эти будут состоять в следующем.

В боевом отношении: 1) в самостоятельности артиллерии — возможности предпринимать небольшие движения с одним собственным прикрытием артиллерийских стрелков и оборонять в одно время свои фланги и тыл; 2) в возможности под прикрытием своей цепи стрелков приближаться, даже легким орудиям, на картечный выстрел к неприятелю; 3) в возможности заменять убыль людей стрелками, обученными артиллерийской службе.

В хозяйственном: 1) в возможности приступить тотчас к переплавке металла легких орудий; 2) в приобретении правительством около 1400 лошадей в каждом корпусе; 3) в 5 раз меньшем расходовании пороха, ибо залп 200 ружей составляет

3 фунта, тогда как залп легкой батареи составляет 15 фунтов пороха; 4) в уничтожении тотчас 1400 лошадей в каждом корпусе, продовольствие которых в настоящее время стоит правительству 35 000 рублей серебром в месяц.

Подпоручик граф Толстой.

№ 2.
3 февраля 1855 года.
Лагерь на Бельбеке.

* LE NON AGIR

Le rédacteur d'une Revue parisienne supposant, comme il me le dit dans sa lettre, que l'opinion de deux écrivains célèbres sur l'état actuel des esprits ne serait pas sans intérêt pour moi, m'a envoyé deux fragments de journaux français contenant l'un le discours de M. Zola prononcé au banquet de l'association générale des étudiants, l'autre une lettre de M. A. Dumas au rédacteur du Gaulois.

Ces documents sont en effet d'un profond intérêt pour moi tant à cause de la renommée de leurs auteurs et de leur actualité que de ce qu'il est difficile de trouver dans la littérature actuelle sous une forme plus succincte énergique et éclatante l'expression du deux forces fondamentales qui composent la résultante suivant laquelle se meut l'humanité: l'une la force de la routine, qui tache de retenir l'humanité dans la voie qu'elle suit, l'autre celle de la raison et de l'amour qui la pousse vers la lumière.

M. Zola n'approuve pas que les nouveaux guides de la jeunesse française lui recommandent une foi qui ne lui paraît être ni bien claire ni bien arrêtée, et, de son côté lui recommande de croire à quelque chose qui lui paraît parfaitement claire et arrêtée, à la science et surtout au travail.

Il existe un philosophe chinois, peu connu, nommé Laodzi, fondateur d'une doctrine religieuse (la première et la meilleure traduction de son livre «De la voie de la vertu» est une traduction française de Stanislas Julien) qui pose comme fondement de sa doctrine le tao, mot qui se traduit par raison, voie, vertu. Or le tao ne peut être atteint que par le non agir, selon la traduction de M. Julien.

Tous les malheurs de l'humanité proviennent selon Laodzi non pas de ce que les hommes ont négligé de faire ce qui était nécessaire, mais de ce qu'ils font ce qui ne l'est pas; de sorte que si les hommes pratiquaient comme il le dit le non-agir, ils seraient non-seulement débarrassés de leur calamités personnelles, mais encore de celles inhérentes à toute forme de gouvernement, ce dont se préoccupe tout particulièrement le philosophe chinois. L'ideé de Laodzi paraît bizarre, mais il est impossible de ne pas être de son opinion quand on considère les résultats auxquels aboutissent les occupations de la grande majorité des hommes de notre siècle.

Que tous les hommes travaillent avec constance et le travail leur rendra «la vie saine, joyeuse et les délivrera du tourment de l'infini». Travailler? Mais à quoi? Les fabricants et les vendeurs d'opium, de tabac, d'eau de vie, tous les tripoteurs de la bourse, les inventeurs et les fabricants d'engins de destruction, tous les militaires et autres travaillent, mais il est évident que l'humanité ne ferait que gagner si tout ces travailleurs cessaient leur travail. Mais la recommandation de M. Zola ne concerne peut-être que les gens dont les travaux sont inspirés par la science. La plus grande partie du discours de M. Zola est destinée à la réhabilitation de la science qu'il suppose attaquée.

Eh bien. Je reçois continuellement de la part de divers auteurs qui ne trouvent point d'appréciateurs, des brochures, opuscules, livres imprimés et en manuscrits, produits de leur travail scientifique. L'un a résolu définitivement, comme il le dit la question de la gnocéologie chrétienne, un autre a écrit un livre sur l'éther cosmique, un troisième a résolu la question sociale, un quatrième la question d'Orient, un cinquième rédige une revue théosophique, un sixième, en un gros volume a résolu le problème du cavalier dans le jeu d'échecs.

Tous ces gens travaillent assidûment et au nom de la science, mais je crois ne pas me tromper en disant que le temps et le travail de mes correspondants ont été employés non seulement inutilement, mais encore d'une manière nuisible, car tous ces hommes ne travaillent pas seuls, mais des milliers de gens sont occupés, autre la fabrication du papier, des caractères et des machines nécessaires à l'impression de leurs ouvrages, à nourrir, vêtir et entretenir tous ces travailleurs de la science.

Travailler au nom de la science? Mais le fait est que le mot science a un sens tellement large et si peu défini que ce que certaines gens considèrent comme science est considéré par d'autres comme une occupation oiseuse et vaine, et cela non seulement par les profanes mais par les prêtres de la science eux mêmes. Tandis que les savants spiritualistes considèrent la jurisprudence, la théologie et la philosophie même comme les sciences les plus nécessaires et les plus importantes,les positivistes considèrent précisément ces mêmes sciences comme des futilités, n'ayant aucune valeur scientifique, et réciproquement, ce que les positivistes estiment comme la science des sciences — la sociologie est considérée par les théologiens et les philosophes spiritualistes comme un assemblage d'observations et d'assertions arbitraires et inutiles. De plus dans une seule et même branche, en philosophie de même que dans les sciences naturelles chaque système a d'ardents défenseurs et de non moins ardents détracteurs, également compétents, mais soutenant des opinions diamétralement opposées.

Excepté cela ne voit-on pas chaque année de nouvelles découvertes scientifiques qui après avoir émerveillé les badauds du monde entier et fait la gloire et la fortune de leurs inventeurs sont reconnues pour de ridicules erreurs par ceux mêmes qui les avaient pronées.

Nous savons tous ce que les Romains regardaient comme la science par excellence, comme l'occupation la plus importante et dont ils se glorificient par devant les barbares était la rhétorique, c'est à dire un exercice dont nous nous moquons aujourd'hui et qui n'a pas même rang de science. De même il nous est difficile de comprendre à présent l'état d'esprit des savants du moyen âge qui étaient pleinement convaincus que toute la science se concentrait dans la scolastique. Or, si notre siècle ne fait pas exception, ce que nous n'avons aucun droit de supposer, il ne faut pas une grande hardiesse d'esprit pour conclure par analogie, que parmi les connaissances qui occupent principalement l'attention des savants de notre siècle et qu'on appelle science, il s'en trouve nécessairement de telles qui auront pour nos descendants la même valeur qu'ont pour nous la rhétorique des anciens et la scolastique du moyen âge.

Le discours de M. Zola est surtout dirigé contre certains guides de la jeunesse qui l'engagent à revenir aux croyances religieuses. M. Zola comme champion de la science se croit leur adversaire,

mais au fond la base de sa doctrine et de ceux contre lesquels il s'arme est la même et n'est autre que la foi, comme il le dit lui-même.

Il existe une opinion généralement reçue que la religion et la science sont opposées l'une à l'autre. Elles le sont en effet, mais seulement par rapport au temps c. à d. que ce qui était considéré par les contemporains comme science devient religion pour leurs descendants. Ce qu'on désigne ordinairement du nom de religion n'est en grande partie que la science du passé, tandis que ce qui est généralement désigné par le nom de science n'est pour la plupart que la religion du présent.

Nous disons que l'affirmation des Hébreux que le monde a été créé en 6 jours, que les fils seront punis pour les péchés de leurs pères, qui certaines maladies peuvent être guéries par la vue d'un serpent, sont des données de la religion, tandis que les affirmations de nos contemporains que le monde s'est crée de lui-même en tournant autour d'un centre qui est partout, que toutes les espèces proviennent de la lutte pour l'existence, que les criminels sont les produits de l'hérédité, qu'il existe des microorganismes en forme de virgules qui provoquent de certaines maladies, sont des données de la science, mais il est facile de voir, en se transportant en imagination dans l'état d'esprit de l'ancien Hébreu que pour lui la création du monde en 6 jours, le serpent guérissant les maladies et autres..., étaient des données de la science à son plus haut degré de développement tout comme pour un homme de notre temps la loi de Darwin, les virgules de Koch, l'hérédité et a. d. s. Comme l'Hébreu croyait non pas précisément à la création du monde en 6 jours, au serpent guérissant certaines maladies et autres..., mais à l'infaillibilité de ses prêtres et par cela même à toutes leurs affirmations, de même la grande majorité des gens civilisés de notre temps ne croient pas à la formation des mondes par la rotation, ni à l'hérédité, ni aux virgules, mais à l'infaillibilité de certains prêtres laïques qu'on appelle savants et qui affirment avec le même aplomb tout ce qu'ils prétendent savoir.

Je me permets de dire encore ce que j'ai remarqué plusieurs fois: de même que les anciens prêtres n'étant contrôlés que par leurs collègues se permettaient des écarts de la vérité rien que pour le plaisir d'étonner et de mystifier leur public de même les prêtres de la science font la même chose avec la même effronterie.

La majeure partie de ce qu'on appelle religion n'est que la superstition du passé; la majeure partie de ce qu'on appelle science n'est autre chose que la superstition du présent. Et la proportion d'erreur et de vérité est, je suppose, à peu près, la même. Par conséquent travailler au nom d'une croyance en quoi que ce soit, religion ou science, est non seulement un moyen douteux pour améliorer l'existence des hommes, mais un moyen dangereux, pouvant produire plus de mal que de bien. Consacrer sa vie à remplir les devoirs imposés par la religion: prières, communion aumônes, ou bien, d'après le conseil de M. Zola, la vouer à certains travaux scientifiques et apprendre à la veille de sa mort que le principe religieux ou scientifique au service duquel on avait consacré toute sa vie n'était qu'une ridicule erreur...

En autre, avant même d'avoir lu le discours de M. Zola dans lequel le travail en soi-même, quel qu'il soit est mis au rang de mérite, j'ai toujours été étonné de l'opinion établie surtout en Europe que le travail est une espèce de vertu. J'ai toujours cru qu'il n'était pardonnable qu'à un être privé de raison, comme la fourmi de la fable d'élever le travail au rang de vertu et de s'en glorifier, M. Zola assure que le travail rend l'homme bon; j'ai toujours remarqué le contraire. Sans parler du travail égoïste dont le but est le bien-être ou la gloire de celui qui travaille, qui est toujours mauvais, le travail conscient, l'orgueil de son travail rend non seulement la fourmi mais l'homme cruel. Qui de nous ne connaît ces hommes inaccessibles à la vérité et à la bonté, qui sont toujours tellement occupés qu'ils n'ont jamais le temps non seulement de faire le bien, mais de se demander si l'affaire à laquelle ils travaillent n'est pas nuisible. Vous dites à ces gens: votre travail est inutile ou peut être pernicieux, en voici les raisons, attendez, examinons la chose. Ils ne vous écoutent même pas et répliquent avec ironie: vous êtes à votre aise pour raisonner. Ai-je le temps de discuter. J'ai travaillé toute ma vie et le travail n'attend pas; j'ai à rédiger un journal quotidien avec un demi-million d'abonnés; je dois organiser l'armée; j'ai à construire la tour Eiffel à organiser l'exposition de Chicago, à percer l'isthme de Panama, à faire des recherches sur l'hérédité, sur la thélépathie ou sur le nombre de fois que tel ou tel auteur classique a employé tel ou tel mot. Les hommes les plus cruels de l'humanité, les Nerons et le Pierre I ont été constamment actifs, ne restant pas un

instant livrés à eux mêmes, sans occupations ou sans distractions.

Si même le goût du travail n'est pas un vice, il ne peut à aucun point de vue être envisagé comme un mérite. Le travail pas plus que la nutrition ne peut être une vertu, le travail est un besoin dont la privation est une souffrance et l'élever au rang de mérite est aussi monstrueux que d'on faire autant pour la nutrition. La seule explication de cette étrange valeur attribuée au travail dans notre société est que nos ancêtres ont érigé l'oisiveté en attribut de noblesse, presque de mérite et que les gens de notre temps ne se sont pas encore complètement libérés de ce prejugé. Le travail, l'exercice de nos organes, ne saurait être un mérite, parce qu'il est toujours une nécessité pour chaque homme ainsi que pour chaque animal, comme le certifient égalemens les galopades d'un veau attaché à une corde et dans notre société, les exercices stupides auxquels s'adonnent les gens riches et bien nourris, qui ne trouvent pas d'emploi plus raisonnable et utile à leurs facultés mentales que la composition et la lecture d'articles de journaux et de romans, le jeu d'échecs et de cartes, la gymnastique, l'escrime, le lawn-tennis, les courses et autres, pour l'exercice de leurs museles.

A mon avis non seulement le travail n'est pas une vertu, mais dans notre société défectueusement organisée il est le plus souvent un des principaux moyens d'anesthesie morale dans le genre du tabac, du vin et autres moyens employés par les hommes pour s'étourdir sur le désordre et le vide de leur existence; et c'est précisément sous ce jour que M. Zola recommande le travail à la jeunesse.

La grande différence entre la lettre de M. Dumas et le discours de M. Zola, sans parler de la différence extérieure qui consiste en ce que le discours de M. Zola est adressé à la jeunesse dont il semble rechercher l'approbation, tandis que la lettre de M. Dumas ne fait pas de compliments aux jeunes gens mais au contraire au lieu de leur inculquer qu'ils sont des personnages importants et que tout dépend d'eux (ce qu'ils ne doivent jamais croire pour être bons à quelque chose) leur signale, leurs défauts habituels, leur présomption et leur légèreté et par cela leur est utile au lieu de leur être nuisible; la grande différence de ces deux écrits consiste en ce que le discors de M. Zola a pour but de retenir les hommes sur la voie dans laquelle ils se trouvent, en leur fai-

sant accroire que ce qu'ils savent est précisément ce qu'il doivent savoir et que ce qu'ils font est précisément ce qu'ils doivent faire tandis que la lettre de M. Dumas leur montre qu'ils ne savent pas le principal de ce qu'ls devraient savoir et ne vivent pas comme ils devraient vivre.

Plus les hommes croiront qu'ils peuvent être amenés malgré eux une force extérieure agissant de soi-même — religion ou science — à un changement bienfaisant de leur existence et, que pour que ce changement arrive ils n'ont qu'à travailler dans l'ordre établi, plus ce changement sera difficile à accomplir; et là est le défaut principal du discors de M. Zola.

Mais au contraire plus les hommes croiront qu'il ne dépend que d'eux mêmes de changer leurs rapports mutuels et qu'ils peuvent le faire quand ils le voudront en se mettant à aimer les uns les autres au lieu de s'entredéchirer comme ils le font à présent et plus cela deviendra possible. Plus les hommes se laisseront aller à cette suggestion et plus ils seront entraînés à la réaliser. Et c'est là le grand mérite de la lettre de M. Dumas. M. Dumas n'appartient à aucun parti, à aucune religion; il a aussi peu de foi dans les superstitions du passé que dans celles du présent, et c'est précisément à cause de cela qu'il observe, qu'il pense et qu'il voit non seulement le présent, mais aussi l'avenir, comme ceux que l'on appelait dans l'antiquité les voyants. Il paraîtra étrange à ceux qui, en lisant un écrivain, ne voient que le contenu d'un livre et non pas l'âme de l'écrivain, que M. Dumas, l'auteur de la «Dame aux camélias» et de l'«Affaire Clemenceau», ce même Dumas voit l'avenir et prophétise. Mais si bizarre que cela nous paraisse, la prophétie se faisant entendre non pas dans le désert ou sur les bords du Jourdain et de la bouche d'un ermite couvert de peaux de bêtes, mais apparaissant dans un journal quotidien au bord de la Seine — n'en reste pas moins prophétie.

Les paroles de M. Dumas eu ont tous les attributs: 1-e celui de toute prophétie d'être tout à fait contraire à la dispositon générale des hommes au milieu desquels elle se fait entendre; 2-e celui que malgré cela tous ceux qui l'entendent ressentent sa vérité, et 3-e surtout celui que la prophétie pousse les hommes à réaliser ce qu'elle prophétise.

M. Dumas prédit que les hommes après avoir tout essayé, se mettront sérieusement à appliquer à la vie la loi de l'amour fraternel et que ce changement se produira beaucoup plus tôt

qu'on ne le pense. On peut contester la proximité de ce changement, même sa possibilité, mais il est évident que s'il se produisait, il résoudrait toutes les contradictions, toutes les difficultés et détournerait tous les malheurs dont nous menace la fin de notre siècle.

La seule objection ou plutôt la seule question que l'on puisse faire à M. Dumas, c'est de lui demander pourquoi, si l'amour du prochain est possible, inhérent à la nature humaine, pourquoi il s'est passé tant de milliers d'années (car le commandement d'aimer Dieu et son prochain n'est pas un commandement du Christ mais encore de Moïse) sans que les hommes qui connaissaient ce moyen de se rendre heureux, ne l'aient pratiqué.

Quelle est la cause qui empêche la manifestation de ce sentiment si naturel et si bienfaisant pour l'humanité?

Il est évident que ce n'est pas assez de dire: aimez vous les uns les autres. Cela se dit depuis 3000 ans, on ne cesse de le répéter sur tous les tons du haut de toutes les chaires religieuses et même laïques; mais les hommes continuent à s'exterminer au lieu de s'aimer comme on le leur prêche depuis tant de siècles. Personne de nos jours ne doute que si les hommes, au lieu de s'entre-déchirer en recherchant chacun leur propre bonheur celui de leur famille ou de leur patrie, s'aidaient les uns les autres, s'ils remplaçaient l'égoïsme par l'amour, s'ils organisaient leur vie sur le principe collectiviste au lieu du principe individualisme, comme le disent dans leur mauvais jargon les sociologues, s'ils s'aimaient entre eux comme ils s'aiment eux mêmes, si au moins ils ne faisaient pas aux autres ce qu'ils ne voudraient pas qu'il leur fût fait, comme cela a été bien dit depuis 2000 ans, la dose de bonheur personnel que recherche chaque homme serait plus grande et la vie humaine en général serait raisonnable et heureuse au lieu d'être ce qu'elle est, une suite de contradiction et de souffrances.

Personne ne doute de ce que si les hommes continuent à s'arracher les uns aux autres la propriété du sol et les produits de leur travail la revanche de ceux qui étaient privés du droit de travailler à la terre et des produits de leur travail ne se fera pas attendre et que tous ceux qui ont été privés de leur droits reprendront avec violence et vengeance tout ce qui leur a été enlevé. Pessonne ne doute non plus de ce que les armements réciproques des nations n'aboutissent à de terribles massacres et à la ruine et

à la dégénération de tous les peuples enchaînés dans ce cercle d'armements réciproques. Personne ne doute de ce que l'ordre de choses actuel s'il se prolonge encore pendant quelques dizaines d'années n'aboutisse à une débacle générale.

Excepté cela tous les hommes de notre monde chrétien reconnaissent si ce n'est la loi religieuse de l'amour, la règle morale du même principe chrétien de ne pas faire à son prochain ce qu'ils ne voudraient pas qu'on leur fit et malgré cela continuent à faire tout le contraire de ce qu'ils reconnaissent.

Evidemment il y a une raison majeure, qui les empêche de faire ce qui leur est avantageux, ce qui les sauveraient des dangers qui les menacent et ce que leur dicte leur conscience. Dire que l'amour appliqué à la vie est une chimère! Mais alors pourquoi depuis tant de siècles les hommes se laisseraient ils tromper par ce rêve irréalisable. Il serait temps de le reconnaître. Or les hommes ne peuvent se résoudre ni à suivre dans leur vie la loi de l'amour, ni à abandonner l'idée de le faire. D'où cela vient-il? Quelle est la raison de cette contradiction qui dure depuis des siècles? Ce n'est pas que les hommes de notre temps n'aient le désir ni la possibilité de faire ce que leur dictent à la fois et leur bon sens et le danger de leur état et surtout la loi de Celui qu'ils nomment Dieu et leur conscience, mais c'est qu'ils font précisément ce que M. Zola leur conseille de faire: ils sont occupés, ils travaillent tous à un travail commencé depuis longtemps et dans lequel il est impossible de s'arrêter pour se concentrer, de réfléchir à ce qu'ils sont et ce qu'ils devraient être.

Toutes les grandes révolutions dans la vie des hommes se font dans la pensée. Qu'un changement se produise dans la pensée des hommes et l'action suivra aussi immanquablement la direction de la pensée que la barque suit la direcrion donnée par le gouvernail. Dès sa première prédication Jésus ne disait pas aux hommes: aimez vous les uns les autres (il enseigna l'amour plus tard à ses disciples), mais il disait ce que prêchait avant lui Jean Baptiste — le repentir, le μετανοεῖτε c. a. d. le changement de la conception de la vie μετανοεῖτε, changez votre conception de la vie ou bien vous périrez tous, disait-il. Le sens de votre vie ne peut pas consister dans la poursuite de votre bien-être personnel ou de celui de votre famille ou de votre nation parce que ce bonheur ne peut être atteint qu'au détriment de celui de votre prochain. Comprenez bien que le sens de

votre vie ne peut consister que dans l'accomplissement de la volonté de celui qui vous a envoyé dans cette vie et exige de vous non pas la poursuite de vos intérêts personnels mais l'accomplissement de son but à lui, de l'établissement du royaume des cieux comme le disait Jésus.

μετανοεῖτε, changez de manière de concevoir la vie ou bien vous périrez tous, disait-il il y a 1800 ans, et il ne cesse de le faire à présent par toutes les contradictions et tous les maux de notre temps qui proviennent tous de ce que les hommes ne l'ont pas écouté et n'ont pas accepté la conception de la vie qu'il leur proposait. μετανοεῖτε, disait-il, ou bien vous périrez tous. Et l'alternative est la même qu'elle l'était il y a 1800 ans. La seule différence est qu'elle est plus pressante de nos jours que du temps de Jésus. S'il était possible il y a 2000 ans du temps de l'empire Romain, même du temps de Charles Quint, même du temps d'avant la révolution et les guerres Napoléoniennes de ne pas voir la futilité, je dirai même l'absurdité des tentatives d'acquérir le bonheur personnel, de la famille, de la nation ou de l'état par la lutte contre tous ceux qui recherchent le même bonheur personnel de la famille ou de l'état, cette illusion est devenue parfaitement impossible de notre temps pour chaque homme qui s'arrêterait ne fût - ce que pour un instant dans sa besogne et réflechirait à ce qu'il est ce qu'est le monde autour de lui et ce qu'il devrait être. De sort, que si j'étais appelé à donner un conseil unique et celui que je juge le plus utile aux hommes de notre siècle, je ne leur dirai qu'une chose: au nom de Dieu arrêtez vous pour un instant, cessez de travailler, regardez autour de vous, pensez à ce que vous êtes, ce que vous devriez être, pensez à l'idéal.

M. Zola dit que les peuples ne doivent pas regarder en haut, ni croire à une puissance supérieure, ni s'exalter dans l'idéal. Probablement M. Zola sousentend sous le mot idéal, ou bien le surnaturel, c'est à dire le fatras théologique de la Trinité, de l'Eglise, du pape etc. ou bien *l'inexpliqué*, comme il le dit, les forces du vaste monde dans lequel [nous] nous baignons. Et dans ce cas les hommes feront bien de suivre le conseil de M. Zola. Mais c'est que l'idéal n'est ni le surnaturel ni l'inexpliqué. L'idéal est au contraire tout ce qu'il y a de plus naturel et de plus, je ne dirai pas d'expliqué, mais de plus certain pour l'homme.

L'idéal en géometrie c'est la ligne parfaitement droite et le cercle dont tous les rayons sont égaux, en science c'est la vérité pure, en morale la vertu parfaite.

Toutes ces choses la ligne droite comme la vérité pure et la vertu parfaite n'ont jamais existé, mais elles nous sont non seulement plus naturelles, plus connues et plus *expliquées* que toutes nos autres connaissances, mais ce sont les seules choses que nous connaissons avec certitude.

On dit vulgairement que la véritable réalité c'est ce qui existe ou bien que ce n'est que ce qui existe, qui est réel. C'est tout le contraire: la vraie réalité, celle que nous connaissons veritablement, c'est ce qui n'a jamais existé. L'idéal est la seule chose que nous connaissons avec certitude. Ce n'est que grâce à l'idéal que nous connaissons quoi que ce soit, et c'est à cause de cela que ce n'est que l'idéal qui puisse nous guider comme individus et comme humanité dans notre existence. L'idéal chrétien est devant nous depuis 18 siècles, il brille de notre temps avec une telle intensité qu'il faut faire de grands efforts pour ne pas voir que tous nos maux proviennent de ce que nous ne le prenons par pour guide. Mais plus il devient difficile de ne pas le voir, plus certains hommes augmentent d'efforts pour engager les autres à faire comme eux, à fermer les yeux, afin de ne pas le voir. Pour être bien sûrs d'arriver, il faut surtout jeter la boussole par-dessus bord, disent-ils et ne point s'arrêter.

Les hommes de notre monde chrétien ressemblent à des gens qui, pour déplacer quelque objet qui leur gâte l'existence, le tirent dans des directions opposées et n'ont pas le temps de s'accorder sur la direction dans laquelle ils devraient tirer.

Il suffit à l'homme actuel de s'arrêter un instant dans son activité et de réflechir, de comparer les exigences de sa raison et de son coeur avec les conditions de la vie telle qu'elle est, pour qu'il s'aperçoive que toute sa vie, toutes ses actions sous en contradiction incessante et criante avec sa conscience, sa raison et son coeur. Demandez séparément à chaque homme de notre temps quelles sont les bases morales de sa conduite et presque tous vous diront que ce sont les principes chrétiens ou bien ceux de la justice fondée sur la même loi chrétienne. Et en le disant ils sont sincères. D'après l'état de leur conscience tous ces hommes devraient vivre comme des chrétiens; regardez-les, ils vivent comme des bêtes féroces. De sorte que pour la grande majorité

d'hommes de notre monde chrétien, l'organisation de leur vie n'est pas le résultat de leur manière de voir et de sentir, mais de ce que certaines formes nécessaires jadis, continuent d'exister à l'heure qu'il est uniquement par l'inertie de la vie sociale.

Si dans les temps passés, quand les maux produits par la vie payenne n'étaient pas encore aussi évidents et surtout quand les principes chrétiéns n'étaient, pas encore si généralement acceptés, les hommes trouvaient moyen de soutenir consciemment le servage des ouvriers, l'oppression des uns par les autres,la loi pénale et surtout la guerre, il est devenu complètement impossible à l'heure qu'il est d'expliquer la raison d'être de toutes ces institutions. Les hommes de notre temps peuvent continuer leur vie payenne, mais ils ne peuvent plus l'excuser. L'humanité actuelle est arrivée à un tel degré de souffrance à cause de sa fausse conception de la vie et la vraie conception, celle qui donne le vrai bonheur grâce au progrés de l'intelligence humaine est devenue tellement claire et évidente que pour que les hommes de notre temps changent leur vie et l'accordent avec leur conscience; ils n'ont rien à entreprendre, ils n'ont qu'à s'arrêter et interrompre leur besogne. Pour que les hommes changent leur manière de vivre et de sentir il faut avant tout qu'ils changent leur manière de penser et pour qu'un tel changement se produise il faut que les hommes s'arrêtent et qu'ils fassent attention à ce qu'il doivent comprendre. Pour pouvoir entendre ce que leur crient ceux qui voudraient les sauver, ceux qui en chantant et criant roulent vers le précipice, doivent cesser leur vacarme et s'arrêter.

Que les gens de notre monde chrétien s'arrêtent dans leurs travaux et réfléchissent un instaut à leur état et involontairement ils seront amenés à accepter la conception de la vie donnée par le christianisme, conception tellement naturelle, simple et répondant aux besoins de l'esprit et du coeur de l'homme, qu'elle se produit presque d'elle-même dans l'entendement d'un homme qui se serait libéré ne fût-ce que pour un instant de l'enchevêtrement dans lequel le tiennent les complications de son travail et du travail des autres.

Le festin est servi depuis 18 siècles, mais l'un ne vient pas parce qu'il vient d'acheter un terrain, l'autre parce qu'il se marie, un troisième parce qu'il faut qu'il aille essayer ses boeufs, un quatrième parce qu'il construit un chemin de fer, une usine, est occupé à une oeuvre de missionnaire, travaille au parlement,

à une banque, à son ouvrage scientifique, artistique ou littéraire. Personne depuis 2000 ans n'a le loisir de faire ce que conseillait Jésus au commencement de sa prédication — de regarder autour de soi, de penser aux résultats de notre travail et de se demander: que suis-je? Pourquoi? Serait-il possible que cette force qui m'a produit avec ma raison et mon désir d'aimer et d'être aimé ne l'ai fait que pour que m'étant imaginé que le but de ma vie est mon bien-être personnel, que ma vie m'appartient et que j'ai le droit d'en disposer de même que de la vie des autres êtres comme il me plaira, j'arrive enfin à la conviction que ce bien-être personnel, de la famille ou de la patrie que je poursuivais ne peut être atteint et que plus je m'efforcerai à l'atteindre, plus je me trouverai en contradiction avec ma raison et mon désir d'aimer et d'être aimé et plus j'éprouverai de désenchantement et de souffrances.

Et n'est-il pas plus probable de supposer que n'étant pas venu au monde spontanément mais d'après la volonté de Celui qui m'y a envoyé, ma raison et mon désir d'aimer et d'être aimé ne m'ont été donnés que pour me guider dans l'accomplissement de cette volonté qui m'a produit?

Une fois cette μετάνοια accomplie dans la pensée de l'homme, la conception de la vie payenne et égoïste remplacée par la conception chrétienne et l'amour du prochain deviendrait aussi naturel que l'est à présent la lutte et l'égoïsme.

Et une fois l'amour du prochain devenu naturel à l'homme, les nouvelles conditions de la vie chrétienne se formeraient de soi-même, tout comme dans un lêquide saturé de sel les cristaux se forment de soi-même dès qu'on cesse de le remuer. Et pour que cela se produise et que les hommes s'organisent conformément à leur conscience il ne leur faut aucun effort positif; ils n'ont au contraire qu'à s'arrêter dans les efforts qu'ils font. Si les hommes employaient seulement le centième de l'énergie qu'ils emploient à présent à toutes leurs occupations matérielles, contraires à leur conscience, à éclairer autant que possible les données de cette conscience, à les exprimer aussi clairement que possible, à les populariser et, surtout, à les pratiquer, et beaucoup plustôt et plus facilement que nous ne le pensons, s'accomplirait au milieu de nous ce changement que prédit non seulement M. Dumas, mais qu'ont prédit tous les prophètes, et les hommes acquerraient le bien que leur promettais Jésus par sa bonne nouvelle. «Recherchez le royaume des cieux et tout le reste vous sera accordi».

НЕДЕЛАНИЕ

Редактор парижского журнала «Revue des revues», предполагая, как он указал мне это в своем письме, что мнение двух известных писателей о состоянии умов в настоящее время будет не безинтересным для меня, прислал мне две вырезки из французских газет, содержащих в себе речь Золя, произнесенную на товарищеском банкете студентов, и письмо Дюма к редактору «Голуа». Эти документы имели действительно глубокий интерес для меня, как по причине известности их авторов и их живого интереса к современности, так и потому, что трудно в настоящей литературе найти более краткие, энергичные и яркие выражения о двух самых основных силах, составляющих равнодействующую, движущую человечество: первая — сила привычки, рутина, которая старается удержать его на той дороге, по которой оно шло до сих пор, вторая — это дорога разума и любви, ведущая человечество к свету.

Г-н Золя не одобряет новейших руководителей французской молодежи, рекомендующих ей веру, которая кажется ему ни достаточно ясной, ни достаточно определенной, и со своей стороны предлагает ей верить в то, что является совершенно ясным и определенным — в науку и труд. Существует один малоизвестный китайский философ Лаодзи, основатель религиозного учения (первый и лучший перевод его книги «О пути добродетели» на французский язык принадлежит Станиславу Жюльену), поставившего в основу своего учения тао — слово, которое переводится «путем, добродетелью, истиной». Таким образом, тао может быть достигнуто только неделанием, согласно переводу Жюльена.

По учению Лаодзи, все несчастия человечества происходят не оттого, что люди пренебрегают выполнением того, что нужно, но оттого, что они делают то, что не нужно. Так что, если бы люди соблюдали, как он говорит, неделание, они бы избавились не только от всех личных бедствий, но еще и от тех, какие присущи всякой форме правления, т. е. от того, чем особенно озабочен китайский философ. Мысль Лаодзи кажется странной, но нельзя не согласиться с его мнением, когда мы рассмотрим результаты, к которым приводят дела огромного большинства людей нашего времени.

Пусть все люди трудятся с постоянством, и труд сделает их «жизнь здоровой, радостной и избавит их от бесчисленных мучений». Трудиться? Но над чем? Фабриканты и продавцы опиума, табака, водки,

биржевые спекулянты, изобретатели и фабриканты истребительных машин, все военные и прочие люди работают, но совершенно очевидно, что человечество только выиграло бы, если бы все эти трудящиеся прекратили свою работу.

Но указания г-на Золя относятся, может быть, только к людям, работающим в области науки. В большей части своих выступлений г-н Золя страшится реабилитировать науку, на которую, как ему кажется, нападают.

Ну что же? Я постоянно получаю от самых разнообразных авторов, не находящих себе ценителей, брошюры, литературные произведения, напечатанные книги и рукописи — плоды их научной работы. Один, как он заявляет, разрешил окончательно вопрос христианской гносеологии, другой написал книгу о космическом эфире, третий разрешил социальный вопрос, четвертый — восточный, пятый написал теософическое обозрение, шестой в громадном томе разрешил проблему коня в шахматной игре.

Все эти люди усердно работают и во имя науки, но, мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что время и труд моих корреспондентов были употреблены не только бесполезно, но еще и вредно, потому что не только одни эти люди работают, но тысячи других людей заняты: одни изготовлением бумаги, шрифтов, машин, необходимых для печатания их работ. Наконец, нужно кормить, одевать и содержать всех этих тружеников науки.

Работать во имя науки? Но ведь дело в том, что слово наука имеет такой широкий смысл и смысл столь мало определенный, что иногда то, что одни люди рассматривают как науку, другие — как пустое, праздное занятие, — и такое суждение высказывается не только профанами, но и самими жрецами науки.

В то время как ученые спиритуалисты рассматривают юриспруденцию, теологию и философию как науки наиболее необходимые, позитивисты эти же самые науки считают пустяками, не имеющими никакой научной ценности, и, наоборот, позитивисты чтут особенно как науку всех наук — социологию, которая рассматривается теологами и философами-спиритуалистами как набор ненужных и произвольных утверждений и наблюдений.

К тому же одна и та же система в философии, как и в естественных науках, имеет своих горячих защитников и не менее горячих противников, одинаково сведущих, но защищающих диаметрально противоположные мнения.

Да и кроме того, разве каждый год не приносит нам новых научных открытий, которые, изумив сначала обывателей целого мира и доставив славу и богатство изобретателям, впоследствии признаются смешными заблуждениями ими же самими.

Всем нам известно, что римляне считали за особенную науку, за наиболее необходимое занятие, которым они гордились перед варварами,— риторику, т. е. словесное упражнение, над которым мы теперь смеемся и не считаем наукой. Так же нам трудно в настоящее время понять состояние умов средневековых ученых, которые были вполне уверены, что вся наука заключается в схоластике.

А если наш век не представляет исключения, что мы не имеем никакого права предполагать, не нужно иметь большой смелости ума, чтобы сделать заключение по аналогии, что среди знаний, притягивающих к себе главным образом внимание ученых нашего века, знаний, считающихся наукой, находятся, конечно, и такие, которые будут иметь для наших потомков ту же ценность, какую имеет для нас риторика древних и схоластика средневековья.

Речь г-на Золя направлена особенно против тех руководителей молодежи, которые убеждают ее вернуться к религии. Г-н Золя как представитель науки считает себя их противником. Но основа его учения и учения тех, против кого он выступает, — одна и та же, т. е. вера, как об этом говорит он сам.

Существует общепринятое мнение, что религия и наука противоположны друг другу. Так оно и есть в действительности, но только в отношении времени, другими словами всё то, что рассматривалось современниками как знание, становится религией для их потомков. Всё, что принимается обыкновенно за религию, чаще всего является наукой прошлого, тогда как то, что обыкновенно считается знанием, является для большинства религией настоящего.

Мы говорим, что утверждение евреев, что мир был создан в течение шести дней, что сыновья будут наказаны за грехи отцов, что некоторые болезни могут быть исцелены созерцанием змеи, суть данные религии, в то время как утверждение наших современников, что мир возник сам собой, вращаясь вокруг центра, который везде, что всё происходит от борьбы за существование, что преступники — продукты наследственности, что существуют микроорганизмы в виде запятых, которые вызывают известные болезни, — суть данные науки, но легко видеть, перенесясь воображением в мышление древнего еврея, что для него создание мира в шесть дней, змея, исцеляющая больных, и прочее... были данными науки на ее высшей степени развития, совсем как для человека нашего времени закон Дарвина, запятые Коха, наследственность и т. д. Как евреи верили не в сотворение мира в шесть дней, исцеляющего змея и другое... но в непогрешимость своих священников и тем самым во все их утверждения, таким же образом большая часть цивилизованных людей нашего времени верит не в формирование миров через вращение, не в наследственность, не в запятые, но верит в непогрешимость некоторых светских священников, так называемых ученых, утверждающих с тем же апломбом всё то, что они претендуют знать.

Позволю себе еще указать на то, что я замечал многократно: так же как жрецы древних, которых никто не проверял, кроме их же сослуживцев, так и жрецы науки с одинаковым бесстыдством позволяли себе отступление от истины исключительно из удовольствия удивлять и мистифицировать свой народ. Большая часть того, что называется религией, есть только суеверие прошлого; большая часть того, что называется наукой, есть не что иное, как суеверие настоящего. Соразмерность же заблуждения и истины осталась, как я предполагаю, приблизительно та же. Следовательно, трудиться во имя веры во что бы то ни было, религии или науки, есть не только сомнительное средство для улучшения существования людей,

но является опасным средством, могущим принести больше зла, чем добра.

Посвятить свою жизнь исполнению обязанностей, предписываемых нам религией: молитве, покаянию, милостыне, или, по совету г-на Золя, обречь ее научным работам и узнать накануне своей смерти, что религиозный или научный принцип, на служение которому была отдана вся жизнь, — было только смешным заблуждением.

Кроме этого, перед тем как прочесть речь г-на Золя, в которой труд сам по себе, каков бы он ни был, возведен в заслугу, я всегда был удивлен утвердившимся в Европе мнением, что труд есть род добродетели.

Я всегда считал, что только человеку, лишенному разума, простительно, как муравью в басне, возводить труд в добродетель и гордиться им. Г-н Золя уверяет, что труд делает человека добрым; я же всегда замечал обратное. Не говоря уже об эгоистическом труде, целью которого является личное благополучие или слава того, кто трудится, что всегда плохо, труд заключает в себе гордость своей работы, что делает не только муравья, но и человека жестоким. Кто из нас не знает этих людей, не поддающихся ни правде, ни добру, всегда настолько занятых, что у них не только нет времени творить добро, но и спросить себя, не является ли их работа, которой они себя отдают, вредной. Вы говорите этим людям: ваша работа бесполезна и может быть пагубна. Имеются причины: подождите, рассмотрим сущность дела. Они даже вас не слушают и отвечают с иронией: Хорошо вам рассуждать. Разве у меня есть время спорить — я работал всю жизнь, а работа не ждет; мне надо издавать ежедневную газету с полмиллионом подписчиков, мне надо организовать войско, мне надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку в Чикаго, прорывать Панамский перешеек, сделать изыскания о наследственности, по телепатии или о том, сколько раз тот или другой классический автор употребил такое-то и такое-то слово. Величайшие злодеи человечества Нерон, Петр I были постоянно заняты, ни на минуту не оставаясь сами с собой без занятий или увеселений.

Но если даже трудолюбие не есть порок, то ни в каком случае оно не может считаться заслугой. Труд так же мало может быть добродетелью, как питание. Труд есть потребность, лишение которой составляет страдание. Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким бы было возведение питания человека в достоинство и добродетель. Единственным объяснением значения, приписываемого труду в нашем обществе, является то, что наши предки возвели праздность в признак благородства, почти в заслугу, а люди нашего времени не вполне освободились от этого предрассудка. Труд, упражнение наших органов не является заслугой, потому что труд есть всегда необходимость для каждого человека, так же как и для каждого животного, как о том одинаково свидетельствуют прыжки теленка, привязанного веревкой, а в нашем обществе — глупейшие упражнения, которым предаются богатые, хорошо питающиеся люди, не находящие более полезного и более разумного употребления своим умственным способностям, как сочинение и чтение журнальных статей и романов, игра в шахматы и в карты, гимнастика, фехтование, лаун-теннис, бега и другие упражнения для своих мускулов. По моему мнению, труд не

только не есть добродетель, но в нашем ложно организованном обществе есть большею частью нравственно анестезирующее средство, вроде табака, вина и других средств, употребляемых людьми, чтобы одурманить себя, отвлечь от беспорядка и пустоты их существования; а г-н Золя именно с этой точки зрения рекомендует молодежи труд.

Главная разница между письмом г-на Дюма и речью г-на Золя, не говоря уже о внешней разнице, состоящей в том, что речь Золя обращена к молодежи, одобрения которой он как бы добивается, в то время как Дюма не делает молодым людям комплиментов, а наоборот, вместо того чтобы внушать юношам, что они очень важные люди и что всё от них зависит (о чем они отнюдь не должны думать, если хотят быть на что-нибудь пригодными), он указывает им их обычные недостатки, их самонадеянность и их легкомыслие, благодаря чему его письмо является не вредным, а полезным для молодых людей; главная разница этих двух статей заключается в том, что речь г-на Золя имеет целью остановить людей на том пути, на котором они стоят, уверяя их в том, что то, что они знают, и есть то самое, что им нужно знать, и то, что они делают, есть именно то, что они должны делать, в то время как письмо Дюма указывает им, что они не знают того самого главного, что им нужно знать, и что они живут не так, как должны были бы жить. Чем люди больше будут верить в то, что они могут быть приведены, помимо их воли, чем-то внешним, действующим само собою — религией или наукой — к какой-то благотворной перемене в своей жизни, и что для того, чтобы это произошло, они должны работать в установленном порядке, тем труднее совершится это изменение. И в этом главный недостаток речи г-на Золя. Но, напротив, чем более люди будут верить тому, что от них самих зависит перемена их взаимоотношений и что они могут исполнить это, если начнут любить друг друга, вместо того чтобы истреблять один другого, как они это делают теперь, — они убедятся, что перемена к лучшему наступит. Чем более люди поддадутся этому внушению, тем скорее они захотят его осуществить. И в этом главное достоинство письма г-на Дюма. Он не принадлежит ни к какой партии, ни к какой религиозной секте; он так же мало верит в суеверие прошедшего, как и в суеверие настоящего, и только благодаря этому он сам наблюдает, сам думает и видит не только настоящее, но и будущее, как видели те люди, которых в древности называли ясновидящими пророками. Тем, которые, читая сочинения писателя, видят только содержание книги, а не душу писателя, покажется странным, что г-н Дюма — автор «Дамы с камелиями» и «Дела Клемансо», этот самый Дюма видит будущее и пророчествует о нем. Но сколь бы это ни казалось нам странным, пророчество слышится не в пустыне или на берегах Иордана и не из уст отшельника, покрытого звериной кожей, а появляется в ежедневной газете на берегах Сены, — тем не менее пророчество остается пророчеством. В словах г-на Дюма все данные: во-первых, как и всякое пророчество, оно совершенно противоположно всеобщему настроению людей, среди которых оно раздается; во-вторых, что люди, слышащие его, чувствуют его правдивость, и, в-третьих, особенно то, что пророчество побуждает людей к осуществлению того, что оно предсказывает. Г-н Дюма предсказывает, что люди, испробовав всё, начнут серьезно применять в жизни закон братской любви и что эта

перемена произойдет гораздо раньше, чем думают. Можно оспаривать близость такой перемены и даже ее возможность, но очевидно, что, если бы она произошла, она бы разрешила все противоречия, все трудности и отвратила бы все несчастия, угрожающие концу нашего века. Единственное возражение, или, вернее, вопрос, который можно сделать г-ну Дюма, это спросить его: если любовь к ближнему возможна, присуща человеческой натуре, почему же прошло столько тысяч лет (потому что заповедь о любви к богу и своему ближнему еще до Христа была дана Моисеем), а люди, знающие, что надо делать, чтобы стать счастливыми, не исполняли этой заповеди.

Что же является причиной, мешающей обнаруживанию этого столь естественного и столь благодетельного для человечества чувства?

Очевидно, что недостаточно только сказать: любите друг друга. Об этом говорится уже в течение 3000 лет. Это повторяется на все голоса с высоты всех религиозных и даже светских кафедр, но люди всё продолжают истреблять друг друга вместо взаимной любви, проповедуемой им в течение стольких веков. Никто, конечно, в наши дни не сомневается, что люди, вместо того чтобы терзать друг друга, гоняясь за собственным счастьем или счастьем своей семьи, помогли бы друг другу, если бы заменили эгоизм любовью, если бы они строили свою жизнь на принципе коллективизма вместо принципа индивидуализма, как говорят на своем плохом жаргоне социологи, если бы они любили друг друга, как самих себя, если бы они не делали друг другу того, чего они не желают самим себе, как об этом было хорошо сказано 2000 лет тому назад, — размер личного счастья, которое ищет для себя каждый человек, увеличился бы, и жизнь всего человечества стала бы разумной и счастливой, вместо того чтобы оставаться тем, что она есть, — цепью противоречий и страданий.

Никто не сомневается в том, что если люди будут продолжать вырывать друг у друга землю и продукты их работы, отмщение тех, которые были лишены права работать на земле и пользоваться результатами своего труда, не заставит себя ждать и что все, лишенные своих прав, отнимут с мстительной жестокостью всё у них отнятое.

Никто также не сомневается и в том, что взаимное вооружение народов приводит к ужасающей резне, к разорению и вырождению всех народов, порабощенных этим кругом взаимного вооружения. Наконец, никто не сомневается в том, что, если нынешние порядки продолжатся еще несколько десятков лет, — всё это приведет к общей катастрофе.

Кроме того, все люди нашего христианского мира признают если и не религиозный христианский закон любви, то закон нравственный того же христианского принципа: не делать своему ближнему того, чего сам себе не хочешь, и, несмотря на это, продолжают делать обратное тому, что они признают.

Очевидно, что есть важная причина, мешающая людям делать то, что им выгодно, то, что их может спасти от угрожающих им опасностей, и то, что подсказывает им их совесть. Говорят, что любовь в применении к жизни есть химера! Но тогда зачем же в течение стольких веков люди позволяли себя обманывать этой неосуществимой мечтой? Пора бы уже это признать. Но люди никак не могут решиться ни следовать в своей жиз-

ни закону любви, ни отказаться от этой идеи. Отчего же это происходит? Какая же причина этого противоречия, которое длится уже целые века? Не оттого, что люди нашего времени не имеют ни желания, ни возможности делать то, что диктует им и здравый смысл, и опасность их положения, и, в особенности, закон того, кого они называют богом, и их совесть, но потому, что они делают именно то, что им советует делать г-н Золя: они заняты, они все трудятся над одной уже давно начатой работой, которая им не позволяет остановиться, чтобы сосредоточиться и подумать о том, что они из себя представляют и какими они должны бы быть.

Все великие перемены в жизни людей совершаются только в мысли. Если в сознании человека происходит перемена, действие его неизбежно отразит направление мысли, подобно барке, следующей за поворотом руля.

С первых слов своей проповеди Христос не говорил людям: любите друг друга (он проповедовал любовь своим ученикам позже), но он говорил то, чему учил до него Иоанн Креститель: раскаяние μετανοεῖτε, т. е. полную перемену всех жизненных основ, μετανοεῖτε, измените свое понимание жизни, иначе все погибнете, говорил он. Смысл вашей жизни не может состоять в том, чтобы каждый из вас искал отдельного блага своей личности или блага вашей семьи или вашей нации, потому что такое счастье не может быть достигнуто без вреда вашему ближнему. Поймите то, что смысл вашей жизни может быть только в исполнении воли того, кто послал вас в нее и требует от вас не служения вашим личным целям, а его цели, состоящей в установлении царства небесного, как говорил Христос.

Μετανοεῖτε измените ваше понимание жизни, иначе все погибнете, говорил он 1800 лет тому назад и не перестает напоминать об этом до сих пор. Все противоречия и несчастья нашего времени происходят оттого, что люди его не послушали и не восприняли ту основу жизни, которую он предлагал. Μετανοεῖτε, измените ваше понимание жизни, — говорил он, — иначе вы все погибнете. Альтернатива осталась та же, что была 1800 лет тому назад. Единственная разница в том, что эта альтернатива является еще более настоятельной в наши дни, чем во время Христа. Если было возможно 2000 лет тому назад, во времена Римской империи, даже Карла V, даже в предреволюционное время и наполеоновских войн, не видеть пустоты, я сказал бы абсурдности, попыток достичь личного счастья, счастья семьи, нации или государства борьбой против тех, которые добиваются того же личного счастья, счастья семьи или государства, такая иллюзия оказалась бы совершенно невозможной в наше время для каждого человека, который оторвался от своей работы, хотя бы на мгновение, для того чтобы задуматься над тем, каков он сам, каково окружающее его общество и каким он должен быть. Итак, если бы мне предложили дать единый совет, совет, который я считаю наиболее полезным для людей нашего века, я бы сказал им только одно: ради бога, остановитесь хоть на мгновение, перестаньте работать, оглянитесь вокруг, подумайте, что вы из себя представляете и какими бы вы должны были быть, подумайте об идеале.

Г-н Золя говорит, что народы не должны смотреть ввысь, ни верить в какую-то высшую силу, ни восторгаться идеалом. Вероятно, г-н Золя подразумевает под словом идеал или что-то сверхъестественное, т. е. теологическое пустословие о троице, о церкви, о папе и т. д.... или необъяс-

нимые, как он говорит, силы огромного мира, в которых мы купаемся. И в этом случае люди хорошо сделают, если последуют совету г-на Золя. Но дело в том, что идеал не является ни сверхъестественным, ни необъяснимым. Наоборот, идеал — это есть самое естественное и сверх того, я не скажу объяснимое, но самое достоверное для человека.

В геометрии идеалом считается совершенно прямая линия и круг, все радиусы которого одинаковы, в науке — непреложная истина, в нравственности — совершенная добродетель. Все эти вещи, как прямая линия, непреложная истина и совершенная добродетель, никогда не существовали, но они для нас не только наиболее естественны, известны и объяснимы, чем все наши другие познания, но это единственные вещи, в которых мы уверены.

Грубо говоря, настоящая реальность есть то, что существует, или что то, что существует, только и является реальным. Но как раз выходит наоборот: действительная истина есть та, которую мы знаем достоверно, — это есть то, что никогда не существовало. Идеал есть единственная вещь, которую мы с уверенностью признаем. Только благодаря ему мы что-то знаем, и в силу этого только идеал может нами руководить, как отдельными людьми, так и всем человечеством. Христианский идеал стоит перед нами уже в течение 18 столетий. Он сияет в наше время с такой силой, что надо делать большие усилия, чтобы не видеть, что все наши бедствия происходят оттого, что мы не делаем его своим путеводителем. Но чем труднее не видеть это, тем более стараний прилагают некоторые люди, чтобы заставить других поступать так, как поступают они, — закрывать глаза и ничего не видеть. Чтобы быть вполне уверенным в достижении, надо забросить компас за борт, говорят они, и не останавливаться.

Люди нашего христианского мира похожи на людей, которые, чтобы переставить предмет, мешающий их существованию, тащат его в противоположные стороны и не имеют времени сговориться между собой о том направлении, куда следует его тащить.

Современному человеку достаточно остановиться на мгновение в своей деятельности, призадуматься и сопоставить требования разума и сердца с условиями жизни как таковой, чтобы он заметил, что вся его жизнь и все его поступки находятся в непрестанном и вопиющем противоречии с его совестью, разумом и сердцем. Спросите отдельно каждого человека нашего времени о том, каковы моральные основы его поведения, и почти все вам скажут, что это христианские принципы, или же принципы справедливости, основанные на том же христианском законе. И все они искренни. Соответственно с их совестью все эти люди должны были бы жить по-христиански, но посмотрите, они живут, как звери. Таким образом, для огромного большинства людей нашего христианского мира устройство их жизни не есть результат их манеры видеть и чувствовать, но того, что некоторые формы, необходимые когда-то, продолжают существовать и сейчас единственно благодаря инертности социальной жизни.

Если в прошлом, когда несчастия языческой жизни не были еще столь очевидны и особенно когда христианские принципы не были еще так общеприняты, люди находили возможным сознательно поддерживать раб-

ство рабочих, угнетение одних другими, карательные законы и особенно войну, в наше время совершенно невозможно объяснить смысл всех этих установлений. Люди нашего времени могут продолжать вести языческий образ жизни, но они не могут его оправдывать. Современное человечество дошло до такой степени страдания из-за ложного понимания жизни, а верное ее восприятие, то, которое дает настоящее счастие, благодаря прогрессу человеческого разума, стало таким ясным и очевидным, что для того, чтобы люди нашего времени изменили свою жизнь, согласуя ее со своей совестью, им больше нечего предпринять, им остается лишь остановиться и прервать свой труд. Для того, чтобы люди изменили свой образ жизни и свои чувства, надо, прежде всего, чтобы они изменили свой образ мышления, а для того, чтобы такое изменение произошло, — необходимо, чтобы они остановились и обратили внимание на то, что они должны понять. Чтобы люди, с криком и пением несущиеся к пропасти, услыхали то, что кричат им те, которые хотят спасти их, они должны остановиться и прекратить этот содом.

Пусть люди нашего христианского мира остановятся в своей работе и задумаются на мгновение о своем положении, и невольно они будут вынуждены принять то понятие жизни, которое дает им христианство, понятие настолько естественное и простое и отвечающее потребностям ума и сердца, что оно возникает почти само собой в разуме человека, освободившегося, хотя бы на мгновение, от пут, связавших его трудностей как своей работы, так и работы других.

Пир готов уже 18 веков тому назад, но один не приходит потому, что только что купил землю, другой — потому, что он женится, третий испытывает своих быков, четвертый — строит железную дорогу, завод, занят миссионерством, работает в парламенте, в банке, над научной, артистической или литературной работой. И никто в течение 2000 лет не удосужился поступать так, как учил Христос в начале своей проповеди, — оглянуться вокруг себя, подумать о результатах нашей работы и спросить себя: каков я? зачем? Разве возможно, чтобы та сила, которая меня породила с моим разумом и моим желанием любить и быть любимым, сделала это только для того, чтобы я вообразил, что цель моей жизни есть мое личное благополучие, что моя жизнь принадлежит мне и я имею право ею располагать так же, как и жизнью других людей, по моему усмотрению, и я прихожу, наконец, к убеждению, что это личное благосостояние, благосостояние семьи или родины, которого я добивался, не может быть достигнуто, и чем более я прилагаю усилий к его достижению, тем в большем противоречии я буду находиться с моим разумом и с моим желанием любить и быть любимым, и тем больше мне придется испытывать разочарования и страдания. И не вероятнее ли предположить, что я явился на свет не добровольно, но волею пославшего меня, а мой разум и мое желание любить и быть любимым были мне даны, чтобы руководить мною в исполнении той воли, которая меня произвела?

И раз это μετανοια воспринято человеческой мыслью — языческое и эгоистическое понятие жизни, замененное христианским понятием и любовью к ближнему, станет таким же естественным, какими является в настоящее время борьба и эгоизм.

И как только любовь к ближнему станет для человека естественной, новые условия христианской жизни образуются сами собой, совсем как в жидкости, насыщенной солью, образуются кристаллы, как только перестают ее взбалтывать. И для того, чтобы это осуществилось и люди поступали сообразно их совести, не нужно делать никаких положительных усилий; наоборот, им нужно приостановить все свои усилия.

Если бы люди употребили только сотую часть той энергии, которую в настоящее время отдают своим практическим занятиям, противоречащим их совести, на то, чтобы уяснить насколько возможно это сознание и выразить его как можно яснее, сделать его общенародным и особенно исполнить его, тогда гораздо скорее и проще, чем мы можем себе представить, совершилась бы та перемена, которую предсказывал не только г-н Дюма, но и все пророки, а люди приобрели бы то благо, которое им обещал Иисус своей благой вестью: Ищите царства божия и правды его, а остальное приложится вам.

ПАТРИОТИЗМ ИЛИ МИР?

Милостивый государь,

Вы пишете мне о том, чтобы я высказался по случаю Северо-Американских Штатов с Англией «в интересах христианской последовательности и истинного мира», и выражаете надежду, «что народы скоро проснутся к единственному средству обеспечить международный мир».

Я питаю ту же надежду. Питаю эту надежду потому, что ослепление, в котором в наше время находятся народы, восхваляющие патриотизм, воспитывающие свои молодые поколения в суеверии патриотизма и, между тем, не желающие неизбежных последствий патриотизма — войны, дошло, как мне кажется, до той последней степени, при которой достаточно самого простого, просящегося на язык каждого непредубежденного человека, рассуждения, для того, чтобы люди увидали то вопиющее противоречие, в котором они находятся.

Часто, когда спрашиваешь у детей, что они выбирают из двух несовместимых вещей, но которых им обеих очень хочется, они отвечают: и того и другого. Что хочешь: ехать кататься или дома играть? И ехать кататься и дома играть.

Точно так же отвечают нам христианские народы на поставленный им жизнью вопрос: что они выбирают из двух: патриотизм или мир? Они отвечают: и патриотизм и мир, хотя соединить патриотизм и мир так же невозможно, как в одно и то же время ехать кататься и оставаться дома.

На днях между Северо-Американскими Штатами и Англией произошло столкновение из-за границ Венецуэлы. Сольсбери на что-то не согласился, Кливеленд написал послание в сенат,

с обеих сторон раздались патриотические, воинственные возгласы, на бирже произошла паника, люди потеряли миллионы фунтов и долларов, Эдиссон объявил, что он выдумает такие снаряды, которыми можно будет в час убивать больше людей, чем убил Атилла во все свои войны, и оба народа стали энергически готовиться к войне. Но оттого ли, что одновременно с этими приготовлениями к войне как в Англии, так и в Америке разные литераторы, принцы и государственные люди стали увещевать правительства обоих народов о том, чтобы они воздержались от войны, что предмет раздора недостаточно важен для того, чтобы начинать войну, в особенности между двумя родственными, говорящими на одном языке, англо-саксонскими народами, которые должны не воевать между собою, а спокойно властвовать над другими. Или оттого, что об этом молились и читали проповеди в своих церквах всякого рода епископы и архидьяконы, каноники, или оттого, что та и другая сторона не считали себя еще готовыми, но случилось так, что войны на этот раз не будет. И люди успокоились.

Но ведь надо иметь слишком мало perspicacité (проницательности) для того, чтобы не видеть того, что причины, которые привели теперь к столкновению между Англией и Америкой, остались те же, и что если теперешнее столкновение и разрешится без войны, то неизбежно завтра, послезавтра явятся другие столкновения между Англией и Америкой, и Англией и Германией, и Англией и Россией, и Англией и Турцией во всех возможных перемещениях, как они и возникают ежедневно, и какое-нибудь из них неизбежно приведет к войне.

Ведь если живут рядом два вооруженные человека, которым с детства внушено, что могущество, богатство и слава суть высшие добродетели и что потому приобретать могущество, богатство и славу оружием в ущерб другим соседним владетелям есть самое похвальное дело, и если при этом над этими людьми не стоит никакого ни нравственного, ни религиозного, ни государственного ограничения, то разве не очевидно, что такие люди будут всегда воевать, что нормальное отношение их между собой будет война и что если такие люди, сцепившись, разошлись на время, то это они сделали только по французской пословице: pour mieux sauter, т. е. разбежались для того, чтобы лучше прыгнуть, с большим остервенением броситься друг на друга.

Страшен эгоизм частных людей, но эгоисты частной жизни не вооружены, не считают хорошим ни готовить, ни употреблять оружие против своих соперников; эгоизм частных людей находится под контролем и государственной власти и общественного мнения. Частного человека, который с оружием в руках отнимет у соседа корову или десятину посева, сейчас же возьмут полицейские и посадят в тюрьму. Кроме того, такого человека осудит общественное мнение, его назовут вором и грабителем. Совсем иное с государствами: все они вооружены, власти над ними нет никакой, кроме комических попыток поймать птицу, посыпав ей соли на хвост, попыток учреждения международных конгрессов, которые, очевидно, никогда не будут приняты могущественными (для того-то и вооруженными, чтобы не слушаться никого) государствами, и главное то, что общественное мнение, которое карает всякое насилие частного человека, восхваляет, возводит в добродетель патриотизма всякое присвоение чужого для увеличения могущества своего отечества.

За какое хотите время откройте газеты и всегда, всякую минуту вы увидите черную точку, причину возможной войны: то это будет Корея, то Памиры, то Африканские земли, то Абиссиния, то Армения, то Турция, то Венецуэла, то Трансвааль. Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, и то здесь, то там не переставая идет маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая, большая война всякую минуту может и должна начаться.

Если американец желает предпочтительного пред всеми другими народами величия и благоденствия Америки, и точно того же желает англичанин, и того же желает русский, и турок, и голландец, и абиссинец, и гражданин Венецуэлы и Трансвааля, и армянин, и поляк, и чех, и все они убеждены, что эти желания не только не надо скрывать и подавлять, но что этими желаниями можно гордиться и должно развивать их в себе и других, и если величие и благоденствие одной страны или народа не может быть приобретено иначе, как в ущерб другой или иногда и многих других стран и народов, то как же не быть войне. И потому для того, чтобы не было войны, нужно не читать проповеди и молиться богу о том, чтобы был мир, не уговаривать English speaking nations [1] быть в дружбе между собою, чтобы

[1] [нации, говорящие по-английски]

властвовать над другими народами, не составлять двоиственный и тройственный союзы друг против друга, не женить принцев на принцессах других народов, а нужно уничтожить то, что производит войну. Производит же войну желание исключительного блага своему народу, то, что называется патриотизмом. А потому для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм. А чтобы уничтожить патриотизм, надо прежде всего убедиться, что он зло, и вот это-то и трудно сделать.

Скажите людям, что война дурно, они посмеются: кто же этого не знает? Скажите, что патриотизм дурно, и на это большинство людей согласится, но с маленькой оговоркой. — Да, дурной патриотизм дурно, но есть другой патриотизм, тот, какого мы держимся. — Но в чем этот хороший патриотизм, никто не объясняет. Если хороший патриотизм состоит в том, чтобы не быть завоевательным, как говорят многие, то ведь всякий патриотизм, если он не завоевательный, то непременно удержательный, то есть что люди хотят удержать то, что прежде было завоевано, так как нет такой страны, которая основалась бы не завоеванием, а удержать завоеванное нельзя иными средствами, как только теми же, которыми что-либо завоевывается, то есть насилием, убийством. Если же патриотизм даже и не удержательный, то он восстановительный — патриотизм покоренных, угнетенных народов — армян, поляков, чехов, ирландцев и т. п. И этот патриотизм едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия.

Патриотизм не может быть хороший. Отчего люди не говорят, что эгоизм может быть хороший, хотя это скорее можно бы было утверждать, потому что эгоизм есть естественное чувство, с которым человек рождается, патриотизм же чувство неестественное, искусственно привитое ему.

Скажут: «Патриотизм связал людей в государства и поддерживает единство государств». Но ведь люди уже соединились в государства, дело это совершилось; зачем же теперь поддерживать исключительную преданность людей к своему государству, когда эта преданность производит страшные бедствия для всех государств и народов. Ведь тот самый патриотизм, который произвел объединение людей в государства, теперь разрушает эти самые государства. Ведь если бы патриотизм был только один: патриотизм одних англичан, то можно бы было

его считать объединяющим или благодетельным, но когда, как теперь, есть патриотизм: американский, английский, немецкий, французский, русский, всё противоположные один другому, то патриотизм уже не соединяет, а разъединяет. Говорить, что если патриотизм был благодетелен, соединяя людей в государства, как это было во времена его расцвета в Греции и Риме, то от этого патриотизм и теперь, после 1800 лет христианской жизни, так же благодетелен, всё равно, что говорить, что так как пахота была полезна и благодетельна для поля перед посевом, то она так же будет благодетельна теперь, когда посев уже взошел.

Ведь хорошо бы было удерживать патриотизм в память той пользы, которую он когда-то принес людям, как хранят и удерживают люди старинные памятники храмов, гробниц и т. п. Но храмы стоят, не принося людям никакого вреда, патриотизм же не переставая производить неисчислимые бедствия.

Отчего страдают и режутся теперь и звереют армяне и турки? Отчего Англия и Россия, озабоченная каждая своей долей наследства после Турции, выжидают, а не прекращают армянские побоища? Отчего режутся абиссинцы и итальянцы? Отчего чуть не возникла страшная война из-за Венецуэлы, а теперь из-за Трансвааля? А Китайско-японская война, а Турецкая, а Германская, Французская? А озлобление покоренных народов: армян, поляков, ирландцев! А приготовления к войне всех народов? — Всё это плоды патриотизма. Моря крови пролиты из-за этого чувства и будут еще пролиты из-за него, если люди не освободятся от этого отжившего остатка старины.

Мне несколько раз уже приходилось писать о патриотизме, о полной несовместимости его с учением не только Христа, в его идеальном смысле, но и с самыми низшими требованиями нравственности христианского общества, и всякий раз на мои доводы мне отвечали или молчанием, или высокомерным указанием на то, что высказываемые мною мысли суть утопические выражения мистицизма, анархизма и космополитизма. Часто мысли мои повторялись в сжатой форме, и вместо возражений против них прибавлялось только то, что это не что иное, как космополитизм, как будто это слово «космополитизм» бесповоротно опровергало все мои доводы.

Люди серьезные, старые, умные, добрые и, главное, стоящие как город на верху горы, люди, которые своим примером не-

вольно руководят массами, делают вид, что законность и олагодетельность патриотизма до такой степени очевидна и несомненна, что не стоит отвечать на легкомысленные и безумные нападки на это священное чувство, и большинство людей, с детства обманутое и зараженное патриотизмом, принимает это высокомерное молчание за самый убедительный довод и продолжает коснеть в своем невежестве.

И потому те люди, которые по своему положению могут избавить массы от их бедствий и не делают этого, — совершают большой грех.

Самое ужасное зло в мире есть лицемерие. Недаром Христос один только раз прогневался, и это было против лицемерия фарисеев.

Но что было лицемерие фарисеев в сравнении с лицемерием нашего времени. В сравнении с нашими лицемеры-фарисеи были самые правдивые люди, и их искусство лицемерить в сравнении с искусством наших — детская игрушка. И оно не может быть иначе. Вся наша жизнь с исповеданием христианства, учения смирения и любви, соединенная с жизнью вооруженного разбойничьего стана, не может быть ни чем иным, как сплошным, ужасным лицемерием. Оно очень удобно — исповедывать такое учение, в котором: на одном конце христианская святость и потому непогрешимость, а другом — языческий меч и виселица, так что, когда можно импонировать и обманывать святостью, пускается в ход святость, когда же обман не удается, пускается в ход меч и виселица. Такое учение очень удобно, но приходит время, когда эта паутина лжи расползается и нельзя уже продолжать держаться того и другого и необходимо примкнуть к тому или другому. Это самое теперь наступает по отношению к учению о патриотизме.

Хотят или не хотят этого люди, вопрос ясно стоит перед человечеством: *каким образом может тот патриотизм, от которого происходят неисчислимые как физические, так и нравственные страдания людей, — быть нужным и быть добродетелью?* И ответить на этот вопрос необходимо. Необходимо или показать, что патриотизм есть такое великое благо, что он выкупает все те страшные бедствия, какие он производит в человечестве, или признать, что патриотизм есть зло, которое не только не надо прививать и внушать людям, но от которого надо всеми силами стараться избавиться.

C'est à prendre ou à laisser, [1] как говорят французы. Если патриотизм добро, то христианство, дающее мир, — пустая мечта, и чем скорее искоренить это учение, тем лучше. Если же христианство действительно дает мир и мы действительно хотим мира, то патриотизм есть пережиток варварского времени, который не только не надо возбуждать и воспитывать, как мы это делаем теперь, но который надо искоренять всеми средствами: проповедью, убеждением, презрением, насмешкой. Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому. Надо радоваться, когда от России отделяется Польша, Остзейский край, Финляндия, Армения; и англичанину радоваться тому же по отношению Ирландии, Австралии, Индии и других колоний и содействовать этому, потому что чем больше государство, тем злее и жесточе его патриотизм, тем на большем количестве страданий зиждется его могущество. И потому, если мы хотим действительно быть тем, что мы исповедуем, мы не только не должны, как теперь, желать увеличения своего государства, но желать уменьшения, ослабления его и всеми силами содействовать этому. И так и воспитывать молодые поколения. Должны воспитывать молодые поколения так, чтобы, как теперь стыдно молодому человеку проявлять свой грубый эгоизм, например, тем, чтобы съесть всё, не оставив другим, столкнуть слабейшего с дороги, чтобы самому пройти, отнять силою то, что нужно другому, — так же бы было стыдно желать увеличения могущества своего отечества; и так же, как считается глупым и смешным теперь восхваление самого себя, так же бы считалось [глупым] восхваление своего народа, как оно теперь производится в разных лживых отечественных историях, картинах, памятниках, учебниках, статьях, стихах, проповедях и глупых народных гимнах. Но надо понимать, что до тех пор, пока мы будем восхвалять патриотизм и воспитывать его в молодых поколениях, у нас будут вооружения, губящие и физическую и духовную жизнь народов, будут и войны, ужасные, страшные войны, как те, к которым мы готовимся и в круг которых мы вводим теперь, развращая их своим патриотизмом, новых страшных бойцов Дальнего Востока.

[1] [хотите избавляйтесь, хотите не избавляйтесь,]

Император Вильгельм, одно из самых комических лиц нашего времени, оратор, поэт, музыкант, драматург и живописец и, главное, патриот, нарисовал недавно картину, изображающую все народы Европы с мечами, стоящие на берегу моря и по указанию архангела Михаила смотрящие на сидящие вдалеке фигуры Будды и Конфуция. По намерению Вильгельма это должно означать то, что народы Европы должны соединиться, чтобы противостоять надвигающейся оттуда опасности. И он совершенно прав с своей отставшей на 1800 лет языческой, грубой, патриотической точкой зрения.

Европейские народы, забыв Христа во имя своего патриотизма, всё больше и больше раздражали и научали патриотизму и войне эти мирные народы и теперь раздразнили их так, что действительно, если только Япония и Китай так же вполне забудут учение Будды и Конфуция, как мы забыли учение Христа, то скоро выучатся искусству убивать людей (этому скоро научаются, как и показала Япония) и, будучи бесстрашны, ловки, сильны и многочисленны, неизбежно очень скоро сделают из стран Европы, если только Европа не сумеет противопоставить чего-нибудь более сильного, чем оружие и выдумки Эдиссона, то, что страны Европы делают из Африки. «Ученик не бывает выше своего учителя, но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лука, VI, 40).

На вопрос одного царька: сколько и как прибавить войска, чтобы победить один южный не покорявшийся ему народец, — Конфуций отвечал: «уничтожь всё твое войско, употреби то, что ты тратишь теперь на войско, на просвещение своего народа и на улучшение земледелия, и южный народец прогонит своего царька и без войны покорится твоей власти».

Так учил Конфуций, которого нам советуют бояться. Мы же, забыв учение Христа, отрекшись от него, хотим покорить народы силою и этим только приготовляем себе новых и более сильных врагов, чем наши соседи.

Один мой приятель, увидав картину Вильгельма, сказал: «Картина прекрасная. Только она означает совсем не то, что подписано. Она означает то, что архангел Михаил указывает всем правительствам Европы, изображенным в виде увешанных оружием разбойников, то, что погубит и уничтожит их, а именно: кротость Будды и разумность Конфуция». Он мог прибавить: «и смирение Лао-Тзе». И действительно, мы, благо-

даря своему лицемерию, до такой степени забыли Христа, вытравили из своей жизни всё христианское, что учение Будды и Конфуция без сравнения стоят выше того зверского патриотизма, которым руководятся наши мнимо-христианские народы.

И потому спасение Европы и вообще христианского мира не в том, чтобы, как разбойники, обвешавшись мечами, как их изобразил Вильгельм, бросаться убивать своих братьев за морем, а, напротив, в том, чтобы отказаться от пережитка варварских времен — патриотизма и, отказавшись от него, снять оружие и показать восточным народам не пример дикого патриотизма и зверства, а пример братской жизни, которой мы научены Христом.

Москва. 5 января 1896.

ПИСЬМО К ФЕЛЬДФЕБЕЛЮ

Вы удивляетесь на то, что солдат учат тому, что людей можно убивать в известных случаях и на войне, тогда как в том писании, которое признается священным теми, которые так учат, — нет ничего подобного на такое разрешение, а есть обратное: запрещение не только всякого убийства людей, но и всякого оскорбления других людей, запрещение делать другим то, чего себе не хочешь. Вы спрашиваете: не обман ли это, и если это обман, то в угоду кого он сделан?

Да, это обман, сделанный в угоду тех, которые привыкли жить потом и кровью других людей и которые для этой цели извратили и извращают учение Христа, данное людям для их блага, теперь же, в своем извращенном положении, сделавшееся главным источником всех бедствий людей.

Произошло это таким образом.

Правительству и всем тем лицам высших сословий, примыкающих к правительству и живущим чужими трудами, нужно иметь средство для властвования над рабочим народом; средство для этого есть войско. Защита от внешних врагов — только отговорка. Немецкое правительство пугает свой народ русскими и французами, французское — пугает свой народ немцами, русское правительство пугает свой — французами и немцами, и так все правительства; а ни немцы, ни русские, ни французы не только не желают воевать с соседями и другими народами, а, живя с ними в мире, пуще всего на свете боятся войны. Правительства же и высшие праздные классы для того, чтобы иметь отговорку в своем властвовании над рабочим народом, поступают, как цыган, который нахлещет за углом лошадь и потом делает вид, что не может удержать ее. Они раздразнят свой

народ и другое правительство, а потом делают вид, что для блага или для защиты своего народа не могут не объявить войны, которая опять-таки выгодна бывает только для генералов, офицеров, чиновников, купцов и вообще богатых классов. В сущности же война только неизбежное последствие существования войск; войска же нужны правительствам только для властвования над своим рабочим народом.

Дело это преступное, но хуже всего в нем то, что правительства для того, чтобы иметь разумное основание своей власти над народом, должны делать вид, что они исповедуют самое высшее, известное людям религиозное учение, т. е. христианское, и в этом учении воспитывают своих подданных. Учение это, по существу своему, противно не только убийству, но и всякому насилию, и потому правительствам для того, чтобы властвовать над народом и считаться христианскими, нужно было извратить христианство и скрыть истинный смысл его от народа и тем лишить людей того блага, которое принес им Христос.

Извращение это христианства сделано давно, еще при причисленном за это к лику святых злодее царе Константине. Все последующие же правительства, особенно наше, стараются всеми силами удержать это извращение и не дать народу увидать истинный смысл христианства, потому что, увидав истинный смысл христианства, народ понял бы, что правительства с своими податями, солдатами, острогами, виселицами и обманщиками-жрецами суть не только не столпы христианства, какими они себя выставляют, а величайшие враги его.

Вследствие этого извращения и происходят те обманы, которые поразили вас, и все те страшные бедствия, от которых страдает народ.

Народ задавлен, ограблен, нищ, невежествен, вымирает. Отчего? Оттого, что земля в руках богачей, народ закабален на фабриках, заводах, в заработках, потому что с него дерут подати и сбивают цену с его работы и набивают цену на то, что ему нужно. Как избавиться от этого? Отнять землю у богачей? Но если сделать это, — то придут солдаты, перебьют бунтовщиков и посадят в тюрьмы. Отнять фабрики, заводы? Будет то же. Выдержать стачку? Но это никогда не удастся. Богачи дольше выдержат, чем рабочие, войска будут всегда на стороне капиталистов. Народ никогда не выкрутится из

тои нужды, в которои его держат, до тех пор, пока воиска будут во власти правящих классов.

Но кто же такие те войска, которые держат народ в этом порабощении? Кто те солдаты, которые будут стрелять по крестьянам, завладевшим землей, и по стачечникам, если они не расходятся, и по контрабандистам, привозящим товары без подати, — которые будут сажать в остроги и держать там тех, которые откажутся платить? Солдаты — это те самые крестьяне, у которых отобрана земля, те самые стачечники, которые хотят повысить свой заработок, те самые плательщики податей, которые хотят избавиться от этих платежей.

Зачем же стреляют эти люди по своим братьям? А затем, что им внушено, что для них обязательна та присяга, которую их заставляли принимать при поступлении на службу, и что убивать нельзя людей вообще, но можно по приказанию начальства, т. е. над ними производится тот же самый обман, который поразил вас. Но тут является вопрос: каким образом могут здравомыслящие люди, часто грамотные и даже образованные, верить такой очевидной лжи? Как бы мало ни был образован человек, он все-таки не может не знать, что Христос, во имя которого его учат убийству, не только не разрешал убийства, но учил кротости, смирению, прощению обид, любви к врагам; не может не видеть того, что поэтому он не может, на основании христианского учения, обещаться вперед убивать всех тех, кого ему велят.

Вопрос в том, как могут здравомыслящие люди верить, как верили и верят все теперь служащие в военной службе, такому очевидному обману? Ответ на этот вопрос в том, что обманываются люди не одним этим обманом, а с детства подготовляются к этому целым рядом обманов, целой системой обманов, которая называется православною верою и которая есть не что иное, как самое грубое идолопоклонство. По этой вере люди обучаются тому, что бог тройной, что, кроме этого тройного бога, есть еще царица небесная, и, кроме этой царицы, еще угодники разные, тела которых не сгнили, и, кроме угодников, еще иконы богов и царицы небесной, которым надо ставить свечи и молиться руками, и что самое важное и святое на свете — эта та мурцовка, которую из вина и булки делает поп по воскресеньям за перегородкой, — что после того, как поп над этим пошепчет, то вино будет не вино и булка — не булка,

а кровь и тело одного из тройных богов и т. п. Всё это так глупо, бессмысленно, что нет никакой возможности понять, что всё это значит, да и те, которые преподают эту веру, не велят понимать, а велят только верить; и приученные к этому с детства люди [верят] во всякую бессмыслицу, которую им скажут. Когда же люди так одурачены, что верят в то, что бог висит в углу или сидит в кусочке мурцовки, которую им поп дает на ложечке, что целовать доску или мощи и ставить к ним свечи бывает полезно и для этой жизни и для будущей, — тогда их зовут на службу и там уж обманывают, как хотят, уверяя их, что по закону Христа можно убивать, и заставляя их прежде всего клясться на Евангелии (в котором запрещено клясться), что они будут делать то самое, что запрещено в этом Евангелии, и потом обучая их тому, что убивать людей по приказанию начальства не грех, а грех не повиноваться начальству и т. п.

Так что обман солдат в том, что им внушается то, что можно без греха убивать людей по приказанию начальства, не стоит отдельно, а связан с целой системой обманов, без которых этот обман был бы недействителен.

Только человек, который совсем одурен той ложной, называемой православною верой, которая выдается ему за христианскую, может поверить тому, что для христианина нет греха в том, чтобы поступать в военную службу, обещая слепо повиноваться всякому человеку, который будет считаться выше чином, и, по воле другого человека, обучаться убийству и совершать это самое страшное запрещенное всеми законами, преступление.

Человек, свободный от обмана так называемой православной ложной христианской веры, никогда не поверит этому.

Оттого и происходит то, что так называемые сектанты, т. е. христиане, отвергающие учение православия и признающие учение Христа, как оно изложено в Евангелиях и в особенности в нагорной проповеди, никогда не попадают на этот обман, и всегда отказывались и отказываются от солдатства, признавая его не совместимым с христианством и предпочитая нести всякого рода истязания, как это и теперь делают сотни и тысячи людей в России (духоборы, молокане), в Австрии (назарены), в Швеции, Швейцарии и Германии (евангелики). Правительство знает это и потому ни за чем не следит с таким страхом

и вниманием, как за тем, чтобы общий церковный обман, без которого невозможна его власть, совершался бы с самого детства над всеми детьми и непрестанно поддерживался бы так, чтобы ни один человек не миновал его. Правительство всё допускает: и пьянство, и разврат (и не только допускает, но поощряет пьянство и разврат: это помогает одурению), но всеми силами противится тому, чтобы люди, освободившиеся от обмана, освобождали и других.

Русское правительство особенно жестоко и коварно совершает этот обман. Оно предписывает всем своим подданным, в противном случае угрожая за это наказанием, крестить в младенческом возрасте своих детей в лживую, так называемую православную веру. Когда же дети окрещены, т. е. считаются православными, тогда под страхом уголовного наказания им запрещается обсуждать ту веру, в которую они, помимо своей воли, были окрещены, и за такое обсуждение этой веры так же, как за отступление от нее и переход в другую, они подвергаются наказаниям. Так что про русских людей нельзя сказать, что они верят в православную веру, — они не знают, верят ли они, или не верят, потому что обращены все в эту веру тогда, когда они были младенцами; держатся же этой насильно навязанной им веры страхом наказания. Все русские люди пойманы в православие коварным обманом и жестоким насилием удерживаются в нем.

Пользуясь той властью, которую оно имеет, правительство распространяет и поддерживает обман, обман же поддерживает его власть.

И потому единственное средство избавления людей от всех его бедствий состоит в освобождении их от ложной веры, внушаемой им правительством, и усвоении того истинного христианского учения, которое скрыто этим ложным учением. Истинное христианское учение это — очень просто, ясно и всем доступно, как и сказал это Христос. Но просто оно и и доступно только тогда, когда человек свободен от той лжи, в которой мы все воспитаны и которую нам выдают за божескую истину.

Нельзя влить ничего нужного в сосуд, который полон ненужным. Надо прежде вылить из него ненужное. Так и в усвоении истинного христианского учения. Надо прежде понять, что все рассказы о том, как бог будто бы 6000 лет тому назад сотворял мир, и как Адам согрешил, и как пал род человеческий,

и сын бога и бог, родившись от девы, пришел в мир и искупил его, и все басни Библии и Евангелия, и все жития святых и рассказы о чудесах, иконах и мощах — суть не что иное, как грубое смешение суеверий еврейского народа с обманами духовенства. Только человеку, совершенно освободившемуся от этих обманов, может быть доступно и понятно простое и ясное учение Христа, которое не требует никаких толкований и которое нельзя не понять.

Учение это ничего не говорит ни о начале, ни о конце мира, ни о боге и об его замыслах, вообще о том, чего мы знать не можем, да нам и не нужно знать, а говорит только о том, что нужно делать человеку для того, чтобы спастись, т. е. прожить наилучшим образом ту жизнь от рождения до смерти, в которую он пришел в этот мир. Для этого нужно поступать с другими так, как мы хотим, чтобы поступали с нами. В этом весь закон и пророки, как сказал Христос. Для того же, чтобы нам поступать так, нам не нужно ни икон, ни мощей, ни церковных служб, ни попов, ни священных историй, ни катехизисов, ни правительств, а, напротив, нужна совершенная свобода от всего этого; потому что поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобою, может только человек, свободный от тех басен, которые жрецы выдают ему за единую истину, и не связанный с другими людьми обещаниями поступать так, как они велят ему. Только тогда будет человек в состоянии исполнять волю не свою и не других людей, а волю бога.

Воля же бога состоит не в том, чтобы мы воевали и угнетали слабых, а в том, чтобы признавали всех людей братьями и служили друг другу.

Вот те мысли, которые во мне вызвало ваше письмо. Очень рад буду, если они будут содействовать уяснению занимающих вас вопросов.

ПО ПОВОДУ КОНГРЕССА О МИРЕ

Письмо к шведам

Милостивые государи!

Мысль, высказанная в прекрасном письме вашем о том, что всеобщее разоружение может быть достигнуто самым легким и верным путем посредством отказа отдельных лиц от участия в военной службе, — совершенно справедлива. Я даже думаю, что это единственный путь избавления людей от всё усиливающихся и усиливающихся ужаснейших бедствий военщины. Мысль же ваша о том, что вопрос о замене воинской повинности для лиц, отказывающихся от исполнения ее, общественными работами, может быть рассматриваема на имеющей, по предложению царя, собраться конференции, мне кажется совершенно ошибочной, — уже по одному тому, что самая конференция не может быть ни чем иным, как одним из тех лицемерных учреждений, которые имеют целью не достижение мира, но, напротив, скрытие от людей того единственного средства достижения всеобщего мира, которое уже начинают видеть передовые люди.

Конференция, говорят, будет иметь целью если не разоружение, то прекращение увеличения вооружений. Предполагается, что на этой конференции представители правительств условятся о том, чтобы не увеличивать больше своих вооружений. Если это так, то невольно представляется вопрос, как будут поступать правительства тех государств, которые во время сбора конференции случайно слабее, чем их соседи? Едва ли такие правительства согласятся и в будущем оставаться в таком же более слабом, чем их соседи, положении. Если же они согласятся оставаться в таком более слабом положении, твердо веря

в силу постановлений конференции, то им можно быть и еще слабее и вовсе не тратиться на войско.

Если же дело конференции будет состоять в том, чтобы уравнять военные силы государств и на этом остановиться, то если бы даже и могло быть достигнуто такое невозможное уравнение, невольно возникает вопрос: почему правительства должны остановиться на таком вооружении, которое существует теперь, а не на более низком. Почему нужно, чтобы у Германии, Франции, России, скажем примерно, было по миллиону солдат, а не по 500 тысяч, не по 10 тысяч, не по одной тысяче солдат. Если можно уменьшить, то почему не уменьшить до минимума, и, наконец, почему бы не выставлять вместо войск — борцов: Давида и Голиафа, и решать международные дела, смотря по тому, кто поборет?

Говорят: конфликты правительств будут решаться третейским судом. Но, — не говоря уже о том, что решать дело будут не представители народа, а представители правительств, и потому нет никакого ручательства о том, что решения эти будут правильны, — кто же будет приводить в исполнение решения этого суда? — Войска. — Чьи войска? — Всех держав. — Но ведь сила этих держав не равная. Кто, например, приведет на континенте в исполнение решение, которое, предположим, будет невыгодно для Германии, России или Франции, соединенных в союз; или кто приведет на море — решение, противное интересам Англии, Америки, Франции? Решение третейского суда против военного насилия государств будут приводиться в исполнение военным насилием, т. е. то самое, что́ нужно ограничить, будет средством ограничения. Чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвост.

Я помню, во время осады Севастополя, я сидел раз у адъютантов Сакена, начальника гарнизона, когда в приемную пришел князь С. С. Урусов, очень храбрый офицер, большой чудак и вместе с тем один из лучших европейских шахматных игроков того времени. Он сказал, что имеет дело до генерала. Адъютант повел его в кабинет генерала. Через десять минут Урусов прошел мимо нас с недовольным лицом. Провожавший его адъютант вернулся к нам и, смеясь, рассказал, по какому делу Урусов приходил к Сакену. Он приходил к Сакену затем, чтобы предложить вызов англичанам сыграть партию в шахматы на передовую траншею перед 5-м бастионом, несколько раз

переходившую из рук в руки и стоившую уже несколько сот жизней.

Несомненно, что было бы гораздо лучше сыграть на траншею в шахматы, чем убивать людей. Но Сакен не согласился на предложение Урусова, понимая очень хорошо, что сыграть в шахматы на траншею можно бы было только тогда, когда бы было полное взаимное доверие сторон в исполнении постановленного условия. Присутствие же войск, стоявших перед траншеей, и пушек, направляемых на нее, показывало, что доверия этого не существует. Пока были войска с той и другой стороны, — было ясно, что дело решится не шахматами, а штыками. Точно то же и с международными вопросами. Для того, чтобы они могли быть решены третейским судом, нужно, чтобы было полное взаимное доверие держав о том, что они исполнят решение суда. Если есть это доверие, то не нужно совсем войск. Если же есть войска, то ясно, что нет этого доверия, и международные вопросы не могут решаться ни чем иным, как только силою войск. Пока есть войска, то они нужны для того, чтобы не только вновь приобретать, как это теперь делают все государства — кто в Азии, кто в Африке, кто в Европе, — но и для того, чтобы удержать силою то, что приобретено силою. А приобретать и удерживать силою можно, только побеждая. Побеждают же всегда только gros bataillons. И потому, если правительство имеет войско, то оно должно иметь его как можно больше. И в этом состоит его обязанность. Если правительство не делает этого, то оно не нужно. Правительство может делать очень многое во внутреннем управлении: может освобождать, просвещать, обогащать народ, строить дороги, каналы, колонизировать пустыни, устраивать общественные работы, но одного не может делать, именно того, для чего собирается конференция, т. е. уменьшать свои военные силы.

Если же цель конференции, как это видно из последних разъяснений, будет состоять в том, чтобы изъять из употребления представляющиеся людям особенно жестокими орудия истребления (почему бы в том числе и прежде всего не постараться изъять заодно и перехватывание писем, подмену телеграмм, и шпионство, и все те ужасающие подлости, которые составляют необходимое условие военной обороны?), — то такое запрещение пользоваться для борьбы всеми теми средствами, которые есть, совершенно так же возможно, как запрещение людям,

которые дерутся за свою жизнь, касаться в драке наиболее чувствительных частей тела. И почему рана и смерть от разрывной пули хуже, чем рана в очень болезненное место от самой простой пули или осколка, от которых страдания доходят до последней степени и наступает та же самая смерть, как и от какого бы то ни было орудия?

Поразительно, как могут взрослые и душевно здоровые люди серьезно высказывать такие странные мысли.

Положим, дипломаты, посвящающие свою жизнь лжи, так привыкли к этому пороку и постоянно живут и действуют в такой густой атмосфере лжи, что им самим незаметна вся бессмысленность и лживость их предложений; но как могут частные люди, — честные частные, не те, которые для того, чтобы подделаться к царю, восхваляют его смешное предложение, — как могут честные частные люди не видеть того, что результатом этой конференции не может быть ничего другого, как только закрепление того обмана, в котором правительства держат своих подданных, как это было при священном союзе Александра I-го?

Конференция будет иметь целью не установление мира, а сокрытие от людей единственного средства освобождения их от бедствий войны, состоящее в отказах отдельных лиц от участия в военном убийстве, и потому конференция никак не может принять на обсуждение этого вопроса.

С отказывающимися по своим убеждениям от воинской повинности всякое правительство всегда поступит так же, как поступило русское правительство с духоборами. В то самое время, когда оно публиковало на весь мир свои будто бы миролюбивые намерения, оно, стараясь скрыть это от всех, мучило, разоряло и изгоняло самых миролюбивых людей России только за то, что они были миролюбивы не на словах, а на деле и потому отказывались от военной службы. Точно так же, хотя и менее грубо, поступали и поступают все европейские правительства в случаях отказов от воинской повинности. Так поступало и поступает австрийское, прусское, французское, шведское, швейцарское, голландское правительства и не могут поступать иначе.

Они не могут поступать иначе потому, что, управляя своими подданными силою, которую составляет дисциплинированное войско, они никак не могут предоставить уменьшение этой силы

и, следовательно, своеи власти случаиным настроениям частных лиц, тем более, что, по всем вероятиям, как только была бы допущена для всех замена военной службы — рабочей, то огромное большинство людей (никто не любит убивать и быть убитым) предпочло бы работу военной службе, и очень скоро набралось бы столько рабочих и так мало осталось бы военных, что некому бы было заставить работать рабочих.

Запутавшиеся в своем многословии либералы, социалисты и другие, так называемые передовые деятели, могут воображать, что их речи в палатах и собраниях, их союзы, стачки, брошюры суть явления очень важные, но что отказы отдельных лиц от военной службы суть ничтожные, на которые не стоит обращать внимания; но правительства знают очень хорошо, что́ для них важно и что́ не важно, и правительства охотно допускают всякие либеральные и радикальные речи в рейхстагах, и союзы рабочих, и социалистические демонстрации, и даже сами делают вид, что сочувствуют этому, зная, что эти явления очень полезны для них, отвлекая внимание народов от главного и единственного средства освобождения; но никогда открыто не допустят отказов от военной службы или отказов от податей для военной службы (это одно и то же), потому что знают, что такие отказы, обнажая обман правительства, под корень подрывают власть их.

До тех пор, пока правительства будут управлять своими народами силою и будут желать, как теперь, приобретать новые владения (Филиппины, Порт-Артур и т. п.) и удерживать приобретенные (Польшу, Эльзас, Индию, Алжир и т. п.), до тех пор они сами не только никогда не уменьшат войска, но, напротив, будут постоянно увеличивать их.

На днях было известие о том, что американский полк отказался идти в Ило-Ило. Известие это передается как нечто удивительное. А между тем удивляться можно только тому, как такие явления не повторяются постоянно: каким образом могли все те русские, немецкие, французские, итальянские, американские люди, воевавшие в последнее время, по воле чуждых и, большей частью, не уважаемых ими людей, идти убивать людей другого народа и самим подвергаться страданиям и смерти?

Казалось бы, так ясно и естественно всем этим людям опомниться, если еще не в то время, когда их вербовали в солдаты, то хоть в последнюю минуту, когда их ведут на неприятеля:

остановиться, бросить ружья и закричать противникам, чтобы и они сделали то же.

Казалось бы это так просто, естественно, что все должны бы поступать так. Но если люди не поступают так, то происходит это только оттого, что люди верят правительствам, уверяющим их, что все те тяжести, которые несут люди для войны, накладываются на них для их же блага. Все правительства с поразительной наглостью всегда уверяли и уверяют, что все те военные приготовления и даже самые войны, которые они ведут, нужны для мира. Теперь в этой области лицемерия и обмана делается еще новый шаг, состоящий в том, что те самые правительства, для существования которых необходимы войска и войны, делают вид, что они озабочены изысканием мер для сокращения войск и уничтожения войн. Правительства хотят уверить народы, что отдельным людям нечего заботиться об избавлении себя от войны; сами правительства на своих конференциях устроят так, что сначала уменьшатся, а потом и совсем уничтожатся войска. Но это — неправда.

Уменьшиться и уничтожиться войска могут только против воли и никак не по воле правительства. Уменьшатся и уничтожатся войска только тогда, когда люди перестанут доверять правительствам и будут сами искать спасения от удручающих их бедствий и будут искать этого спасения не в сложных и утонченных комбинациях дипломатов, а в простом исполнении обязательного для каждого человека, написанного и во всех религиозных учениях и в сердце каждого человека, закона о том, чтобы не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, тем более не убивать своего ближнего.

Уменьшатся, а потом и уничтожатся войска только тогда, когда общественное мнение будет клеймить позором людей, продающих из-за страха или выгоды свою свободу и становящихся в ряды убийц, называемых войском; а людей — теперь неизвестных и даже осуждаемых, — которые, несмотря на все гонения и страдания, переносимые ими за это, отказываются, отдав свою свободу в руки других людей, стать опять орудиями убийства, — будет выставлять тем, что́ они есть: передовыми борцами и благодетелями человечества.

Только тогда сначала уменьшатся, а потом совсем уничтожатся войска, и наступит новая эра в жизни человечества.

И время это близко.

И вот почему я думаю, что мысль ваша о том, что отказы от воинской повинности суть явления огромной важности и что они освободят человечество от бедствий военщины, — совершенно справедлива; мысль же ваша, что этому может содействовать конференция, — совершенно ошибочна. Конференция может только отвести глаза народа от единственного средства спасения и освобождения.

Л. Толстой.

Москва. Январь 1899 г.

* ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «JAPANESE NOTIONS OF EUROPEAN POLITICAL ECONOMY»

Как для каждого отдельного человека, так и для целого класса людей, занятых одним и тем же делом,[1] в высшей степени бывает полезно услыхать суждение о своей деятельности людей посторонних, свежих и вместе с тем серьезно относящихся к делу. Ничто не разрушает так кружковщину, провинциализм, невольно устанавливающийся среди людей, профессионально занимающихся одним и тем же делом. Это особенно драгоценно в области[2] науки. Люди, в особенности профессиональные ученые, так привыкают к тем положениям — часто ложным — по преданию принятым ими, что не видят тех противоречий и часто нелепостей, в которых не переставая вращаются. Взгляд нового, свежего человека обличает все эти недостатки и указывает скрытые прежде своими ошибками новые горизонты.

Такое освежающее влияние должна, я думаю, произвести на[3] людей в нашем обществе, занятых политико-экономическими вопросами, предлагаемая книга (выписать заглавие). Книга эта есть[4] критический обзор как практики, так и теории экономической жизни Европы и Америки, составленный двумя умными и вполне образованными японцами, специально с целью ознакомления и поучения изучавших эти вопросы.

---

[1] *Зачеркнуто:* искусства и в особенности науки
[2] *Зач.:* мысли, иску[сства], религии, философии
[3] *Зач.:* наш европейский мир
[4] *Зач.:* взгляд со стороны свежих, совершенно другого мир людей, серьезных

[1] Полагаю, что книга эта, особенно в нашем русском обществе и именно в наше время, когда с таким упорством, отсутствием всякой критики и тупым доктринерством проповедуется отсталое и исполненное тех же недостатков, неясностей, противоречий, нелепостей, как и все европейские политико-экономические учения, учение Маркса, будет особенно полезна, заставит задуматься и признать справедливость пословицы, что не только свет то, что из окошка.

22 м[ая]. Л. Т

---

[1] *Зачеркнуто:* Взгляд этот, хотя и касается преимущественно английских экономистов, обнимает всю экономическую науку, как науку.

Соглашаясь вполне с критикой экономическо-политических учений, вкратце изложенных в этой книге, а также и с высокой оценкой учения Генри Джорджа и по содержанию и по форме, я только не вполне разделяю взгляд авторов на то, что учение Генри Джорджа может разрешить экономический вопрос нашего времени. Я держусь того мнения, которое я выразил в другом месте, что уничтожение рабства нашего времени может быть достигнуто только уничтожением насилия. Обязательное же и потому насильственное собирание ренты единой подати будет таким же средством порабощения одних другими, как и земельная собственность и разнообразные налоги нашего времени. Но это несогласие мое с одним из выводов книги не мешает мне

КАК ОСВОБОДИТЬСЯ РАБОЧЕМУ НАРОДУ?

Письмо к крестьянину

Вы спрашиваете: «Долго ли еще будут многомиллионные серые сермяги тащить перекувыркнутую телегу?» Вы пишете: «Двадцатый век идет, и время тяжкое настало, льется кровь и пот обездоленных, обессиленных русских людей. Не будет отцов, братьев, мужей, а будет множество калек, а перекувыркнутая телега стоит на одном месте».

Вы пишете: «Долго ли нам еще тащить ее и петь дубинушку: ах, идет, сама пойдет, да у-у?!»

Вы спрашиваете моего совета: «Как многострадальным и долготерпеливым зипунам дотащить перекувыркнутую телегу до назначенного места и как народу избавиться от бесполезных трудов?»

Кое-что об этом самом я несколько лет тому назад написал в статьях: «Единственное средство», «Неужели так надо?», «Где выход?» «К рабочему народу» и «Одумайтесь!» В этих статьях я написал о том, как, по моему мнению, рабочему народу можно избавиться от его бесполезных трудов и мучений. Постараюсь еще яснее и короче ответить на ваши вопросы.

Всякий знает, что тащить перекувыркнутую телегу бесполезно и трудно. И потому некоторые люди говорят: «Всё дело в том, что телега поставлена неправильно, помогите нам поставить ее книзу колесами, и тогда всё пойдет как по маслу».

Я думаю, что эти люди нехорошо говорят. Если и поставить телегу книзу колесами, то первым делом эти самые переворачиватели насядут в нее и вам же велят везти себя. Сами они не запрягутся, а только затем и переворачивают телегу, чтобы влезть

в нее. А влезут в нее все, — не миновать телеге опять перекувыркнуться. Она оттого и перекувыркивается, что в нее много насаживается. А по-моему, дело не в том, кверху или книзу стоит телега колесами, а в том, что вам и тащить-то ее совсем не надо. А то вы сами дали себя обратать, сами влезли в хомут головой, сами зашли в оглобли, сами запряглись в неладную телегу, а потом плачетесь, что тяжело тащить.

А если уж вы запряглись, то дело теперь не в том, перекувыркнута ли телега, или на колесах, а в том, как выпрячься из нее. И для того, чтобы выпрячься, есть только одно средство. Про это средство я писал в тех статьях. Повторю опять.

Средство есть только одно и средство простое и нетрудное, да только уж очень давно забыли про него и отвыкли. Средство — в том, чтобы *жить по-божьи*. А жить по-божьи значит бояться и слушаться бога больше, чем исправника, губернатора, царя. Так что, когда исправник, губернатор, царь требуют чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога.

Только начнете жить так, и останется телега, где стоит, сама по себе, а вы будете жить без запряжки, сами по себе, свободно, дружно и будете не плакаться на жизнь, как теперь, а только радоваться.

Но только уж если жить по-божьи, то надо жить совсем по-божьи, во всех делах, а не так, чтобы только пример делать: ставить свечи, говеть, молебны служить, образа поднимать...

Жить по-божьи значит жить по евангельским заповедям.

Первая заповедь: «Сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего подлежит суду» (Матф. гл. V, ст. 21, 22).

Значит, запрещено не только убивать, но запрещается ссориться, ругаться, держать зло друг на друга.

Вторая: «Сказано древним: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал в сердце своем» (ст. 27, 28).

Значит, не только не распутничать, а жить честно одному мужу с одной женой, и одной жене с одним мужем, и беречься всего того, что́ разжигает похоть.

Третья: «Еще сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй перед господом клятвы твои. А я говорю вам: не клянись вовсе» (ст. 33, 34).

Значит, не присягать ни на суде, ни на подданство царю, ни на солдатскую службу.

Четвертая: «Сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому, но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему левую» (ст. 38, 39).

Значит, не отплачивать на обиду обидой, не мстить, но помогать другим, не наказывать, не сажать в тюрьмы, не ссылать, не казнить.

Пятая: «Еще сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас» (ст. 43, 44).

Значит, не считать чужие народы врагами, и не делать разницы между своим народом и чужим, и не воевать с ними.

Только исполняй люди эти пять заповедей евангельских так же, как они исполняют теперь церковные обряды, и останется телега стоять, где стоит, и не нужно будет тащить ее.

Ведь, как я понимаю, телега — это господа, богачи, чиновники, помещики, заводчики, попы, архиереи — все те, что сами не работают, а едут на рабочем народе. Запряжка же — это подати, малоземелье, солдатство, церковные требы, нужда, фабрики, дороговизна припасов, дешевый заработок.

Подати? — Да кто же будет собирать их, если люди будут жить по-божьи? Если же и найдутся такие люди, то ведь всё равно тот, кто живет по-божьи, не может добровольно отдать подати. «Если нужны мои деньги или труды на доброе дело, — скажет такой человек, — я сам принесу их, а отдать мои деньги на тюрьмы, на кандалы, на ружья, на пушки, на жалованье генералам — не могу. Мне бог не велит, и не дам добровольно».

Малоземелье? — Да кто же караулит помещичью землю и не дает вам пахать ее? И кто же пашет и обрабатывает ее на помещиков? Вы же сами. Ведь если человек живет по-божьи, не станет он помогать грабителю обирать соседа, а, как бы ему плохо ни было, скажет: «Не могу идти против божьего закона и помогать грабежу. Пускай голодать буду, а не могу и не буду».

Так же скажет такой человек о присяге и о солдатстве. «Казните меня, — скажет такой человек, — это ваше дело, а мне всё равно умирать когда-нибудь надо; а против закона бога ни на солдатство, ни царю присягать не могу и не буду».

То же скажет такой человек и о войне, когда с него потребуют работы на военное дело или его самого станут забирать в солдаты. Скажет: «У меня нет врагов, не могу идти против бога».

Так и во всех делах. Если человек живет по-божьи, не станет он скупать за бесценок скотину у бедного соседа, или дом, или землю, не станет сбивать цену у товарищей, не пойдет служить богачу, помогать ему выматывать из-за нужды душу у бедных товарищей. А станут люди жить так, и не будет никаких ни богачей, ни помещиков, ни чиновников, ни попов, ни архиереев. Если и будут такие, так будут они сами кормиться, а народу от них никакой уже тяжести не будет.

Только бы помнили люди главный закон Христов: поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой, — и всем хорошо будет.

Люди жалуются, что им дурно жить от богачей и начальства, что они разоряют и убивают их. Да кто же им велит дурно жить?

Как вошь и всякая нечисть нападает на больное тело, так и всякие богачи и начальство разводятся на дурной жизни рабочих людей. Живите хорошо, и вся эта нечисть сама собою пропадет.

То, что всякие начальники, господа, чиновники, помещики, попы, виноторговцы, ростовщики живут только грехами народными и тотчас же перевелись бы, если бы народ жил по-божьи, — видно из того, что̀ много раз бывало в разных местах, где люди начинали жить по Евангелию (те люди, которых называют штундистами).

Живут крестьяне по-мирскому, ходят в церковь, слушаются начальства и живут каждый для себя. Каждый норовит как бы себе получше, а до других дела нет, с бедных последний кафтан тянет. И жизнь идет дурная: дерутся, пьянствуют, распутничают, судятся. И вдруг западет в этот народ искра божия, станет один читать Евангелие, станет понимать, станут другие слушать, и возьмутся люди жить по-божьи. Сначала немного людей, потом всё больше и больше. И тотчас переменяется вся жизнь людей. Начинают люди помогать друг другу, перестают пьянствовать, курить, распутничать, ругаться, драться. И как только где начиналась такая жизнь, тотчас же выезжали из таких деревень и кабатчики и ростовщики, и ни духовным, ни судейским, ни полицейским там становилось делать нечего.

Так было во многих местах: в Киевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Таврической и других губерниях. Так было и с духоборами на Кавказе. Стали они жить по-божьи, сложили всё имущество вместе, работали вместе, делились не по заработку, а по нужде, и не стало между ними ни бедных, ни пьяниц, ни развратников, и тоже уехали от них все кабатчики и кулаки. И так же начальство осталось без дела.

Так же точно в последнее время стали жить на Кавказе в Кутаисской губернии гурийцы. Жили гурийцы землепашеством. Брали земли у помещиков. Но стали помещики дорожиться землями, стали вместо десятой доли отдавать из третьей доли, а потом и исполу. Стало гурийцам тяжело, и согласились все дружно не брать помещичьих земель и не работать у них. Выбрали они десятских, сотенных, тысячных, установили у себя порядок, прекратили у себя грабежи, воровство, пьянство. Все дела свои и судейские и общественные решали сами, и до начальства никому не было дела.

Правда, что начальство не оставило и не оставляет в покое ни штундистов, ни духоборов, ни гурийцев, а всячески гонит, наказывает, мучает их. Но ведь гонит, наказывает, мучает оно людей за их хорошую жизнь ведь не какой-нибудь волшебной силой, а теми же людьми, опять вами же.

Так что спасение от всех ваших бед все-таки ни в ком ином, а в вас самих.

«Но, — скажут, — хорошо делать так, когда все согласны, а когда не все согласны, а я один или малое число будет жить так, то начальство замучает нас».

То правда, что начальство за то, что будешь угождать не ему, а богу, по головке не погладит, а, может быть, и в тюрьму посадит, может и до смерти замучает; но начальству нельзя иначе. То же и с Христом было, и к тому же он велел быть готовым своим ученикам.

Ведь жить по-божьи нужно не для удобной жизни, а каждому для своей души. А потому тот, кто верит в бога, в то, что жизнь в том, чтобы исполнить волю бога, — не станет оглядываться на других, так ли они живут, а будет сам жить, как ему велит бог. Кто верует в бога и его закон, тот знает, что оттого, что он исполнит волю бога, худого ни для него, ни для всех людей ничего быть не может.

Всякому дано на волю, как хочешь, так и живи, за Христом иди или за исправником. Нельзя служить богу и мамоне.

Хочешь жить по-мирскому, то не толкуй об праведной, общей жизни, а устраивайся в мирской жизни, сам для себя, как выгоднее. А если не попал в телегу, а в хомут, — не плачься.

А хочешь жить по-божьи, так уж не думай об мирском.

Вы пишете: «Научи, как по правде умным быть, сыто и одето жить». Такого средства нет. Одно из двух: или для правды жить, или для сытости. А жить для сытости и делать вид, что живешь для правды, это самое скверное дело — лицемерие.

«Ищите царствия божия и правды его, и остальное приложится вам». А «царствие божие внутри вас есть», и «берется оно усилием». Будут люди искать царства божия, жить по-божьи, и жизнь их будет хорошая, а будут люди дурные искать каждый своего счастья, и жизнь их будет дурная.

Так что дело не в телеге, кверху или книзу она стоит колесами, а в том, чтобы жизнь была хорошей. Будет жизнь ваша хорошей, и никто не запряжет вас ни в какую телегу. А будете жить дурно, не миновать тащить тяжелую телегу.

И потому мой совет — об телеге не думать; кому она нужна, те пускай и переворачивают и везут ее; а вам — всеми силами, каждому добиваться своей хорошей жизни, самому жить так, как сказано в Евангелии. А будут люди жить по Евангелию, и жизнь их будет хорошая.

Другого средства для хорошей жизни нет.

Отвечая вам, я имел в виду и многих людей, которые меня о том же спрашивают, о чем и вы, и потому, посылая вам это письмо, я вместе с тем посылаю его и в печать.

Лев Толстой.

Ясная Поляна. 25 марта 1905 г.

ПИСЬМО К КРЕСТЬЯНИНУ О ЗЕМЛЕ

(О проекте Генри Джорджа)

Проект Генри Джорджа состоит в том, чтобы всю землю, какая только есть и кто бы ни владел ею, оценить по ее доходности, — не по тому доходу, какой получает владелец за то, что он сработал на земле, а по тому, — насколько земля сама по себе выгодна и доходнее других земель, — и доход этот с земли брать с тех, кто ею владеет, в общую пользу.

При такой оценке земли примерно было бы то, что с удобной, полевой земли у нас в России пришлось бы платить от 3-х до 10-ти рублей за десятину, за огородную при селениях и заливные луга еще дороже. На бойких же местах и у пристаней судоходных рек, в городах под заведениями, фабриками, в местах, где есть руды, нефть, золото и так далее, плата за землю была бы по нескольку тысяч рублей за сажень в год.

Оценив так всю землю, деньги эти, принадлежащие всему народу, Генри Джордж предлагает употребить на общие нужды всего народа, на то самое, на что теперь собираются с народа всякие подати и пошлины.

Выгода такого устройства была бы та, что люди, теперь владеющие большими землями, отказались бы от них, потому что не в силах были бы платить за них. Люди же желающие сами работать на земле, сейчас же разобрали бы эти земли.

Так что первая выгода от такого устройства была бы та, что земля сейчас же попала бы в руки тех, кто сам работает над ней, а не была бы в руках больших владельцев.

Вторая выгода была бы в том, что рабочий народ перестал бы закабаляться в работники на заводы, фабрики и в прислугу

в городах, и те, которые теперь живут в городах, стали бы возвращаться в деревни.

В-третьих, выгода была бы в том, что все нужные вещи для жизни: спички, чай, сахар, керосин, железо, сукно, ситцы, всякие машины, а также и ненужные вещи: вино, табак, всё было бы вдвое, а то втрое дешевле против теперешнего, и выгодой этой пользовались бы не только земледельцы, но и все люди, получая свою долю с дохода земли, хотя и не работая на ней.

Так что, если бы установился такой порядок, уничтожились бы две великие неправды, от которых страдает теперь народ.

Первая та, что люди лишены своего природного, прирожденного права на землю, а вторая та, что подати собираются не с общего достояния людей, с земли, а с личного труда человека. Чем больше он работает, тем больше от него отбирают.

Главная же выгода была бы та, что при таком устройстве избавились бы люди неработающие от греха пользования чужими трудами, в котором они часто и не виноваты, так как с детства воспитаны в праздности и не умеют работать, и от еще большего греха всякой лжи и изворотов для оправдания себя в этом грехе, и избавились бы люди рабочие от соблазна и греха зависти, осуждения и озлобления против неработающих людей, и уничтожилась бы главная причина греха разделения людей.

И сделать это по проекту Джорджа можно без шума, вражды, обиды и разорения людей. Стоит только понемногу переводить подати и пошлины с произведений труда на землю, и понемногу будут бросать землю те, кто не работает на ней, а будут приобретать ее те, кто умеет работать на ней и любит это дело. А будет вся земля в руках настоящих землевладельцев — и уменьшится праздная жизнь по городам и станут все жить и богаче и праведнее.

В этом проект Генри Джорджа.

** ИСТИННАЯ СВОБОДА

Недавно я получил письмо от одного крестьянина. Он спрашивает: «Долго ли еще будут многомиллионные серые сермяги тащить перекувыркнутую телегу? Двадцатый век идет, и время тяжкое настало, льется кровь и пот обездоленных, обессиленных русских людей, а перекувыркнутая телега стоит на одном месте».

Под перевернутой телегой, которую должны тащить серые сермяги, очевидно, разумеется дурное устройство русского государства, которое поддерживается тяжелым трудом рабочего народа.

На вопрос о том, как избавиться народу от этого мучительного, бесполезного труда, я несколько лет тому назад отвечал, как умел, в статьях: «Единственное средство», «Неужели так надо?», «Где выход?», «К рабочему народу», «Одумайтесь!» и др.

Хотелось бы как можно яснее и короче ответить на этот важный и естественный, и особенно в наше время, вопрос, стоящий перед всем русским народом и всё настоятельнее и настоятельнее требующий разрешения.

Всякий знает, что тащить перекувыркнутую телегу бесполезно и трудно. И потому некоторые люди говорят: «Всё дело в том, что телега поставлена неправильно, надо поставить ее книзу колесами, и тогда всё пойдет как по маслу». Т. е. теперешнее управление государством нехорошо, надо изменить его, изменить на манер европейских государств, и тогда всё будет хорошо.

Я думаю, что эти люди нехорошо говорят. Если и поставить телегу книзу колесами, то первым делом эти самые переворачи-

ватели насядут в нее и, не распрягая народ, заставят его везти себя. Сами они не запрягутся, а затем и переворачивают телегу, чтобы влезть в нее. А влезут в нее все переворачиватели, не миновать телеге опять перекувыркнуться. Она оттого и перекувыркивается, что в нее много насаживается. А по-моему, дело не в том, кверху или книзу стоит телега колесами, а в том, что народу и тащить-то ее совсем не надо. А то рабочие люди сами дали себя обратать, сами влезли в хомут головой, сами зашли в оглобли, сами запряглись в неладную телегу, а потом плачутся на то, что тяжело тащить.

Дело не в том, перекувыркнута ли телега, или на колесах, а в том, что надо выпрячься из нее. А для того, чтобы выпрячься, есть только одно средство.

Средство это простое и нетрудное, да только уж очень давно забыли про него. Средство в том, чтобы жить *по-божьи*. А жить по-божьи значит бояться бога больше, чем исправника, губернатора, царя. Так что, когда исправник, губернатор, царь требует чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога.

Только пусть станет народ жить так, по-божьи, и останется телега, где стоит, кверху ли, книзу [ли] колесами, сама по себе, а народ будет без запряжки жить свободно — сам по себе, и не будет плакаться на жизнь, злиться, завидовать, раздражаться, как теперь, а будет только радоваться. Но только уж если жить по-божьи, то надо жить совсем по-божьи, во всех делах, а не так, чтобы только пример делать: ставить свечи, говеть, молебны служить, образа поднимать...

Жить по-божьи значит жить по евангельским заповедям.

Заповедей этих пять — они перечислены в нагорной проповеди:

Первая заповедь: «Сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду» (Мф. V, 21, 22).

Значит, запрещено не только убивать, но запрещается держать зло друг на друга. И потому не может и не должен ни один человек не только убивать другого, но и готовиться к убийству.

Вторая: «Сказано древним: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (ст. 27, 28).

Значит, не распутничать, а жить честно одному мужу с одной женой, и одной жене с одним мужем, и беречься всего того, что разжигает похоть.

Третья: «Еще сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй перед богом клятвы твои. А я говорю вам: не клянись вовсе» (ст. 33, 34).

Значит, нельзя человеку присягать ни на подданство царю, ни на солдатскую службу, ни на суде.

Четвертая: «Сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому, но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему левую» (ст. 38, 39).

Значит, не отплачивать за обиду обидой, не мстить, не наказывать, не сажать в тюрьмы, не ссылать, не казнить, не участвовать в таких делах.

Пятая: «Еще сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас» (ст. 43, 44).

Значит, не считать чужие народы врагами и не делать разницы между своим народом и чужим, и не готовиться к войне, и не идти в солдаты, чтобы воевать с чужими народами.

Только исполняй люди эти пять заповедей евангельских так же, как они исполняют теперь церковные обряды, и останется телега стоять, где стоит, и не нужно будет тащить ее. Телега ведь это богачи, чиновники, помещики, заводчики, попы, архиереи, — все те, что сами не работают, а едут на рабочем народе. Запряжка же — это подати, малоземелье, солдатство, церковные требы, нужда, фабрики, дороговизна припасов, дешевые заработки.

Подати? Да кто же будет платить их? «Если нужны мои деньги или труды на доброе дело, — скажет всякий человек, живущий христианской жизнью, — я сам принесу их, а отнять мои деньги от семьи и отдать на тюрьмы, на кандалы, на ружья, на пушки, на жалованье генералам — не могу, потому что мне этого бог не велит».

Что же касается до косвенных налогов, то кто же будет собирать их, если люди будут жить по-божьи? Всякий такой человек будет понимать, что участвовать в этом деле косвенных налогов и пошлин значит участвовать в грабеже бедных для богатых и никто не пойдет на эти должности.

Малоземелье? Да кто же караулит помещичью землю и не дает пахать ее крестьянам? И кто же пашет и обрабатывает ее на помещиков? Опять сами же крестьяне. Ведь если человек живет по-божьи, то не станет он помогать грабителю обирать соседа, и, как бы ему плохо ни было, скажет: «Не могу идти против божьего закона и помогать злым людям удерживать в свою пользу землю. Пускай голодать буду, а не пойду участвовать в деле, противном божьему закону».

Так же скажет такой человек о присяге и солдатстве. «Казните меня, — скажет такой человек, — это ваше дело. Мне всё равно умирать когда-нибудь надо; а против закона бога не могу идти. Ни царю, ни кому бы то ни было присягать не могу и не буду и в солдаты не пойду».

Так и во всех делах. Если человек живет по-божьи, не станет он скупать за бесценок скотину у бедного соседа, или дом, или землю, не станет сбивать цену у товарищей, не пойдет служить богачу, помогать ему выматывать из-за нужды душу у бедных товарищей.

А станут люди жить так, и не будет никаких ни богачей, ни помещиков, ни чиновников, ни попов, ни архиереев. Если и будут такие, так будут они сами кормиться, а народу от них уж никакой тяжести не будет.

Люди жалуются, что им дурно жить от богачей и начальства, что они разоряют и убивают их. Да кто же им велит дурно жить?

Как вошь и всякая нечисть нападает на больное тело, так и всякие богачи и начальство разводятся на дурной жизни рабочих людей. Живите хорошо, и всякая эта нечисть сама собой пропадет.

То, что всякие начальники, чиновники, помещики, попы, виноторговцы, ростовщики живут только грехами народными, видно уже из одного того, что много раз бывало во многих местах.

Живут крестьяне по-мирскому, ходят в церковь, слушаются начальства и живут каждый для себя. Каждый норовит как бы себе получше, а до других дела нет. И жизнь идет дурная: пьянствуют, распутничают, дерутся, судятся. И вдруг западет в этот народ искра божия, станет один читать Евангелие, станет понимать, станут другие слушать, и возьмутся люди жить по-божьи. Сначала немного людей, потом всё больше и больше. И тотчас переменяется вся жизнь людей. Начинают люди помогать друг другу, перестают пьянствовать, курить, распутничать,

ругаться, драться, судиться. И как только где начинается такая жизнь, — тотчас же выезжают из этих деревень и попы, и ростовщики, и кабатчики.

Так было много раз в штундистских деревнях. Так было и с духоборами на Кавказе. Стали они жить по-божьи, сложили они всё имущество вместе, работали вместе, делились не по заработку, а по нужде, и не стало между ними ни бедных, ни пьяниц, ни развратников, и уехали от них все кабатчики и кулаки. И так же начальство осталось без дела.

Правда, что начальство не оставило и не оставляет в покое ни штундистов, ни духоборов, а всячески гонит, наказывает, мучает их. Но ведь гонит, наказывает, мучает оно людей за их хорошую жизнь не какой-нибудь волшебной силой, а теми же рабочими, подкупая их на это дурное дело. Так что спасение от всех бед ни в чем ином, как в жизни самого народа.

«Но, — скажут, — хорошо делать так, когда все согласны а когда не все согласны, а я один или малое число будет жить так, то начальство замучает нас». То правда, что начальство за то, что будешь угождать не ему, а богу, по головке не погладит, а может быть, и в тюрьму посадит, может и до смерти замучает; начальству нельзя иначе. То же и с Христом было, и к тому же он велел быть готовым своим ученикам.

Ведь жить по-божьи нужно не для удобной жизни, а каждый для своей души. А потому тот, кто верит в бога, в то, что жизнь в том, чтобы исполнить волю бога, — не станет оглядываться на других, так ли они живут, а будет сам жить, как ему велит бог. Кто верует в бога и его закон, тот знает, что оттого, что он исполнит волю бога, худого ни для него, ни для всех людей ничего быть не может.

Всякому дано на волю, как хочешь, так и живи: за Христом иди или за исправником. Нельзя служить богу и мамоне.

Хочешь жить по-мирскому, то не толкуй о праведной общей жизни, а устраивайся в мирской жизни сам для себя, как выгодней. А если не попал в телегу, а в хомут, не плачься. А хочешь жить по-божьи, так не думай об мирском.

Люди всё изловчаются, как бы так устроиться, чтобы жить сыто и одето и по правде. Но такого средства нет. Одно из двух: или для правды жить, или для сытости. А жить для сытости и делать вид, что живешь для правды, это самое скверное дело — лицемерие.

«Ищите царства божия и правды его, и остальное приложится вам». Будут люди искать царства божия, жить по-божьи, и жизнь их будет хорошая. А будут люди искать каждый своего счастья, и жизнь их будет дурная.

Так что дело не в телеге, кверху или книзу она стоит колесами, а в том, чтобы жизнь была хорошая. Будет жизнь хорошая, и никто не запряжет людей ни в какую телегу. А будут люди жить дурно, не миновать тащить тяжелую телегу.

И потому я думаю, что особенно в теперешнее время народу самое нужное то, чтобы вовсе перестать думать об телеге. Кому она нужна, те пускай и переворачивают и везут ее, а народу, рабочему народу, нужно одно: не слушать всех тех пустобрехов, которые и в газетах, и в собраниях, и в книжках уверяют народ, что вот только немножко погрешить, позлиться, поубивать, пограбить людей, и телега станет на колеса и пойдет самокатом без трудов народа. Народу не верить этому надо, а надо только одно: всеми силами каждому человеку добиваться своей хорошей жизни, самому жить так, как сказано в Евангелии.

А будут хоть не все люди, а большая часть людей жить так, никто не запряжет их ни в какую телегу, и жизнь людей будет и хорошая и истинно свободная.

Познайте истину, и истина освободит вас.

Другого средства для хорошей жизни нет.

29 апреля 1907.
Ясная Поляна.

[ПРЕДИСЛОВИЕ К ПИСЬМУ Т. Л. СУХОТИНОЙ В РЕДАКЦИЮ «ГОЛОС МОСКВЫ»]

Получив прилагаемое письмо с просьбой направить его именно в вашу уважаемую газету, посылаю его, а также и несколько слов от себя, вызванных чтением этого очень интересного письма.

Толпа озлобленных, одуренных крестьян, подбитых революционерами, сожжет усадьбу, вырубит лес, убьет приказчика, помещика; отбившиеся от деревни и заболтавшиеся в городе крестьянские ребята, наученные революционерами, ограбят винную лавку, почтовую контору, убьют купца; вообще злые и развращенные люди из народа совершат какое-нибудь скверное преступление, и все говорят, пишут и печатают: «Русский дикий, озверелый народ. Только дать ему волю, и всё (всё то прекрасное, что мы делаем) будет разрушено этими варварами».

Делают те злые дела, которые поражают нас, десятки, сотни, допустим — тысячи, а мы обвиняем 150-миллионный народ, приписывая ему всё то, что делает одна тысячная часть его! Клевета эта на народ вредна не ему, а нам, лишающим себя самого лучшего и дорогого чувства любви и доверия к ближнему и вызывающим в нас самые мучительные чувства недоброжелательности — и недоброжелательности к кому же? К тому многомиллионному народу, который и кормит, и всячески обслуживает, и охраняет нас. Народ этот — глупый, невежественный народ — один теперь среди всей сумятицы, и безумия, и озлобления, охвативших нас, умных и ученых, один в своем огромном большинстве продолжает жить спокойной, разумной, трудовой, свойственной человеку жизнью.

А мы говорим: «озверелый народ» и хотим поучать и исправлять его.

Не исправлять нам надо народ и поучать, а постараться, вникнув в его жизнь, научиться от него жить так, как сказал мужик с бочкой, сказал, делая то самое дело, о котором говорил.

Не знаю, можно ли научиться этому у таких или иных европейских социалистов, а у народа наверное можно.

Лев Толстой.

МОЛИТВА ВНУЧКЕ СОНЕЧКЕ

Богом велено всем людям одно дело: то, чтобы они любили друг друга. Делу этому надо учиться.

А чтобы учиться этому делу, надо первое: не позволять себе думать дурное о ком бы то ни было; второе: не говорить ни о ком дурного; и третье: не делать другому того, чего себе не хочешь.

Кто научится этому, тот будет любить всех людей, какие бы они ни были, и узнает самую большую радость на свете — радость любви.

Буду же всеми силами учиться этому.

РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ЖИЗНЬ ДЛЯ ВСЕХ» В. А. ПОССЕ

24 февраля 1910 г.
Ясная Поляна.

Владимир Александрович,

Я уже давно задумал краткое и доступное большинству читателей изложение главных религий мира и кое-что делал в этом направлении. В последнее время мы с некоторыми друзьями задумали сделать это основательнее. Таких статей о главных религиях мира в виде отдельных книжек издано и готовится к изданию уже несколько, а именно: «Конфуцианство», «Изречения Магомета», «Кришна» (по древнеиндусской религии). И вот теперь готова статья о буддизме, которую я посылаю вам с предложением, прежде появления ее отдельной книжкой, напечатать в вашем журнале.

Отличается эта статья от известных мне научных описаний буддизма тем, что тогда как в большинстве таких сочинений главный интерес полагается в научных исторических данных о появлении и распространении буддизма, самое же религиозно-нравственное учение рассматривается большей частью только как исторический материал, — здесь, напротив, самая сущность религиозно-нравственного учения буддизма излагается во всем его значении и вместе с тем понятно и доступно самому неподготовленному читателю.

Теперь несколько слов о том значении, которое я приписываю такому, доступному большинству читателей, изложению сущности всех великих религий мира, и в том числе и самой распространенной из них — буддизма. Приписываю я особенное

значение такого рода изложениям потому, что считаю знание основ тех великих религий мира, которыми жило и живет всё человечество, одним из самых главных и нужных для всякого человека знаний, невежество же в этом отношении — одной из главных причин ослабления религиозного сознания среди людей нашего времени, как большинства людей, так называемого простого народа, так и так называемой интеллигенции. Ослабление это среди людей рабочего народа происходит, по моему мнению, преимущественно оттого, что воспитываются люди из народа при полном незнании вер других народов и в уверенности исключительной истинности одной своей веры. Воспитанные так, люди рабочего народа при теперешнем своем умственном развитии естественно встречают в преподаваемых им, как несомненные истины, религиозных положениях такие, в которые они уже не могут верить. А между тем все положения преподаваемой им веры так неразрывно связаны между собою признанием боговдохновенности писания и непогрешимости церкви, что, будучи не в силах выделить наиболее существенные истины от менее существенных, они перестают верить и во всё учение церкви. Таких людей среди рабочего народа с каждым днем становится всё больше и больше. Одни из таких людей скрывают свое неверие под внешними формами, соблюдаемыми отчасти из страха, отчасти по инерции, из приличия, другие же прямо признают свое полное неверие в учение церкви. Вот этому-то опасному положению в наше время людей рабочего народа может, по моему мнению, успешно противодействовать распространение знания всех главнейших религиозных учений мира. Думаю я так потому, что такое знание покажет сомневающимся то, что вызывающие их сомнения религиозные положения не составляют главной сущности религий. Из познания других религий такие люди увидят, что во всех великих религиях так же, как и в той, которую они исповедуют, есть два рода религиозных положений: одни бесконечно различные, разнообразные, смотря по времени, месту и характеру народа, в котором они появлялись, и другие, которые всегда во всех религиях одни и те же, и что этим, общим всем религиям, положениям не только должно, но нельзя не верить, потому что положения эти, кроме того, что они одни и те же во всех религиях мира, записаны еще и в сердце каждого человека как несомненные и радостные истины.

И потому думаю, что у нас и особенно в наше время сообщение народу главных основ всех великих религий мира — дело самой первой важности.

Теперь о последствиях такого незнания для второго разряда людей, так называемой интеллигенции. Незнание это среди этого класса людей особенно поразительно. Как ни странно это сказать, не только молодежь, но старые, почтенные люди, считающиеся вполне образованными, профессора, ученые, имеют большею частью об этом первой важности предмете — я разумею о сущности религиозных учений других народов — или очень смутное, или, чаще всего, самое превратное представление. Люди эти, если и знают по истории о том, что был когда-то Зороастр, что есть Веды, был Будда, Конфуций, не имеют большей частью ни малейшего понятия о том, в чем состоит сущность всех этих религиозных учений. Не имея же никакого понятия о сущности великих древних религиозных учений, так называемые образованные люди точно так же, как и люди простого народа, не отделяя основных истин, общих всем народам, от извращений и наростов, свойственных распространению религиозных учений, делают одно из двух: или ради приличия, тщеславных и корыстных целей притворяются, что верят во всё то, что преподает установленная церковь и во что невозможно уже верить людям, знающим всё то, что они знают, или же утверждают, что религия вообще есть психическое состояние, пережитое человечеством, и что наука гораздо яснее и точнее отвечает на те вопросы, на которые, по их мнению, так неосновательно отвечает религия. Такие люди,— самая большая часть из них, публицисты, литераторы, всякие преподаватели, да и вообще люди, считающие себя образованными — полагают, что религия уже потому совершенно бесполезна, что на все основные вопросы жизни вполне удовлетворительно отвечает наука посредством столь любимого ими учения эволюции, т. е. что проявляющийся в бесконечном пространстве и бесконечном времени человек со всеми своими духовными свойствами есть только последствие движения бесконечно малых частиц материи в продолжение бесконечного времени в бесконечном пространстве. Причем, как это и не может быть иначе, на место Будды, Конфуция, Христа, Августина, Паскаля, Руссо, Канта, Эмерсона становятся Дарвины, Геккели, Марксы и т. п., и на место нравственного учения

любви и самоотречения становится учение борьбы и насилия.

Да, как ни жалко положение людей рабочего народа, лишенного блага религиозного руководства вследствие неумения и даже невозможности выделения из преподаваемого им религиозного учения самого существенного от несущественного, люди так называемые образованные находятся в этом отношении еще в гораздо более жалком положении. Люди народа *не могут* выделить в религии существенное от несущественного, потому что не имеют для этого достаточных знаний. Люди же, считающиеся образованными, *не не могут*, а не хотят выделить из несущественного существенное, а или притворяются, что верят в то, во что нельзя уже верить, или, будучи не в состоянии понять высшую человеческую духовную деятельность, с ненарушимой уверенностью невежества отрицают ее.

И потому я думаю, что и этому разряду людей было бы не бесполезно ознакомиться с основными началами религиозных учений всего мира, из познания которых они увидели бы ту грубую ошибку мышления, которую они делают, принимая величайшие проявления человеческого разума за суеверия, а за истинное знание те противоречивые и часто смешные научные суеверия, которые только по недомыслию представляются им вполне ясными.

Простите, что я так разговорился о предмете, только косвенно касающемся статьи, но предмет этот уж очень близок моему сердцу.

Само собой разумеется, что и прежние статьи о древних религиях, и эта, и те, которые мне удастся написать или хоть редактировать, далеко не совершенны. Могу сказать только то, что, сознавая огромную важность этого дела, старался делать, что мог. Надеюсь, что другие сделают лучше.

Лев Толстой.

ДЕТСКИЕ И УЧЕНИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

** [ДЕТСКИЕ СОЧИНЕНИЯ]

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

Писаны графом Николаем Николаечем Толстым, Сергием Ник: Толстым, Дмитрием Ник: Толстым, Львом Ник: Толстым.

Первое отделение

НАТУРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Писанно Г: Ль: Ни: То: 1835

1. Орел

Орел, царь птиц. Говорят о нем: что один мальчик стал дразнить его он рассердился на него и заклевал его.

2. Сокол

Сокол есть очень полезная птица она ловит газелей. Газель есть животное которое бегает очень скоро, что собаки не могу[т] его поймать; то сокол спускаеться и убивает его.

3. Сова

Сова есть очень сильная птица, при солнце она не видит. Филин и сова всё равно. Филин только сво[и]ми рожками отличается.

4. Попугай

Попугай есть очень красивая птица у него нос поклапой или крюком его учут говорить.

5. Павлин

Павлин также красив по нем синии пятна хвост более его самого.

6. Колибри

Колибри есть очень маленькая птичка у ней хохол золотой она бывает белая.

7. Петух

Петух есть красивая птица его пестрой хвост загнут в низ горло у него красное синее и всех цветов а борода красная. Когда индейской петух поет то распускает хвост и надувается у него горло красное черное и всех цветов у него борода красная также как и у петуха. У индейского петуха хвост другой как у петуха у индейского петуха хвост распущен.

РАССКАЗЫ ДЕДУШКИ

В селе П: жил девятеностолетний старик которой служил под 5 Государыми он видел более ста сражении он был чином полковник имел десять орденов которые он купил своею кровию ибо у него было десять ран он ходил на костылях ибо у него не было ноги лице 3 рубцами на лбу середний палец лежал под Браиловом. у него было 5 детей двое девочек и трое мальчишик так называл он их хотя у старшего было [1] 4 детей и 4 внучек а у всех было уже 4 ребетишик а младшему из его правнучков было десять лет а старш[его] хотели уже на буду-[щий] год женить на вдове у которой семь детей ибо уже все его внучки были женаты и у каждого по одному дитя стало его семейство состояло из 82 человек из которых старшему было 60 лет.

Сверх того у него был племянник у которого было шесть детей и [у] старшего было трое детей и все жили в одном доме.

Его сын

Его сына звали Николай Дмитричь ибо отца его звали Дмитрием. Он его звал обыкновен[но] Николашкой по старой привычки. єтому Николашке было 60 лет он был заслуживой моряк с котором случилось много произшествий он ездил кругом света жил на нескольких необитаимый островов. Он видил много морские сражение дети очень любили слуша[т]ь его разказы. Один вечер начил он так свой разказ

Я ведь знаю что вы [2] ничего в морской науке непонимаете дак стало я и не стану вам разказывать путешествие поморе

---

[1] *Зачеркнуто:* двое
[2] *Зачеркнуто:* дураки

но начну вот с чего в одну бурную ночь когда не мой был черед и хотя корабль был в опасности но видя что я не мог ничего помочь я пошел в мою каюты чтобы поужинать с товарищами и после улегся спать

Как во время бури спросил один белок[урый] малчишка который до сих пор слушал с примечанием лежа на столе и выпуча глаза.

Ге трус [1] ну от чего не спать [2] коли ты не можечь ничего помочь. сказал сын того который разказыва[л]

А ты мой [3] дружок сказал прадедушка целуя в лоб толстого [4] малютку которой играл подле тебя и оробел бы ты

Не знаю отвечал он и сел опять играть.

Но оставим на минуту кораблекрушения опишем жизнь и характер некото[рых] из лиц которые тут сын Николай дмитрича был везде с отцом но не находил удовольствием он не любил этого беспристанного труда он был мужествен и деятилный когда была опасность но он совсем не охотно трудился целый век ибо он любил и наслаждаться посему зделался ученым сочинил несколькъ книг но в 1812 видя что отечеству нужны солдаты он решился идти в военною службу получил пять [ран] служил храбро получил разные знаки отличия до служился до полковника вышел в оставку.

он то и будет играть большую роль в произшествии которое его отец начал разказывать.

Но одному из его детей пришло на ум что верно отец хочет их испытать и всё стала опять тихо. Отец всё ето слышал [?] На другой день отец сказал что в награждение севодня так рано начнут разказы что они успеют и разрешить все четыре вопроса и даже слышать историю о злом Коте. и еще одну.

---

* Тогда Алфред с радостию показа[л] 7 картин но как все нашли что они очень дурны то он начал кричать отец сказал что за то что заним уже часто примечает что он любит командовать то ему позволют слушить одну только историю и вп. он будет сидит в углу.

---

[1] *Зачеркнуто:* закричал другой
[2] *В подлиннике:* стать
[3] *Зачеркнуто:* пузырь потопузый
[4] *Зач.:* рухлого

**[УЧЕНИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ]

ФОРТУНА И НИЩИЙ

Один нищий таскаясь по городам роптал на свою участь и говорил: я не понимаю от чего богатые люди никогда не довольны своими богатствами и, желая приобресть много теряют последнее. Таких примеров очень много. Я знаю купца, который очень обогател торговлею но ему этого не было довольно; ему захотелось больше; он нагрузил корабли и отправил их в море но они потонули вместе с его богатствами и он остался беднее прежнего. Другой пустился в откупы; нажил себе милион; потом [хотел] забрать много и вовсе раззорился. Тут нищему фортуна вдруг предстала и говорит ему: давай твой сумму, [1] я ее наполню червонцами; только я тебя должна предупредить, что если червонец упадет на пол, то превратится в прах. Нищий от радости чуть дышит; расправил свою сумму [1] — и в нее посыпались червонцы «сума то тежеленька». Нет, еще немножко. «Не треснула б?» от чего? Прибавь еще немножко. Но вдруг кошель проврался [1] и червонцы обратились в прах. Фортуна скрылася; а удивленный нищий пошол по прежнему скитаться.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

Две дворовые собаки лежали подле кухни Полкан и Барбос; и зашел у них разговор об дружбе, говорит Полкан, чтоб нам, Барбос, с тобой б свести дружбу? на что это похожо, что две

[1] *Так в автографе.*

собаки с одного двора не могут одного дня провести без драки? какое сравнение еслиб мы жили в дружбе, ну чтож, ведь это дело, и наши новые друзья стали обниматься; не знают как себя назвать Орест! ты мой Пилат: только в эту минуту из кухни выбросили кость и новые друзья к ней взапуски летят смотри и наш Орест с Пилатом уж грызутся и их розлили водой.

ДЕНЬ

День был ясный; прекрасная погода вызвала меня на двор; я пошел в лес; сел под пышным деревом, которое своими густыми ветвями защищало меня от горячих лучей солнца; и долго любовался прелестьми природы; но средь размышлений я услышал вдалеке раздававшиеся звуки флейты. Любопытство подстрекнуло меня подойти поближе к месту, от которого выходили звуки: тут я увидел молодого пастуха, наигрававшего свои песни. Наслушавшись его приятной песни я направил свой путь на долину — и тут всё кипело жизнью. Кресть[я]не и крестьянки убирали с веселыми песнями свое сено. Одни отдыхали после тяжких работ; другие шли с веселыми песнями обедать. Широкая долина была орошаема быстрою рекою. На ⟨другом⟩ берегу сидел рыбак и пристально смотрел на свой поплавок, едва пошевеливающийся от легкого ветерка. Я хотел еще погулять среди таких приятн[ых] предметов; но вспомнил, что меня ждут к обеду, и пошол домой полный приятными ощущениями.

ОСЕНЬ

Наступает осень — и всё медленно умирает. Деревья желтеют; луга начинают белеться. Только одна сосна стоит с гордостью посреди других деревьев как бы не чувствуя никакой перемены. Теперь нельзя отдохнуть под их ветвями; но надобно скрываться в дома. — Природа представляет печальное зрелище. — Все сожалеют об лете и готовят работы себе на зиму. Ветер печально завывает ударяя в окна, как будто сам сожалеет об хорошей погоде; мелкий дождик падает на землю и наводит на душу какую-то грусть; по утрам и вечерам жестокие морозы как бы напоминая что теперь кончились прогулки на открытом воздухе.

ВЕСНА

Как приятна весна! как она всё оживляет! Голые деревья начинают одеваться в свои пышные зеленые платья; а птицы своим гармоническим пением возвещают радость о приближении весны. Журавли ⟨и другие птицы⟩ прилетели в свои теплые жилища и там вьют гнезда. — В одно утро погода была прекрасная; блуждающие облака ⟨гуляли⟩ бродили по небу; солнце очень пекло. Я не мог удержаться дома и пошол наслаждаться приятной погодой и усладить взор приятными картинами природы. Я искал дерева, под тению, которого я мог бы отдохнуть; наконец увидал сосну, под которой сидел молодой пастух а перед ним было большое стадо овец. Я сел рядом с ним и с удовольствием смотрел на овец, из которых: одни ⟨играли⟩ отдыхали, другие щипали траву, иные резво прыгали ⟨и отдыхали⟩ по траве. Обратив глаза в право я увидел воду, которая быстро падала с крутой горы. Я бросился к этому ключю и жадно впивал его прохладную и освежительную воду. Я уже возвратился домой, когда солнце было довольно высоко и своим черезмерным жаром приводило в расслабление.

НОЧЬ

Темнота набросила свое покрывало на долины, горы и леса, и только изредка лунный свет проникал сквозь блуждающие по небу облака. Казалось, что месячной свет и темнота старались истребить друг друга; то свет месяца раздирал облака, то снова застилался ими. Всё замолкло; Ночная тишина царствовала повсюду; только изредка была прерываема криками совы и топотом лошадей, послушных голосу своего хозяина и песнью ямщика, прерываемою время от времени бранью на своих лошадушек. Среди усыпления природы я сам был усыплен ее магическим действием не чувствовал, ⟨что⟩ как время текло; звезды стали скрываться а заря показываться. Тут я вспомнил, что время воротиться домой, где своим долго временным отсутствием мог причинить много беспокойств. Я услышал вдалеке пение соловья; подошол поближе и до полного рассвета я всё слушал певца природы. Исполненный приятными мечтаниями я пошол домой с намерением делать каждый вечер такие приятные прогулки.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Когда Дмитрий Иоаннович узнал, что Мамай идет к Москве, чтобы смирить непокорного Князя то прежде всего поехал в троицкую лавру, принять там благословение от благочестивого старца Сергия. Простившись [с] супругою и детьми отслужил напутственный молебен поехал в Коломну. Здесь соединившись с другими Князьями осмотрел войско и пошол на встречу неприятеля, ожидавшего к себе изменника Литовского и Рязанского. — Оба войска сошлись при Куликовом поле. Дмитрий объехав свои полки, готовые к битве воодушевляемый мужеством и любовью к Отечеству, готовые победить или умереть за свободу Отечества. Он убеждал их нестрашиться многочисленных полчищ мамаевых. Мамай стоял на холме, чтобы от туда назирать все движение своего войска. Передовые полки начали дело потом; мало по малу битва завелась; кровь лилась рекой. Донской всё был впереди рядов, но в самом жару битвы был тяжело ранен и упал с коня под дерево и лишившись чувств он не видел окончания сей великой битвы.

ПОЖАР

Какое плачевное зрелище представлялось глазам когда огнь мгновенно распространялся по всему пространству Тулы и этот богатый многолюдный город сделался жертвою огня. Богатство великолепие здания произведения искусства и художества всё погибло от губительной силы огня. — Везде слышались стон и вопли несчастных там мать успевши спаст [1] сама горьго [1] оплакывала дитя, которое она оставила среди огня отец бежал сквозь пламя к умирающему сыну в ужасных мучениях но удивительный пример материнской нежности мать спускала через окно своего сына претерпевая ужаснейшие мучения от огня, который подобно ненасытному чудовищу пожирал свою жертву не прошло и дня как всё обратилось в пепел богатый собравший себе богатство летами и тяжкими трудами в один день лишился всего повсюду виднелись груды пепла развалины домов и люди, из которых один оплакивал отца другой мать

[1] *Так в автографе.*

супругу или сына: редкая семья оставалась без потери; так когда бог захочет наказать то может в один час сравнять богатейшего с беднейшим.

КРЕМЛЬ

Какое великое зрелище представляет Кремль! Иван великий стоит как исполин посреди других Соборов и Церквей и напоминает этого хитрого похитителя престола. Этот старинный теремок как бы свидетельствует о бурных временам Ионна [1] Грозного. Эти белые каменные стены воспоминают великого Гения и Героя, который у этих стен потерял всё свое счастие и видели стыд и поражение непобедимых полков Наполеоновых у этих стен взошла заря освобождения России от иноплеменного ига; а за несколько столетий в этих же стенах положено было начало освобождения России от власти Поляков во времена Самозванца; а какое прекрасное впечатлнее [1] производит эта тихая река Москва она видела как она быв еще селом стояла никем не знаемая как потом возвеличивалась, сделалась городом, видела ее все несчастия и славу и наконец дождалась до ее величия. — Теперь эта бывшая деревенька Кучко сделалась величайшим и многолюднейшим городом Европы.

ПОМПЕЯ

Как всё переменчиво и непостоянно на свете. Помпея бывший вторым городом ⟨Европы⟩ Италии во время славы и цветущего своего состояния и что же теперь одни развалины и куча пепла. Ужасно было зрелище когда вдруг земля потряслася как бы в своем основании и из недр испустила пламя. — Испуганные жители хотели убежать от погибели но лава и пепел преследовали их и засыпали среди покушения убежать от опасности. Башни капища и домы падали и под своими развалинами покребали [1] тысячи жертв. Ужас распространялся повсюду и придал новые силы. Там покорный сын еще слабый на плечах своих тащил дряхлую мать; но лава, пепел, и камни заграждали ему путь мать ⟨тащила⟩ несла на себе трех слабых детей и падала почти на каждом шагу от излишней тяжести. — Нежный

---

[1] *Так в автографе.*

отец хотел спасти свое единственное дитя скрывая в своем плаще: но один удар и он падал без чувств держа в своих холодных руках сына одни умирали от огня других засыпало пеплом и лавою иные умирали под развалинами своих домов.

МАРФА ПОСАДНИЦА

Не одни бывают великие люди бывают и великие женщины. — Никогда в Новгороде не было таких раздоров и столько не согласий, как во время царствования Ионна. Одни хотели более благоразумные предаться без сопротивления Ионну, другие просить помощь у Казимира, Польского Короля. Сторону первых поддерживал Феофил Владыка Новгородский, а последних Марфа вдова посадника Иакова Борецкого. Вечевый колокол раздался по всему Новгороду; все сердца одушевились — и шумные толпы народа бежали к площади. — Там стояла Марфа с Мстиславом сыном своим. Она представляла им все выгоды, которые можно получить от подданства Казимиру..... народ колебался; но она чтобы уничтожить последнюю преграду своим честолюбивым замыслам внушила своим красноречием сменить Архиепископа, и избрать благочестивого старца Пимана. Народ, как бы вспомнив в первый раз о нем, бросился к нему и почти насильно извлекли его из кельи и привели на площадь. Марфа приняла от него благословение; народ с почтением слушал мудрые ответы старца и общим голосом просил его вместе с Марфою опять принять управление паствою. — Да будет твоя святая воля, сказал он обратив глаза к Небу! я жил в уединении и никогда не думал что меня опять вызовут из моей пещеры чтобы вручить управление обширною паствою Новгородскою я готов всё сделать для моих храбрых соотечественников. — Колокол малу по малу стал утихать и все расходились по домам, потому что наступала темная ночь. — На другой день звук вечевого огласил всю окрестность; народ с безпокойством бросился к вечу. Там стоял Холмский присланный от Ионна к Новгородцам объявить его волю. Холмский, окруженный начальниками посадниками и тысячниками убеждал народ покориться Ионну. Не ужели не чувствуете вы счастия быть под властью Ионна? Ужели не видите, что никакое государство не может состоять без единодержавия? Ужели не можете понять, что ваша вольность рано или поздно должна

погибнуть. Для вас гораздо полезнее покориться Ионну Царю православному, ему, который (не знает) исповедует одну веру с вами имеет одни обычаи, одни нравы, чем Казимиру Латинщику, который незнает обычаев Св. Руси незнает правил нашей Церкви и небыл ли прежде Новгород достоянием и областью великих Князей? Слеза выкатилась из глаз Марфы народ в буйстве закричал берите его! Берите его! и его хотели связать; но Марфа бросилась к ним и просила нетрогать посланника Ионнава.

**[ЭПИТАФИЯ А. И. ОСТЕН-САКЕН]

Уснувшая для жизни земной,
Ты путь перешла неизвестный.
В обителях жизни небесной
Твой сладок, завиден покой.
В надежде сладкого свиданья —
И с верою за гробом жить,
Племянники: сей знак воспоминанья —
Воздвигнули: чтоб прах усопшей чтить.

ЧЕРНОВОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ НЕОТДЕЛАННОЕ

**[НАЧАЛО НЕОКОНЧЕННОГО РАССКАЗА]

Прежде всех в селе узнали у Копыла, что в ночь приехал барин. Слыхали все, что есть барин, что звать его Василий Микитич, что живет он в Москве или в другой вотчине, а заправлял всем Андрей Ильич; полная ему воля от барина была дана. Больше о барине ничего не знали, нешто из дворовых или из грамотных кто, или кормилицыны. Ихняя баба в Москве жила, одного барчука кормила. Только слава была, что барин. Как все господа, ни худа, ни добра от него не видали, прикащик Андрей сам говорил, что в селе Красном он барин, а больше никто. — А узнали у Копыла прежде других, потому что ихний малый Игнатка в ночь на барском дворе караульщиком был. Так он и видел, как уж после петухов к дому два возка подъехали и выбегала Михайловна, посылала его будить Андрея Ильича, что, мол, барин приехал.

Игнатка видел, как по снегу пробежал Андрей Ильич, застегивая сертук. Очень чудно ему показалось, что сам Андрей Ильич, который, бывало, иначе не ходил, как пузо выставив и еле-еле с ноги на ногу переступая, как этот самый человек теперь спотыкнулся, сбежал с крыльца, не попал на дорожку, в сугроб забился и рысью, как боров отдуваясь, пробежал мимо него.

Часов около пяти огни потухли в доме, и Андрей Ильич прошел к себе. Игнатка постучал еще в доску, но караульщик от амбара не отозвался, и Игнатка, поскрипывая лаптями по подмерзшей дорожке и волоча палку по корке снега, пошел на деревню. — На барском дворе огни только потухли, значит, народ полег спать, а на деревне только зажигались. Проходя мимо Фоканычевых избы, Игнатка особенно внимательно вглядеался в тусклое окно, сквозь которое светился красный огонь печки, и остановился. Ему показалось, что кто-то прошел мимо окна и глянул в него. Но что ему было за дело до этой тени на окне? Во всех почти окнах были такие же огни и такие же тени. Однако он, вместо того чтобы идти серединой улицы по проез-

женной дороге, пошел по тропинке между двумя стенами снега и прошел мимо самой избы Фоканычевых.

Аксютка, та самая дочка, из-за которой Игнатка прошел мимо избы Фоканычевых, и в голове не имела, что Игнатка прошел под ее окном, она еще, раскидавшись, спала в чулане и не слышала, как старуха встала от нее и затопила печь. Ежели бы она и не спала и знала, что Игнатка тут, едва ли бы она подошла к окну и выглянула в него.

*[ЗАМЕТКИ К РОМАНУ О РУССКИХ БОГАТЫРЯХ]

ИЛЬЯ

1. Приобретение силы — отдают в университет. Он слабеет от оторванности, а то бы мир перевернул.

2. Подвиги на пу[ти] в К[иев]. Снятие осады Черн[игова]. — Освобожд[ение] рабочих от иностр[анного] ига. Соловей — это либералы. — Победил — убил. Стать[и *или* статистика].

3. И[лья] и пр[екрасная] кор[олевична]. [1] Богачка, двоемужница заманивает его, он убивает ее нрав[ственно].

4. Битва с Бог[атырем]. [2] Жалко убивать, [3] к[оторый] оказ[ался] его сыном. — Это неурядица жизни. Д[обрыня] и А[леша] не могут. Аскетизм и удаление.

5. И[лья] и И[долище]. — Философия. Из удаления узнает, ч[то] Ф[илософия] одолевает, он [4] смеется и убивает его. Известие получает от Митиньки, т. е. от того, кто дал ему образ[ование].

6. После уничт[ожения] Фил[ософии] ссорится с обществом. Неурядиц[а] мысли; опять вызывает его, и он дает свои основы жизни и исчезает.

ДОБРЫНЯ

1) Д[обрыня] и М[аришка]. — Цыганка Маша. Мать спасает его.

2) Борьба с З[меем]. Борьба с вольнодумством за границей.

3) Д[обрыня] женат. Едет на службу. Роман А[леши] П[оповича].

В[АСИЛИЙ] Б[УСЛАЕВ]

1) Пьяница. А[мельфа] Т[имофеевна]. Литература.

---

[1] *Зачеркнуто:* Лебедь белая.
[2] *Зач.:* философия
[3] *Зач.:* она его дочь
[4] *Зач.:* убива[ет].

А[ЛЕША] П[ОПОВИЧ]

1) Б[ой] с Т[угарином]. А[леша] берет платье калик, т. е. одевается чиновником, но его чуть не уничтожили чиновники.
2) А[леша] с сестрой братьев, невестой Д[обрыни].

М[ИХАЙЛО] П[ОТЫК]

1) Гуляка, соблазнен Л[ебедью] Б[елою]. И с ней [1]
2) Л[ебедь] Б[елая] изменяет для короля. М[ихайло] окаменел, но К[оролевична] оживляет его.
3) М[ихайло] с ней уединяется и исцеляет ее.

И[ВАН] Г[ОДИНОВИЧ]

1) Охотник конный.
2) Женитьба на Н[астасье] и измена ее для старого богача и убийство.

ДАН[ИЛА ЛОВЧАНИН]

Жена его, свояченица Добр[ыни], верна мужу; и он и она гибнут от похоти кн[язя].

Ч[УРИЛА] П[ЛЕНКОВИЧ]

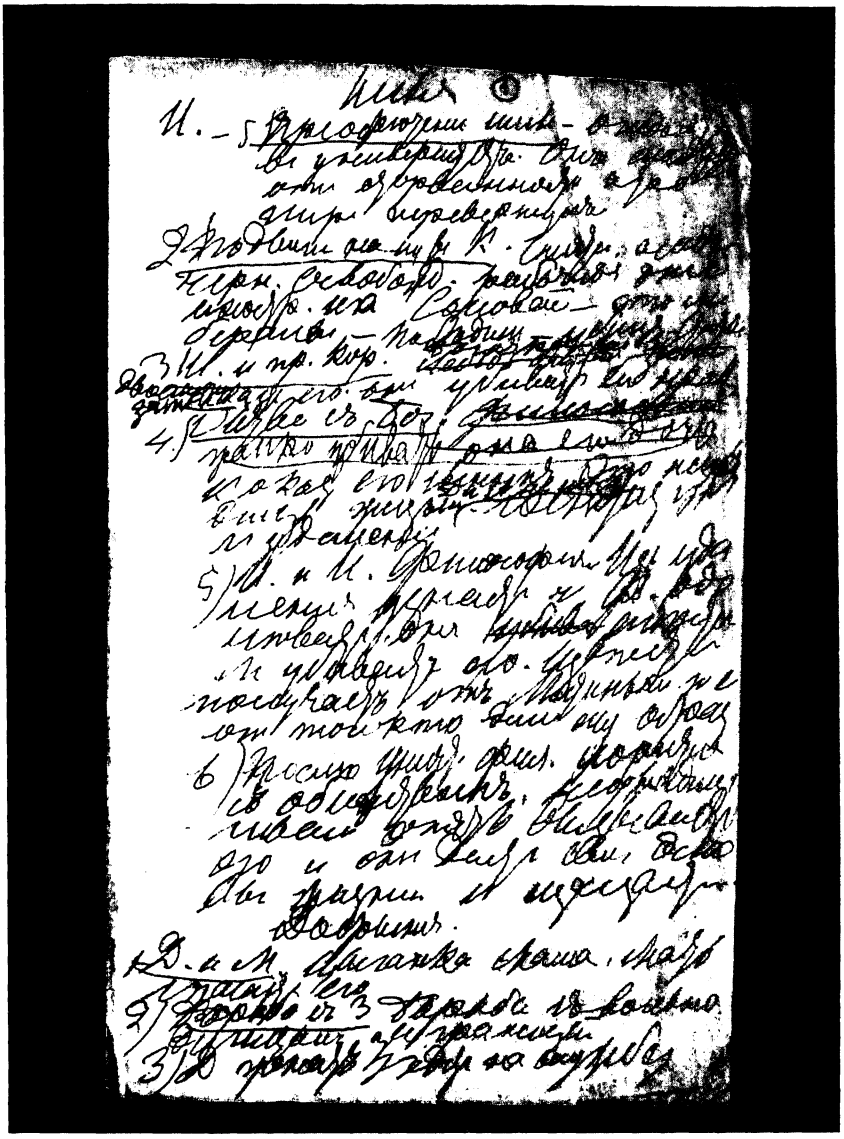
[2] Щегольство, соблазн. Старый Бермятин убивает жену. Борьба с Дюк[ом], и Дюк насмерть убивает его нравственно.

ДЮК
Лорд
Калики-Митинька

МИКУЛУШКА-МУЖИК

---

[1] *Зачеркнуто:* уединяется и излечивает ее.
[2] *Зачеркнуто:* Богатство

Первая страница рукописи заметок к роману о русских богатырях

*[ШУТОЧНЫЕ СЦЕНЫ ДЛЯ ДЕТСКОГО СПЕКТАКЛЯ]

М а р ь я Л у к и н и ш н а *(вяжет чулок)*. Ванька, а, Ванька, что долго самовар?

В а н ь к а. Лучинок нет, Мария Лукинишна.

М. Л. Да ты дуй, вот так! *(Перетирает чашки.)* Скорей же! Вот не ленива была как та барская барыня Анна Ивановна...

А н н а И в а н о в н а. Что это меня поминаете?

М. Л. Я не поминаю. Я петли считаю... три пары чулок связала, продала, вот и восьмушка чаю. *(Ваньке.)* Ваня! А, Ваня! Где чашка?

А. И. Машка? Я Машке давно белье отдала, да что-то она не несет.

М. Л. Ишь что глухая-то плетет. Давай сюда. *(Берет чашку.)*

В а н ь к а. Самовар готов.

М. Л. Давай.

В а н ь к а *(подает)*. Идти, что ли, звать Лукерию Петровну?

М. Л. Иди скорей, да смотри скажи, чтоб сахару-то сваво несла *(Иван уходит.)*

А. И. *(про себя)*. Когда у меня чай был, всех угощала, а теперь нет того сказать: Анна Ивановна, не угодно ли чайку. Лукерию Петровну зовут. *(Марье Лукинишне.)* Мария Лукинишна, а, Мария Лукинишна?

М. Л. Чего тебе еще надо? *(Вяжет.)*

А. И. А который теперь час-то будет?

М. Л. После давяшнего первый. *(Вяжет.)*

А. И. Марья Лукинишна, а, Марья Лукинишна, чай где брали?

М. Л. Где ни брали — на свои деньги.

А. И. *(про себя)*. Вот яд, слова не ответит.

Входит Л у к е р ь я П е т р о в н а.

М. Л. Милости просим, Лукерия Петровна, садитесь, гости будете.

Л. П. Здравствуйте, Мария Лукинишна, здравствуйте, Анна Ивановна *(кладет сахар на стол, берет чашку)*. Ах, матушка, только от Мякишкиных с девишника пришла; то-то смеху было. Сенечка пьян пьянешенек; его из избы гонят, он говорит: умру не уйду. Матрену он локтем толкни, а она с ног долой.

А. И. Куда, кто домой?

М. Л. Ишь глухая бормочет.

Л. П. Мужики его [1] выгнали, а он стоит перед избой...

А. И. [2] Разбой! Где разбой?

Л. П. Про Сенечку, Анна Ивановна, рассказываю; что ж вы не встанете? Пришли бы чайку напиться.

М. Л. Не зови. Бог с ней совсем.

А. И. *(про себя)*. Эка скупая.

Л. П. Стоит перед избой ругается. Девки песни петь перестали, он за ними в погоню, они по двору, он в сугробе и завяз. То-то смеху.

Разливают чай и пьют.

А. И. *(про себя)*. Ох, хорошо чайным духом понесло; смерть чаю хочется. Пойду-ка встану, может и поднесут чашечку. *(Поднимается с постели и направляется к ним.)* [3]

М. Л. Вишь, наша барыня поднялась, кушайте.

А. И. Не дойду. Ой, ой.

Л. П. Мария Лукинишна, она ведь человек старый, и взаправду не дойдет.

М. Л. Притворяется, до Киева дойдет.

А. И. Ой, упала, упала. [4]

Л. П. *(встает, хочет поднять)*.

М. Л. *(отстраняет ее)*. Погоди, не упала еще, [5] дойдет.

А. И. Упала, упала. Ой, поднимите.

[М. Л.] Эка притворщица *(подходит к ней)*. Ну зачем вставали *(ведет ее)*. Не сюда, матушка, не сюда!

А. И. Не сюда, не сюда! *(Марья Лукинишна отводит ее на постель.)* Злодейка. Вот [6] муж приедет, он мне денег привезет, а тебе я ничего не дам, вот этого *(показывает палец)* не дам! Я второе письмо писала ему, приедет.

М. Л. Знаем мы мужа-то, уж сколько раз писали, да что-то не едет он; а чай ты свой заводи, а к другим не пристраивайся.

А. И. Злодейка, скупая, [7] яд! *(Толкает ее ногой.)*

М. Л. [8] Ты не толкайся. Лежи смирно. Пусти.

---

[1] *Далее зачеркнуто:* бить, он кричит, я вас, мол, всех разгоню.
[2] *Зач.:* Кого разорю?
[3] *Зач.:* Не дойду.
[4] *Зач.:* подыми, подыми.
[5] *Зач.:* дай-ка сейчас доведу.
[6] *Зач.:* когда мой Васенька приедет,
[7] *Зач.:* гадкая
[8] *Зач.:* Сама гадкая, не тронь меня.

А. И. Не хочу лежать. Злодейка. Разбойница. *(Цепляется ей за платье.)* [1]

М. Л. Пусти.

А. И. Не пущу. Злодейка. Яд. Ты скажи, за что ты меня мучаешь.

М. Л. Пусти *(дерутся)*.

Старухи смотрят друг на друга и говорят: Яд — сама яд. Разбойница — сама разбойница. Салопница — сама салопница.

Гм! — Гм!

Л у к. П е т р. Ай, батюшки, подрались. *(Разнимает их и отводит М. Л. к столу.)* [2] Уйду лучше от греха, а то еще беда какая приключится. *(Уходит.)*

Входит В а н ь к а.

В а н ь к а. Анна Ивановна, вас какой-то господин спрашивает.

А. И. [3] А, попалась. Он, вот он приехал, вот ничего же тебе не дам. Где он? Ванюша, зови его скорей! Где он?

М. Л. Как же, уж небось Васенька твой! Должно становой за пашпортом [4] приехал. [5] Хоть бы увез тебя куда.

Входит м у ж Анны Ивановны.

А. И. [6] Он, он! Так и есть он, он! [7] Друг ты мой, [8] Васенька! Красавец ты мой писаный, ненаглядное ты мое сокровище.

М у ж. [9] Ай, Анна Ивановна, постарела ж ты. И не узнал бы тебя.

А. И. Горя много видела, друг мой. *(Садятся рядом и держатся за руку.)*

М у ж. Что делать, давно бы приехал, да [10] не с чем ехать было. Теперь вот получил [11] и привез тебе, Анночка. Вот они! *(Кладет на стол бумажник.)* Теперь нужды не увидишь, и всех, кто тебе пособил, не забуду.

М. Л. *(про себя*: «Эх, [12] прошиблась»). Вот, матушка Анна Ивановна, ждали всё, ждали, вот и дал бог радость.

---

[1] *Исправлено из:* (вцепляются друг в друга).

[2] *Исправлено из:* старается разнять их и становится между ними.

[3] *Зачеркнуто:* Он, он! Васенька мой, голубчик, наверно он.

[4] *Зач.:* к тебе

[5] *Зач.:* ты ведь всё так, без пашпорта, живешь. Лукерия Петровна ушла, кажется? *(Оглядывает комнату.)*

[6] *Зач.:* Вот

[7] *Исправлен из:* Вот он!! *Далее зач.:* Ах

[8] *Зач.:* любезный, приехал ты наконец; как постарел!!

[9] *Зач.:* Ах, и ты не помолодела, Анночка, друг ты мой, я бы уж

[10] *Зач.:* денег не было.

[11] *Зач.:* наследство и вот

[12] *Зач.:* кабы я знала. Не упадите, Анна Ивановна.

А. И. А, лиса, завертела хвостом. [1]

М у ж. Я здесь спрашивал, с тобой добрая такая старушка жила, где она? Вот я ей награду приготовил.

А. И. Добрая старушка. Да, уж добрая.

М. Л. [2] Я ведь любя, матушка Анна Ивановна.

А. И. [3] Обещала я тебе, что отплачу, да уж на радости не хочу зла помнить. Вот она, [4] Васенька. С ней мы вместе нужду терпели, с ней и...

Муж дает деньги М. Л.

[М. Л.] Не стою я того, батюшка *(плачет и кланяется в ноги)*. Прост[ите] меня.

[А. И.] Бог простит. Кто богу не грешен, царю не виноват. *(Обнимаются и плачут.)*

М у ж. Ну, вы [5] тут расхныкались. Мне с дороги чайку бы дали, а я и ромку привез. [6]

---

[1] *Надписано над вачеркнутым:* М у ж. Теперь богато жить будем. *Слово «муж» по недосмотру осталось невачеркнутым.*

[2] *Зачеркнуто:* Кто, матушка, богу не грешен, царю не виноват, простите, пожалуйста

[3] *Зач.: (про себя).* Ишь добрая какая стала. *(Мужу.) Это место переписчиком взято в прямые скобки и помечено звездочкой: такая же звездочка помечена на полях. Очевидно, это место подлежало переработке, которая, однако, не была произведена.*

[4] *Зач.:* Теперь мы горя больше не увидим, теперь у меня много денег, всех оделю. Вот это Машке, вот это Ваньке, это тебе, М. Л., бери. Всех оделю!

М. Л. ⟨А я⟩ Вот душа-то добрая, и как я, матушка, ⟨вас⟩ как люблю, и вас, мой батюшка, так люблю, всею душою!

М у ж. Ну, теперь закусим, как тебя там, — принеси сундучок.

[5] *Исправлено из:* ты

[6] *Зач.:* М. Л. Живо, батюшка. *(Берется за стол и подвигает к А. И.)*

** ВЕЧЕРНИЕ ПОВЕСТИ М. ГЛАВИТИНА [1]

Мятель 12 февраля 18 . . . года.[2]

Все помнят страшную мятель 12, 13, 14 февраля. [3] Сотни людей замерзли. Железные дороги заплатили тысячи, чтобы расчищать и откапывать засыпанные станции, поезда.

Эта мятель сделала Петра Мякшина не только счастливым человеком, но человеком, чем он прежде не был.

Все, кто знал П. Мякшина, знали, что он был здоровый, не безобразный, скорее красивый малый, хорошо воспитанный, т. е. не в том смысле, что он знал много наук, а в том смысле, что не обтирал рот рукой, не ел с ножа, не входил в комнату с засунутыми в карманы панталон руками, — что гораздо [4] важнее в жизни, — знали, что он кончил курс в каком-то факультете, как и все забыв всё, что там читалось, но усвоив некоторую университетскую самоуверенность, которая была не неприятна, вследствие [?] того, что он был хорошо воспитан, что у него было где-то в хорошей губернии ровно столько земли, что ему, расплатившись с работниками, старостой, поденными и построив один год сушилку, другой год флигель, остаться [5] надеяться на будущий год непременно расплатиться с долгами [6] и знали, главное, что он добрый малый, но бог его знает — чудак, а не человек.

---

[1] *Зачеркнуто:* ⟨Витолина⟩ Толивина; *на полях справа написано:* ⟨Байран-Гул⟩ Апраксин — цыганка. Игрок — счастливец. Старик вернулся домой *и чертой введено под заглавие; слева, рядом с заглавием, написано и обведено чертой:* Свиданье — не встал. Бурамбай. Переряжен[ный] в мужика.

[2] *Первоначально было:* 1869; *затем исправлено:* 1879; *потом зачеркнуты две последние цифры и над ними надписано:* 00.

[3] *Зачеркнуто:* ⟨Одна из этих мят[елей]⟩: Эта мятель

[4] *Зач.:* для меня

[5] *Так в подлиннике; далее зачеркнуто:* должным

[6] *Фраза со слов:* что ему, расплатившись *первоначально читалась:* что не совсем доставало платить работникам, старосте, поденным и вместе портному, сапожнику, на железных дорогах и в магазинах,

Жил он то в деревне, то в городе, и ни в городе, ни в деревне ему не было ни весело, ни скучно. Были у него родные и приятели, но он подол[гу] не писал и не видался с ними. Но когда случалось ему заехать к ним, то он поселялся у них, и хотя он был скорее приятный, чем неприятный домочадец, и он застревал на такое долгое время, что почти всегда надоедал под конец своим хозяевам.

Ему-то случилось ехать из Москвы с почтовым поездом 12-го февраля 187. г.

Мякшин любил езду по железным дорогам. Хотя он и не бывал сообщителен и никогда не заговаривал первый сам, всегда кончалось тем, что, благодаря его приятной наружности с ним заговаривали, и он, как в маскараде, интриговал и был интригован, и выходил из вагона на своей станции с приятным сознанием того, что есть все-таки славные люди. И это он любил и даже бывал смелее и развязнее в вагонах с чужими, чем бывал с теми, которые его знали.

Всё сначала было как [1] обыкновенно при выезде из Москвы. Наряженные в [2] русск[ие] костюмы кондуктора [3] под озабоченность[ю], [4] старательностью скрывали от непосвященных тайну [5] причин размещения всех пассажиров всё в один и тот же вагон. Были те веселые дамы, которые прощались на крылечке, был военный с саблей и картонкой шляпы, занявший место в углу, очевидно не желающий слушать и едущий в дальний путь, был тоже господин в расстегнутом пальто с бобровым воротником, который всё входит и выходит, была тихая, шепчущаяся чета мужа с женой. Был одинокий [6] скромный, очевидно из ученого мира. Были и те вещи, которых до самого конца не видно хозяев. — Были и те случайные пассажиры, не входящие в эти определенные разряды. В этом числе был и Мякшин. — Он вошел, когда уже всё было занято. И, выбрав против двери двойное место, спросил военного — занято ли? Военный (оказавшийся потом приятнейшим и учтивейшим человеком) по тому непреодолимому закону, по которому в первую минуту усадки все бывают грубы, строго-презрительно и даже зверски взглянул и ничего не ответил. Мякшин попробовал сдвинуть пледы, но тотчас же еще более строгий голос из-за ручки кресла закричал: занято. В непродолжительном времени кондуктор ввел последних двух, упорствуя, что места есть. Все, как следует, зная вперед, что места есть на всех, притворялись уверенными, что мест нет. Как следует, один,

---

[1] *Зачеркнуто:* след[ует]

[2] *Зач.:* свои

[3] *Зач.:* с некоторой европейско[стью], *далее по недосмотру не зачеркнуто:* и, *потом зачеркнуто:* вместе.

[4] *Зач.:* и достоинством

[5] *Зач.:* повод[ов] раз[мещения], повод

[6] *Зач.:* у ок[на]

готовый быть оратором от общества, уже начал обычную речь о том, как у нас и как за границей. Ученый скромный человек, как следует тонким, но достойным голосом, стоя посередине вагона и слабо улыбаясь [говорил], что он готов везде сесть, только бы ему показали и как следует ему показали, и наряженный в русского кондуктор, рассовав мешки и показав всем места, удалился молодецким шагом и вслед за тем, как следует, барыня уронила другой на голову свой плед, и вслед за тем зазвонили последний раз, засвистел свисток, и поезд тронулся мимо фонарей. —

Мякшин очутился рядом с молодым ученым. Оба были тихи и дружелюбны. Против них, наискоски, находился военный. Он зверски оглядывал даму и купца в норковой шубе, которые были посажены на то место, где должны были быть его ноги. [1]

---

[1] *На полях против этого абзаца написано и обведено кругом:* Она расшев [?]
Мякшин, проголодав[шись], делает чудеса.

* [НАЧАЛО НЕИЗВЕСТНОЙ СКАЗКИ]

В некотором царстве, в некотором государстве жили господа и жила у них прислуга, и господа были хорошие, да только, как все господа, [1] народ дурашный, набалованный. И прислуга была вся подобрана хорошая, трезвая, честная, обходительная, ловкая. [2] И тоже, как все прислуги привыкали к господской жизни, сами набаловывались, а, хотя и знали, что господа их не хуже, а лучше других, все-таки пересуживали их и завидовали их жизни.

И вот случилось раз, подает Семен блюдо с котлетами

---

[1] *Зачеркнуто:* а господа, известное дело,

[2] *Зач.:* только как всегда всякой прислугой; *далее зачеркнуто:* и привычная.

*[НАЧАЛО НЕОКОНЧЕННОЙ ПЬЕСЫ]

[1] Воскресенье перед масляницей. Небольшая хата. Старик дед[2] Семен на печке. Аверьян, хозяин, с проседью в бороде, [3] нашивает подошву на валенку. Арина, [4] жена хозяина, чистит самовар. Федька греется у печки.

ЯВЛЕНИЕ 1

Марфа 18 лет, дочь. [5] Входит в избу.

[Марфа.] Петра телеграф прислал. Сказывали, Петра на станции с товарищем. За ним на станцию пошли.

Арина. Ну?

Марфа. Верно. Никита эттеда тоже приехал, сказывал — подрядили лошадь. [6]

Дед. Аль у них ноги отсохли — подводу нанимать?

Арина. С товарищем ведь.

Дед. Что ж он князь, что ли, какой, товарищ-то. Тоже с ногами, я чай.

Арина. Да как же, батюшка. Не один.

Дед. Что ж что с товарищем. С товарищем, так и швырять дуром деньги. Тут чайку попить не на что, а он [7] подводу наймать. Эх, [8] набаловал народ. Не глядели бы глаза. [9]

Марфа. Да буде, дедушка. [10] Не беда, я чай... А тетка Наталья сказывала, Игнашкины дюже серчают. Дай, говорят, при-

---

[1] *Зачеркнуто:* Первый день

[2] *Зач.:* Аверьян.

[3] *Зач.:* за столом

[4] *Зач.:* ткет

[5] *Зач.:* убирается перед зеркальцем. Федька чинит скамейку.

[6] *Зач.:* Арина. Ну-ка, почитай, что он пишет. *(Вынимает из-за пазухи телеграмму.)* На-ка, Федя, почитай.

[7] *Зач.:* телеграфы рассылает

[8] *Зач.:* плачет по не[м]

[9] *Зач.:* Федька. Ну, понес. Пойти к ребятам. *(Уходит.)*

[10] *Зач.:* Как же пишет?
Арина. Так и пишет: с товарищем будем воскресенье.

едет. Мы ему покажем, как людей обманывать. Сосватали, говорят, девку, а потом на попятный. За что, мол, опозорили девку, за что конфуз на девку пущают. Мы, говорят, так не оставим.

А р и н а. Да что же станешь делать. Разве силом по нынешним временам заставишь жениться? Не люба, да и всё тут. Не могу, пишет, ее взять. Лучше век один проживу. Ему не такую, как Маланья, надо.

Д е д. А какую такую? Прынцессу ему? [1] Так нет, уж прынцесс всех разобрали. Не то ему нужно.

Ф е д ь к а *(читает)*. Деревня Скворцова Валерьяну.

Д е д. Тоже чтец.

Ф е д ь к а. Как написано, так и читаю.

Д е д. Чего читать-то. Вишь, барин какой, телеграфы рассылает.

А р и н а. Ну, уж тебе всё не по-твоему.

Д е д. Ему не то нужно. Ох, не то ему нужно. [2] Я бы ему показал, как невест бросать да отца не слушать. Умны больно стали. Говорил я, не отдавай в город, набалуется. Так и вышло.

А р и н а. Да чем же набаловался?

Д е д. [3] А то...

ЯВЛЕНИЕ 2

Вбегает Ф е д ь к а.

[Ф е д ь к а.] Едут. [4] Двое.

А р и н а. Ну-ка, Марфа, ставь самовар. *(Берет столешник, накрывает стол.)*

Входят П е т р — они и товарищ рабочий Т е р е н т и й Т а р а с ы ч, в пальто нарядных и калошах, с узелками. Здоровываются.

П е т р *(крестится на иконы)*. Здорово, батюшка. *(Целуется.)* Матушка, живы, здоровы ли? Здорово, дед.

Д е д С е м е н. Здорово, здорово. — А это с тобой кто, из татар, что ль? Что ж он не крестится? Али в бога не верит?

Т е р е н т и й *(улыбаясь)*. Напрасно вы, старичок, ригористичны так к моему внешнему проявлению. Религиозные аспекты могут быть различные, надо быть толерантным. *(Подает руку.)*

Д е д. Чего тебе? Подать, что ль, что руку? Не взыщи, брат. А вот лучше, [5] как добрые люди, лоб перекрести.

(Т е р е н т и й *здоровывается за руку со всеми)*.

---

[1] *Зачеркнуто:* надо?
[2] *Зач.:* Плачет по нем палка.
[3] *Зач.:* Телеграфы посылать. Я бы ему такой телеграф вписал.
[4] *Зач.:* Нарядные страсть.
[5] *Зач.:* вон туда погляди-ка.

* [ПРОЕКТ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА]

1) Музыкальный союз имеет целью исполнение музыкальных произведений классиков, начиная от сонаты до нонета.

2) Средства общества составляются из годовой платы за билеты и отдельной платы за вход.

3) Общество, не стесняясь ни обещанным числом вечеров в месяц, ни определенным выбором пьес одних композиторов, ни известными одними и теми исполнителями, употребит все зависящие от себя средства для исполнения лучших общедоступнейших классических произведений наибольшее число раз в сезон и наилучшими артистами, как русскими, так и выписанными иностранными.

⟨4) Так как для удобства действий общества необходимо поверить исполнение одному лицу, то предлагается избрать одного члена для составления програм[мы], одного для хозяйственных распоряжений.⟩

4) Для удобства действий общество выбирает одного директора, которому поручается составление программы, сношения с артистами, плата им, покупка, сохранение нот, пюпитров и т. д.

5) Директору полагается жалованье в месяц...

6) Выбираются члены, почетные и бесплатные.

7) Члены платят в год... Член имеет право вводить два гостя [*1 неразобр.*] члены платят за г[од] [?] и т. д.

8) На вечере обслуживается следующая программа и средства исполнения.

9) Директор предлагает программу. Директор хозяйственно определяет maximum расходов. —

1) L'union musicale se propose de cultiver la haute musique de chambre, depuis la sonate jusqu'au nonnetto.

2) Les moyens de la société consistent dans le payement des membres pour la saison et le payement des billets d'entrée pour une soirée.

3) La société sans se borner a un nombre precis de soirées par saison ni a un choix arrêté de compositeur ni aux mêmes artistes executants pour toute la saison employera touts ses moyens à donner les morceaux classiques les plus beaux, les plus à la portée du public éclairé le plus souvent durant la saison et par les meilleurs artistes [*1 неразобр.*] Russes Etrangers.

* ОБЩЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ

Цель общества: 1) Сближение между собою людей независимых; 2) помощь друг другу с целью удержания независимости; и 3) содействие всем русским людям для освобождения от зависимости.

Каждый русский человек, ничего — ни чинов, ни крестов, ни денег не получающий от правительства, есть член общества, если он того пожелает.

Каждый член общества, получивший кресты, чины или деньги от правительства, исключается из членов ⟨общества⟩.

Деятельность члена:

1) Ежели нет особой на то причины, жить в месте своего рождения, или там, где имеется собственность.

2) Заниматься делом, вознаграждающимся не правительством (исключая фронтовой военной службы).

3) Противудействовать роскоши и выказывать пример простоты в жизни.

4) Не отказывать в возможной помощи члену общества.

5) Соблюдать чистоту нравов в жизни (развратники и пьяницы не могут быть членами).

6) Стараться увеличивать число членов.

7) Никому и никуда не жертвовать свои деньги, кроме как для целей общества.

8) Никогда не собираться более 10 членов ни для совещаний, ни для демонстраций, ни для обедов.

9) Не вносить в общество никаких других целей, кроме поддержания и распространения *независимых.*

10) Всякое внесение какой-нибудь политической цели в деятельность общества воспрещается и всякое стремление к какому-нибудь действию, противному правительству, этим самым исключает того или тех членов из общества.

11) Все члены общества узнают друг друга по списку членов, который находится у каждого.

12) Все члены относятся между собой как равные и говорят друг другу — ты.

ЧТО МОЖНО И ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ ХРИСТИАНИНУ

1800 лет тому назад открыт людям Иисусом Христом новый закон. Учением своим и жизнью и смертью своей Иисус Христос показал людям, что должно и чего не должно делать тому, кто хочет быть учеником его — христианином.

Учение Христа как теперь, так и тогда, было противно учению мира. По учению мира властители управляют народами и, чтобы управлять ими, заставляют одних людей убивать, казнить, наказывать других людей, заставляют их клясться в том, что они во всем будут исполнять волю начальствующих. По учению же Христа, ни один человек не может не только убивать, но насиловать другого, даже силою сопротивляться ему, не может делать зла не только ближним, но даже врагам своим. Учение мира и учение Христа были и всегда будут противны друг другу. И Христос знал это и говорил своим ученикам и предсказывал им, как он сам пострадает за истину (Мф. XX, 18), так и их за то же будут предавать на мучения и убивать (Мф. XXIV, 9), и что мир будет их ненавидеть, как он ненавидел его; потому что они будут не слугами мира, а слугами отца (Иоан. XV, 19—20).

И всё сбылось так, как предсказал Иисус. Мир возненавидел и искал погубить его.

Все — и фарисеи, и саддукеи, и книжники, и иродиане — упрекали его в том, что он враг кесарю, запрещает платить ему подати, смущает и развращает народ, что он злодей, что он делает себя царем и потому он враг кесарю. (Ин. 19, 12).

Еще до предания его на казнь: Лк. XX, 20, 21, 22, 23, 24, 25, подослали к нему «лукавых людей, которые, притворившись благочестивыми, уловили бы его в каком-либо слове, чтобы предать его начальству и власти правителя. И они спросили его: Учитель! мы знаем, что ты правдиво говоришь и учишь, и не смотришь на лицо, но истинно пути божию учишь. Позволительно ли нам давать подать кесарю, или нет? Он же, уразумев лукавство их, сказал им: Что вы меня искушаете? Покажите мне динарий; чье на нем изображение и надпись? Они

отвечали: Кесаревы. Он сказал им: Итак, отдавайте кесарево кесарю, а божие богу».

Тогда удивились ответу его и замолчали.

От него ждали, что он скажет: или то, что позволительно и должно платить подать кесарю, и этим разрушит всё свое учение о том, что сыны свободны, что человек должен жить, как птицы небесные, не заботясь о завтра и мн. др.; или что он скажет, что непозволительно платить подать кесарю, и этим покажет, что он враг кесаря. Но Христос сказал: кесарево кесарю, а божие богу.

Он сказал больше того, чего они от него ждали. Он определил всё, что имеет человек, на две части — на человеческую и божескую, и сказал, что человеческую можно и должно отдавать человеку, а божескую нельзя отдавать человеку и только богу. Этими словами он сказал им то, что если человек верит в закон бога, то он исполнит закон кесаря только тогда, когда он не противен богу. Для фарисеев, не знавших истины, был все-таки закон бога, который они не преступали бы, если бы им это и велел закон кесаря. Они не отступили бы от обрезания, от соблюдения субботы, от постов и от многого другого. Если бы кесарь потребовал от них работы в субботу, они бы сказали: отдадим кесарю все дни, но не день субботы. То же и с обрезанием и с другим. Ответом своим Христос показал им, что закон бога стоит выше закона кесаря и что человек может отдать кесарю только то, что не противно закону бога.

Что же для Христа и для учеников его кесарево, что божье?

Ужас берет, когда подумаешь о том ответе на этот вопрос, который услышишь от христиан нашего времени.

Божье, по суждению наших христиан, никогда не мешает кесареву, а кесарево всегда согласно с божьим. Вся жизнь отдается служению кесарю, и только то, что не мешает кесарю, отдается богу. Не так разумел это Христос. Для Христа вся жизнь была божья, а кесарю можно было отдавать то, что не божье. Кесарево кесарю, а божье богу. Что кесарево? Монета, плотское, не твое. Плотское всё и отдавай тому, кто берет, но жизнь твоя, полученная от бога, жизнь твоя, она вся божья. Ее никому нельзя отдавать, кроме бога, потому что жизнь человека, по учению его, есть служение богу (Мф. 4, 10).

И служить нельзя двум господам (М. 6, 24).

Всё плотское человек должен отдавать всякому и потому может отдавать кесарю, но служить не может никому, кроме бога. Если бы люди веровали в учение Христа, учение любви, ⟨они⟩ не могли бы поступать так, [что будто] все законы божеские, открытые всем Христом, для того, чтобы исполнять законы кесаревы.

ЦАРСТВО БОЖИЕ

Царство божие не приходит видимо, оно в самих людях (Лк. XVII, 20, 21).

Чтобы войти в царство божие, нужно возвысить сына человеческого. Сын человеческий это тот дух, который есть в каждом человеке, не зачат от плоти. Тот, кто возвеличит этот дух в себе, тот получает жизнь невременную и вступает в царство божие.

И потому царство божие всегда было и есть, и в него вступают те, которые полагаются на сына или, иначе, живут в разумении; а отделяются от царства божия те, которые не полагаются на сына или, иначе, делают дурное, или, еще иначе, не живут в разумении (Ин. III).

Царство божие надо понимать не так, что всякий человек в каком-нибудь месте или в какое-нибудь время войдет в царство божие, а так, что во всем мире всегда одни люди делаются сынами царства, а другие не делаются.

Бог дух — отец того духа, который в человеке, есть бог и отец только тех, которые признают себя его сынами.

И потому для бога существуют только те, которые удерживают то, что он дал им.

Он, как отец, сеет везде и собирает то, что осталось зерном (Мф. XIII).

Он дал всем людям возможность делаться сынами его и потому не вступает в дела мира (Мр. IV).

Для него мир людей, пока они живут, есть то же, что квашня для бабы. Делать с квашней ничего нельзя, — надо, чтобы она укисла сама. Бог не искореняет зла в мире, потому что он ничего не уничтожает и для него зла нет; для него есть только то, что принесло плод. Для бога мир людей, со всем тем злом, которое люди видят в мире, есть то же, что поле, посеянное хозяином. Он посеял и ждет жатвы, — всё, что не он сеял,— он не знает. Он знает свое и убирает свое, когда оно поспеет, а всё, что не есть то, что он сеял, — уничтожается.

Царство божие — как невод.

Он забирает всякую рыбу, но только для того, чтобы отобрать ту, какая нужна ему (Мф. XIII, 47).

Таково царство божие для бога, но для каждого человека царство божие внутри его.

Царство божие состоит в том, чтобы полагаться на сына и удерживать в себе разумение. Тот, кто не принимает разумения, — как дорога, когда на нее попадут семена; кто, хотя и принимает разумение, но потом отталкивается от него, — как каменистая земля, когда на нее попадут зерна, и она вырастит их, но не захватит корня; кто принимает разумение, но не соблюдает его в жизни, как земля, поросшая репьями, выводит пустой колос, — те не вступают в царство божие. Только те, которые принимают разумение и, несмотря ни на горести, ни на заботы, — как добрая земля, которая родит от зерна сто, — те только вступают в царство божие (Мф. XI).

Так вот в этом состоит царство божие, которое предвещает Иоанн: оно в том, что люди живут духом, а не плотью, что, несмотря на кажущиеся лишения, люди блаженны, видят не глазами, слышат не ушами; несчастные становятся блаженны, потому что блажен всякий, кто живет духом. Прежде для исполнения воли божией были пророки, — но Иоанн не был пророк. Он объявил царство божие на земле и показал, как вступать в него.

Он был больше, чем пророк: он сделал ненужным закон и пророчества, он объявил, что царство божие всегда на земле, и сам вступил в него.

Поэтому все пророки и закон, — всё это нужно было до Иоанна; от Иоанна царство божие объявилось, оно стало явно, как блаженство для людей, всякий может своей волей войти в него. Мудрецы и книжники всё по пророчествам и по закону отыскивают признаки царства божия, а не видят того, что перед ними, и мудрость и книжность их посрамилась. Вся тайна царства божия состоит не в том, чтобы учить закон и пророков, а в том, чтобы признавать отца своего, и потому-то тайна эта скрылась от мудрецов и открылась тем, которые признают себя детьми.

«Никто не знает, что сын, что отец. Только отец знает сына. И сын этот открывает, что̀ есть отец».

«Я сын отца — духа и я введу вас в царство божие, и потому идите ко мне все измученные и утружденные и учитесь у меня. Делайте то, что я делаю, и вы увидите, что легко мне жить, потому что я покорен и низок душою. Будьте такими же, как я, и вы найдете покой в жизни вашей, вы почуете, как просто и легко жить так же, как я живу».

И вот, объяснив то, что есть царство бога вообще, что есть царство бога для каждого человека, и то, как войти в него, Иисус еще другое, более ясное, простое поучение предлагает о том, что нужно делать для того, чтобы войти в царство бога. Он говорит: «Делайте, что я делаю, будьте то, что я», и в Нагорной проповеди объясняет, как он живет, и как надо жить, и что он делает, и что надо делать.

ЧЬИ МЫ?

Чьи мы — боговы или дьяволовы? В кого веруем: в бога или в дьявола? Кому служим: богу или дьяволу? Или нет ни бога, ни дьявола, ни доброго, ни злого, потому что не дано нам знать, что доброе, что злое? И хотели бы мы сказать так, да нельзя нам, бедным. Не знай ты, что доброе, что злое, тебе бы и жить нельзя. На каждый день, на каждый час надо выбирать: пойти или не пойти, взять или отдать, убить или простить. Посмотри на день твой и вспомни, как прожил, и на каждое дело твое и ты увидишь, что ты делал потому, что знал, что то хорошо, а то дурно.

В Библии сказано, что Адам в раю до вкушения плода не знал, что добро, что зло. Тогда он мог сказать, что не знает, что добро, что зло. А нам это и вообразить нельзя. Только скотов мы видим таких: живут, не зная, что добро, что зло. А где есть люди, есть и закон. Посмотрю на одного человека — каждый знает, что хорошо, что дурно, и по тому ведет свою жизнь. Посмотрю на людей вкупе — закон еще яснее: он написан, и все — либо признают его, либо не признают, зная другой закон лучше его.

Где же, какой тот закон, под которым мы живем? Не говори, что это закон того, что моему телу хорошо: есть, пить, совокупляться, блюсти своих детенышей. Это не закон, а нужды плоти, те самые, на которые нужен закон, те нужды плоти, какие есть и в скоте. У скотов нет закона, похоти у всех — одни. Все хотят того же. Чтобы не было того, что люди хотят есть одно, спать с одним, и перебьют друг друга, и ни тот, ни другой не поест и не поспит, — надо им делиться, надо поставить закон. А чтобы им поделить, надо ограничить похоть, и в сердце людей рождается закон о том, как ограничить похоть. И что ни похоть, то закон; потому что закон не что иное, как смирение, покорение похоти для другого. И таких законов много в сердце каждого человека. У скота нет закона, и нет нужды в нем. Худо ли, хорошо ли, но человеку без закона нельзя быть: закон написан в нем самом. И никогда не был че-

ловек без закона. Когда был один Адам (был ли он, или не был, всё равно), если был один человек, ему можно было жить без закона. У него одного были похоти, и они никому не мешали, но как стало два, три человека, так похоти их столкнулись. Я хочу съесть это яблоко. И я тоже. Один камнем убил другого, является третий, который не оставит этого дела так. В его душе скажется, хорошо или дурно сделал один. Один волк загрызет другого; третий ничего не скажет, не подумает, а станет вместе с убийцей есть убитого. А человек скажет и подумает: хорошо то или дурно. Найдя в сердце закон, не говори, что нет закона. Закон написан в твоем сердце. Если бы ты жил один день с людьми и делал бы дела, ты бы нашел закон. И теперь нет такого дела людского, на которое у тебя в душе не было бы суда по закону твоему, и своего дела, на которое ты бы не знал закона.

Если ты говоришь — нет закона, то ты говоришь, что так много стало законов, так бестолковы эти законы. Есть и такие — и много их, — что один закон велит, то другой воспрещает. А кроме того есть еще уставы, не покоряющие, а устанавливающие, как удовлетворять похоти. И их называют законами; так что живут в этом море законов и уставов люди как попало, не следуют никакому закону, смешивают уставы с законами и живут ни по какому, а по похоти. Если ты это говоришь, то это правда. Правда, что множество законов и уставов, что не видать ни одного настоящего закона и можно жить без закона. Это — правда, об этом самом я и хочу говорить, к этому-то и спрашиваю: чьи мы — боговы или дьяволовы?

Живем ли мы по закону, или по похоти — не забывай, что закон есть; и не закон, а тьмы законов есть, и мы следуем тысячам из них, и без них никогда не жил и не может жить человек; и так много стало законов, и так мы запутались в них, что мы можем жить по похоти — и так и живали многие — избирали те законы, какие с руки, и заменяли те, какие не с руки, другими законами. А законам нельзя не быть. Два человека проживут три дня, и то будут у них законы, а миллионы миллионов жили 5000 лет по Библии, и по науке — миллионы лет и не нашли законов? Это — пустое, и говорить этого не надобно.

Я сижу теперь в моем доме, дети учатся, играют, жена работает, я пишу. Всё это делается только потому, что есть законы, признанные всеми. В дом мой никто чужой не приходит жить, потому что он мой, и по 10-й заповеди никто не должен желать чужого. Дети учатся тому, что я велел, по 5-й заповеди; жена моя спокойна от покушений по 7-й; я работаю, что умею, по 4-й. Я назвал заповеди Моисея, но мог назвать тысячи законов государственных и обычаев, наполовину подтверждающих то же. Но сейчас же я найду, если хочу, и законы, и обычаи такие, которые отменяют эти законы. Я скажу: зачем у тебя

дом? Христос, показавший нам пример жизни, не имел где главы преклонить. Зачем у тебя дом, когда есть бедные без пристанища? Зачем у тебя дом, когда сказано — не заботьтесь? Я скажу: зачем заботишься о детях? Ни один волос не спадет без воли отца небесного. Зачем учишь их, когда блаженны нищие духом? Просто скажу: зачем учишь их языческой мудрости, когда ты христианин. Скажу: зачем учишь их для тщеславия, если лучше работать землю, зачем у тебя жена, когда благо лучше не жениться: зачем ты имеешь жену, когда сказано: кто не оставит жену... несть меня достоин? Зачем ты работаешь, пишешь это — против смирения и против непопечения о мирском? Так что, если бы я бросил дом, жену, детей, работу, я тоже делал бы по закону божию и нашел бы и законы государственные и обычаи себе в поддержку. Бросить жену, детей и пойти в монастырь или бросить жену, детей, развестись, жениться на другой и распутничать — и для всего я нашел бы подтверждение в законах и божеских и человеческих; так что, — что хочешь, то и делаешь — на всё можно подвести законы.

Вот в каком мы положении и вот что нехорошо. Не то, что нет законов, а то, что их слишком много, и мы больно умны стали. И вот к чему я спрашиваю себя: боговы ли мы, или дьяволовы?

Но опять ты спросишь: что такое боговы или дьяволовы? Ты скажешь: пора оставить эти старые слова; много уже толковали про эти басни, про бога, про дьявола, много и зла наделали и крови пролили из-за этих басен. Теперь уже время пришло, когда умны стали, перестали верить в эти побасенки — бога и дьявола. И если хочешь говорить, то говори так, чтобы тебя можно было понимать, а слов важных и бессмысленных не говори. Что такое бог, что такое дьявол? Никто никогда не видал ни того, ни другого и даже представить себе не может. Есть люди, и люди же выдумали и бога и дьявола; и выдумали и бросили уже давно выдумку эту, как ненужную. Хочешь говорить, так говори про людей.

Про людей-то я и хочу говорить и потому говорю и про бога и про дьявола — тот и другой сидят в них и нераздельны с ними. Говорю так, называю бога и дьявола потому, что иначе нельзя сказать того, что я хочу сказать.

Ты говоришь: нельзя понять, что бог сидел, сидел где-то вечность, и вдруг вздумал: «дай сотворю мир», — и стал творить в семь дней, проговорив: хорошо. Правда, нельзя понять нам с тобою, когда мы ничего не спрашиваем и нам вдруг говорят всё это. Но скажи, можно ли понять то, чтобы всё, что есть, — было и не имело начала? Нельзя. И ты говоришь, что всему есть начало, и даже, восходя от начала к началу, ты дошел далеко, и по соображениям и догадкам дошел до начала не за 7000 лет, а гораздо дальше. И там ты видишь не только

образование земли и живого на ней, но образование солнца и еще дальше. Но как ни далеко ты зашел, ты признаешь, что начало начал так же далеко и недоступно. Но ты все-таки ищешь начала начал, на него обращен твой взор, от него — ты говоришь — возникло всё. Ну вот это самое, не часть, а начало начал, это самое я и называю богом. Стало быть, когда я говорю «бог», ты не можешь не понимать меня и осуждать меня. Мы оба его не знаем, потому оба одинаково верим, и никто не может требовать от нас понимания бога такого, каким он в книге Бытия. Нам бы надо отказаться от того, чем мы понимаем, от нашего ума, чтобы понимать его таким. Точно так же, как никто не может требовать от Моисея, чтобы он понимал небеса, солнце, луну и звезды больше земли. Но ответ Моисея на вопрос, откуда мы взялись, тот же самый, какой дал и ты: от начала начал, от бога.

Но — скажешь ты — это начало начал всё еще далеко не то, что разумеют под словом бог. Под словом этим разумеют существо, заботящееся о людях. Говорят, что он пальцем написал закон, ходил в купине, прислал сына и т. д. Этого всего нет в разумном понятии начала.

И я согласен на такие слова: в начале начал нет такого бога. Но как непонятен тебе бог живой, жалеющий, любящий и гневающийся на людей, так же непонятно для ума человеческого, что такое он сам, что такое его жизнь. Скажи мне, что такое жизнь, и я скажу, что такое бог живой. Ты говоришь: жизнь есть сознание ложное, но всегда присущее человеку, своей свободы и удовлетворение своих потребностей и выбор между ними. Но откуда взялась эта жизнь? Ты говоришь: она развивалась из низших организмов. Но низшие организмы несли уже в себе сознание это, и откуда взялись низшие? Ты говоришь: от бесконечного начала. Я называю то же самое богом. Я говорю: сознание моей жизни, сознание свободы есть бог.

Но и это не весь бог. Он только творец и живой. Но кроме того, что я есть, что я жив, стремлюсь к удовлетворению своих потребностей, сознаю свободу выбора, я имею еще разум, руководящий меня в этом выборе. Откуда разум? Разум этот ищет начала, разум этот борется с самим человеком, покоряет его самого, его похоть, ставит ему законы; а законы не что иное, как борьба, одоление похоти. Скажи мне, откуда этот разум человека, уставляющий законы, противные плоти?

Ты говоришь: законы эти от человека. Но разум человека откуда? От развития живого? И живое от неживого? Но и в неживом были эти зародыши. В оторвавшихся частях вертящегося солнца уже были зародыши разума. А в солнце и в тех звездах, от которых оторвалось солнце! Если есть разум и он произошел от развития, то начало его также скрывается в бесконечности. Вот это-то начало начал разума и есть тоже бог. И как у тебя,

так и у меня, всё те же понятия начала существующего — те, что начало жизни и разума сливаются в одно. Ты указываешь только на ход твоей мысли, а я называю всё богом. Но называю потому, что мне нужно как-нибудь назвать то, на что ты только указываешь и что раздробляется у тебя на три пути мысли.

К чему же дьявол? — спросишь ты. Человек — плоть, имеет жизнь и разум и развивается. Вот и всё. Но здесь я должен остановить тебя. Хорошо говорить, что веревка развивается, зародыш развивается в яйце, но недобросовестно прилагать это слово к человеку и человечеству. Ты, если человек, ты живешь. А потому не продолжай говорить о развитии, а прямо посмотри на себя и укажи, что ты делаешь, имея жизнь и разум? Если ты это сделаешь, то ты ответишь, что ты ищешь разумного выбора между всеми требованиями твоего тела; только в этом вся наша жизнь. Когда есть выбор (жизнь человека не бывает без этого сознания), человек ищет наилучшего, наисогласнейшего с разумом и его законами (с законами бога). Вот это-то самое, что несогласно с законами разума, я называю дьявольским...

Москва, Долго-Хамовнический переулок
№ 15, 1887.

** СОГЛАСИЕ ПРОТИВ ПЬЯНСТВА

Ужасаясь перед тем страшным злом и грехом, которые происходят от пьянства, мы, нижеподписавшиеся порешили: во-первых, для себя никогда не пить пьяного — ни водки, ни вина, ни пива, ни меда и не покупать и не угащивать ничем пьяным других людей; во-вторых, по мере сил внушать другим людям, и особенно детям, о вреде пьянства и о преимуществах трезвой жизни и привлекать людей в наше согласие.

Просим всех согласных с нами заводить себе такой же лист и вписывать в него новых братьев и сестер и сообщать нам.

Братьев и сестер, изменивших своему согласию и начавших опять пить, просим сообщать нам об этом.

Первые записавшиеся братья и сестры:

Лев Толстой.

* [ЗАЧЕМ Я ЖИВУ?]

[1] *Зачем я живу?*

[2] Чтобы исполнять волю бога.

Да будет воля твоя. Не моя воля да будет, но твоя, и не то, что я хочу, а то, что ты хочешь, и не так, как я хочу, а так, как ты хочешь.

Пища моя в том, чтобы творить волю пославшего меня.

Сначала кажется каждому человеку, что он живет для своего счастия, радостей, удовольствий. Многие живут так и до конца жизни. Но это большая ошибка.

Это большая ошибка, во-1-х, потому, что все радости и удовольствия приедаются и наскучают. Человек желает какой-нибудь радости, и ему кажется, что он будет счастлив, но только что получит то, чего желает, радость эта перестает быть радостью, и хочется новой радости, и еще новой, и еще, и еще, и так без конца. А так как радостей всех немного и все они прискучают, а желаниям нет конца, то, как бы ни был силен и богат человек, он никогда не будет доволен, а напротив, чем он будет богаче, тем ему будет скучнее, потому что чем больше у человека радостей, тем меньше они радуют.

Это одно, почему человек, положивший свою жизнь в радостях, не получит их.

Блаженны алчущие, потому что они насытятся. Горе вам, пресыщенн[ые], потому что вы уже получили свою награду.

Другое то, что все люди — да не только люди, но и животные, — желают получить себе как можно больше хорошего, и все борются и воюют за это хорошее и в этой борьбе, вместо радостей, мучают и губят друг друга.

И третье, главное, почему человек, положивший свою жизнь в счастье, радости и удовольствиях, не получит их — это то, что, как бы ни был человек силен, и богат, и учен, он никогда

---

[1] *Зачеркнуто:* В[опрос].
[2] *Зач.:* О[твет].

не может предвидеть и избежать всех бедствий и несчастных случаев: наводнений, пожаров, моров, болезней, а главное, старости и смерти, которые приходят ко всем.

(Притча о человеке, сломавшем житницы и построившем новые. Башня Силоамская. Жертва Ирода.)

И потому человек, который полагает свою жизнь в своем счастии, радостях и удовольствиях, всегда вместо этого получает много горестей, страданий и муки, ⟨и⟩ никогда не будет спокоен, а всегда будет бояться смерти и умрет с отчаянием. От этого-то нельзя жить для счастья, радостей и удовольствий, а можно жить только для того, чтобы исполнять волю бога.

Что значит бог?

Бог это та сила, которая сделала меня таким, какой я есть, и послала в мир. Если бы я был одно животное, я бы жил, как живут животные, не зная, что я живу, и не спрашивая себя о том, что со мной будет. Но как скоро я знаю, что счастье, которое я ищу, не дается мне, знаю, что я умру, и вместе с желанием истинного блага и вечной жизни я не могу не видеть, что в мое животное вложено что-то не животное, вот то именно, что вложено в меня животное, это не животное сделало из меня соединение животного и духовного, и послало в окружающий мир, и есть то, что я называю богом.

Что значит жить для того, чтобы исполнять волю бога?

Жить для того, чтобы исполнять волю бога, значит понять то, что мы пришли в этот мир не по своей воле, не сами собой и не для себя, а посланы сюда богом не для своего, а для его дела.

(Притча о виноградарях, получивших сад готовый и не отдавших плода.)

Так же поступают и люди, заботясь только о себе и забывая то, что они не сами по себе пришли в мир, а что кто-то их послал, не только их одних, но их отцов, дедов, прадедов, прапрадедов. Забывают, что кто-то устроил этот мир, и поэтому требует, чтобы люди, пришедшие по воле этого кого-то в мир, делали, что он хочет.

Всякий разумный человек должен понимать себя в этом мире так же, как понимает себя работник, который пришел бы на большой завод и увидал бы, что для него готово помещение, постель, пища и орудия работы. Всякий разумный рабочий поймет, что для того, чтобы пользоваться всем тем, что для него приготовлено, ему надо работать. То же должен понять и человек. Мир — это большой завод, на который пришел че-

ловек. Бог это хозяин этого завода, а работа, которую должен делать работник, это то, чего хочет бог от человека, послав его в мир.

Зачем бог послал человека в мир?

Зачем существует мир таким, каким он есть, — мы не можем знать, как не может знать работник на заводе, зачем хозяин устроил такой завод, а не другой, но мы можем знать и знаем, что делается богом в мире, и знаем таким, какой он есть, как и работник на заводе знает, что делается на заводе, хотя он работает только малую часть того, что вырабатывается. То же, что хочет бог от человека, чем он призван участвовать в общем деле, человек знает так же хорошо, как знает это рабочий, которому распорядитель дал орудие работы и показал, что именно ему надо делать.

В чем та работа божия, в которой человек должен участвовать?

Работа, в которой он призван участвовать, состоит в том, чтобы вместо разъединения и вражды, которые царствуют в мире, устанавливать единение и любовь. Он знает это, во-первых, потому, что в этом всё большем и большем объединении и [*1 неразобр.*] людей и постепенной замене вражды и насилия — согласием и любовью заключается вся жизнь человечества с тех пор, как мы знаем ее.

В самые древние времена люди поедали друг друга, потом избивали поголовно, мучили рабов, пытали, колесовали. Чем дольше живут люди, тем жизнь их разумнее и нравы мягче. Во-2-х, человек знает это из того, что это самое предсказывали все мудрейшие люди древности, пророчествовавшие между прочим то, что придет время, когда люди будут все научены богом, перекуют копья на серпы и мечи на орала. В-3-х, из того, что его собственный разум говорит ему, что разъединение и вражда невыгодна людям и что наибольшее счастье, к которому стремятся все люди, может быть достигнуто только при наибольшем единении людей между собой.

Так что человек знает, в чем та работа, в которой должен участвовать.

Что должен делать человек для того, чтобы участвовать в деле божием?

Жить соответственно своей истинной природе. Жить же соответственно своей природе значит разрешить то внутреннее противоречие, которое возникает в душе каждого человека, как скоро в нем пробуждается разум.

В чем состоит внутреннее противоречие жизни человека?

Всякий человек, как только в нем пробудится разум и он узнал про то, что он живет отдельною жизнью и другие существа живут так же, сознает в себе два как будто противоположные существа: одно, которое признает себя отдельным от всех других существом и хочет блага только себе; другое, которое ясно сознает невозможность этого блага, сознает неминуемость смерти и потому считает жизнь своего отдельного существа бессмысленной, ничтожной и не стоящей заботы и труда.

Как разрешается внутреннее противоречие жизни человека?

Человек, пробудившийся к разумному сознанию, не может признать себя в отдельном, телесном и смертельном существе, цель которого есть его благо, потому что ясно видит, что благо невозможно и жизнь отдельного существа есть не жизнь, а только подобие жизни; а между тем жизнь человек не может мыслить иначе, как желанием блага. Жизнь проявляется [у] человека только как желание блага; без желания блага не мыслим жизни, а между тем разум, пробудившийся в человеке, показывает ему, что ни благо, ни жизнь невозможны для его отдельного существа, в котором одном он признает жизнь. Необходимо отречься или от жизни, или от разума, но ни то, ни другое невозможно, потому что и то [и] другое составляют нераздельную часть одного и того же существа.

Разрешение этого противоречия только в том, что истинная жизнь человека с пробудившимся в нем разумом уже не в его отдельном, телесном существе, а в том новом существе, которое родилось из животного существа с появлением в нем разума. Разрешение в том, что признание собою своего отдельного, телесного существа тогда, когда пробудился в человеке разум, есть заблуждение, подобное тому, в котором находилась бы бабочка, выведшаяся из куколки, продолжая признавать собою свою куколку, от которой она уже отделилась. В этом новом рождении состоит разрешение противоречия жизни человеческой, открываемое христианским учением.

Каким образом рождение к новой жизни разрешает противоречия желания блага и сознания невозможности его?

На низшей ступени жизни существа живут, не зная про свою отдельность от всего мира и не зная того, что они желают себе блага. Так живет зародыш в утробе матери и младенец, так живут и растения и животные. Но приходит время, когда

в человеке пробуждается разум, и он узнает про свою отдельность от всего мира и про то, что он живет и желает себе блага. И это новое сознание, это новое рождение, которое должно бы, казалось, дать радость человеку, в первое время вызывает в нем раздвоение и страдание. Совершается нечто подобное тому, что совершается при плотском рождении. Младенец, оставляя старые, привычные и вступая в новые, непривычные формы жизни, страдает и отчаивается. Человек жил, т. е. желал блага, не зная про свою отдельность и невозможность получить благо и неизбежную смерть, и вдруг, продолжая точно так же жить, т. е. желать блага, узнает, что не только оно, но и жизнь, невозможны для него.

Но как при плотском рождении страдания младенца продолжатся только до тех пор, пока он не признает себя новым существом с новыми требованиями жизни, так и при рождении разумного существа в человеке раздвоение и страдания его продолжатся только до тех пор, пока он не признает себя новым существом с новыми требованиями жизни.

В чем сущность нового существа человека с пробудившимся разумом?

Желание блага есть сущность всякой жизни. Проснувшийся к разумной жизни человек сознает жизнь также как желание блага. Но так как вместе с пробудившимся разумным сознанием он понимает себя и отдельным, телесным и смертным существом, то он видит, что желание блага его неосуществимо. И поэтому, чтобы развязать это противоречие, ему нужно одно из двух: или отречься от желания блага, что для него невозможно, потому что без желания блага нет жизни, или признать себя не тем отдельным, телесным существом, которым он представляется себе в первое время после своего рождения к разумной жизни, а тем духовным нераздельным существом, которое знает про отдельность и смертность телесного существа и требует себе истинного блага и истинной, т. е. вечной жизни.

В этом сознании себя не отдельным, телесным и смертным, а нераздельным, духовным и бессмертным существом и состоит сущность того нового существа, которое рождается в человеке при рождении его разумного сознания.

В чем состоят новые требования разумного существа, родившегося в человеке?

[ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ]

На днях приехали к нам молодые люди из Харькова и привезли с собой 100 рублей с намерением распределить их между нуждающимися. Они хотели открыть столовую в нашей местности, но сумма эта так невелика, что не хватит на содержание большой столовой до нового урожая; кроме того, со стороны администрации встречаются препятствия для открытия столовых. И потому я посоветовал распределить помощь по разным деревням между крайне нуждающимися. С этой целью я их направил к священнику нашего большого прихода и председателю попечительства. Священник указал на семьи наиболее нуждающиеся, и молодые люди обошли эти семьи, прибавивши еще некоторых, и вновь просили священника проверить их списки.

Когда всё это было сделано, я попросил муку по более дешевой цене для благотворительной цели. Купец согласился взять 80 коп. вместо существующей цены 85 коп. Молодые люди, заплатив за муку, передали записки на получение муки нуждающимся, и началась раздача. Часть муки была разобрана, когда вдруг становой и урядник воспретили выдачу муки нуждающимся и на замечания купца о том, что деньги уже заплачены и что поэтому ему надо выдать муку по назначению, они сказали, что это не их дело, а что выдача муки запрещается, и взяли подписку с купца о том, что он муку выдавать не будет.

Распоряжение это подтвердило мне то, что я говорил становому Чернского уезда, предлагавшему мне просить разрешения у губернатора на открытие столовых. Я сказал именно, что если просить разрешение на открытие столовых, то надо просить разрешения и на подачу милостыни, т. е. на бесплатную раздачу муки, или хлеба, или даже и денег.

20 июня 1898 г. Лев Толстой.

* ЧТО НУЖНЕЕ ВСЕГО ЛЮДЯМ

Человеку необходимо нужно действовать, совершать поступки: в этом жизнь человеческая. Человек, как лошадь на колесе: колесо вертится под ее ногами, потому что она переступает, а она переступает потому, что колесо вертится под ее ногами. Разница между человеком и такою лошадью только та, что человек, поставленный в необходимость совершать поступки, не может не оценивать эти поступки, считая одни из них хорошими, другие дурными.

Не входя в рассмотрение того, имеет ли человек свободу избирать одни поступки и совершать их и воздерживаться от других, или эта свобода выбора есть только иллюзия, несомненно то, что от признания человеком одних поступков наиболее хорошими и желательными, других менее хорошими и желательными, и еще других — вовсе нехорошими и нежелательными, зависит и совершение и воздержание от тех или других поступков.

От чего же зависит оценка поступков людей, признание одних хорошими и желательными, других — менее хорошими и желательными, и третьих — вовсе нехорошими и нежелательными?

В различных людских деятельностях мы знаем, что оценка важности, нужности поступков определяется назначением самой деятельности. Так земледелец, признавая своим назначением возделывание растений, знает очень хорошо, что самое важное и хорошее дело для него состоит не в каком-либо постороннем занятии, а в пахоте, удобрении, посеве, уборке и т. п.; знает также соответственно своему назначению, какие из его земледельческих [занятий] самые и какие менее важные. Так что в частной деятельности людей несомненно то, что только знание назначения своей деятельности может руководить челове[ком] в выборе его поступков, и без знания своего назначения для человека невозможна никакая деятельность.

Точно то же и по отношению всей жизни. Человек, хочет ли он, или не хочет этого, должен жить, совершать поступки.

Для того же, чтобы знать, какие, из предлежащих ему, поступки самые хорошие и желательные, какие менее и какие вовсе нежелательны ему, необходимо знать свое назначение и назначение всей своей жизни. Без этого знания невозможна разумная жизнь человека. И поэтому такое знание и возможно, и необходимо для людей, и всегда было у людей. Знание это, определяющее назначение человека в жизни, есть то, что называется религией, верой. Знание это всегда было у людей, но в последнее время всё чаще и чаще, всё распространеннее и распространеннее стала проявляться мысль, что знание это своего назначения, т. е. религия, вера, совсем [1] не нужно [2] для людей и может быть заменено наукой, т. е. изучением внешних явлений жизни и законов, управляющих ими.

---

[1] *Слово:* совсем *написано дважды.*
[2] *В подлиннике:* не нужны

* О СОЗНАНИИ ДУХОВНОГО НАЧАЛА

I. *Жизнь есть сознание неизменного духовного начала, проявляющегося в пределах, отграничивающих это начало от всего остального.*

II. Пределы этого отграниченного от всего остального начала представляются человеку движущимся телом своим и других существ.

III. Отдельность, несливаемость, непроницаемость одного существа другим может представляться только телом (материей), движущимся независимо от движений других существ.

IV. И потому как телесность и пространство, так и движение и время суть только условия возможности представления отделенности нашего духовного существа от всего остального, т. е. от неограниченного, не телесного, не пространственного и не движущегося, не временного духовного существа.

V. И потому жизнь наша представляется нам жизнью пространственного тела, движущегося во времени.

VI. Нам представляется, что наше тело, составляя одну часть бесконечного в пространстве телесного мира, происходя от родителей, предков, живших прежде всего в бесконечном времени, получает начало в утробе матери, рождается, растет, развивается, потом слабеет, сохнет и умирает, т. е. теряет свою прежнюю телесность, переходя в другую, перестает двигаться и — умирает.

VII. В действительности же истинную жизнь нашу составляет только сознание того духовного существа, которое отделено от всего остального и заключено в пределы тела и движения.

VIII. Духовное существо это всегда равно само себе и не подлежит изменениям; нам же кажется, что оно растет и расширяется во времени, т. е. движется. Движутся же только пределы, в которых оно находится; нам это кажется так же, как кажется, что движется месяц, когда тучи бегут через него.

IX. Жизнь представляется сначала человеку материально-пространственной и движущейся, временной. Человек признает сначала своей жизнью те пределы, представляющиеся ему движущейся материей, которые отделяют его от всего, и полагает, что его жизнь материально-пространственна и самодвижно-временна, и в движении этой материи во времени видит свою жизнь. В прекращении же движения этой материи он видит прекращение своей жизни.

X. Жизнь же истинная есть проявление сознания из-за пределов пространства и времени. И она всегда есть. Те промежутки отсутствия сознания, которые нам кажутся, только тогда, когда мы смотрим на движение пределов сознания в себе и других существах. Когда же мы смотрим из себя, мы знаем, что сознание одно и не изменяется, не начинается и не кончается.

XI. Так что люди приписывают два различных значения слову «жизнь». Одно значение есть понятие движущейся, отделенной от всего остального материи, признаваемой человеком собою, и второе — неподвижное, всегда равное себе духовное существо, которое человек признает собою.

XII. Понятия эти кажутся различными, но в сущности это не два, а только одно понятие; понятие сознания себя *духовным существом, заключенным в пределы*. Признание жизнью пространственного и временного существования отделенного существа есть только недодуманность. Сознание себя отделенным от всего существом возможно только для духовного существа. И потому жизнь всегда есть жизнь духовного существа. Духовное же существо не может быть ни пространственно, ни временно.

XIII. И потому признание всей жизнью материального временного существования человека есть ошибка мысли, есть признание части за целое, последствия за причину, — есть такая же ошибка мысли, как признание силою, движущею колесом мельницы, падающей струи воды, а не реки.

XIV. Различие между признанием жизнью духовного неизменного начала, а не проявления его в тех пределах, в которых оно проявляется, всегда было делаемо всеми религиозными учителями. На этом разъяснении различия двух понятий жизни основано учение Евангелия об истинной жизни: жизни духа и ложной жизни: жизни плотской, временной.

XV. Разъяснение это очень важно потому, что из сознания того, что истинная жизнь заключается только в духовном существе, вытекает добрая жизнь, то, что дает наибольшее благо людям. Из этого сознания вытекает то, что составляет основу доброй жизни: вытекает любовь, т. е. признание единства своей жизни со всеми существами мира.

МОЛИТВА

1

Хочется помощи от бога, а помощь в тебе. Только люби всех, люби и в делах, и в словах, и в мыслях, и будет та помощь, какую ищешь.

2

Ничего не желаю от людей, потому что знаю, что благо мое не в их любви ко мне, а в моей любви к ним. И потому не хочу думать о том, хорошо или дурно судят обо мне люди, хочу думать только о суде того бога, который живет во мне. А угодить этому богу знаю, что можно только тем, чтобы любить людей и делом, и словом, и мыслью.

3

Не знаю того, что будет со мною через год, через день, через час. Одно знаю, что всё, что будет, будет по твоей воле. А всё, что бывает по твоей воле, всё благо. И потому желаю только одного: того, чтобы быть всегда в тебе и с тобою. А для того, чтобы быть всегда в тебе, с тобою, знаю, что нужно одно: любить людей. Буду же помнить это и полагать на это все свои силы.

ДЕТСКАЯ МОЛИТВА

Живу я и телом и душою. Тело болеет, стареется и умирает. Душа не болеет, не стареется и не умирает. Тело радуется добру только в самом себе, душа радуется добру во всем живом. В душе живет бог, а бог хочет добра всех, и потому душа хочет добра не себе одной, а всему живому. Буду же жить не телом, а душою, чтобы радоваться добру не своего тела, а всего живого. Не буду заботиться о своем теле, о том, чтобы мне одному было хорошо, а буду стараться о том, чтобы делать другим то, чего себе хочу: всем угождать, всем делать приятное, всех любить.

МОЛИТВА

Не знаю, доживу ли до завтрашнего дня, будут ли жить, или нынче-завтра, прежде меня, помрут все, кого я люблю и кто меня любит; не знаю, буду ли я здоров, или болен, буду ли сыт, или голоден, уважаем или осуждаем людьми. Знаю одно то, что всё, что будет со мною и со всеми, кого я люблю, будет по воле того, кто живет во всем мире и в моей душе. А всё, что бывает по воле его, всё добро. И потому не буду думать о том, что будет со мною и со всеми теми, кого я люблю. Буду стараться только об одном: о том, чтобы быть всегда с ним, с тем, кого я в себе знаю любовью. А для этого нужно мне одно: любить всех и в делах, и в словах, и в мыслях, значит, делать, что могу доброе всем тем, с кем буду сходиться, никому не говорить и ни про кого не говорить худого и прежде всего в мыслях своих не позволять себе думать дурное о людях.

Буду же помнить это и полагать на это все свои силы.

⟨МОЛИТВА⟩

Если я в любви, то бог во мне, и я в боге. А если бог во мне и я в боге, то всё хорошо, и не может со мною быть ничего худого. Так буду же всегда в любви со всеми и в делах, и в словах, и пуще всего в мыслях.

МОЛИТВА]

⟨ПО УТРАМ

Помню, что бог — это любовь, и чтобы жить хорошо, надо всех любить, быть в любви: ни на кого не сердиться, всем уступать, ни про кого не говорить и не думать дурного.

ПО ВЕЧЕРАМ

Дай вспомню, в чем я нынче ошибся против людей, на кого рассердился, в чем и кому не уступил, про кого сказал и подумал дурное, кому мог услужить и не услужил.⟩

* [НЕ УБИЙ]

«Не убий». Но как можно не убивать, когда убийство может быть необходимо для спасения не только своей жизни, но и жизни других, близких, да и вообще людей? Мало этого, как же можно не убивать не только злобных зверей, но и мирных животных, если смерть их необходима для поддержания жизни людей? Но мало и этого, разве есть возможность не убивать змей, крыс, мышей, всяких гадов, насекомых? Мы шага не можем ступить, не уничтожая жизни существ. И потому безубойное питание есть ни на чем не основанная фантазия.

Так говорят очень часто, но, удивительное дело, ничто лучше этих доводов не показывает справедливость и нравственную обязательность заповеди: не убий, как именно это рассуждение. Совершенно справедливо, что может быть трудно воздержаться от убийства ради защиты или прокормления, справедливо и то, что трудно воздержаться от убийства гадов и совсем невозможно удержаться от уничтожения жизни насекомых. Всё это справедливо, но дело в том, что цель всякой нравственной деятельности состоит никак не в достижении *полного совершенства,* а в *совершенствовании,* т. е. во всё большем и большем приближении к совершенству. Полное совершенство есть свойство только бога, свойство же человека есть только приближение к совершенству. И потому рассуждение о том, что если мы никогда не можем быть свободными от убийства, то и заповедь: не убий, не может быть нравственным руководством, — такое рассуждение есть или обман, или грубое заблуждение. Как во всякой нравственной деятельности, так и в следовании заповеди: не убий, дело не в достижении полного совершенства, а только в том, чтобы как можно больше приближаться к нему: как можно меньше убивать всяких живых существ, очевидно прежде всего людей, потом более близких, потом менее близких человеку существ, вызывающих в нас живое

чувство сострадания, а потом и насекомых, и даже растения.

Чем дальше уйдет человек по этой лестнице [1] сочувствия к другим существам, тем лучше и другим существам и самому человеку.

Лев Толстой.

Ясная Поляна. 1910, 17 января.

---

[1] *Зачеркнуто:* сострадания.

[ИЗРЕЧЕНИЯ]

1

Угождай людям, забывая о боге, и люди не будут любить тебя; угождай богу, забывая о людях, и люди полюбят тебя.

Лев Толстой.

9 окт. 1906.
Ясная Поляна.

2

9 июня 1910.

Как только искусство перестает быть искусством всего народа и становится искусством небольшого класса богатых людей, оно перестает быть делом нужным и важным, а становится пустой забавою.

Лев Толстой.

ВАРИАНТЫ

КАЗАКИ

БЕГЛЫЙ КАЗАК

ТЕРСКАЯ ЛИНИЯ

〈Червленная станица — сердце гребенских казаков. Она расположена по сю сторону Терека, против одного из самых больших, мирных, но беспокойных аулов Большой Чечни, находящегося на той стороне.〉

Вся часть Терской линии, начиная от станицы Каргалиновской и до Николаевской — около 80 верст, носит на себе почти одинаковый характер и по местности и по населению 〈но в станице Червленной характер населения сохранился резче, чем в других〉. Быстрые, неглубокие, мутные воды Терека, успокоившись немного от своего горного падения, но беспрестанно оплодотворяемые и усиливаемые горными потоками с Кочкалыковского хребта, текут вдоль гор от Николаевской станицы довольно прямо по подвижному песчаному ложу, изредка поворачивая небольшим коленом и быстро мча в своих волнах черные коряги на всем протяжении, изредка охватывая с двух сторон островок, покрытый грушами, тополями, чинаром, карагачом, переплетенным диким виноградником и повиликой, и постоянно нанося сероватый песок на правый низкий, заросший камышом правый берег и подмывая обрывистый, хотя и невысокий, левый берег, с его корнями столетних дубов, гниющими упавшими деревьями и ракитовым подростом. По правому берегу расположены мирные аулы.

Вдоль по левому берегу, в полуверсте от воды, которую занимают виноградники на расстоянии 10—7 и 20 верст, расположены станицы. В старину большая часть этих станиц была на самом берегу, но Терек каждый год подмывал левый берег и, отклоняясь к северу от гор, смыл их, и видны теперь еще во многих местах густо заросшие старые городища, сады, виноградники, но уже никто не живет там, и место опасное от абреков, только по песку видны оленьи, бирючьи и заячьи следы, которые полюбили эти места.

Из станицы через станицу идет линия, дорога, прорубленная на пушечный выстрел, где лес, по которой расположены кордоны, домики с вышками, в которых всегда стоят казаки, между кордонами — бекеты (пикеты), тож на 4 колышках аршина на 3 от земли сделаны вышки, на которых тоже всегда видно казака в своей мохнатой шапке и лошадь его, которая в треноге ходит около, в густой траве.

Только узкая полоса плодородной лесистой земли сажен в 300, на которой и расположены станицы со своими садами, отделяет с левой стороны Терек от песчаных бурунов Ногайской степи — идущей далеко бесконечно на север, сливающей[ся] с Трухменской, Астраханской, Киргиз-Кайсацкой степью. Но между Чеченским Затеречьем и этой Ногайской степью, на плодородной, живописной, богатой растительностью полосе, живет это казачье гребенское воинственное, праздное, ⟨но исполненное во всех проявлениях жизни поэзией чисто-русское⟩ и староверческое население.

⟨Очень, очень давно предки их староверы бежали из России и поселились за Тереком между чеченцами на Гребне (теперь называемом Кочкалыковским хребтом), первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Там жили казаки, усвоив себе обычаи, образ жизни, характер населения горцев, перероднившись с ними даже так, что до сих пор тип восточный черкесский преобладает даже в лицах, хотя и не в сложении гребенцев, но с свойственной славянскому племени своеобразностью, удержав во всей прежней чистоте свой язык и веру.⟩ ⟨Предание, еще свежее до сих пор между казаками, говорит, что царь Иван Грозный приезжал на Терек, вызывал с Гребня стариков к своему лицу, дарил им землю по сю сторону реки, увещевал жить в дружбе с русскими и обещал не принуждать их ни к подданству, ни к перемене религии. Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, лени, грабежу и разгулу составляет главную черту их характера.⟩ Закинутый народ християнский в уголок земли, окруженный полудикими магометанами, считает себя стоящим на высокой степени развития и удерживает обычаи и нравы старины с поразительным постоянством. Влияние России выражается только с невыгодной стороны — войсками, которые стоят и проходят там. Казак больше по влечению любит горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтоб защищать его станицу, и закурил его хату табаком. Влияние гражданского благоустройства как-то нескладно и невыгодно действует еще до сих пор на казачество. Грамотность почему-то прививает вдруг этому свежему народу все пороки полуобразования, уничтожает сразу всю прелесть и все истинные достоинства казачества, не принося никакой пользы. Несмотря на то, что казак смотрит на женщину, как магометанин, заставляет ее работать, удаляет от общих вопросов жизни, вообще смотрит на нее, как на орудие свое[го] материального

благосостояния, женщина в казацком быту имеет огромное влияние. Впрочем, мне кажется, что восточное воззрение на женщину, состоящее в удалении от общественной жизни и в принуждении ее к работе, должно давать тем большую силу и влияние в домашнем быту. Казак или татарин, который при других боится сказать слово со своей женой ласково или праздно, не отдавая ей приказанья, чувствует невольно ее превосходство в домашнем быту. Всё хозяйство в ее руках, всё имущество есть плод ее труда, она умнее своего мужа, потому что трудолюбивее, она даже сильнее его. И действительно, характер и красота гребенской женщины замечательны. С самым чистым черкесским типом лица,[1] вы встречаете необыкновенно мощное, немного мясистое развитие тела русской женщины. Характер женщин грубо циничен, но искренен, пылок и энергичен чрезвычайно. ⟨Вся жизнь казака проходит на кордонной службе или по праздникам в станице в пьянстве. Казак тонок, худ, часто мал ростом даже. Но казак понятлив, ловок, насмешлив, охотник и храбр, хотя и хвастун немножко.⟩

2

Я приехал жить в Червленную. Квартиру мне отвели у казачьего офицера. Встретил меня мужчина лет 30 с острой бородкой, в полинялом лиловом шелковом бешмете, синих узких портках и старенькой желтой папахе. Это был хозяин дома.

ПИСЬМО ОФИЦЕРА

Давно я не писал тебе. ⟨Я был в набеге и теперь неделю, к несчастью, вернулся здоров и цел и опять в ту же станицу. Не шутка то, что я говорю к несчастью.⟩[2] Я теперь, и именно нынешний вечер, так счастлив, как только может быть человек. Ты подсмеивался надо мной, когда я писал тебе про свою любовь к казачке, к дереву, к станице, ты говорил: Я сам часто это думал. Но всё не легче. Кто бы она ни была для меня, но она всё для меня. Может быть, точно, что я в ней люблю природу, люблю ее как олицетворение прекрасное природы, но я люблю ее, как нельзя любить. Может быть тоже, что одиночество делает это; да, мне необходимо одиночество, и в одиночестве я вполне сам чувствую себя хорошим и в те только минуты чувствую, что любовь к ней наполняет всю мою душу. Я был в походе, не видал ее два месяца, видел опасность, людей, людей всех сортов, людей, так занимавших меня прежде, и мне всё было тошно. Не то что грустно, некогда было: вечно выступления,

[1] *В подлиннике*: лицом

[2] *Против этого места на полях:* Со мной случилось необыкновен[ное] ⟨событие⟩. Оно продолжается, но я более привык к нему и постараюсь тебе и себе дать отчет в нем.

толки об орденах, глинтвейны, выстрелы, вечно палатки, карты, но мне грустно было по моей грусти. За каждым впечатлением я чуял эту сладкую грусть и любил отдаваться ей. Всё для меня было не то и не то.

Теперь я вернулся, остался один, увидал ее и снова стал томительно счастлив. Наши отношения были те же, — с моей стороны страстная робость, мольба, с ее — спокойная гордость, равнодушие не презрительное, а давящее и чарующее. Самое ужасное и самое сладкое то, что, я чувствую, она никогда не поймет меня и не поймет не оттого, что она ниже меня. Напротив, она и не должна понимать меня. Она выше меня, она счастлива, она, как природа, спокойна, ровна, сама в себе, а я, исковерканное слабое существо, хотел, чтобы она поняла мои мученья. Нет, я хочу быть хоть на миг причастным ее силе и ровной радостной жизни, но не могу и думать подняться на ее высоты. А избави бог, чтобы она снизошла до меня, тогда ее не будет. Часто в моих нелепых мечтах я воображал ее моей любовницей, женой, в платье, шляпе, как казачку, жену нашего офицера. Это было бы ужасно, она умерла бы для меня, и я с отвращением отталкиваю эту мечту. Вот когда я думаю самому быть казаком Киркой, ходить босым по росе, красть табуны, заливаться песней, но мне не дано это. Я изломан, тогда еще хуже я чувствую свою слабость, безнадежность своего существования. Как мне жалки и смешны ваши письма и ваш взгляд на жизнь. Он *погубит себя,* женится на казачке, которая никогда не поймет его. Мгновенья счастья с этой женщиной, мгновенье жизни в ее жизни, и как прах разлетаются ваши взгляды и желанья счастья за меня и за себя.

Я стою всё у них на квартире и утро-вечер передо мной горы и эта величавая женщина с своим спокойным, сильным и счастливым видом.[1] И не для меня эта женщина. Хотя ты и глуп, как все те, кто не любит страстно, но ты поймешь меня. Мне надо высказать то, что со мной случилось. ⟨Я нынче ужасно глубоко несчастлив.⟩

Возвышенная, идеальная любовь! Люблю я эти слова и мысль люблю. Испытывал я это натянутое, тоненькое, одностороннее, личное, уродливое чувство, я тоже думал, что любил так Анну Дмитриевну. Тогда я прикидывался, что люблю, любовался на свое чувство и всё делал *я*. Нет, теперь не я, не она, а через меня любит ее всё, вся природа, весь мир божий, любовь эту вдавливает весь мир в мою душу, я чувствую себя частью всего целого, любя ее, и люблю всем, всем существом моим. Она не знает, не чувствует меня, но я не несчастлив, я томлюсь, но блаженно и ни на что в мире не променяю этого состояния. Наши отношения те же, я вижу ее; притворно шутя, с улыбкой на губах и мукой в сердце каждый день говорю ей несколько слов,

[1] *На полях помечено:* с своим кокетством

покупаю пряничков, когда у нее посиделки, посылаю ей платки через Петрова, иногда она принимает их, иногда нет. Особенно дорогое. Она иногда весело смотрит на меня, особенно при других, иногда робко, боясь и не понимая, иногда любопытно. ⟨С дня моего приезда из похода я уже ничего не говорил ей. ⟨Лучшее время — вечер, когда я иду к ее отцу или к одной мамуке и сижу, будто пью чихирь, беседую о казачьих делах, рассказывая неверующим о России, а она, как коза, поджав ноги, сидит на печи, я вижу ее лицо и чувствую, что она слушает. Глаза горят иногда такой силой, что я не могу, замолкаю и смотрю. Тогда она спрячется. Я радуюсь всем существом, слушая ее сильные шаги, завидев ее синюю рубаху. Кирку я не встречал более на дворе, но о нем она не любит говорить, отец и мать тоже. Я раз-два начинал говорить про его дурное поведенье, она серьезно заступалась.⟩ Вчера я сидел у них, она на печи грызла семя, я видел ее колено и стройную ногу. Старик хорунжий рассказывал мне свои хитрости. Мы пили с ним. ⟨Накануне было известно, что в буруны переправилась шайка, партия абреков. Вошел казак, вытянулся и доложил, что объезд нашел след и что абреки окружены цепью. Хорунжий, как сотен[ный] нач[альник], долго мямлил, принял озабоченный вид, придумал хитрость и побежал за приказаньями, старуха заахала и побежала на улицу поговорить с соседками. — «Что, ты не боишься, Марьяна?»[1] — сказал я, проходя мимо⟩ печи и останавливаясь. — «Чего мне бояться, я в степь не хожу». Она подобрала ногу от меня дальше. Ей было неловко со мной. ⟨Это всегда дает мне сладкое чувство. Мне жалко, и я горд, и мне совестно. Мы молчали.⟩ ⟨«М[арьяна], — сказал я, сам не знаю как, — неужель ты никогда не сжалишься надо мной? Ведь я не знаю как люблю тебя; я женюсь, пойдешь за меня?» — Она спряталась в темный угол печи, я искал ее рукой. — «М[арьяна], приходи ко мне. Мы поговорим». — «Ну что брешешь!» — сказала она, схватив меня за руку, как будто чтоб оттолкнуть⟩, но она держала мою руку.[2] — «Разве господа на казачках женятся? Иди, вот мамука идет». Я слышал шаги матери. — «Да ты приди на минутку, — и я, вырвав руку, схватил ее. — Придешь?» — «Куда я приду?» — «Ну, так я приду. Завтра утром». Утром она бывала одна. — «Приходи, пожалуй, мне всё равно». Мать... [3] а, я соскочил с ступен...[3] чки. Это было, как...[3]щанье, я был счастлив...[3] ⟨...дости проснулся раньше⟩.[4]

Я проснулся раньше обыкновенного. Еще солнце не всходило.

---

[1] *На полях:* Мать заснула, х[орунжий] вышел

[2] *На полях:* Я хочу жениться на ней

[3] *Край рукописи оторван.*

[4] *На полях:* Я приходил под окно, умолял и — ничего. Я решился на ней жениться. *Ниже:* И она пришла. Больше ничего не могу написать, но ее не было на другой день.

На улице что[-то] шумели и ходили, я вышел. Казаки ехали верхами, и Кирка был тут. Он, хоть и не начальник, сдвинув шапку, весь красный, повелительно кричал товарищам. — «Куда?» — спросил я. — «Абреков ловить, засели в бурунах. Сейчас едем, народу мало». Я оседлал лошадь и поехал с ними. Кирка послал Иляса взять вина, и, выехав за станицу, казаки слезли с лошадей и выпили. Солнце начинало подниматься. В степи было сухо. На меня казаки не обращали никакого внимания. Выехал хорунжий. Я было подъехал к нему, но он был во всем величии и тоже третировал меня en dessous jambe.[1] Однако я добился-таки от него, в чем было дело. Верст за восемь в бурунах застали абреков, они засели в яму. Поставили кругом лошадей и кричали, что не отдадутся живые. Объезд остался там караулить их и дал знать в станицу, чтобы ехали на помощь. Я тебе описывал уже эту дикую, печальную степь; с испещренным следами песком, с завядшей, сухой травой, с камышами в лощинах; с ногайскими кочевьями далеко-далеко на горизонте; с редкими, чуть проторенными и заросшими дорожками, с мрачными печальными тонами. Солнце всегда заходит красно, ветер всегда ужасен, когда ветер. В этот день было грустно, мягко, тихо, туман. Воздух не шелохнулся, лошади ступали мягко, только и слышно было. Казаки ехали молча, изредка джигитуя. По всей степи верст восемь мы встретили живого только одну кибитку, которая двигалась на горизонте, и двух оборванных скуластых ногаек, которые собирали хворост. Хорунжий и Кирка, одни хорошо говорящие по-татарски, поговорили с ними. — «Ай-Айб», — что-то, жалобно размахивая руками, говорили они. Я не намерен был, разумеется, ни драться, ни чего, я только хотел видеть, но ожидание сильно волновало меня. Это имело другой характер от наших пехотных дел, все рассказы Епишки возобновлялись у меня в голове. Я любовался на казаков. Иляс что-то шептал и подмигивал, на лице и во всей фигуре Кирки была какая-то торжественность. Он спокойно вел своего кабардинца и, весь щурясь, вглядывался. — «Вон конный едет», — сказал он, подъезжая к нам. Я ничего не видел, но казаки различили несколько конных. Может, они! Мы ехали тем же ровным шагом, приближаясь к конным, так что я различил их. — «Нет, то наши, — сказал Кирка. — Машут, они стоят, один к нам едет». Скоро, действительно, к нам подъехал и указал рукой за песчаный бугор, где они сидели. Мы съехались с казаками объезда, два из них, сойдя с лошадей, лежали на бугре и стреляли. Пулька просвистела оттуда.

Хорунжий был бледен и путался. Кирка слез и пошел туда; осмотрев, я, согнувшись, пошел за ним. Только что мы подползли к стрелявшим казакам, две пули просвистели над нами. Кирка, смеясь, оглянулся на меня и пригнулся. — «Еще застрелют,

[1] [презрительно.]

ваше благородие», — сказал он. Но мне хотелось непременно посмотреть их. Из-за бугра я увидал шагах в двухстах шапки и лошади. И дымок оттуда. Они сидели под горой, в болотце. Это дикое, голое без [*1 неразобр.*] место было именно то, [*1 неразобр.*] чувство, что ознаменовалось [?] это место. Кирка вернулся, и я за ним. — «Надо арбу взять с сеном, — сказал он, — а то так дурно перебьют». Хорунжий слушал его. Воз сена был привезен, и казаки на себе, закрываясь им, стали выдвигать его. Я въехал на гору, откуда мне всё было видно. В лощине завидпелись дымки и зашлепали по возу. Казаки двигали. Чеченцы — их было девять — сидели рядом, колено с коленом, и запели песню (сначала они ругались). Вдруг казаки бросились с гиком. К[ирка] был впереди всех. Несколько выстрелов, крик, стон, и кровь, мне показалось. Какой-то ужас застлал мне глаза. Всё кончилось, я подъехал. Кирка, бледный, как платок, держал за руки чеченца раненого и кричал: — «Не бей, живого возьму». Он крутил ему руки. Чеченец вырвался и выстрелил из пистолета. Кирка упал в крови. Эти чеченцы рыжие, к[оторые] минуты тому назад были чужие, неприступные, лежали тут убитые и раненые. Один был жив. У каждого было свое выражение. Все были — люди особенные. Казаки, запыхавшись, растаскивали. Кирку понесли, и я уехал. Он всё бранился потатарски. — «Повесят дьявола, жаль, что от моей руки ушел», потом он замолк от слабости.

Вечером мне сказали, что Кирка при смерти — но татарин из-за реки травами взялся лечить. Тела стаскали к станичному правленью, и бабы и мальчишки толпились смотреть на них. На другое утро уже Марьяна ходила из дома в клеть, убираясь. Мать ушла на виноград. Отец был в правленьи. Я пошел к ней. Она была в хате и сидела спиной. Я думал, что она стыдилась.

«М[арьяна], — сказал я, — а, М[арьяна], что, можно войти к тебе?» Вдруг она обернулась, на глазах были слезы чуть заметно, на лице была красивая глубокая печаль, но не contorsion. [1] Слезы вышли с трудом. Она посмотрела молча. Прелестно-величаво. Я повторил что-то. — «Оставь», и слезы полились. — «О чем ты? Что?» — «Что? — отвечала она, — казаков перебили», — «Кирку?» — сказал я. — «Уйди, что тебе! Никогда ничего тебе не будет от меня. Уйди, постылой». И она сама встала и ушла. (Она два раза ходила к Кирке. Я тоже ходил к нему. К нему приводили уставщика, у него жар. Татарин, с мудрым лицом, с засученными рукавами, копает какие-то травы и говорит, что он выздоровеет. Никто не удивляется, что М[арьяна] стоит у ворот и плачет.)

[*Далее, под чертой, набросан план следующей части романа:*]

---

[1] [кривлянье.]

КИРКА

⟨Прошло пять недель. К[ирка] выздоравливает. Татарин сдержал слово. Старуха мать уговаривала его жениться и бросить мирскую жизнь, он согласился и женился.

Худой, бледный, насилу ходит.

Епишка рассказывает, как его уговаривали, и балалайку он не отдал.

Переходи ко мне на двор, как уйдут казаки.⟩

Проводы.

Кирка повеселел — он уже женат. Небрежно.

Письмо.

Она ходит к матери. Я влюблен ⟨без памяти⟩ еще больше, она кокетничает, чтобы исправить дело Кирки. Я думал, что нашел правду, нет, красота пришла и сломала всё. Я на всё готов. Ерошка говорит, что теперь, что я мол [?] говорил, что ты дурочка. Я поймал ее за станицей и ходил к ней. Что будет, я не знаю; но я жить не могу без нее.[1]

---

[1] *На полях:* ⟨Письмо, приходил [к] ней, припадок нежности.⟩ Его состояние в лагере. Он может думать о другом. Дружба с Балт[ой]. ⟨Поход. К[ирка] женат. Как он женился? И люблю и нет. Письмо. Она вышла замуж, видел Кирку.

Кирка заметил, что [*1 неразобр.*]. Ему показалось [*1 неразобр.*] слабый, с палкой он пошел к ней и упрекал.⟩

⟨Возвращается вместе. Встреча.⟩

Проводы.

Она прогоняет его.

Поход.

Кирка женат.

Ходит к ней.

Встреча.

*О ЖИЗНИ

[Чт]о значит это удивительное явление самоубийства?

[Ж]ивотное, то существо, вся деятельность которого [в] [1] сохранении и усилении своей жизни, убивает само себя. Люди, не признающие в человеке никакой другой основы жизни, кроме животной, произносят такие удивительные, бессмысленные слова: человек-животное убил сам себя. Ведь если основа жизни человека только животная, то сказать: человек убил сам себя, всё равно что сказать: стакан сам разбил себя. Но мы видим, как люди убивают сами себя, сами знаем про себя, что каждый из нас может убить сам себя, и нисколько не удивляемся этому.[2] Мы знаем, что это возможно, потому что ни на мгновенье не перестаем чувствовать, что жизнь (истинная жизнь наша) всегда в нашей власти, и мы не столько знаем это мысленно, но опытом знаем это, потому что во всё временное продолжение нашей жизни только и делаем, что убиваем и воскрешаем себя. Убийство себя из пистолета есть только [3] один из случаев самоубийства, при котором смерть животного совпадает с умиранием разумного сознания. И в этом отношении смерти на войне, в драке, на дуэли ничем не отличаются от самоубийства. Самоубийство не есть убиванье своего животного — убивание своего животного так же часто совпадает с самоубийством, как и с проявлением высшей степени жизни; [4] самоубийство есть [5] ложь заблуждения. И [оан.] 8, 44. Ваш отец дьявол, — сказал Иисус иудеям, утверждавшим, что они семя Авраама и никогда не

---

[1] *Зачеркнуто:* ограждении

[2] *На полях против этой и следующей фразы написано и обведено кругом:* имеем власть отдать и принять ее

[3] *Зачеркнуто:* ⟨более решительное убивание себя, чем то, которое мы производим в продолжение всей жизни.⟩ признак совершившегося уже убийства без возможности воскресения.

[4] *Зач.:* самоубийство есть отрицание сущности жизни человеческой и признание жизнью своей жизнь животного.

[5] *Зач.:* отступление от закона разума.

были рабами.....[1] когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи.

Эта самоубийственная ложь есть признание своей разумной жизни жизнью животной.

Ложь и заблуждение в том, что человек, признав своей жизнью жизнь животного, начавшуюся с рождением и имеющую кончиться телесной смертью, не только не видит проявления своей истинной жизни, вовсе несовпадающего с рождением, а обнаруживающегося гораздо после, но это-то зарождение своей истинной жизни принимает за нарушение своей жизни.

---

[1] *Точки в подлиннике*

«ПАТРИОТИЗМ ИЛИ МИР»

№ 1 (рук. № 1).

Solsbury на что[-то] не согласился, Клив[ленд] написал послание, и случилось всё, что вы знаете, и явилась возможность войны, ⟨такая очевидная, что владетели денег испугались⟩ такая вероя́тность ее, что [1] на биржах городов обоих государств потеряны миллиарды, и принц, Гладстон, литераторы, эпископы написали послания, и войны на этот раз как будто не будет.

Два гладиатора, воспитанные с детства на том, чтобы насмерть драться за победу, сошлись, смерили друг друга глазами и готовы были начать... но их развели, и все успокоились. И я понимаю, что успокоились те, которые воспитывали гладиаторов и содержат их: они знают, что теперь эта борьба не нужна и отложили ее до другого раза. И они поступили разумно и благоразумно. Но не так поступают те, которые с точки зрения человечности, христианства участвовали в остановке этой борьбы, как это делали частные люди — литераторы, духовные лица, как это бы сделал я, если бы исполнил ваше желание и подал свой голос. Все честные люди, мы уговариваем эти два народа остановиться и не драться теперь, еще особенно потому, что эти два, говорящие на одном языке, родственные народа поступили бы нелепо, и те, которые писали, уговаривая стороны, делали — да простят они меня — смешную глупость. Ведь как гладиаторы воспитаны для драки, и если они разведены, то только на время, и завтра, послезавтра будут драться, может быть, еще хуже, чем бы подрались нынче. Все условия для того, чтобы они дрались, остались те же. То же и с народами Америки и Англии. Надо иметь слишком мало perspicacité,[2] чтобы не видеть, что всё то, что ведет к войне, всегда готово — и не одна Венецуэла, а тысячи других причин могут произвести то же. Причина одна, известная: патриотизм. Люди воспитаны в том,

[1] *Зачеркнуто:* если не разразилась и не разразится теперь, то причина этому не в условиях жизни обоих народов, а в случайности.

[2] [проницательности,]

что для англичан радостно, что Англия богаче, сильнее, для американцев то же относительно Америки. И пока это будет, будет война.

Мне случалось говорить про патриотизм, указывая на его несовместимость с христианством. И всегда я встречал один ответ. Патриотизм дурной — да, но есть хороший. В чем же хороший, никто не сказал. Как будто патриотизм так же, как и эгоизм, может быть хороший и согласный с человеч[ностью] и христианством. Положим, нынче не будет войны и разведут бойцов, но разве не останутся те же войска, те же профессора, восхваляющие славу отечества, те же газеты. Прочтите газеты русские, английские, немецкие, разве это не постоянное натравливание одних на других. Если и встречается увещание к миру и дружбе, то только для того, чтобы быть сильнее против общего врага. При таком складе жизни не может быть мира. Латентная, скрытая война не перестает и не может не разразиться. Для того, чтобы не было войны, нужно не уговаривать English speaking nations [1] быть в дружбе, а нужно уничтожить патриотизм, а чтобы уничтожить патриотизм, надо прежде всего уничтожить фарисейство. Если бы люди говорили: я люблю только себя, свою семью или Англию и желаю погибели всего, только бы благоденствовали я и Англия, и еще бы то же говорили американцы, тогда бы можно было уничтожить зло войны, оно видно бы было, а теперь это скрытая болезнь, и лицемеры старательно скрывают ее. Скажите людям, что война дурно, они засмеются: кто же этого не знает? Скажите, что патриотизм дурно: о да, завоевательный патриотизм дурно. Но какой же хороший? Да вот тот, какого мы держимся. Как будто может быть какой-нибудь патриотизм, если не завоевательный, то удержательный. И вот пока это будет, пока зло будут выдавать за добро, будет война нынче, завтра и нельзя будет остановить ее. Для того, чтобы не было войны, нужно прежде всего, чтобы всякий патриотизм был признан злом, постыдным делом, несовместимым с истинным просвещением и христианством. Только тогда возможно будет бороться с ним и воспитывать людей не в уважении к нему, не в желании славы, силы, богатства России, Англии, Америке, а в желании блага людям, в желании осуществления царства божия на земле. Не будет войны не тогда, когда мы будем говорить туманные фразы о каком-то безвредном и нравственном патриотизме, а когда будем понимать и так воспитаем молодое поколение, что стыдно будет желать блага своему народу предпочтительно перед другим, что как теперь мы считаем, что неприлично столкнуть с тротуара идущего человека, неприлично отнять у человека нужную ему вещь, а прилично уступить дорогу, дать то, что нужно, другому, так же мы будем считать неприличным желать англичанину Англии или американцу

[1] [нации, говорящие по-английски]

Америки больше Венецуэлы, и как теперь мы рады случаю лишить себя и услужить другому, так мы будем рады в ущерб своей народности услужить другой.

* № 2 (рук. 3).

〈Ослепление, в котором в наше время находятся народы, подобно тому, в котором бы находился человек, с усилиями бежавший к безопасному месту отдыха и не останавливающемуся у своей цели и бегущему дальше, представляется мне до такой степени неестественно, что, кажется, одного маленького напоминания достаточно для того, чтобы они прозрели и сбросили, наконец, с себя тот гнет предания зверства, под которым они страдают, и потому я, полагая, что голос всякого неослепленного человека может иметь значение, охотно исполняю ваше желание и прошу вас напечатать это письмо, где вы найдете нужным.〉

* № 3 (рук. 3).

〈Причина военных опасностей нашего мира так очевидна и затмение, вследствие которого люди нашего времени, отыскивая средства избавления себя от войны, не видят того, что они сами производят ее, так странно, что «людям, видящим эту причину», нельзя не желать вывести людей из этого странного ослепления, и потому я охотно исполняю ваше желание и пишу письмо, которое прошу предать публичности, не переставая надеяться, что люди увидят же, наконец, то, что они сами делают то зло, от которого страдают.〉

* № 4 (рук. 3).

〈И что такое положение вечной войны будет продолжаться между этими людьми до тех пор, пока их миросозерцание не изменится, пока они будут считать, что увеличить свое могущество есть благо, желать такого увеличения и содействовать ему есть достоинство и добродетель.〉

* № 5 (рук. 3).

〈Так это было бы, если бы признали патриотизм тем, что он есть: дурным, низким чувством. А мы не можем не признать этого, если мы только на минуту оставим свой задор и спокойно и просто подумаем о том, что такое патриотизм и что мы проповедуем и прививаем молодым поколениям под этим именем. А как скоро мы признаем это, то уничтожится то ужасающее зло милитаризма, от которого мы все страдаем и от которого мы ищем спасения везде, но только не там, где оно находится.〉

* № 6 (рук. 4).

〈Кто не слыхал тех наивных детских ответов на вопрос, что они хотят из двух: волчок или куклу, — ехать кататься или

оставаться и играть дома. То, очень сильно желая и того и другого, они обыкновенно отвечают: и волчок и куклу, и кататься и дома играть.

* № 7 [1] (рук. 4).

И вот когда такие два разбойничьи соединения сталкиваются и показывают друг другу зубы и потом на время, по каким-нибудь опять-таки эгоистичным причинам расходятся не подравшись, наивные люди очень радуются и воображают, что они избавились от бедствий и ужасов войны. Но ведь при таком положении отношения государств между собой люди не могут никогда избавиться от бедствий войны.

Война латентная, скрытая не переставала и не перестает ни на минуту между всеми государствами, и при всяком глупом слове глупого человека, занимающего положения царя, министра, президента, может всякую минуту проявиться в сжатой форме, не переставая тлеющий огонь может вспыхнуть. Но вспыхнувший огонь ничуть не хуже тлеющего. Тлеющий огонь, если не потушить его, неизбежно опять вспыхнет. Если мы не хотим пожара, надо тушить огонь, уничтожить причину его, а не разбрасывать огонь, как это делают до сих пор. Положим, нынче не будет войны и разведут уже смеривших друг друга глазами и засучивающих рукава бойцов, но разве не останутся те же войска, те же профессора, восхваляющие славу отечества, те же газеты.

Прочтите газету какого бы то ни было времени и какого бы то ни было народа, и в каждой вы наверное найдете рассуждения о том, как желательно увеличить могущество и благосостояние своего народа и как такое и такое-то государство мешает этому. Стоит почитать несколько времени газеты одного и того же народа, и невольно заражаешься политическими интересами, проповедуемыми газетой, радуешься увеличению богатства, границ своего государства и начинаешь обвинять и ненавидеть тех, которые ставят пределы этому увеличению. Разве это не постоянное натравливанье одних на других. Если и встречается увещанье к миру и дружбе, то только для того, чтобы быть сильнее против какого-либо другого врага.

* № 8 (рук. 4).

⟨Правда, больше становится людей, ненавидящих войну, общественное мнение начинает не так уж одобрять войну, как прежде, но если причины, производящие войну, останутся те же, при первом сильном столкновении голоса эти будут заглушены, и война будет.⟩

---

[1] Вариант отчеркнут Толстым. В следующую рукопись не вошел.

* № 9 (рук. 4).

〈Как бы ни старались люди запутать словами сущность дела: патриотизм есть и не может быть не что иное, как предпочтение своей страны, своего народа, своего государства другим странам, народам и государствам.〉

* № 10 (рук. 4).

〈Помню, как раз в компании пьющих студентов один из них, не пьющий, стал доказывать им неприличность их занятия и как на это один из пьющих встал и, подняв бокал, провозгласил тост за здоровье воздерживающихся, и как все захохотали и продолжали пить. Всем так хотелось продолжать попойку, что это самое нелогическое возражение было принято за убедительнейшее доказательство справедливости того, что надо было продолжать делать то, что им хотелось. И веселая попойка продолжалась.〉

* № 11 (рук. 4).

〈Честный ответ на этот вопрос должен иметь огромные последствия. Если бы случилось то, чего я не допускаю (со всех сторон обдумав этот вопрос и прочитав всё, что могло помочь его решению), чтобы было выяснено то, что патриотизм какой-то особенный (как стараются показать это его защитники) может быть благодетелен, то будет по крайней мере определено, какой патриотизм хороший и какой дурной; если же, как это и должно быть, выяснится, что хорошего патриотизма, как и хорошего эгоизма, быть не может, а что всякий патриотизм есть дурное чувство, которое не только не должно быть восхваляемо и не допускаемо, но должно быть старательно искореняемо, тогда должны измениться и все наших взрослых людей отношения к явлениям жизни и главное измениться воспитание, даваемое подрастающим поколениям. Если бы было ясно сознано то, что действительно есть, что патриотизм есть злое, губительное чувство, пережиток языческих времен, которому не только не следует предаваться, как не следует предаваться другим остаткам варварства, а всеми силами бороться с ним. Если бы это было разъяснено, то было бы совсем другое, если бы люди понимали, что патриотическое чувство дурное, как русские, так и англичане, без всяких расчетов на увеличение России или Англии в ущерб Турции, помогли бы армянам и избавили бы их от страданий.

В венецуэльском вопросе, например, если бы было ясно, что патриотическое чувство дурное, всякий англичанин и правительство не только не настаивало бы на известных границах, не грозило бы войной, а спросило бы у народа, живущего〉[1]

[1] Запись на этом обрывается.

*№ 12 (рук. 4).

〈И потому еще раз умоляю всех добрых и честных людей, держащихся патриотизма и проповедующих патриотизм, серьезно ответить на этот вопрос. Ответ на этот вопрос имеет огромную важность. Если бы случилось, чего я не могу допустить, что, несмотря на то, что я, со всех сторон внимательно обсуживая этот вопрос, просмотрел законность и благодетельность патриотизма в наше время, и будет найдено, что патриотизм бывает полезный, такой (как это говорят некоторые), который содействует каждому народу, сложившемуся в отдельную совокупность, выразить свойственные каждому народу типические черты, проявление которых нужно для прогресса и блага человечества, то последствия такого определения патриотизма будут те, что мы, члены больших государств, не только перестанем желать присоединять к себе новые народности и государства, а будем радоваться, когда покоренные народы будут от нас освобождаться, и будем содействовать этому, и так будем воспитывать молодые поколения; русские будут содействовать освобождению Польши, Финляндии, Остзейского края, Армении; англичане — Ирландии, Австралии, Индии и т. п., и так будем воспитывать свои молодые поколения. Если же ответ на вопрос о том, в чем состоит в наше время законность, благодетельность патриотизма, будет состоять в признании его всегдашней незаконности и неблагодетельности, как это и должно быть, то наши отношения к другим государствам и народам еще больше изменятся. Если мы искренно признаем, что патриотизм дурно, то мы не только не будем огорчаться тем, что не мы присоединили к себе Армению, Константинополь, Венецуэлу, Трансвааль, но будем искренно радоваться всякому уменьшению могущества своего государства, тому, что от нас отошла Польша, Ирландия, Чехия, что мы перестали участвовать в грехе насилия. Если бы мы признали патриотизм дурным чувством, таким, каким мы признали эгоизм, мы бы стыдились всякого проявления его.〉

РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

**САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ТОВАР

За несколько дней перед праздником ко мне зашел близкий мне человек — крестьянин, служащий весовщиком на товарной станции Казанской ж. д. Несмотря на то, что он, нуждающийся человек, как все наши рядовые крестьяне, получает здесь 25 р. в месяц и послал в продолжение года на подати и нужды около 100 р., он сказал мне, что не хочет больше служить и уходит. Ему [не] тяжела работа в продолжение 12 часов на морозе (дома, особенно летом, работа много тяжелее), но ему скучно, во-первых, однообразие работы, во-вторых, многие совершающиеся на глазах обычные нехорошие дела, главное же ему тяжело иметь дело с тем замученным народом — грузовщиками, с которыми ему приходится иметь дело. Он рассказал мне, что эти грузовщики работают с отдыхом по часу для обеда и ужина 36 ЧАСОВ сряду. Несмотря на полное мое доверие к правдивости и серьезности моего приятеля, я был совершенно уверен, что он или ошибается, или преувеличивает, или я чего-нибудь не понимаю.

— Да не может быть. Как 36 часов? — спрашивал я.

— Так и работают, — отвечал он мне: — день и ночь и опять день.

— Да отдыхают же.

— Нет, без отдыха.

— Да зачем же это?

— Такой уговор. Если кто не хочет — ступай с богом, другие найдутся.

Рассказ моего приятеля был так обстоятелен, так подробно рассказал он мне все условия, при которых происходит эта работа, что нельзя было не верить, но я все-таки не мог верить. Всякий раз, когда я рассказывал про это, никто точно так же не верил. По рассказу моего приятеля выходило так, что на Казанской товарной станции работают на таких условиях 250 человек. Все они разделены на партии, в каждой партии 5 че-

ловек. Живут все по квартирам, приходят поутру, работают день и ночь на выгрузке и тотчас на следующий день поступают на нагрузку и работают еще день, так что в двое суток они спят одну ночь. Работа их состоит в том, чтобы сваливать и перетаскивать тюки по 7, 8, 10, 12 пудов. Двое наваливают на спины троим, и эти трое носят. Вырабатывают они, на своих харчах, менее рубля в сутки. — Работают постоянно без праздников.

Всё это казалось мне так невероятно, что я, несмотря на всё мое доверие к моему приятелю, решил своими глазами увидать это.

На второй день праздников я приехал на Казанскую товарную станцию. Перпендикулярно к улице, всей занятой лавками, идут параллельно, кажется, 8 платформ, очень длинные, я думаю, шагов 500 каждая. В промежутки между платформами въезжают ломовые, поднимая или привозя товар. Въезжают в эти промежутки в ворота. Последняя платформа нагружает[ся], и на ней работает мой приятель. Я вошел в ворота: с левой стороны на расстоянии шагов 100 друг от друга весы по №№ от 1-го до 12-го. Около первых весов извозчики и рабочие сваливают шестипудовые тюки с обоями. У других весов другой товар, и так у всех. У весов моего знакомого в эту минуту не было нагрузки, он окликнул меня, и я подошел к будке его весов.

— Приехал сам посмотреть про то, что ты мне рассказывал. Кому я ни говорил, никто не верит.

— Никита! — сказал, не отвечая мне, Агеев, обращаясь к высокому красивому человеку в оборванной поддевке, который вышел из будки. — Когда вы поступили на работу?

— Вчерась поутру.

— А ночь где были?

— Известно, на выгрузке.

— Ночью работали?

— Ночью.

— А нынче когда сюда поступили?

— В 7 часов утра.

(Я приехал на товарную станцию в 4 часа пополудни.)

— Ну, а вечером?

— Вечером спать, — сказал, слабо улыбнувшись, рабочий.

Подошло еще несколько рабочих — вся партия из пяти человек. Я расспросил еще. И не могло быть никакого сомнения, всё было так, как рассказал мне Агеев.

Рабочие все были без шуб, несмотря на то, что было около 20° мороза. Они так постоянно работают, что греются усилиями и движением. Рабочие были все молодые люди в самой силе — один только был постарше — вероятно, лет за сорок. У всех лица были худые, рабочие, но не отличающиеся от обыкновенных рабочих лиц. Одно отличие только бросалось в глаза — это было выражение взгляда. Глаза были усталые, сонные. Тот красивый рабочий, с которым я с первым стал говорить,

особенно поразил меня этой особенностью взгляда. Могли бы подумать, что он был выпивши, если бы не такая спокойная речь. Полагая, что такое страшное напряжение труда в продолжение 36 часов можно поддерживать только вином, я спросил его: не выпил ли он нынче?

— Я не пью, — сказал он, как всегда, если не пьют, отвечают на этот вопрос и быстро и с некоторым удовольствием.

— Не пьет и не курит, — подтвердил мне Агеев.

Я выразил удивление.

— Другие пьют понемногу — сюда приносят. Всё крепости прибавит, — сказал более пожилой работник. Он и нынче выпил, но это было совершенно незаметно. Из расспросов моих оказалось, что все они деревенские, большей частью земляки — тульские, есть орловские, воронежские. Живут они некоторые с семьями, большая же часть отсылают заработанное домой. Харчатся все порознь у хозяев. Харчи обходятся по 10 р. в месяц. Едят мясо всегда, постов не соблюдают. Вырабатывают рублей по 30 в месяц. Многие не выдерживают этой работы и уходят. На вопрос мой: зачем они работают такую каторжную работу? — отвечали, улыбаясь:

— А что же поделаешь?

— Да зачем в три упряжки подряд? Разве нельзя бы было так, чтобы работать посменно?

— Видно, нельзя. Куда же денешься? А не хочешь — ступай. Не то что... а опоздаешь на час, и то сейчас ярлык, и ступай.

Я видел людей, которые работали 36 часов, и все-таки не верил, потому что не видел их в работе — это на нагрузке, в эту минуту не было работы — и, чтобы осязательно убедиться, пошел с Агеевым на платформу, где выгружали. Мы пошли в другие и третьи ворота мимо целых улиц всякого рода туш, снятых с платформ и поднимаемых извозчиками, и подошли к рабочим, которые перекатывали на себе вагоны с одного места на другое — туда, где свободная платформа.

Работают вообще грузчики сдельно по 1 рублю с 1000 пудов, но работу такую, как очистка платформы, они обязаны делать бесплатно. Я разговорился с этими рабочими; все подтверждали то же. Эти работали с утра, но будут тут же работать ночь и пойдут еще на нагрузку завтра утром на целый день. Отдых дается только один час на обед и столько же на ужин, но и то не в определенное время, а как придется, по надобности. Так, например, в этот день рабочие, накатывавшие вагоны, только что пообедали, а было 5 часов.

— А ужинать когда? — спросил я.

— А когда отпустят, другой раз и до 10 часов.

На этих платформах несколько рабочих собралось около меня, и, видя, что я интересуюсь их положением, они рассказали мне то, что, очевидно, было им особенно неприятно и что, им казалось,

легко может быть поправлено, а именно их ночное помещение. Оказывалось, что между концами дневной упряжки и началом ночной иногда выпадало время, часа полтора, когда можно было отогреться и соснуть в теплой горнице. Но горница эта была так тесна, что 100 человек, которые собирались там, не могли помещаться иначе, как половина под нарами. Я пошел посмотреть это помещение. Это 10-аршинная изба с печкой и местом для топки ее, занимающая часть пространства, так что на нарах едва ли есть место для 40 человек. О том же, сколько есть воздуха для дыханья, и говорить нечего. Вероятно, пребывание тут измученных работой людей особенно тяжело отзывается, потому что все с каким-то ужасом и озлоблением говорили про это помещение. Посмотрев несколько еще партий на их ужасной работе и взяв у одного из них печатные листки его книжки, я поехал домой, уверившись тому, что правда то, чему нельзя и не должно верить; правда то, что положение русского крестьянина таково, что ему нужно продавать свою жизнь за те копейки и рубли, которые ему необходимы, чтобы удержать для своих детей корову, которую угрожают увесть от него за подати, и что есть люди, которые берут эту жизнь человеческую и пользуются ею для того, чтобы насытить свои зверские, извращенные аппетиты роскоши, люди, спокойно сосущие лучшую кровь народа для того, чтобы покупать шелки, бархаты и бриллианты своим женам или любовницам.

Железная дорога берет за выгрузку вагона в 600 пудов 3 рубля, платя за выгрузку 60 копеек этим рабочим, которые отдают на это свои жизни и живут на 20, 30, 40 лет меньше, чем они должны бы жить. Позволит ли какой-нибудь разумный человек морить лошадь 36 часов, наверное губя ее, позволил ли бы рабовладелец своим рабам губить свою нужную ему жизнь? Беда в том, что жизнь эта никому не нужна, кроме ему самому, его матери, жене, детям. А они все такие же рабы; так же загнаны в то безличное рабство, которое в тысячу раз хуже самого жестокого личного.

И пусть не возмущаются этим известием наши либеральные газеты и либеральные господа, живущие господской жизнью. Ведь они, мы все не переставая делаем то же. Не говоря уже о тех золотарях, рабочих на сахарных, зеркальных, карточных, спичечных, табачных фабриках, производством которых мы пользуемся и для которых нужна погибель жизней человеческих, только стоит нам оглянуться хорошенько на нашу жизнь, чтобы увидать золотарей, лакеев, кучеров, дворников, банщиков, почтальонов, которые прямо для нас губят свою жизнь, кровь которых мы сосем прямо непосредственно. Мы довольны тем и успокоивали свою совесть, что нет рабов. Да это ужасно, что нет определенных рабов у определенных господ. Разве не в тысячу раз ужаснее это рабство безличное, при котором мы безжалостно губим жизни человеческие, не только не чувствуя

своей ответственности, но и чувствуя себя не в силах прекратить эту ужасную погибель человеческих жизней?

Так что же делать?

Ответ простой. Прежде всего сознать то, что мы — рабовладельцы и что быть рабовладельцами неопределенными неопределенных рабочих — хотелось сказать — так же дурно, как было быть рабовладельцем крепостных, но это было бы неправда — гораздо хуже и потому, что это зло скрытое, в котором люди не каются, и потому, что бедственность, до которой это неопределенное рабство доводит людей, во много раз больше той, до которой доводило личное рабство. Прежде всего сознать свою вину, как ее сознавали в мое молодое время в 40, 50-х годах рабовладельцы, и искать выхода из него: посредством и освобождения рабов и устранения себя от участия в рабовладельчестве.

Я считаю только это последнее действительным. Стоит только людям стараться как можно меньше пользоваться трудами других людей и в виде предметов производства и прямой прислуги, и само собой распутается и самое положение рабства.

СЕРИЯ ВТОРАЯ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ 1877—1909

* ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1903—1904 гг.

[1903]

Единение отдельных существ есть закон — процесс жизни. Если он не совершается сознательно, он совершается бессознательно — синдикаты, стачки, пресса. Следовать закону сознательно — счастье; быть вынужденным следовать ему против воли — несчастье.

Что-то очень важное думал и забыл.

---

27 фев[раля]. Человек неисправимый эгоист — нельзя не думать, помнить, заботиться о себе. Одно средство: сделать заботу о себе полезной другим. Средство это совершенствование для бога.[1]

Замечаю, что нек[оторые] вещи помню из тучи забытых. Отчего? Нынче вспомнил свой вчерашний разговор с Щ. и подробности — мес[то], где я был. Отчего это выделилось? Оттого, что, говоря про это, именно про Горького, про незаслуженную славу, я спросил себя, хорошо ли я делаю? т. е. вызвал сознание.

Вывод: Мы помним то, когда при действии возникает вопрос, хорошо ли я делаю?

Видел во сне: меня спрашивают: как мы узнаем чужую жизнь? Я говорю: мы узнаем тем духовным существом, которое составляет нашу жизнь, и узнаем не только себе подобных, но самого себя.

Помнится то, когда сознаешь свое бож[еское].

---

[1] *Ср. Дневник 1 марта 1903 г. (1), т. 54, стр. 157.*

[*Март.*] Главные изменения в нашей душе: воспоминания, грусть, озлобление...

Различие социал[изма] и анархии.[1]

Мережк[овский] ненавист[ник].

От любви — зависть.

Окошечки, в к[оторые] смотришь на бога.[2]

Эволюция во врем[ени] — атомы, эфир.[3]

Ищи милосердия, тогда будет justice.[4]

⟨Сознание-окошечки.⟩

Жизнь старик[а] больше.[5]

Книга произведение типографии, симфония произведение оркестра.[6]

[*Апрель.*] Цивилизованный и дикий равны. Человечество идет вперед только в любви, а от технич[еского] усовершенствования прогресса нет и не может быть. ⟨Как поверхно[стная] вода.⟩ [7]

Руководство историческое. В частной жизни? [8]

Старику несвойственно следить за улучшением. [9]

Рукавицы, марганц[евый] ка[ли].

Жизнь есть только сознание. То, что физиологи считают жизнью, есть только предположение о сознании. Сознание может быть высшее и низшее.[10]

---

[1] *Ср. Дневник 11 марта 1903 г. (3), т. 54, стр. 161.*
[2] *Ср. Дневник 13 марта 1903 г. (2), т. 54, стр. 162—163.*
[3] *Ср. Дневник 13 и 14 марта 1903 г. (3), т. 54, стр. 163—164*
[4] *Ср. Дневник 14 марта 1903 г. (4), т. 54, стр. 164.*
[5] *Ср. Дневник 20 марта 1903 г. (1), т. 54, стр. 167.*
[6] *Ср. Дневник 20 марта 1903 г. (2), т. 54, стр. 167—168.*
[7] *Ср. Дневник 14 апреля 1903 г. (1), т. 54, стр. 169.*
[8] *Ср. Дневник 14 апреля 1903 г. (2), т. 54, стр. 169.*
[9] *Ср. Дневник 14 апреля 1903 г. (3), т. 54, стр. 169.*
[10] *Ср. Дневник 29 апреля 1903 г. (1), т. 54, стр. 169—170.*

Когда говорят: факты, то говорят только то, что говорит человек: вертится солнце, горит свеча и т. п.[1]

Расширяется до возможных пределов, потом разрывается.[2]

[*Май.*] Мы не узна[ем] организмов слишком малых и слишком больших.[3]

Как молод[ым] свойственно и радостно рас[ти], так стар[ым] свойственно и радостно уничтожать пределы.[4]

Игра — важное дело. От этого торжественность варений мура — царск[ие] выходы. А то ничего не останется.[5]

Неизвестно, что лучше: Ник[олай] Пав[лович] или отпропагандированные рабочие.[6]

Времени нет. Это только ограниченные пределы растут и разрушаются для всех одинаково. Мудрость только в том, чтобы жить в неизменном, в духовном. В этом благо.[7]

Происхождение организмов от клеточки есть ⟨пространст[венное]⟩ временное, нереальное объяснение, как эфир, атом, пространство — нереальные объяснения.[8]

Пора понять, что дело не в том, в чьих руках власть, а в самой власти. Лудов[ик] XVI, Комитет Salut public, директория, Наполеон, Лудов[ик] XVIII. Люди научатся [?] только, когда перестанут бороться.

Если вы точно хотите служить народу, не пишите прокламаций, не ходите[9] к фабричным, не устраивайте стачки, не пишите из-за границы статейки, а определите свое мировоззрение и боритесь с обманом и проповедуйте истину.

---

[1] *Ср. Дневник 29 апреля 1903 г. (2), т. 54, стр. 170.*
[2] *Ср. Дневник 29 апреля 1903 г. (3), т. 54, стр. 170.*
[3] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (4), т. 54, стр. 170.*
[4] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (5), т. 54, стр. 170.*
[5] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (6), т. 54, стр. 170.*
[6] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (7), т. 54, стр. 170.*
[7] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (8), т. 54, стр. 170—171.*
[8] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (10), т. 54, стр. 171.*
[9] *Зачеркнуто:* в нар [од]

Правда, это труднее, чем прочесть хоть не Маркса, а о Марксе, и Энгель[са] или [?] речи Бебеля. Надо прежде много и упорно над собой поработать.

Это трудно, но зато и плодотворно.

Феминизм ложен, п[отому] ч[то] женщины отличаются от мужчин, и потому их совершенствование должно быть иное.[1]

Для того, чтобы существо б[ыло] отделено от другого, нужно, чтобы оно не могло слиться с ним, а это возможно только при непроницаем[ости] тел в пространстве. [2]

Судьба от человека или человек от судьбы?

Чем больше живешь для души, тем меньше судьбы, и наоборот. [3]

Трудно. Главное, трудно п[отому], ч[то] нельзя сделать этого нарочно, что надо привести себя к такому состоянию, в к[отором] не можешь не сделать.

Рёскин сказал, что нужно соблюдать красоту. А то мы, как бабы: когда есть говядина и водка, то надо доесть и допить всё, хотя бы и во вред себе. Так и мы. Если есть техническое усовершенствование, хотя оно и портит жизнь, надо пользоваться им. [4]

Ненаучность науки. [5]

Они правы и в том, что только созн[ание] уничтожит власть, и потому они стоят впереди всех социальных учений и занимают то место, к[оторое] десять лет тому назад занимали социалисты, но, к сожалению, держась матерьялист[ического] мировоззрения, они не могут найти достаточных мотивов для того, чтобы ⟨честные⟩ люди могли бороться с властью. Одни хотят основать борьбу на сознании общ[ественного] блага (Годвин), другие — справедливости (Прудон), третьи — прогресса и личного ин-

---

[1] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (11), т. 54, стр. 171.*
[2] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (12), т. 54, стр. 171.*
[3] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (13), т. 54, стр. 171.*
[4] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (14), т. 54, стр. 171—172.*
[5] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (15), т. 54, стр. 172.*

тереса. Но все эти мотивы недостаточны для борьбы. Кроме того всего, они не имеют никакого права предполагать, что, устран[ив] власть, люди с матер[иалистическим] мировоззр[ением] сложатся в формы лучшие, чем теперешние.

Долго, но что же делать. Скоро — будет только подобие, как и делает государство.

Нехорошо и то, что обман[ывают], и то, что развращают.

Сознание жиз[ни], но когда начинает[ся] ж[изнь] [?] [1]

Аналогия с сном: проснуться с страданием или нет.[2]

Обман времени во сне.[3]

Не время наполняется событиями, а смена событий дает понятие времени.[4]

Множество дает понятие времени и движения. [5]

Не то христианство формальное, кот[орое] требует, не изменяя жизни, только исполнения внешних обрядов, и не то сентиментальное христианство, к[оторое] довольствуется, не отрицая сущест[вующего] порядка, верой и проповедью искупления, а то единое истинное христианство, к[оторое] становится руководством всех поступков жизни и неизбежным условием своего исповедания ставит не только неучастие в делах правительства, но неповиновение требованиям их, так как все требования правительств, начиная от судов и податей и до полиции и войска, противны христ[ианскому] учению.

А если это так, то очевидно, что не на установление новых форм должна быть направлена деятельность людей, а на внутреннее изменение их мировоззрений и свойств. — Причем, не надо думать, что можно одновременно усовершенствовать и формы жизни и свойства людей. Формы жизни вытекают из свойств и

---

[1] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (16), т. 54, стр. 172.*
[2] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (17), т. 54, стр. 172.*
[3] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (18), т. 54, стр. 172.*
[4] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (19), т. 54, стр. 173.*
[5] *Ср. Дневник 1 мая 1903 г. (20), т. 54, стр. 173.*

мировоззрений людей. Мировоззрения не изменяются, вследствие измен[ения] форм. Изменять формы, надеясь этим изменить свойства людей, всё равно что.....

Естественно, что люди думают, что изменение форм изменит свойства людей, п[отому] ч[то] изменять свойства людей трудно и незаметно, изменять же формы легко и дает славу. Но думать так — ужасное, зловредное заблуждение ⟨, сделавшее и продолжающее делать величайшее зло людям,⟩ более всего другого задерживающее приближение человечества к тому идеалу, кот[орый] уже выяснил[ся] перед ним.

У каждого есть незатрогиваемые [*2 неразобр.*] противоречия. Чем он[и?] больше, тем тяже[лее] жизнь.

---

25 мая. Нынче много обдумывал.

1) Движение (во мне, мое) моего я есть необходимое условие отделенности. Не двигайся я, я бы не был отдельное существо.

---

2) Я — существо духовное, следовательно неограниченное; будучи отделенным, стремится разорвать эти ограничения, от этого — движение.

---

3) Всякое движение: питание желудком, легкими, кожей и, главное, полового акта есть стремление захватить в себя другие существа, сделать другие существа собою. Это совершается всем живым от инфузорий до человека.

---

4) Сознание себя живым проявляется в этой жизни, или, скорее, эта жизнь есть одно из проявлений сознания.

---

5) Зачем проявляется в этой жизни раздробленное, отделенное друг от друга и от всего и стремящееся к соединению сознание? Не дано знать человеку.

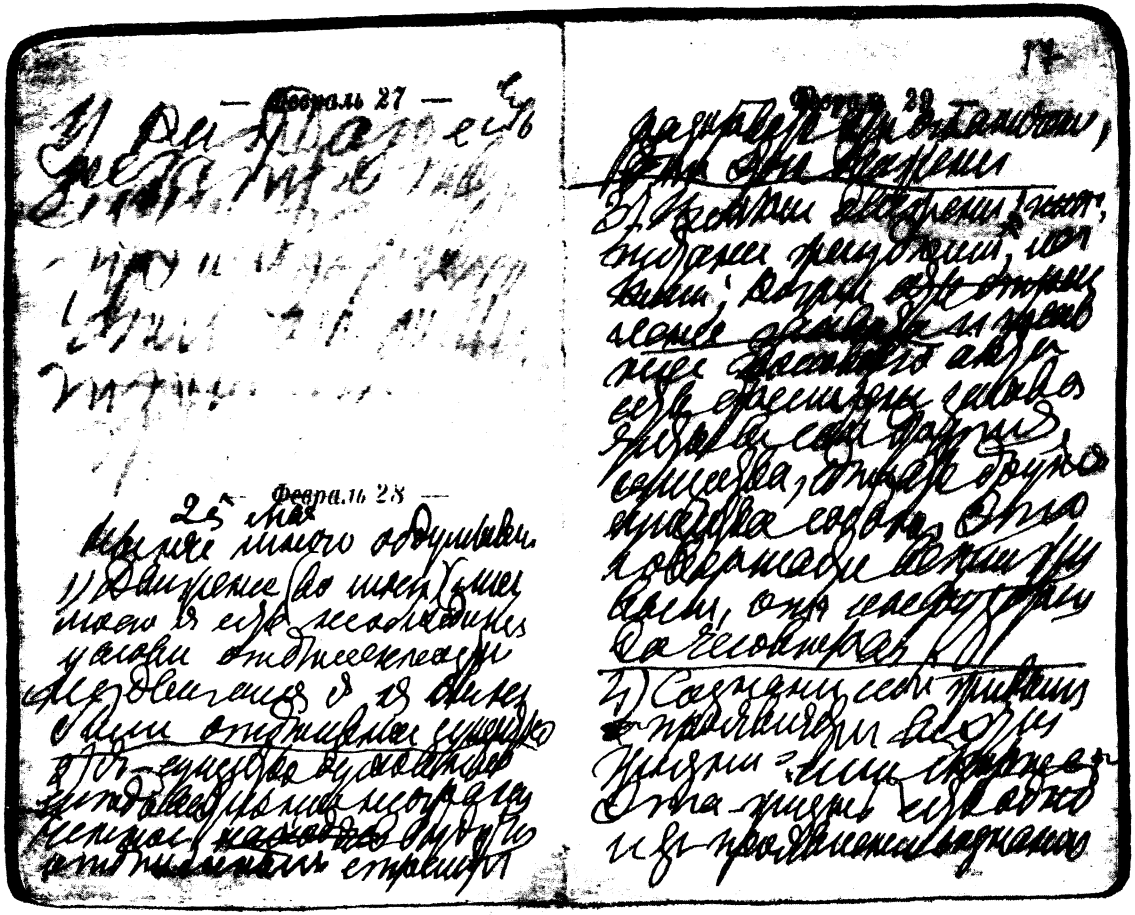
[1] Но это расширяющееся сознание делает какое-то нужное дело.

---

7) И жизнь эта не есть иллюзия, а вечная жизнь, совершающаяся сознаниями в этой отделенности.

---

[1] *Зачеркнуто:* 6)

— Февраль 27 —

— Февраль 28 —

Страницы из Записной книжки 1903—1904 гг.

8) Так что человек, умирая, т. е. уходя из этой отделенности, переходит в другую форму отделенности или сливает[ся] со Всем; жизнь же это объединяющая, или скорее формы жизни,— остается.

25 мая.[1]

Жизнь эта не иллюзия, а только одна из бесчисленных форм жизни.

[*Июнь.*] Всякая власть чует, что она существует только благодаря невежеству, и потому более всего боится просвещения. Но есть условия, при которых власть должна делать сделки с просвещением. Но есть условия — такие силы власти, что этих уступок не нужно. В таких условиях б[ыл] Ник[олай]. Он понял это и так и действовал.[2]

Ник[олай] считал всех людей такими же, как те, к[оторые] окружали его. А т[ак] к[ак] те, к[оторые] окружали его, б[ыли] подлецы, то он всех людей считал подлецами.[3]

Надо жить перед богом не только при встрече с людьми, а и когда один: воздержание, труд.[4]

Он б[ыл] злодей, сотни тысяч жизней погублены им. Он развратил людей жестокостью, он извратил религию. Но он ли сделал всё это? — Он, кажет[ся], один ответствен. Но зато и готовили его. Вся жизнь его была приготовлением к этому.

Любовь есть проявление в этой жизни стремления, к[оторое] имеет осуществиться в той. —

Средство же воздействия на добрую жизнь людей есть только одно: своя добрая жизнь.

Расширение сознания совершается любовью. Любить естественно легче существа наиболее подобные себе. Так мы и

---

[1] *Ср. Дневник 27 мая 1903 г. (1—8), т. 54, стр. 174—175.*
[2] *Ср. Дневник 3 июня 1903 г. (1), т. 54, стр. 176—177.*
[3] *Ср. Дневник 3 июня 1903 г. (2), т. 54, стр. 177.*
[4] *Ср. Дневник 3 июня 1903 г. (3), т. 54, стр. 177.*

любим людей своих, чужих, потом животных, смотря по большему или меньшему сходству с нами.[1]

К Корейшу. Вы думаете, что я навсегда получил отвращение к телесн[ому] наказан[ию].[2]

Разговор с Никитиным. Отчего христиане не следуют идеалу, а материалисты исповедуют?

Два сознания: отделяющее и соединяющее.[3]

Ignorabimus [Мы не будем знать]. Мудрость = знать, что мы не знаем, чего не знаем и не можем знать.[4]

Разделение всех людей.[5]

[*1 неразобр.*]

[*Июль.*] 1) Медицина, две крайности: утонченность и грубость.

2) Лучше самый неприятный человек 999 раз, но раз вполне до конца человек, чем всегда приятный и никогда до конца не отдающийся.[6]

---

3) Любовь последствие, а не причина.

Причина — сознание духовности.[7]

Жизнью мы называем: 1) Сознание духовного начала и проявление его во времени и пространстве, наблюдаемое нами. Первое — дейст[вительность], второе — иллюзия.

Основа жизни — это третье — это бог.[8]

Бог хотел, чтобы мы были счастливы, но счастливы все вместе.[9]

---

[1] *Ср. Дневник 18 июня 1903 г. (1), т. 54, стр. 178.*
[2] *Ср. Дневник 18 июня 1903 г. (2), т. 54, стр. 178.*
[3] *Ср. Дневник 18 июня 1903 г. (3—4), т. 54, стр. 178—180.*
[4] *Ср. Дневник 18 июня 1903 г. (5), т. 54, стр. 180.*
[5] *Ср. Дневник 19 июня 1903 г. (1), т. 54, стр. 180.*
[6] *Ср. Дневник 12 июля 1903 г. (2), т. 54, стр. 183.*
[7] *Ср. Дневник 16 июля 1903 г. (4), т. 54, стр. 186.*
[8] *Ср. Дневник 17 июля 1903 г. (1), т. 54, стр. 186—187.*
[9] *Ср. Дневник 25 июля 1903 г. (3), т. 54, стр. 188.*

[*Ноябрь.*] Человек, исповедующий самую грубую религию, но признающий бога и не конечность этой жизни, без сравнения просвещеннее самого ученого профессора матерьялиста.[1]

Март 24.

Здоровье недурно. Чудный солнечный день. Бутурлин.[2]

На Свинской Николаев
сошел с ума.

Март 26.

Donatienne — R. Bazin.

Бордашев солдат Ламинцов[ский].

Март 27.

Мясновские крестьяне об усадьбе.

[*Август.*] Как прививается, самовнушается любовь.[3]

Свобода воли. Области матерьяльная и духовная.[4]

Март 29.

Макарий Николаевич Волков.

[*Сентябрь.*] Вижу ящик, а не колпак, слышу колок[ольчики], а не индюшки, обоняю труп, а не яйцо, ощу[щаю *или* пываю?] — два шарика, а не один, чую [5] вкус мяты, а не ——.[6] Всё зависит от того, чего ждешь. В моей жизни я приготовил свое представление. Его хватает на 80 лет жизни. Заблуждения же в этой жизни разрушаются тотчас.[7]

Непредвидение.[8]

---

[1] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (2), т. 54, стр. 193—194.*

[2] Эта запись, сделанная под печатной датой Записной книжки, обведена чертой. Она перебивает текст предыдущей записи между слов: «религию» и «но».

[3] *Ср. Дневник 9 августа 1903 г., т. 54, стр. 189.*

[4] *Ср. Дневник 27 августа 1903 г. (1), т. 54, стр. 190.*

[5] *Надписано над вачеркнутым:* слышу.

[6] *В подлиннике проведена черта.*

[7] *Ср. Дневник 8 сентября 1903 г. (1), т. 54, стр. 191—192.*

[8] *Ср. Дневник 8 сентября 1903 г. (3), т. 54, стр. 192.*

Март 31.

Ночью боль груди. Погода теплая.[1]

[*Октябрь.*] Тростить соединение того, что ожидаешь, с тем, что есть.[2]

[*Ноябрь.*] Одна награда, одно счастье — любовь людей.[3]

Тело — орган общения.[4]

Апрель 3.

Здоровье хорошо, дождь, пишу послесловие.

Сергей Малычев[?]

Апрель 4.

Ездил верхом к М[арии] А[лександровне].

Апрель 5.

Спал хорошо. Дождь. Писал хорошо послес[ловие].

[*Октябрь.*] Безнравственно жить только п[отому], ч[то] сейчас хочется; высшая нра[вственность] — жить в виду вечной жизни.[5]

[*Ноябрь.*] Желез[ная] дор[ога], игрушка, к[оторую] нельзя давать детям.[6]

---

1) Лампочка.

2) Старуха — бог.[7]

3) Прогресс только в уяснении.[8]

---

[1] Эта запись, сделанная под печатной датой, перебивает текст предшествующей записи (от сентября) между словами: «Всё зависит от» и «того, чего».

[2] *Ср. Дневник 6 октября 1903 г. (1), т. 54, стр. 192.*

[3] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (8), т. 54, стр. 195.*

[4] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (7), т. 54, стр. 195.*

[5] *Ср. Дневник 6 октября 1903 г. (2), т. 54, стр. 192—193.*

[6] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (1), т. 54, стр. 193.*

[7] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (2), т. 54, стр. 193—194.*

[8] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (3), т. 54, стр. 194.*

1) Гёте также безнр[авственный].
2) Мозаика-Ше[кспир] [?]
3) Старость и болезнь делают легким спуск к смерти.[1]

Как только сознаешь свою духовность, так постоянный рост.[2]

Жизнь не прекращается смертью.

Военных научает умирать смерть.[3]

Апрель 10.

Ходил на Козл[овку]. Приехала Тан[я] сестра.
Погода чудная, березки распустились.

[*Ноябрь.*] Отчего нельзя умирать в жизни, служа?

Как насмешка разрушает духовное понимание.
«Воняет».[4]

Апрель 12.

Насморк.[5]

[*Ноябрь.*] Два треугольника[6]

Апрель 13.

Дурно спал. Жар 37,3.

Вопрос уже не в том, хорош ли он и что хор[ошо]? а в том, почему он хорош.

Апрель 14.

Приехали две Тани.

---

[1] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (4), т. 54, стр. 194.*
[2] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (5), т. 54, стр. 194—195.*
[3] *Ср. Дневник 14 ноября 1903 г. (6), т. 54, стр. 195.*
[4] *Ср. Дневник 24 ноября 1903 г. (2), т. 54, стр. 197.*
[5] Эта запись перебивает текст предыдущей записи между словами: «духовное» и «понимание».
[6] *Ср. Дневник 24 ноября 1903 г. (3), т. 54, стр. 197.*
Далее следует рисунок.

[*Декабрь.*] Могу [1] перенестись в самого ужасного злодея, но не в дурака.[2]

Как нам кажется без борьбы жизнь животных, так существам выше нас кажется без борьбы наша жизнь.[3]

Нет большего безбожия, как упоминание бога без сознания его.

Апрель 18.

Погода чудная. Здоровье хорошо.

[*Декабрь.*] Всякая победа доброго в одном человеке сама собой помогает другому.

Художник и математик, вообще ученый. У первого нет задерживающих центров.[4]

Чистая девушка.[5]

Машинист Сухотиных.[6]

Из окт. Wegweiser.
Фома Кемп[ийский[.

Апрель 24.

Ходил на Козлов[ку]. Жара. Тяжелый спор с Левой.

[*Декабрь.*] Низшая ступень: отдаваться чувству.
Вторая: подчинить[ся] внушению.
Третья, высшая, — жить по разуму.
Вся жизнь борьба между тремя.[7]

Евангелие читает по складам.

---

[1] *Зачеркнуто:* представить
[2] *Ср. Дневник 19 декабря 1903 г. (2), т. 54, стр. 201.*
[3] *Ср. Дневник 19 декабря 1903 г. (3), т. 54, стр. 201.*
[4] *Ср. Дневник 19 декабря 1903 г. (4), т. 54, стр. 201.*
[5] *Ср. Дневник 19 декабря 1903 г. (6), т. 54, стр. 201.*
[6] *Ср. Дневник 19 декабря 1903 г. (5), т. 54, стр. 201.*
[7] *Ср. Дневник 30 декабря 1903 г. (2), т. 54, стр. 203.*

Что легко дается, то редко стоит брать [?].
Араб[ская] погов[орка].

Кто хочет узнать радость доброго дела, тот пусть делает его тайно — только для бога или для своей души.[1]

Смерть.
Падение.

[1904]

Сначала думал, что надо прежде разобраться, что̀ удержать из прогресса, но теперь вижу, что удержать сущность прогресса и установить добрую жизнь — невозможно. Одно из двух.[2]

Только тогда мы начинаем понимать нашу жизнь, когда подумаем о том, что нас не было.[3]

Проповедь и мужику и царю, что он человек.[4]

Трудолюбие следствие от [?] человечности [?].[5]

Долг госуд[арства].[6]

Как трудно жить религиозно.[7]

Ребенок плачет, рожаясь.
Старик печалится, умирая.[8]

Как соединить то, что разделено временем?

Мы соединяем это сознанием в себе. Я — то, что был 70 и 65 и 60..... лет тому назад. — Я всё это вместе. Для высшего существа не только я разных времен одно существо, но одно существо я, и мои дети, и мои предки.[9]

---

[1] *Ср. Дневник 30 декабря 1903 г. (1), т. 54, стр. 203.*
[2] *Ср. Дневник 3 января 1904 г. (1), т. 55, стр. 4.*
[3] *Ср. Дневник 28 января 1904 г. (1), т. 55, стр. 11.*
[4] *Ср. Дневник 28 января 1904 г. (2), т. 55, стр. 11.*
[5] *Ср. Дневник 28 января 1904 г. (3), т. 55, стр. 11—12.*
[6] *Ср. Дневник 28 января 1904 г. (4), т. 55, стр. 12.*
[7] *Ср. Дневник 2 февраля 1904 г. (1), т. 55, стр. 12.*
[8] *Ср. Дневник 19 февраля 1904 г. (1), т. 55, стр. 14.*
[9] *Ср. Дневник 23 февраля 1904 г. (1), т. 55, стр. 14—15.*

Я есмь одно цельное, составленное из меня, прошедшего через время.[1]

К войне:

Но это когда-то будет? —

⟨Когда бы ни было⟩, это *одно* средство. Но когда-то будет. Но если одно, то надо делать то, что̀ приближает к нему, а не то, что отдаляет.

Всё великое просто, естественно, незаметно, то, что должно быть.[2]

Свобода не насил[ие].[3]

В пробуждении складываются воедино сновидения.[4]

Мы всегда на границе смерти, т. е. такого переворота, значения к[оторого] мы даже представить себе не можем.[5]

Этюд о гипнозе.[6]

Когда нет отношения к вечному и обязанностей к нему, то есть только отношения между людьми — выгода индивидуальная или народная, обществ[енная], к[оторой] в сущности и н[ет].

Да [*2 неразобр.*].

Отчего это? От того, что в нашем обществе нет религии. А без религии жизнь не может не быть уродлива и несчастна.[7]

Иван Матвеев Куркин.

Селезневск[ий] в д[еревню] Озерки.

Способные люди без своих мыслей, без сердца.

Дневник княгини Метерних.

---

[1] *Ср. Дневник 23 февраля 1904 г. (1), т. 55, стр. 15.*
[2] *Ср. Дневник 27 февраля 1904 г. (4), т. 55. стр. 17.*
[3] *Ср. Дневник 10 марта 1904 г. (1), т. 55, стр. 19.*
[4] *Ср. Дневник 10 марта 1904 г. (4), т. 55, стр. 19.*
[5] *Ср. Дневник 29 марта 1904 г. (2), т. 55, стр. 23.*
[6] *Ср. Дневник 29 марта 1904 г. (10), т. 55, стр. 25.*
[7] *Ср. Дневник 3 мая 1904 г. (1), т. 55, стр. 42.*

Alex. Feod. Kaiserin von
Russland. Grimm.

[1903]

Июнь 10.

Здоровье портится. Писал Николая, обдумывал три вещи: 1) Беса, взывающего к Иисусу, 2) Кто я теперь, 3) В сборник — бал и сквозь строй.[1]

Нынче вспомнил [*1 неразобр.*] безносую пару в [*1 неразобр.*].

Июль 8.

Жара. Слабость несколько дней. А [2] желудок хорош. Ничего не писал последнее время.

Июль 27.

Упал на теннисе.

Июль 28.

Последствий падения, кажется, нет. Pas encore pour cette fois. [3] Поправлял сказки.

---

[1] *Ср. Дневник 18 июня 1903 г. (1—3), т. 54, стр. 178.*
[2] *Зачеркнуто:* здоров[ье]
[3] [Нет еще на этот раз.]

* ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1909 г.

И люди перестанут [1] видеть то, что им казалось, что они видели, [2] а увидят то, [что] действительно есть. Перестанут видеть [3] служение отечеству, военное геройство, самоотвержение войны, патриотизм, а увидят [4] голую [5] преступность, позорное дело убийства, к[оторое], чтобы скрыть его преступность, называется войной, а не [*1 неразобр.*]. Но как же жить без [*1 неразобр.*] ⟨войска?⟩, т. е. как жить разумным, добрым существам без организованного убийства. Думаю, что, как ни сложится жизнь этих существ без признания обязательным убийства друг друга, она сложится лучше, чем при признании убийства обязательным и нужным для каждого человека.

Вот всё, что я хотел сказать. Оч[ень] буду жалеть, если то, что я сказал, огорчит и оскорбит кого-либо. Но мне 81 лет[нему] старику, всякую минуту ожидающему смерти, нельзя было не сказать ту истину, к[отор]ую я вижу так же ясно, как вижу всех вас, истину, к[отор]ая может и должна избавить человечество от неисчислимых, претерпеваемых им и матерьяльных и духовных бедствий.

Всё это я высказал по отношению к Гусеву и ко мне, говорил, мож[ет] б[ыть], не спокойно, не добро, слишком резко; может б[ыть], оскорбил, огорчил кого. Если это так, то от всей души прошу простить меня, [6] но я чувствую необходимость сказать и то, что я думаю и чувствую о тех людях, к[оторые], от высших до низших, совершают такие дела. Мы знаем, что совершалось и совершается эти последние года в России. Совершаются не одни высылки, ссылки, заточения, совершаются такие дела, про

---

[1] *Написано поверх зачеркнутого:* увидят то признание, то ч[то]
[2] *Зачеркнуто:* и перестанут видеть то, что скрыва[ло] от них истину.
[3] *Зач.:* патриотизм, ⟨военное⟩ геройство войны
[4] *Зач.:* то, что есть.
[5] *В подлиннике:* голое
[6] *Со слова:* говорил и *до знака сноски обведено чертой с пометой:* пр[о]пустить.

к[оторые] страшно и не хочется говорить. И вот по случаю этих дел мне и хочется сказать, как мне ни жаль всех тех тысяч людей, ссылаемых, мучаемых, [1] лишаемых жизни ради воображаемого успокоения, я помню, что, кто делает эти дела, — такие же люди, наши братья, братья те[х], кого они мучают, и мне жаль их (истин[но] от всей души говорю), гораздо больше жаль их, чем тех, кто страдает от них, как бы покойно и приятно ни б[ыло] их телам, как бы ни одобряли, ни восхваляли их такие же, как они, люди, как бы сами они ни уверяли себя, что они делают то, ч[то] делают, для блага людей; они в глубине души знают, что это неправда, знают, что они затворили на себя дверь от всех истинных человеческих радостей жизни, знают, что огром[ное] большинство людей ненавидит и презирает их и что потомство будет вспоминать о них с омерзением, в лучшем случае — только с презрительным состраданием, знают, глав[ное], то, ч[то] они делают самое дурное, для самих себя — губят одно, что есть драгоценного для людей, — губят свои души.

Вот этим-то жалк[им] людям мне хочется передать то, что я думаю и чувствую о них, хочется сказать им: подумайте о том, на что вы тратите данные вам богом силы телесные и духовные, загляните себе в душу, пожалейте себя.

Вы делаете прекрасное дело. Пьянство великое зло. Но есть другое дело, дело общее.

То, что называется наукой, может быть или самым вредным дел[ом] в жизни, или самым пустым, или самым важным делом, к[аким] только может заниматься человек. Самым вредным она будет тогда, когда под видом истины преподает ложь (к несчастью, в наше время это часто бывает), самым пустым занятием, когда преподаются ни на что не нужные, только забивающие головы учеников [предметы] (и это еще более часто происходит в наше время). И самым важным делом на свете наука делается тогда, когда она учит детей и людей вообще прожить наилучшим образом, т. е. наиболее нравственно, исполняя [2] свое назначение в мире, свою длинную или короткую жизнь.

Отбросим же и вредные и пустые науки и все си[лы] положим на изучение одной истинной и важной.

---

[1] *Зачеркнуто:* развращаемых
[2] *Зач.:* не для себя одн[ого]

* ЗАПИСИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

1877—1880

[Л. 1.] Пословица.

Без отца матери вырастет, а без божьей милости не вырастет.

1713. Дарья Веденикт[овна]

крест.

Серафим Саровский

Разве в него влезешь

[Л. 2.] Стала отложено тело. Стала душа отряхать с себя бренную плоть. Вылуплялась душа из тела.

[Л. 3.] В Городне, в Ясной. —

Самые бедные — дожили в избе дотла. Им и переселяться. — Анисимов Я. П., Герасим[ов] Ефим Гор[деевич]. Петр Тихонов [*1 неразобр.*]

Ефрем. Оптина. Тихон под Калугой, Пафнутий (Боровск[ий]). Саввы. Звенигород. Нов[ый] Иер[усалим]. Харьков. Сергию. Чернигов.

[Л. 4.] Божеств[енность] учения — в учении, а не в том, что оно от бога.

Данила Игу[мен], мона[х] Трифон. Кор. обал [1]

[Л. 5.] Я даже увидал, ч[то] все мы больные в исключительн[ых] условиях вне труда. —

[Л. 6.] 10 июля. Мужик молодой. Лето на работе не спит[?] Меня силой [*2 неразобр.*] От без[делья] озорничает, сам не знает.

---

[1] Листок оборван.

В остроге огни [*1 неразобр.*]. Баба идет домой: у меня за любовь [?] миленькой. Сгребла. Пастух ходит по дворам, подпасок, баба из двора.

Рази и побывать еще [?]

Без руки. Попал в молотилку.

---

14 июня. Разделение труда потому ложное начало, что человек лишается возможности, делая зло, покаяться. При разделении же труда один человек всю жизнь молится, другой всю жизнь тешит дьявола — плясун, песенник, блудильницы, содержатель.

18 июля. Ночь. Раст[ается] [?] сел и едет по жел[езной] дороге — газ — говор — табак — вино — она — ⟨стонет⟩ млеет [?] и ужасается — одна в молодом лесу, в лугу, роса, луна.

Он, как докучную муху отгоняет воспоминания и призывает.

13 авг[*уста*]. Баба от печи — красная рожа.

15 авг[*уста*]. Странник желает умереть в Киеве. Настроено больниц [?].

[Л. 7.] Темы — свое кое-что.[1] Рылянин толстомордый, пьяный, самоуверенный похабник.

Монахи: 1) Солдат черниговский — высокий блондин, статный, кроткий, 2) солдат коротыш, силач, херсонский, кудряш, 3) солдат калужск[ий] — черный, задумчивый. Ходил в Черногорию. 4) Вотяк постник, кроток, тихий, прочный огонь.

25 июня. Покос. В самый жар в обед свиданье в лесу. Покос. — Голубок пестрый спустился пить в луже. Узник из ок[на] глядит.

Убирают сено: мечут стог там [?] увязывают воз. Прямые ворот[а]. Штаны навыпуск, жилет[ка] — неумело, но весело распутно. Дождик. Пережидаю[т] в сарае. Мужик пощелкивает языком. Денечка на два покоса не управились.

[2] ⟨Кого⟩ А есть ли охота осудит [3]

1) нельзя ли [4]

Сидят все в каморе и судьи, слышно как перо подрагивает по лист[у] [?]

---

[1] *Написано над зачеркнутым:* кое-какие

[2] Одно слово (может быть, дата) стерто.

[3] Далее стерто несколько слов.

[4] Далее стерлось девять с половиной строк.

1) Жена: *a*) нечестно — брюх[атая], *b*) не... [1] любовь потер[яна], *c*) жалко; 2) сты[дно] *a*) перед же[ной], перед д[етьми] п[еред] л[юдьми]; 3)...ность, [2] *a*) фрянка, *b*) муж, отец, *c*) погряз в пороке.

1879—1880

[Л. 8.] Что-то странное: я ищу успокоение своей душе, а мне говорят: вот успокоение др[угих] душ. Я ищу отношен[ие] мое к б[огу], мне говорят: вот наше отношение к б[огу], и ты должен принять его. Я ищу той жизни, дел, к[оторые] меня бы удовлетворили, а мне говорят: вот дела, к[оторые] нас удовлетворяют. Я нахожу то отношение к б[огу], то успокоение, те дела, к[оторые] удовлетворяют меня и к[оторые] я нахожу в др[угих], мне говорят: нет, ты должен так выразить это отношение, как мы. Те выражали как мы. (И правда, они — те выражали, но, пожал[уй], почему и я — п[отому] ч[то] спорить грех, но не могли соглашаться.) Да кто же эти *они?* Жрецы — слуги дьявола.

Мало того, я читаю Ев[ангелие], я понимаю всё. Всё ясно, я со всем согласен. Нет. Не смей понимать по-своему. Я сердцем чувствую и не хочу формулировать. Они говорят: формулируй, как мы. Да идите вы к отцу своему дьяволу. Вы хулители на св[ятого [дух[а].

[Л. 9.] Вера есть знание жизни — как жить?

Веры все знают. Не суеверие. Они знают, что хотят. Всякий ученый о мире наде[ется] [?] знать.

Веры все знают — хо[дить] свечи ставить. Стало быть, и [*1 неразобр.*] знает. Что же[?] Иверская. Причастие. Хоть отталкивает, но знаю, что зачем. —

Хочу даже допустить поста[вить] свечи, потому что чутье, воспоминание и на[ука] говорят, что правда любовь, униж[ение] и т. д. Нет, анафема и эвхар[истия].

Так постойте, посмотрите.

Учен[ие] богословия — не за что ухватиться.

---

[1] Одно слово стерлось.
[2] Начало слова стерлось.

Ученые исследователи любят говорить о себе [*несколько слов стерлось*], п[отому] веры выйти не может. Остается взять в истор[ии] Нов[ого] Зав[ета]. —

Как не верить, что должно что-нибудь выдти из того, что делаешь.

[Л. 10.] И я вспомнил, ч[то] и я верил в ж... ..... да.[1] Но ее нет давно. Посмотрим, не ошибся ли я [*2 неразобр.*]. Может б[ыть] я не вник, не так понял ее. — Разум без веры привел меня к отрицанию всего и разума: ибо если разум только и есть, то он и должен объяснить. Но деваться некуда. Меня тянут, привлекают верующие. Признаюсь, я стал делать, что они. Но не мог не истинное делать. Фарисейство. Требования стали [*4 неразобр.*] и что ж? Чудо [*1 неразобр.*]. Чудо.[2]

Что будет: как зерно горчичное — кажется ничто, а только не судите, не[3] благодетельствуйте, спасайте только душу.

Заповедь малейшая: любит[е] друг друга.

И кто эту (малейшую) кратчайшую заповедь соблюдет и исполнит, тот в ц[арстве] б[ожием]. А кто одну малую не исполнит...

В ней всё: люби бога и ближн[его].

Я пришел не нарушить, но исполнить.

18. Ибо уверяю вас, как земля не прейдет, так не прейдет ничто, если исполнит мою малую запов[едь].

[Л. 11.] *Молитва.*

1) Вопр[ос]. Зачем молиться? Б[ог] не может исполнить противное его закону.

2) Вопр[ос]. Я прошу, как же б[ог] не исполняет моей молитвы?

Отв[ет] 1) и 2). Б[ог] сотворил так мир, что всё возможно. А если тебе кажется, что б[ог] не исполняет, то это по времени. А для б[ога] времени нет. Он исполнит, но тебе только кажется, что не скоро, или нет, п[отому] ч[то] для тебя всё представляется во времени. А всё благое для тебя он исполнит. Зло же он не хочет исполнить никогда.

---

[1] Два слова стерлись.
[2] Далее две строки стерлись.
[3] *Зачеркнуто:* делайте

Фарар.

[Л. 12.] 1) ⟨Как невод, кого зацепит.

Как семя горчишное. Мало, но

2) Как закваска. Основа всего.

6) [1] Как горчишное с[емя] увеличит[ся].

5) [2] И не заметишь как.

6 [3] И оно дорого, как жемчужина. Всё продал.

4) И его не видать, но надо верить.

7) И всё выбрасывали, чтоб его принять:

8) Притча о хозяине, стерег[ущем] дом, о слугах, жд[ущих] хозяина, о управителе. Надо готовиться жизнью для принятия царства.

9) О смоковнице. Можно подождать, но срубить тоже⟩.

10) Притча. Зав. на брак. Л. 20.1—19. Л. 24. Надо слушать не пренебр[ег]ать — тоже.

11) а) О винограднике и плате.

б) о погибшей драхме, овце, блудном сыне. Справедливости нет у б[ога], а есть любовь. Всем равно.

⟨12) Пр[итча] о господине отъезжающем. Бог оставил мир с сыном человеческ[им] и дал каждому таланты. Л. 19, 11—28.

13) Пр[итча] о слугах и убитом сыне. Бог распределяет.

К притче о плевелах.

14) Притча о девах: *готовиться делами к принятию сына.*

15) Ветвь виноград[ная]. Плевелы. Иоан. 13.

16) Притча о раздел[ении] добр[ых] от злых по милосердию.

Главный признак ц[арства] б[ожия] — любовь и милосерд[ие]. Л. 21, 5—38⟩.

⟨Совет фарисею. Две заповеди. *К проповеди.*

Обличение фарис[еев] [?]. Л. 20, 20—47. *К облич[ению].*

Жертва вдовы. Милостыней — *заслугу только личную.* Л. 21, 1—4.

Разрушен[ие] храм[а]. *К облич[ению].*

Притча о девах. *Готовит[ься] к спасению.*

---

[1] *Исправлено из:* 3).
[2] *Исправлено из:* 4).
[3] *Исправлено из:* 5).

Пр[итча] о талантах. Б[ог] *распред[еляет?]* ц[*арство*] б[*ожие*].

Пр[итча] о раздел[ении] добр[ых] от злых за то, что жалели. *(к проповеди — плачущие).* Л. 21, 5—38.

Ветвь винограда. Иоа[н.] 13. *Плевелы.*⟩

Для чего воскресение, как чудо и подтверждение, когда всё учение установило перманентное чудо существования божестве[нного] начала — абсолютного на земле в человеке?

[Л. 13.] Христианск[ое] правительст[во] = теплый лед. — Филарет — о государстве. Что госуд[арство]? Или Хр[истос] не догадался сказать о нем.

Добро оно или зло, б[ог] или дьяв[ол].

Соф[ья] Андр[еевна] говорит: Ну как же церкви не нужно. В чем же будет вера? Как молиться мужикам?

Признаки — догматы веры? Догматы веры Христ[овой] известны, но никто им не следует — их затирают, выставляя догматы веры *требожной* с богородицами и святыми.

Догматы веры Христа.

Отриц[ательные] (как 2-я заповедь) —

1) Внешнего богопочитания нет — это фарисейство. Тексты. Храм уничтожить. Поклоняться др[уг] др[угу] и *делом.*

2) Постов, лишений — очищений, [1] удаления от людей — нет.

3) Учителей нет.

Полож[ительные] —

1) Не убий, не противься злу, подставь щеку — значит: *не воюй, не ограждай* себя, *не отмщай.*

2) Не суди, не наказывай [2] — прощай 70 × 70.

3) *Не отказывай просящему, не собирай именья.*

4) Не думай о завтрашнем дне, если дума эта может помешать делу нынешнего дня.

[Л. 14.] 5) Не величайся. Унижайся: мой нож, чисти нужники.

6) Не прелюбодействуй. Не смотри на чужих жен и на зрелища и не устрояй этих зрелищ.

7) Твори милостыню тайно.

---

[1] *Зачеркнуто:* исключений

[2] *Зач:* не учи

8) Никого не ненавидь. Всех люби или хоть жалей.

9) *Только о своей душе помни.*

Стундисты, молоканы? Да, но у них Ветхий Завет, требожие, послания. Но они ближе всех к Хр[исту].

Бога никто же не видел — однородный сын во мне и во всех явил. Этого-то явленного в человеке бога одного надо чтить (в духе и *делами*). На самом деле это надо хорошенько помнить, то, что только один этот вид б[ога] явлен и этот один мы можем чтить. Всякое другое богопочитание как бы не спутало нас.

Стал объяснять ответы.

1) В науке двояко получается: $\frac{0}{0} = 0$. Разум.[1] Сам с собою по чувству.

2) Ищу бога. То не согласен разумом, то нет его.

3) Опытом вижу, живут ответами — наблюдаю, сливаюсь.

[Л. 15.] 1) Пришел показать сына божия. Что есть бог и сын. В н[ачале] б[ыло] сл[ово].

2) Он проповедовал ц[арство] б[ожие] и перемену [*1 неразобр.*] духа для того, ч[тобы] войти в н[его].

3) В чем перемена внутренняя. Никодим. Силою берется.

4) В чем перемена внешняя. Проповедь на горе. Жизнь настоя[щая] вне пространства.

5) Что же такое ц[арство] н[ебесное]. Оно не храм, не пост — ничто из отношения к людям. Обличен[ие] фарисеев. И нет середины.

6) Оно духовное. Самарянка. Я творю волю отца. Притчи. Пища.

7) Как оно придет. Как молния внутри вас. Притчи.

8) Что от него будет? Не зло. Как птицы н[ебесные].

9) Вечная жизнь. Единение меня накормит и любовь, и будет легко бремя.

10) Если и это неясно, то вот вам моя жизнь: а) пост; б) некуда голен[и] прекло[нить], в) бросил семью, г) обличал и помогал, д) пострадал и е) и тем показал, что ваш порядок жизни — космос — зло.

---

[1] *Написано над вачеркнутым:* Но где-то есть ответ. Только они глупы.

[Л. 16.] Бог не мог сотворить людей такими, чтобы они грызлись и были несчастны, сознавая свое несчастье.

Он сотворил их такими, что им приятнее всего любить друг друга, и, зная это, они были бы счастливы.

Они знали это, но забыли. Христос напомнил им это.

Денисова — волость. Тульск.

Митюшина. Фицеровы.

Не дают билетов. Землю отняли.

* ЛИСТОК ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1905 г.

Воинск[ому] нач[альнику].

Фома Иванов Новиков — жена и 5 детей: 14, 9, 8, 5, 2. Просит, чтобы освободить.

Крапив[енская] земс[кая] упр[ава].

В сентябре он ушел в больницу и ему не выдавали с сент[ября] по апрель.

Я только начат оболван[ен]. [1]

Без религии — живот[ное]. [2]

Сначала для себя, потом для славы людской (массы), потом для славы ⟨из⟩ лучших, потом для себя — совести, бога. [3]

Духовное и матер[иальное] — коромысло весов. [4]

Память, ее работа. Настоящая жизнь в воспоминании. [5]

Сознание останавливает движение, т. е. иллюзию. [6]

---

[1] *Ср. Дневник 6 июня 1905 г. (1), т. 55, стр. 144.*
[2] *Ср. Дневник 6 июня 1905 г. (2), т. 55, стр. 144.*
[3] *Ср. Дневник 21 апреля 1905 г. (3), т. 55, стр. 135.*
[4] *Ср. Дневник 21 апреля 1905 г. (4), т. 55, стр. 135—136.*
[5] *Ср. Дневник 21 апреля 1905 г. (5), т. 55, стр. 136.*
[6] *Ср. Дневник 21 апреля 1905 г. (8—15), т. 55, стр. 136—137.*

* ЛИСТЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1908 г.

4 с[ентября]. 1) Человек весь в грязи и не лезет из нее, а других учит, как им очищаться.

---

2) Faites ce que je d[is], mais ne pas ce que je fais.[1]

---

3) Заставлять силой людей[2] перестав[ать] делать худое, всё равно ч[то] запрудить реку и радоваться, что река на время мелеет.[3]

Можно насилием на время заглушить му[дрость] божию и в себе и в других, но добра нельзя сделать насилием.

---

4) Отчего революц[ии] и жестокос[ть] их — оттого, что насилие властвующих учит[4] суевер[ию] устройства насилием.[5]

---

6) Только тот, к[отор]ый не верит в бога, может верить в то, что насилием можно заставить человека делать не то, ч[то] он хочет.[6]

---

7) Суеверие устройства насил[ием] тем ужасно, ч[то] оно преемственно.[7]

---

8) Если человек верит в бога в себе и людях, он не может насил[ием] устраивать жизнь люд[ей].[8]

---

[1] [Делай, что я говорю, но не то, что я делаю.] *Ср. «На каждый день», 16 мая, 3, т. 43, стр. 270.*

[2] *Зачеркнуто:* жить

[3] *Ср. «На каждый день», 16 мая, 2, т. 43, стр. 270.*

[4] *Зачеркнуто:* глупости

[5] *Ср. «На каждый день», 16 мая, 5, т. 43, стр. 270—271.*

[6] *Ср. «На каждый день», 16 июня, 1, т. 43, стр. 330.*

[7] *Ср. «На каждый день», 16 июня, 2, т. 43, стр. 330—331.*

[8] *Ср. «На каждый день», 17 июня, 2, т. 43, стр. 332.*

9) Как только устраивать жизнь других насилием, непременно устраивать ее для своей выгоды.[1]

---

10) Устроить всегда сначала только оправдание, а потом уж выставляется цель.[2]

---

11) Только освободись люди от суеверия устройства, и государство станет невозможность[ю].[3]

---

12) Была бы любовь, не могло бы быть госуд[арственного] насилия. Не было бы госуд[арственного] насилия, была бы любовь.[4]

---

13) Главный соблазн устроительства в том, ч[то], будучи поставлено выше всех законов, он освобождается от[5] личного совершенствования.[6]

---

14) Если бы был поставлен вопрос, как сделать так, чтоб человек совершенно освободил себя от нравствен[ной] ответственности? то нельзя придумать другого средства, как суеверие о том, ч[то] человек может силою устраивать жизнь других людей.[7]

---

15) Суевер[ие] это тем ужа[сно], что при этой вере люди ценятся тем выше, чем они безнравственнее.[8]

---

16) Хуже всего то, ч[то] это суеверие требует заглушения или извращения нравственного закона.

---

17) Отчего так извращено христианство и все веры, отчего так пала нравственность? Одна причина: вера в благодетельность насильнического устройства.

---

18) Суеверие это, как всякое суеверие, делает то, что то, во ч[то] верят, уже считается не подлежащим обсуждению. Так в го-

---

[1] *Ср. «На каждый день», 16 ноября, 9, т. 44, стр. 290.*
[2] *Ср. «На каждый день», 15 сентября, 6, т. 44, стр. 157.*
[3] *Ср. «На каждый день», 15 сентября, 8, т. 44, стр. 158.*
[4] *Ср. «На каждый день», 15 сентября, 9, т. 44, стр. 158.*
[5] *Зачеркнуто:* внутре[ннего]
[6] *Ср. «На каждый день», 16 декабря, 9, т. 44, стр. 356.*
[7] *Ср. «На каждый день», 16 августа, 5, т. 44, стр. 99.*
[8] *Ср. «На каждый день», 17 февраля, 10, т. 43, стр. 91.*

сударство говорят о свободе, не позволяя себе касаться вопроса госуд[арственного] устройства.

---

19) Смерт[ные] каз[ни], война признаю[тся] необходимыми людьми, не могущими перенести мысль об мучительстве животных. Как это могло случиться? Одно средство — суеве[рие] устройства.[1]

---

20) Суеверия разрушают только страдания мучеников за правду. Так и в разрушении суеверия устроительства они могут, должны быть и есть. Но как ни страшны и жалки их страдания — их страдания 1/1000 тех, к[оторые] вызывают суеверия.

---

21) Не революции, не союзы, не трактаты, не социалисты спасут людей от их главных бед государственного суеверия, а только признание суеверия суеверием и потому освобождение от него.

---

22) Про какое ни подумайте матерьяльное бедствие людей нашего времени, поищите его корни: оно в суеверии госуд[арственного] устройства.[2]

---

23) Как много нужно для разрушения госуд[арственного] устройства извне и как мало изнутри. Только признание суеверия суеверием.[3]

---

24) Всякое суеверие разрушается истинной верой. То же и с суеверием гос[ударственного] устройства.[4]

---

25) Как, казалось бы, трудно думать, что от того, что я выпью вина и хлеба, я получу святость, а люди верят. Но еще страннее думать, ч[то], если я заставлю людей [5] под страхом насилия исполнять то, ч[то] я хочу, то они станут луч[ше], но люди верят и в это.

---

[1] *Ср. «На каждый день», 16 августа, 2, т. 44, стр. 98.*
[2] *Ср. «На каждый день», 16 декабря, 6, т. 44, стр. 355.*
[3] *Ср. «На каждый день», 16 декабря, 7, т. 44, стр. 355.*
[4] *Ср. «На каждый день», 15 сентября, 7, т. 44, стр. 158.*
[5] *Зачеркнуто:* притворяться, ч[то] они не хот[ят] добр. то

26) Заставить людей силой делать то, ч[то] мне кажется хорошим, это самое лучшее средство внушить им отвращение к тому, что мне кажется хорошим.[1]

Всякий человек знает, что всякое насилие зло. И вот, чтобы отучить людей от насилия, мы ничего лучше не можем придумать, как то, ч[то] мы — люди, требующие к себе высш[его] уважения, — делаем для этой цели самые ужасные насилия: тюрьмы, казни.[2]

---

27) Человек, совершающий насилие, менее свободен, чем тот, к[оторый] терпит его.[3]

---

5 с[ентября]. Всё дело в том, чтобы переделать любовь к себе в любовь к богу, ко вс[ему].

Если бы в человеке не было любви, не к себе, а ко всему, он бы был хуже скот[ины].

Ты говоришь: я не могу любить всех. Да ты попробуй. Скажи себе, что это можно. Всем

Если жизнь в настоящем, то какая же смерть? Умирая, я в том же положении, как и в продолжение всей жизни.

---

6 сент[ября]. 1) Как ни странны суеверия о том, что есть люди, к[оторым] бог открыл всё [4] о жизни в этом мире и о невидимом мире после смерти, или о том, ч[то] для блага людей им нужно как можно больше подробностей о вещественном мире и об его происхождении и о том, ч[то] с ним будет, или о том, что людям нельзя иначе жить, как только разделяясь на разные государства, т. е. что для их блага им необходимо выделяться с одной частью людей от всех остальных и враждовать со всеми остальными, и для этой цели нести самые тяжелые лишения, — как ни странны все эти суеверия, едва ли не страннее их всех то, по которому люди, не могущие знать каждый про себя, что с ним будет в каждый будущий год, день, час, верят, что они могут

---

[1] *Ср. «На каждый день», 16 октября, 6, т. 44, стр. 222.*
[2] *Ср. «На каждый день», 16 октября, 7, т. 44, стр. 222.*
[3] *Ср. «На каждый день», 16 октября, 8, т. 44, стр. 222.*
[4] *Зачеркнуто:* что нужно знать людям

знать, что [1] если они, многие, сойдутся вместе, [то, что] с ними будет в будущем, и, ради этого воображаемого будущего, несут величайшие лишения, бедствия и совершают величайшие преступления.

---

2) Ты говоришь, что если мы все поступим так — перебьем всех революционеров или всех властителей и установим такие или такие законы, то всё будет прекрасно. Но ведь когда ты устраиваешь одну свою жизнь, жизнь твоя никогда не складывается так, как ты хотел; а ты б[ыл] властен в ней, как же ты хочешь устроить жизнь тысяч, миллионов людей, к[оторые] все живут по своей, а не по твоей воле?

---

3) Ты устраиваешь жизнь людей силою, потому силою, ч[то] есть много и много людей, иногда и большинство людей, к[оторые] считают твое устройство ложным, дурным, как же ты можешь надеяться, что оно удержится? А для установления этого устройства ты губишь счастье людей и свою душу.

---

4) Понятно, ч[то] есть люди, к[оторым] выгодно суеверие власти и к[оторые] поэтому верят в возможность насильнического устройства жизни людей. Но ты подчиняешься этому устройству, как же ты не веришь голосу совести, бога, к[оторый] говорит тебе, ч[то] не надо выделять себя из друг[их] людей, не надо судить, казнить, воевать, давать на дурные дела деньги, — а делаешь всё это, п[отому] ч[то] веришь, ч[то] то, что делают люди для устройства твоей жизни, неизбежно, необходимо, а сам и понятия не имеешь о том, в чем это устройство. Какое удивительное суеверие.

---

5) Одни люди верят в то, ч[то] насилием можно устроить благую жизнь людей, п[отому] ч[то] другие люди верят в это. А почему все верят? Никто не знает. Стоит одному сказать: зачем? — и все скажут то же.

---

6) Понятно, что сильный человек покоряет слабого и двое покоряют одного, но отчего сильные люди и многие покоряются слабым и немногим? А только оттого, ч[то] они не сознают себя

---

[1] *Зачеркнуто:* с ними будет

людьми, не сознают своей божественной природы и ее требований.

---

7) Не слушаешься отца матери, послушаешься барабанной шкуры, говорит пословица. Надо бы только заменить слова: отца матери словом: бога.

---

8) Всякое суеверие разрушается истинной верой. Так это особенно ясно видно в суеверии насильнического устройства....[1]

---

9) Все бедствия революции только от суеверия насил[ьнического] устр[ойства]. Вы хотите так устроить, а мы этак. Оба действуют по суеверию, и пока оба служат одному суеверию, нельзя убедить ни того, ни другого.[2]

---

10) Люди придумывают всё, как им кажется, всё лучшее и лучшее устройство своей жизни, а им для их блага нужно одно, ч[то] им нужно, — не насил[ьническое] устройство, а ясное сознание того, что жизнь их будет только тогда хорошая, когда, сложится свободно.

---

11) Говорят: отказаться от насилия, будет беда, пострадаешь от насилия. Давно это можно бы б[ыло] говорить, если бы теперь люди не страдали от насилия, и так, ч[то] трудно себе представить больше.[3]

---

12) Но что же будет, если не будет нас[ильнического] устр[ойства]?

Не знаю, так же, как не знаю и при насил[ьническом] устр[ойстве], но знаю наверное, ч[то] не буду участвовать в насилии.

---

13) Все суеверия изживают[ся], т. е. люди страдан[иями] приведены к [4] освобождению от суеверия. Так это совершается теперь с суевер[ием] нас[ильнического] устр[ойства].

---

14) Хорошо б[ыло] вер[ить] в неизбежность нас[ильнического] устр[ойства], когда люди знали одно свое государство, как это

---

[1] *Ср. «На каждый день», 16 октября, 9, т. 44, стр. 222.*
[2] *Ср. «На каждый день», 16 декабря, 4, т. 44, стр. 355.*
[3] *Ср. «На каждый день», 15 июня, 6, т. 43, стр. 330.*
[4] *Зачеркнуто:* сознанию ложности

б[ыло] в Риме, как это [1] б[ыло] в средн[ие] века, теперь же, когда все знают всё, ч[то] делается вез[де], и на других народах видят то, ч[то] делается в своем, трудно верить, ч[то] то насильн[ическое] устр[ойство], к[оторому] я подчиняюсь, самое лучшее и необходимое.

---

15) Из К[руга] Ч[тения], 6 сент[ября], 6.

Есть ли в отд[еле] собл[азн] возм[ездия] из К[руга] Ч[тения] 4 июля?

---

16) Из К[руга] Ч[тения] нед[ельное] чт[ение] Ламене 15 июля.

---

7 сен[тября]. 1) Всё неосновательно: а) как устроится, когда власть будет в ру[ках] народа? б) как разделить землю по работникам; в) нехор[ошо] ненависть, хорошо только то, ч[то] хорошо для всех.

2) Всё можно, п[отому] ч[то] насил[ие]. Если вы можете, то и они могут. Почему вы лучше? После Луд[овика] б[ыл] Марат потом Нап[олеон].

3) Главное же то, что вы хотите делать то самое,ч[то] вас возмущает. Вы в том же суеверии — устройст[ва].

4) Лишаете себя могущ[ества] и дает[е] справедливый повод репресс[иям].

В прелюб[одеяние] из М[ыслей] М[удрых] л[юдей] 2 сен[тября].

В правд[ивость] из М[ыслей] М[удрых] л[юдей] 4 сент[ября].

В мысль из М[ыслей] М[удрых] л[юдей] 5 сен[тября].

В недобр[ожелательство] [из] М[ыслей] М[удрых] л[юдей] 6 сен[тября].

8 сен[тября].

1

От гр[еха] самоотр[ечение], от собла[на] смирение, от суеверия правдивость.

2

Нельзя быть безгрешным, но можно быть всё меньше и меньше грешным.[2]

---

[1] *Зачеркнуто:* теперь только в самых редких глухих местах. Вообще же

[2] *Ср. «На каждый день», 7 июня, 1, т. 43, стр. 315, и 7 декабря, 1, т. 44, стр. 337.*

3

Не б[ыло] бы грехо[в], не б[ыло] жизни. Не б[ыло] бы освобождения от грехов, тоже не б[ыло] бы жизни. [1]

4

Подумай, ч[то] ты безгрешный, и нет жизни.

5

Грехи сладки, но слаще всех грехов сознание греха и возможность освобождения.

6

Сознание своих грехов самое нужное дело. Перебирать свои грехи — в этом молитва.

7

Разница челове[ка] хорошей жизни от дурной не в том, ч[то] у одного много, а у другого мало грехов, а в том, ч[то] один знает, а другой не знает свои грехи, один борется, а другой не борется с ними. [2]

8

Только тот, кто испытал это, знает, какое радостно-восторженное чувство испытывает человек, когда в первый раз поймет, ч[то] его дело в борьбе с собой.

9

Как всё трудно, когда полагаешь все беды вне себя, и как всё легко, когда поймешь, что всё в тебе.

---

[1] *Ср. «На каждый день», 7 января, 3, т. 43, стр. 14.*
[2] *Ср. «На каждый день», 7 декабря, 2, т. 44, стр, 337.*

10

Только тот, кто понял, ч[то] всё дело жизни в освобождении от г[рехов], с[облазнов] и с[уеверий], не подпадает под новые г[рехи], с[облазны] и с[уеверия], не зам[еняет] одни другими, как это делает человек, непонимающий жизни.[1]

11

Грехи сразу видны, но трудно отвыкать; соблазны труднее увидать, особенно п[отому], ч[то] они заменяются один другим, но зато освобождение от них легче, чем от грехов. Суеверия труднее всего познаются, но зато, когда познали, уже навсегда уничтожаются.[2]

12

Если человек говорит: сколько ни бейся с грехами, грехи всё будут, то он говорит то же, ч[то] говорил бы челóвек: что пахать, и сеять, и кормиться, сколько ни хлопочи, опять надо кормиться.[3]

Государство.

1

Нельзя слушаться бога и государя и всякое начальство. Нельзя, п[отому] ч[то] бог велит всех любить, всем прощать, ни у кого ничего не отнимать, всех людей считать равными братьями. Государь и всякое начальство велят судить, наказывать людей, велят отбирать от людей их имущество и на эти деньги строить крепости, пушки, устраивать военные команды, велят самим идти в солдаты, учат убивать и убивать людей, велят одних людей почитать сверх всего, а других считать ни за что, а третьих вовсе считать врагами.

Стоит подумать об этом, чтобы видеть то, что нельзя быть слугой бога и царя. Мы не видим этого только п[отому], ч[то] не хотим видеть; а не хотим видеть п[отому], ч[то] боимся царя, а не боимся бога.

---

[1] *Ср. «На каждый день», 7 февраля, 4, т. 43, стр. 72.*
[2] *Ср. «На каждый день», 7 декабря, 8, т. 44, стр. 338.*
[3] *Ср. «На каждый день», 7 декабря, 3, т. 44, стр. 337.*

2

Оттого, ч[то] нельзя верить в бога и в начальство, а хочешь не хочешь надо верить в одн[ого] из двух — того или другого, все люди во всех государствах придумали себе такую веру, к[оторая] скрыв[ает] зак[он] бога, не согласный с законом правителей, а вместо закона поставлены чудеса рождения человек[а]-бога, воскресения, искупления и разные обряды.

3

Люди хлопочут о том, чтобы освободиться от [1] насилия государей, делают союзы, стачки, революции, но ничто не помогает и не может помочь, п[отому] ч[то] всё дело в том, ч[то] люди не верят в бога и закон его. Стоит людям только поверить в закон бога настоящий, тот, к[оторый] пря[мо] противен всем законам государства, и без стачек, союзов и революций люди тотчас же станут свободны. Познаете истину, и истина освободит вас.

---

10 сентября.

1

Большая бывает разница между жизнью такого человека, к[оторый] считает себя отделенным от всех людей, и такого, к[оторый] понимает, что все люди одно, ч[то] один бог живет во всех.

2

Тот, кто знает, ч[то] то же самое, ч[то] живет в нем, живет во всех, знает, ч[то] когда умирает он сам или другой человек, то это не значит то, ч[то] уничтожается человек, а только то, ч[то] то, [что] жило в умирающем, покинуло то тело, в к[отором] жило, но, как и прежде жило, так и теперь живет во всем.

3

[2] Как различны кажутся нам, когда мы [3] думаем только об их вкусе и виде: мелкое, зеленое, жесткое лесное яблоко и круп-

---

[1] *Зачеркнуто:* власти
[2] *Зач.:* Яблоки, груша, всякий плод
[3] *Зач.:* срываем

ное, румяное, нежное садовое. А то, что и в том и другом яблоке[1] не умрет, то, от чего взялось и то и другое яблоко, одно и то же и в том и другом: яблочное зернышко. То же и в людях и во всем живом.

Суев[ерие] устр[оительства].

1

Спасать людей — спасай себя.

2

Какое безумие.

Извращение вер.
Анекдот о гор.

---

15 сент[ября]. 1) Суеверие наук[и] в том, ч[то] предполагают особенный способ и отдел знания, называемый наукой, и особые люди, занятые этим знанием, и непогрешимые. [2]

---

2) Суеверие руководительства других людей. —

---

[1] *Зачеркнуто:* вечно то
[2] *Ср. «На каждый день», 18 сентября, 3, т. 44, стр. 164.*

* ЛИСТЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1909 г.

[Л. 1.] Движение мож[ет] б[ыть] только тогда, когда есть что-либо в покое. Также и вещество. Понятие вещества возможно только при понятии духовного, невещественного.[1]

Трудно любить обидевшего, но могу, но люб[ить] доволь[ного], гордого — мне трудно ужасно.[2]

Мы отстали. Слава богу, что отстали, т. е. народ отстал, не развратился и мо[жет] вывести нас на новую, верную дорогу. Этого-то нам и не хочется, и мы всячески стараемся развратить его и кафешантанами, [Л. 2.] и школами с зак[оном] бож[иим], и, главное, двумя кита[ми], каждый по 700 миллионов — одно: приходу — кабак[и]; другое — расход солдатства. Собирая доход с развращ[енных], приучают их к пьянству и расходуют на развр[ащение] их, приучая к убийству.[3]

Важно не то, что вы обираете его, а то, ч[то] вы развращаете его.

Дет[ская] Мудр[ость].

Этим-то мы и плохи, что [*1 неразобр.*] из патриотиз[ма].

[Л. 3.] *Мужик хозяин* (говорит 6-летнему сыну). Ну, брат Алешка, моли бога за то, что меня не было, как ты с матерью подрался, я б тебе так вихор надрал, ч[то] до сватьбы не забыл.

Алешка. Да как же она Васькá резаку отдать хотела. — Я не дал.

---

[1] *Ср. Дневник 10 ноября 1909 г. (1), т. 57, стр. 168.*
[2] *Ср. Дневник 10 ноября 1909 г. (2), т. 57, стр. 168.*
[3] *Ср. Дневник 11 ноября 1909 г. (2), т. 57, стр. 169—170.*

От[ец]. Вот то — не дал. Какую ты имеешь праву матери перечить. Она знает, что надо.

Ал[ешка]. Да ведь она В[аська] резать хотела.

[Л. 4]. *От[ец]*. Она знает, что надо...

Ал[ешка]. За что ж его резать?

От[ец]. А за то, что мы его выкормили.

Послать Ч. о р. п.

Письмо в

Анарх[изм.]

С. одно изречение.

Не собира[йте]... М. VI, 19—21.

[Л. 5.] Стаховичу.

Гол[ь]денв[ейзеру].

Оч[ень] важно знать про себя, когда ты физически в раздраженном, взволнованном, беспокойном состоянии, и, находясь в этом состоянии, не приписывать приходящим мыслям, вопросам, затруднениям того значения, к[отор]ое они не

Человек в мир послан. [*1 неразобр.*] тщеслав[ие], не рождающее основу [?] мысли.

Жениться только, когда перестаешь видеть сестер и когда чувствуешь себя в силах взрастить и воспитать.[1]

[Л. 6.] *К Андрееву*. Как только входите в область духовную, так путаетесь. Можете только подходить к ней.

На том, что́ ваш недостаток, вы строите все ваши позднейшие произведения.

Послать 18 из июн[я] на 3 вопроса.

---

[1] *Ср. Дневник 4 ноября 1909 г. (3), т. 57 стр. 165—166.*

Ein Spielzeug einen Kind.

[Л. 7.] Деменский Самсон.
В богадельню Болхи[н].
В Туле судиться желает Сергей Вас.

[Л. 8.] Полож. Мужик.

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ

ПИСЬМА
1840—1910

1. Т. А. Ергольской.

1840 г. Июля 20. Я. П.

Chère Tante,

Je baise vos mains, je me porte bien, et M-r Miller[1] nous a permis d'aller demain nous promener.

Léon Tolstoy.

Дорогая тетушка,

Я целую ваши руки, я чувствую себя хорошо и г-н Миллер[1] разрешил нам завтра погулять

Лев Толстой.

Приписка к письму М. Н. Толстой.

Впервые опубликовано факсимильно в книге: Н. Н. Гусев, «Лев Николаевич Толстой, Материалы к биографии с 1828 по 1855 год», изд. Академии наук СССР, М. 1954, между стр. 112—113.

Ергольская Татьяна Александровна (1792—1874) — троюродная тетка Толстого (см. т. 59, стр. 12—13).

[1] Г. В. Миллер — тульский врач, знакомый Н. И. Толстого.

* 2. Т. А. Ергольской.

1845—1855 ? гг.

J'ai gardé pendant trois jours la chambre et je la garde éncore jusqu'à présent quoique j'aille un peu mieux. J'ai eu un mal de gorge affreux avec la fièvre, d'horties et une fluxion. J'espère que vous ne vous inquiéterez plus à mon sujet une foi que je vous dis que je vais mieux.

Léon.

На обороте: Ее высокоблагородию Татьяне Александровне Ергольской.

Я три дня не выходил из комнаты и не выхожу до сих пор, хотя мне немного лучше. У меня ужасно болело горло с жаром, лихорадкой и воспаление. Надеюсь, что вы больше не будете обо мне беспокоиться, раз я вам говорю, что мне лучше.

Лев.

Датируется предположительно, по почерку.

* 3. П. Ф. и В. С. Перфильевым.

1856 ?г. Мая 14? Петербург.

Я пробуду до четверга или пятницы. Приезжайте скорей или отвечайте, потому что иначе я обещал свою квартиру М. Ислявину. [1] Василька! — L'argent, il n'y a pas[2] — теперь. И мне стыдно и еще будет стыдно месяца два. Приезжайте поскорее, милые друзья. Целую вас. До свиданья.

Как выедете, дайте знать по телеграфу. Я и квартиру задержу и встречать вас выеду.

Л. Толстой.

Датируется предположительно по почерку и содержанию. Письмо написано в период наиболее близких отношений Толстого с В. С. Перфильевым. В Дневнике 14 мая 1856 г. Толстой отметил: «Написал письмо Васиньке Перфильеву» (т. 47, стр. 71).

Василий Степанович Перфильев (1826—1890) — близкий знакомый Толстого, женатый на его троюродной сестре Прасковье Федоровне Толстой (1831—1887). Подробнее о них см. т. 47, стр. 249—250.

[1] Михаил Александрович Ислявин (1819—1905), дядя С. А. Толстой. Письмо написано из Петербурга, где Толстой снимал квартиру в доме Якобса на Офицерской улице.

[2] [Денег нет]

* 4. Е. Ф. Тютчевой.

1859 г. Апреля 9. Москва.

Моя повесть кончена, [1] и я намерен теперь весной так или иначе ее напечатать. Поэтому будьте так добры дайте мне нынче ответ: желает ли Катков [2] приобресть ее по 250 за лист и не читая ее, или нет?

Я, после того как вы мне передали ответ Каткова, вспомнил, что решительно невозможно и неприлично отдать ему на суд и рисковать получить ответ, что не 250, а 215 р. и 36 к. дать

можно. — Главное, мне бы хотелось ответ поскорее, чтобы перед отъездом в деревню распорядиться печатаньем. — Ежели бы вы не так далеко жили, я бы сам зашел к вам.

Ваш Гр. Л. Толстой.

9 апреля.

Год в дате определяется по содержанию (см. прим. 1).

Екатерина Федоровна Тютчева (1835—1889) — дочь поэта Ф. И. Тютчева, камер-фрейлина. О ней см. т. 47 к стр. 408—409.

[1] Речь идет о повести «Семейное счастье», оконченной 5 апреля 1859 г.

[2] Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — публицист, редактор «Московских ведомостей» и с 1856 г. издатель «Русского вестника».

Повесть Толстого «Семейное счастье» была напечатана в «Русском вестнике» 1859, апрель, кн. 1, стр. 435—473; кн. 2, стр. 595—634 (см. т. 5).

* 5. А. А. Фету.

1856—1859 гг.

Ежели вы не примете мой подарок — билет и мольбы употребить его, то вы меня ни крошечки не любите, и я вас ненавижу.

Л. Толстой.

Написано карандашом на клочке бумаги. Датируется временем начала сближения Толстого с Фетом и по почерку.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892).

Об обстоятельствах, вызвавших настоящее письмо, сведений не имеется.

* 6. Ю. Ф. Самарину.

1862? г. Июля 1.

Первобытность первобытностью, а признаюсь, мучаюсь нетерпением получить письма и журналы. В случае, ежели нельзя прислать с сим посланным, пошлите нарочного. Я расхворался последнее время, и, не будь у меня затеянных дел с здешними молоканами, у кот[орых] мне надо побывать в воскресенье, я бы приехал 2 недели допивать в Самаре, что я, хоть на неделю, намерен сделать. Ежели вы знаете, напишите мне: от кого и как происходит распоряженье не выпускать молокан за 30 верст из их жительства. Не приехал ли Замятин? [1]

Еще бессовестные просьбы:

ваксы,

спичек,

и *свечей*.

Прошу еще раз у вас извинения за хлопоты, очень благодарю за помощь.

Преданный Вам

Л. Толстой.

1 июля.

Год в дате определяется предположительно, по почерку и на том основании, что письмо Толстой отправил с посланным в Самару, где в то время находился Ю. Ф. Самарин. Судя по письму Толстого к Т. А. Ергольской от 27 мая 1862 г., Толстой тогда вел свою корреспонденцию через Самарина (см. т. 60, стр. 427).

Юрий Федорович Самарин (1819—1876) — общественный деятель и публицист, славянофил. В 1858—1864 гг. Самарин работал в Самарском комитете по улучшению быта крестьян.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

* 7. И. И. Орлову.

1864 г. Декабря 7.

Иван Иванович!

Деньгами я очень нуждаюсь, но знаю, что в замедлении, кроме погоды, никого винить нельзя. Теперь прошу вас прислать мне остальные, т. е. с дров, частью до праздника, частью после.

Цену за кучи вы назначили, мне кажется, слишком дорогую. Лучше отдавать дешевле, но чтобы продажа была верная. Не пропустите, пожалуйста, время для продажи ржи. Молотите и готовьте. Я намерен продать ее всю разом по наилучшей цене. Если будет близко к 5 р. мукою на месте, то известите меня поспешнее.

Посылаю 15 коров. Прошу вас их кормить велеть особо — соломой, хоботьем и придавать сена или пойла, только если очень похудеет. Лучше бы им устроить помещение потеплее, так как они привыкли. Когда отелятся, то телят поить как можно лучше, на племя, а их (разумеется, не одну и две) прислать в Ясную.

Еще с посланным прошу прислать валухов — баранов или овец старых на мясо, около 10.

Мне опять нужно будет овса до 100 четв[ертей]. Прошу теперь насыпать на подводы, чтобы не шли пустые, да в продолжение зимы прислать до 100 четв[ертей].

Возите ли вы навоз? Пожалуйста, вывозите. Когда расчет за картофель?

Желаю вам всего лучшего.

Гр. Л. Толстой.

7 декабря.

Год в дате определяется в соответствии с письмом Толстого к И. И. Орлову от 8 января 1865 г. (см. т. 61, стр. 67—68), которому оно по содержанию предшествует.

Иван Иванович Орлов — в 1863—1889 гг. управляющий имением Толстых Никольское-Вяземское, Тульской губ.

* 8. Г. Ф. Келеру.

1863—1864 гг.

Любезный Густав Федорович!

Серг[ей] Ник[олаевич] [1] мне предлагал деньги, а я не взял, а теперь очень нужно. Нет ли у вас около ста (100) рублей на несколько дней.

Что вы к нам не приедете.

Гр. Л. Толстой.

Датируется по содержанию: у С. Н. Толстого Г. Ф. Келер жил в 1863—1864 гг.

Густав Федорович Келер (1839—1904) — немец-учитель, приехавший из Германии весной 1861 г. вместе с Толстым в Ясную Поляну, где до ноября 1862 г. преподавал в школе. В 1863—1864 гг. был воспитателем сына С. Н. Толстого Григория Сергеевича, а с 1865 г. преподавал в Тульской мужской гимназии.

[1] С. Н. Толстой (1826—1904), старший брат Толстого.

* 9. А. А. Фету.

1863 г., конец — 1865? г.

Никольское.

В ответ на ваше посланье — вот он я, милый друг. Как бы нам увидаться. Я здесь с женой и пробуду, пожалуй, неделю [1].

Датируется приблизительно, временем женитьбы Толстого и наиболее близких отношений с Фетом.

Письмо Фета, о котором упоминает Толстой, неизвестно.

[1] К письму сделана приписка И. П. Борисова, с приглашением Фету приехать в Новоселки.

* 10. Е. В. Львову.

1865 г., конец. Я. П.

Посылаю двух поликовских [?] поросят, любезный князь. Они у меня с воскресенья, и были кормлены хорошо. Японского поросенка не могу послать. Все японцы захворали — 4 издохли и оба последние больны. Ежели они выдут, то один из них — вам, а теперь везти опасно.

Душевно кланяюсь и желаю вам всего лучшего.

Что ж вы меня не зовете к себе? А я все-таки приеду.

Ваш гр. Л. Толстой.

На обороте: Его сиятельству князю Евгению Владимировичу Львову.

Датируется на основании упоминания о японских свиньях: Толстой получил их в начале октября 1865 г. (см. письмо к А. Е. Берсу от 13—15 октября 1865 г., т. 61, стр. 109—110).

Евгений Владимирович Львов (1817—1896) — помещик Тульской губ.

* 11. Г. Ф. Келеру.

1865—1870? гг. Я. П.

Любезный Густав Федорович!

Попросите, пожалуйста, Якова Ивановича[1] приехать к нам нынче по железной дороге на Козловку, куда будет за ним выслана лошадь в 11 часов вечера.

Ваш Л. Толстой.

На обороте: Его высокоблагородию Густаву Федоровичу Келеру.

Датируется предположительно, на основании упоминания о железной дороге (Г. Ф. Келер с 1865 г. служил в Туле) и по почерку.

[1] Очевидно, приказчик Л. Н. или С. Н. Толстых.

* 12. Н. А. Чаеву.

1870-е гг., начало.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Увлекаемый своей работой, на днях только раскрыл вашу книгу [1] и... не отрываясь прочел ее всю с великим наслаждением. Особенно меня поразило богатство и разнообразие правдивых и поэтических и, главное, русских образов. Посылаю ее вам и благодарю вас за нее и вашу супругу за разрешение взять ее. [2]

Le Brun[3] я прочел, но хотелось бы еще подержать; если нельзя, то напишите, и я с первой почтой пришлю.

Ваш Л. Толстой.

Датируется предположительно, временем выхода упоминаемого романа Чаева (см. прим. 1) и письмом Н. А. Чаева от 14 апреля 1895, в котором он, вспоминая посещение его Толстым, писал, что Толстой тогда «говорил ужаснейшую чепуху о размере русских былин». Очевидно, это было в пору работы Толстого над «Азбукой».

Николай Александрович Чаев (1824—1914) — драматург и романист.

[1] Судя по помете Н. А. Чаева на письме Толстого, речь идет о романе Чаева «Подспудные силы» (начало — «Русский вестник» 1870 и окончание там же, 1897).

[2] Как отметил на том же письме Чаев, Толстой взял экземпляр романа, принадлежавший жене Чаева, так как у автора не оказалось своего.

[3] Очевидно, речь идет о французской художнице портретистке Елизавете-Луизе Лебрен (1755—1842), бывавшей в Петербурге при дворе и оставившей свои воспоминания. Возможно, что Чаев прислал их Толстому в связи с работой Толстого над историческим романом.

* 13. Г. Ф. Келеру.

1870-е гг., начало. Я. П.

Густав Федорович!

Вчера человек забыл отдать кучеру рамки, и кучер уехал без них. Боюсь, что это вам доставило лишние хлопоты. Прошу извинить меня. Нынче же я нарочно посылаю за этим делом. Будьте так добры передайте всё посланному. Очень благодарю за хлопоты и жму руку.

Ваш Л. Толстой.

На обороте: Его высокоблагородию Густаву Федоровичу Келеру. Спросить в мужской гимназии.

Датируется на основании адреса: «в мужской гимназии» и по почерку.

* 14. Н. Н. Страхову.

1872 г. Октябрь, середина. Я. П.

Забыл ответить на вопросы об оглавлении и затерял листок вашего письма, где было написано. Мне кажется, что я помню всё.

Волк в пыли — с индейского.
Цапля, лягушка и рак — тоже.
⟨Волга и Вазуза — Даля.⟩
Шат и Дон — народное предание (мною записано).

Две лошади
Собаки и повар
Перепелка
Топор и пила
} моё.

Извините, если забыл еще что-нибудь.
Нашел ваше письмо.
Мышь под амбаром — с индейского.
Судома — из хрестоматии Перевлесского.
Лев и лисица — Эзопа.

Заяц и гончая собака
Равное наследство
Теленок на льду
Сова и заяц
} моё.

Датируется по содержанию (см. т. 21 — «История писания и печатания «Азбуки»).

Николай Николаевич Страхов (1828—1896) — философ-идеалист и литературный критик, близкий по взглядам к славянофилам. С Толстым был знаком лично с 1871 г. (см. т. 61, стр. 234).

Ответ на несохранившееся письмо Страхова, в котором он, очевидно, просил указать источники некоторых рассказов, помещенных в «Азбуке», в то время печатавшейся. Подробнее об этом см. в т. 21.

* 15. А. А. Фету.

1864—1870-е гг., начало. Я. П.

Спасибо хоть и за то, что известили; а грустно было, что не заехали. Вы светский человек — летаете по столицам — не знаете, как наш брат деревенщина ценит таких друзей, как вы. Хоть бы Марья Петровна[1] обрадовала нас с Соней.[2]

Пожалуйста, пожалуйста.

Ваш Л. Толстой.

Датируется приблизительно, по содержанию и почерку.

[1] Мария Петровна Фет (1828—1894), жена А. А. Фета.

[2] С. А. Толстая.

* 16. П. В. Морозову.

1874 г. Февраль. Я. П.

Петр Васильевич,

Разумеется, более всего занимайтесь с слабейшими. Тем более, что старшие — те, кот[орые] могут читать одни, имеют самое полезное для них занятие — чтение по порядку по книгам Азбуки. Не делайте никаких *групп*, а твердо держитесь моего наставления. Если нельзя спарить, то занимайтесь отдельно, а потом давайте самостоятельное занятие *списывать слова* — это самое лучшее.

Удивляюсь и не понимаю, как это на 3-ю неделю ученики есть, не знающие букв. Решительно не понимаю. На 3-ю неделю читать все бы должны, нешто очень малы. Пожалуйста, держитесь строго порядка, изложенного в Азбуке, и моих наставлений. Вы, наверно, делали не то, иначе я не могу объяснить вашего неуспеха. Пожалуйста, перечтите всё и делайте так. Да, пожалуйста, пишите мне так: 1) с старшими делал то[-то] и то-то, встречалась трудность та-та и та-та, с вторыми, с 3-ми то-то и трудность; а то вы мне не пишете по две недели, а когда пишете, то так, что я ничего не могу узнать из ваших писем. Пожалуйста, строго держитесь порядка Азбуки и идите по ней вперед, не задерживаясь. Проделали 13 упражнений, идите дальше и дальше.

Я бы приехал сейчас, но очень занят. На 3-й неделе[1] непременно буду.

Гр. Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Датируется по содержанию.

Петр Васильевич Морозов (ум. 1906) — один из учителей в основанных Толстым школах в 1860—1862 гг.; автор «Воспоминаний учителя толстовской школы» («Русское слово» 1912, № 257, от 7 ноября). См. о нем в т. 8, стр. 510—511, и т. 17, стр. 593—606.

В конце января 1874 г. Толстой поручил Морозову обучение детей грамоте по своему методу в школе при фабрике С. В. Ганешина, которое производилось по постановлению Московского комитета грамотности от 17 января 1874 г., с целью выяснения преимущества метода Толстого — слухового — перед звуковым (по звуковому методу обучение детей производил педагог М. А. Протопопов). Обучение производилось семь недель. Результаты этого опыта обсуждались на заседании комитета 17 апреля 1874 г. (подробнее об этом см. в «Истории писания и печатания «Азбуки», т. 21).

Сохранилось семь писем Толстого к П. В. Морозову, связанных с обучением грамоте в школе Ганешина. Два из них опубликованы в т. 62, стр. 75—76 и 87 (№№ 60 и 71). Письма П. В. Морозова к Толстому неизвестны.

[1] Имеется в виду третья неделя великого поста.

* 17. П. В. Морозову.

1874 г. Февраль — март, до 15. Я. П.

Петр Васильевич!

Забыл вам сказать и написать об арифметике. Старайтесь поскорее дойти до деления включительно, и когда они поймут деление, то каждый день упражняйте в делении и делении (я всегда так делал с своими, и результаты хорошие были, так как деление включает все четыре правила). Задачи деления надо задавать двух родов: с малыми делителями, 18375 : 5 или на 7 и т. п., и с большими делителями, 18375 : 786. Жалею, что не успел проделать с вами деления. Ясно ли вам, как надо учить задавать. Если вам вполне ясно, то сделайте деление и умножение с 141 стр., т. е. с начала, пропуская излишнее, если ученики поняли, но в особенности пройдите умножение с 166 и деление с 169 стр. и заставляйте делать точно так, как показано.

Ожидаю с нетерпением от вас писем. Пишите поподробнее.

Держите порядок строже, посредством переписывания, диктовки и более длинных уроков.

Гр. Л. Толстой.

Старшим счетов больше не нужно. Нешто когда запутались и забыли вычитание.

Печатается по машинописной копии. Датируется по содержанию.

* 18. П. В. Морозову.

1874 г. Февраль — март, до 15. Я. П.

Петр Васильевич!

Пожалуйста, не робейте. Одно, что, я думаю, нужно переменить, — это парные занятия.

Рассадите всех порознь и подальше друг от друга и задавайте подлиннее работы: для маленьких списывать, для больших читать, и рассказывать, и писать, как мы говорили, и сверх того диктовать.

Как только сделался сумбур одних (маленьких или больших), берите к доске — чтение или арифметика, — а другим (маленьким или большим) диктуйте.

Если идут самостоятельные занятия, то хорошо, как нет, сейчас диктуйте — хоть целый урок. С большими читайте дальше скорее и делайте упражнения (как говорено было) на правописанье. Умножение начинайте и пишите мне, как будет идти.

С маленькими счисление и сложение делайте, но с счетами и доской вместе.

Печатается по машинописной копии. Датируется по содержанию.

* 19. П. В. Морозову.

1874 г. Марта 18—19? Я. П.

Петр Васильевич,

Получил еще одно письмо, и всё мне мало известий и коротко. Как читают маленькие? Могут ли рассказывать? Скоро ли без складов? Получили ли вы мое длинное письмо, писанное рукою Ясенского учителя? Налегайте на маленьких, чтобы могли читать без складов к экзамену, — это главное.

Напишите же подробнее обо всем, что я писал вам. Считаете ли возможным исполнить всё, что я советовал вам в последних письмах, и что исполняете и как?

Теперь два дела: Первое, узнайте у своего товарища, [1] будет ли он учить в Благовещенье. Если нет, то после субботнего урока приезжайте сюда. Вы повидаетесь с семейством, и я переговорю с вами. Я плачу за дорогу.

Другое дело, сходите в типографию Каткова на Страстном бульваре и узнайте, пожалуйста, как идет печатание рукописи, которую я туда отдал, [2] да еще скажите там фактору, что место в рукописи, которое там замарано и замарка вымарана вот так [3], место это не набирайте. Если там готовы листы к отправлению перед вашим отъездом, то возьмите их с собой.

Гр. Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Датируется по содержанию и на основании упоминания о празднике благовещения (25 марта). В 1874 г. благовещение приходилось на понедельник. Письмо Толстого было написано, как это видно из письма, незадолго до субботы, предшествовавшей благовещению, т. е. до 23 марта, но не позднее 18—19 марта, так как до 23 марта было написано еще одно письмо к П. В. Морозову (см. № 20).

[1] Имеется в виду М. А. Протопопов (см. прим. к письму № 16).

[2] 2—5 марта Толстой был в Москве и сдал в типографию М. Н. Каткова для набора часть рукописи «Анны Карениной» — «листов на 7» (см. письмо к Н. Н. Страхову от 6 марта 1874 г., т. 62, стр. 70).

[3] Далее указан знак вымарки — прямая черта, пересеченная волнистой чертой.

* 20. П. В. Морозову.

1874 г. Марта 20—21? Я. П.

Петр Васильевич,

Вы меня спрашиваете: соглашаться ли на то, чтобы экзамены были на страстной? Ничего не могу ответить, потому что ничего не знаю об успехах учеников со времени моего отъезда из Москвы. [1] Вы не пишете мне вовсе, или пишете то, что мне не нужно знать; тогда как меня интересуют все малейшие подробности хода школы. Вы даже не отвечаете на вопросы в моих письмах.

Как идет диктовка с младшими? Как они читают? Начинают ли без складов? Которые лучше, которые хуже? Сделали ли вы с старшими упражнения на предлоги? Делали ли вы с ними задачи по Воленсу. [2]

Из писем ваших последнее, что я знаю о меньших, это то, что вы заставляете их читать врозь и они приучаются к рассказу; но как, сколько успели, ничего не знаю и потому ничего не могу сказать. Разумеется, желательно бы было делать испытания, когда меньше будут читать без складов, потому что

к складам будут придираться, но отказываться от испытания все-таки не следует, в каком бы положении ни было дело. Я вам писал, чтобы вы приехали в субботу, если в Благовещенье не будут учиться; во всяком случае приезжайте в субботу, хоть на одно воскресенье. Я вышлю за вами на Козловку. Перед отъездом задайте всем ученикам, обдумав хорошенько, по их силам уроки писания и чтения на день или на оба дня. Давайте теперь и Азбуку на дом, но только чтобы она не попадала в руки ученикам противной стороны. Привезите с собой побольше образцов писания учеников и хорошенько запомните, как каждый из них читает, с тем чтобы мне ясно рассказать.

В субботу же будет заседание Комитета, не оставайтесь на него, а передайте Шатилову, [3] что лучше бы отложить немного испытание (если наши не читают без складов), но что мы не отказываемся и на страстной. Попросите его тоже от меня, чтобы он тотчас после Комитета уведомил меня, когда назначено испытание. Нельзя ли вам перед отъездом сюда испытать учеников противной стороны — старших и меньших, как они читают и пишут. Я думаю, что Протопопов ничего не будет иметь против этого, так как мы предоставляем испытывать наших. Очень мне досадно на вас, что вы не писали мне. Решительно не знаю, откладывать испытания или нет. Одно только, что при нашем методе самое невыгодное время для учеников — это когда они только начинают и путаются складами, как они были в мою бытность. Если много учеников в таком положении, то испытание невыгодно. Чтобы подвинуть учеников меньших скорее читать без складов, выбирайте для них не из одной 1-й, но из всех 4-х книг Азбуки статьи более занятные, которые более нравятся, и задавайте их читать по нескольку раз, в особенности стихи Дурень из 1-й книги [4] и сказки Пушкина. И стихи же задайте им читать на дом.

Печатается по машинописной копии. Датируется по содержанию и в соответствии с письмом № 20 (см. прим. к нему).

[1] 5 марта.

[2] Василий Петрович Воленс (1836—1903), педагог, составитель популярного учебника арифметики.

[3] Иосиф Николаевич Шатилов (1824—1889), помещик Новосильского уезда Тульской губ., председатель Московского комитета грамотности; старый знакомый Толстого (см. т. 17).

[4] Имеется в виду первая книга «Азбуки» (см. т. 22).

* 21. Н. М. Нагорнову.

1875 г. Февраль, конец. Я. П.

Отсюда вижу, как измучила вас типография, любезный Николай Михайлович. А я еще должен утруждать вас. Всё о 3-й странице. [1]

Слова, начинающиеся с букв азбуки, те, которые были набраны: *Арбуз*, *Белка* и т. д., я прошу набрать самым мелким шрифтом под буквами 1-й страницы так:

А	Б
Арбуз	Белка

и т. д.

Если это можно, то очень бы было хорошо, но если нельзя или почему-нибудь затруднительно, то можно обойтись и без этого; но 3-ю страницу надо непременно преобразовать так:

В верху 3-й страницы, как я писал, азбука скорописью; потом два отдела: слова, начинающиеся с букв азбуки, и слова, заключающие буквы азбуки. Слова эти переменить. Вместо того, что было набрано, набрать так всю страницу:

Аа Бб Вв Гг Дд Жж Зз Ии Лл Мм Нн
Оо Пп Кк Рр Сс Тт Уу Фф Хх Цц Чч
Шш Щщ Юю Яя Ѣѣ Ээ Ѳѳ Vv [2]

Слова, начинающиеся с букв азбуки. [3]

Аня Баня Ваня Гаша Даша Жижа Заря Имя Ели Люди Миша Няня Оля Паша Катя Руки Сани Тётя Уши Филя Ходы Цари Чёки Шуба Щука Юла Яма Ѣда Ѳедя Эти [4]

Слова, заключающие все звуки. [5]

Бусы Возы Гуща
Пыжи Люди Маша
Феня Цари Косы
Хочу Эти Ѣда [6]

Если бы скорописная азбука заняла много места, то можно ее выкинуть.

Ну-с, повинную голову не секут, не рубят. Виноват, что делаю столько хлопот. Больше не буду.

Дружески жму вам руку. Целую Варю [7] и Волю. [8]

Ваш Л. Толстой.

Датируется по содержанию, в соответствии с письмом к Н. М. Нагорнову от конца февраля 1875 г. (см. т. 62, стр. 153—154).

Николай Михайлович Нагорнов (1845—1896) — с 1872 г. муж дочери М. Н. Толстой, Варвары Валерьяновны. В 1875 г. помогал Толстому в издании «Азбуки» (подробнее об этом см. в т. 62).

[1] Об этом же Толстой писал Нагорнову в письме от конца февраля 1875 г. (т. 62, стр. 153—154).

[2] *Против этого абзаца помечено:* Средняя величина.

[3] *Против этой строки:* Самый мелкий шрифт.

[4] *Против этого абзаца:* Настолько крупный, чтобы мог поместиться. А Б и Е большие, т. е. заглавные.

[5] *Против этой строки:* Самый мелкий.

[6] *Против этого абзаца:* Самый крупный. А Б и Е большие, т. е. заглавные.

[7] Варвара Валерьяновна рожд. Толстая (1850—1921), жена Н. М. Нагорнова.

[8] Валерьян Николаевич Нагорнов (р. 1873), сын Нагорновых.

* 22. А. А. Фету. *Неотправленное.*

1875 г. Апреля 5—6? Я. П.

знаю потому, что у меня прошлого года так довели 5 кобыл.

Насчет жеребца молодого я бы желал отказаться, так как денег мало нынешний год. А насчет Карцовского [1] жеребца желал бы верно знать, в каких числах можно его получить. Если можно получить в начале мая, т. е. до 9-го, то хорошо. Если же нет, то я возьму уже лучше молодого. Необходимость 2-х телег может возникнуть только от случного жеребца. Но так как он мне не нужен нынешний год, то я могу продержать его в Ясной и отправить его после.

Пожалуйста, примите все мои резоны и посоветуйте как лучше.

Страшно тороплюсь и пишу без толку; но вы поймете и извините.

Ваш Л. Толстой.

На конверте: На Московско-Курской дороге, полустанция *Еропкино*. Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Публикуемый отрывок представляет собой окончание письма, опубликованного под этой датой в т. 62, стр. 172—174. Толстой, написав письмо на двух листах почтовой бумаги, второй лист, включающий публикуемый

выше текст, оторвал и письмо закончил на первом листе фразой, соответствующей первому абзацу настоящего отрывка.

[1] Карцов — владелец конского завода близ имения Фета Грайворонки.

* 23. К. А. Ислявину.

1876? г. Москва.

С радостью, что могу тебе сделать приятное, посылаю тебе деньги, милый друг. Я зайду вечером, если дома будет благополучно. Посылаю с Сергеем, [1] что вздумал. Пожалуйста, будь прихотлив и требователен. Чем будешь требовательнее, тем мне будет приятнее. Я нет-нет и вспомню о тебе, и мне станет совестно. Спроси, как скоро можно тебя перевести.

До свиданья.

Л. Т.

Датируется предположительно, временем, когда Толстой хлопотал об устройстве К. А. Ислявина на службу и оказывал ему денежную помощь (см. письма Толстого к К. А. Ислявину и к В. А. Ислявину от 6 апреля 1876 г., т. 62, стр. 263 и 264).

Константин Александрович Ислявин (1827—1903) — дядя С. А. Толстой.

[1] Сергей Петрович Арбузов, слуга у Толстых.

* 24. А. П. Самариной.

1877 г. Март — апрель? Я. П.

Нам нынче не удастся исполнить нашего намерения, многоуважаемая Александра Павловна, мы ждем гостя, и я должен быть дома.

На этой неделе мы все-таки воспользуемся вашим приглашением.

Жена очень ахала на свой гиньом, [1] что ее всегда нет дома, когда вы приезжаете. Она посылает забытое вами, но о Вестнике Европы она самым утвердительным образом говорит, что послала его обратно, и именно 2-ю часть Нови. [2] Мы сделаем справку, не пропало ли при отсылке. Во всяком случае очень досадно. Прошу передать мой поклон Петру Федоровичу.

Гр. Л. Толстой.

Датируется на основании упоминания о романе И. С. Тургенева «Новь» (см. прим. 2).

Александра Павловна Самарина, рожд. Евреинова (1836—1905) — жена П. Ф. Самарина.

[1] От французского guignon — напасть, неудача.

[2] Роман И. С. Тургенева «Новь» был напечатан в «Вестнике Европы» 1877, №№ 1 и 2. Отзыв Толстого о романе см. в письме к А. А. Фету от 11—12 марта 1877 г., т. 62, стр. 314—315.

* 25. В редакцию «Русского вестника».

1877 г. Июня 10. Я. П.

Прошу обратно выслать оригинал эпилога. С «Русским вестником» вперед дела иметь никогда никакого не буду.

Черновое

Москва. Редакция «Русского вестника». Прошу ⟨немедленно⟩ обратно выслать оригинал эпилога. С «Русским вестником» вперед дела иметь никогда никакого не желаю и не буду.

Толстой.

Беловой текст печатается по копии С. А. Толстой в ее автобиографии «Моя жизнь» (рукопись, ГМТ); черновой — по автографу (написано на обороте л. 1 рук. № 102 «Анны Карениной»). Черновой текст опубликован в т. 20 настоящего издания, стр. 664. Датируется по указанию С. А. Толстой.

Письмо связано с отказом М. Н. Каткова печатать в «Русском вестнике» эпилог романа «Анна Каренина». Об этом подробнее см. «История писания и печатания «Анны Карениной», т. 20.

* 26. Н. П. Мещерскому.

1879 г. Ноябрь. Я. П.

Милостивый Государь
Князь Николай Петрович.

Шурин мой Берс, [1] податель сего письма, был в Москве, и я посоветовал ему явиться к вам и лично просить вас о месте инспектора училищ, о котором я за него ходатайствовал перед вами.

Извините, что утруждаю вас, но, право, человек он благонадежнейший, умный, образованный, и, дав ему место, вы приобретете отличного чиновника, а во мне человека, вам глубоко преданного.

Примите уверения искреннего моего уважения и преданности.

Граф Лев Толстой.

Печатается по машинописной копии. Датируется по содержанию: о месте для П. А. Берса Толстой хлопотал в ноябре 1879 г. (см. письмо к В. К. Истомину от ноября 1879 г., т. 62, стр. 504).

Николай Петрович Мещерский (1828—1900) — попечитель Московского учебного округа, дальний родственник Толстого.

[1] Петр Андреевич Берс (1849—1910).

* 27. И. И. Орлову.

1870-е? гг. Сентября 13.

Иван Иванович!

Прошу вас сообщить мне, почем и сколько продано пшеницы, и прислать мне денег из продажи пшеницы, гречи и картофеля — всё, что у вас будет, разумеется за исключением необходимых расходов по экономии. Деньги просил бы вас прислать с конторщиком, который вместе с тем привез бы книги. [1]

Готовый к услугам

Гр. Л. Толстой.

13 сентября.

Год устанавливается по почерку.

[1] О каких книгах идет речь, не установлено. Возможно, что имеются в виду книги из библиотеки Никольского-Вяземского.

* 28. О. А. Новиковой.

1870-е гг. Я. П.

Очень благодарю вас, Ольга Алексеевна, за книгу. Я знаю ее по статье Revue des d[eux] M[onds] [1] и прочел то, что меня особенно интересовало. Очень сожалею, что в этот приезд

мне невозможно было быть у вас. В следующий раз постараюсь доставить себе это удовольствие.

Граф Л. Толстой.

На конверте: Ее высокоблагородию Ольге Алексеевне Киреевой. Близ Собачей площадки, дом Карениной, квартира Киреевой.

Датируется по почерку и на том основании, что, судя по содержанию письма, Толстые еще не переезжали на жительство в Москву.

Ольга Алексеевна Новикова, рожд. Киреева (1840—1921) — сотрудница «Московских ведомостей»; в последние годы жила в Лондоне, где имела политический салон официозно-монархического направления.

О присланной ею Толстому книге сведений не имеется.

[1] Какую статью в «La Revue des deux Monds» имеет в виду Толстой, не установлено.

* 29. А. П. Самариной.

1870-е гг.

Очень благодарю вас, Александра Павловна, за присылку книг и за участие ваше. Здоровье жены теперь поправляется, и опасность совершенно прошла.

Я начал читать прекрасный роман Trois Etoiles [1] и, к великому сожалению, заметил, что вместо 2-го волюма два первые. Возвращаю назад один из первых.

Жена просит передать свой привет.

Ваш Л. Толстой.

Датируется предположительно, по почерку.

[1] [Три звезды]. О каком романе идет речь, не установлено.

* 30. Н. Н. Страхову.

1880 г. Апреля 18. Я. П.

[*Рукой С. А. Толстой:*]

18 апреля.

Николай Николаевич,

Лев Николаевич ужасно устает от своей работы и говорит, что видеть не может пера и чернил, а вам очень желает писать, потому хочет мне диктовать письмо к вам. Во-первых, он гово-

рит, что ему решительно всё равно, что касается до этих Азбук и Ученого комитета, [1] а вот на всякий случай адрес Нагорнова: Москва, близ Арбата, Серебряный переулок, дом Зернова. Николаю Михайловичу Нагорнову. [2]

Теперь Л. Н. диктует:

Ради бога, ради бога, достаньте мне или купите, чего бы то ни стоило, или пришлите из библиотеки, или даже... украдьте — книгу или книги, из которых бы можно было узнать о самых древних греческих текстах четырех евангелий, о всех выпусках, прибавках, вариантах, которые были сделаны. Я из своего Рейса [3] знаю, что таковых есть много и не лишенных важности для правильного понимания сомнительных мест. [4] Мне уж это давно нужно, а теперь, при конце работы, — особенно. Пожалуйста, уж вы потрудитесь, вы знаете, где узнать и где достать. Я сам не знаю, чего прошу, но воображаю и желал бы иметь вот какую книгу: по-гречески самый древний текст четырех евангелий и в примечаниях те перемены, которые были сделаны. Или наоборот, т. е. канонический текст и прежние варианты.

[Рукой Толстого:]

Я-то как жду вас, вы не можете себе представить. Я счастлив своей работой и быстро подвигаюсь. Очень, очень вас жду и люблю. Приезжайте пораньше. Когда вы думаете?

Ваш Л. Т.

На письме помета Н. Н. Страхова: «18 апр. 1880. Ясн.».

Ответ на письмо Страхова от 16 апреля 1880 г. (см. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», изд. Общества Толстовского музея, СПб. 1914, стр. 253—254).

[1] Страхов писал, что Н. М. Нагорнов просил его помочь достать отзыв Ученого комитета Министерства народного просвещения об «Азбуке» Толстого, и спрашивал адрес Нагорнова, чтобы списаться с ним по этому вопросу.

[2] Николай Михайлович Нагорнов в 1876—1881 гг. помогал Толстому в издании «Азбуки».

[3] Эдуард Рейсс (Reuss, 1844—1891), протестантский богослов, профессор. Толстой имеет в виду одну из его книг с критикой евангельского текста.

[4] *Слова:* сомнительных мест *вписаны рукой Толстого.*

31. П. М. Третьякову.

1873—1880? гг. Мая 10. Я. П.

Милостивый Государь
Павел Дмитриевич! [1]

Очень сожалею о том, что до сих пор мне ни разу не случилось встретиться с Вами и что я не застал Вас дома. Надеюсь в первый приезд мой в Москву побывать у Вас, осмотреть замечательную галерею Вашу и иметь удовольствие лично познакомиться с Вами.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Ваш покорный слуга

Гр. Лев Толстой.

10 мая.

Датируется приблизительно: письмо писалось не ранее лета 1873 г., когда по просьбе П. М. Третьякова И. Н. Крамской писал портет Толстого, и не позднее 1880 г., когда Толстые переехали в Москву. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», № 37-38, М. 1939, стр. 251.

Павел Михайлович Третьяков (1832—1898) — основатель картинной галереи в Москве, носящей его имя.

[1] Толстой ошибся в отчестве Третьякова.

32. А. А. Фету.

1880 г. Август. Я. П.

Простите, милый Афанасий Афанасьевич, что не писал давно и не отвечал.

Я всё это время духом смущен, растерян. Должно быть, нездорово тело. Я ездил в Москву, советова[лся] с Захарьиным [1] и буду исполнять его советы.

Сделайте, чтобы увидать вас, когда вы поедете в Петербург. [2] Вам, вы говорите, будто хорошо со мной, а мне и очень от вас хорошо бывает.

Если можно, пришлите мне ваше издание Соломона с еврейским. [3] Будет цело.

Кланяемся с женою Марье Петровне. А я вас обнимаю и, как всегда, люблю.

Ваш Л. Толстой.

Датируется на основании пометы А. А. Фета на письме: «1880 год» и по содержанию (см. письмо к А. А. Фету от 20—25? августа 1880 г., т. 63, стр. 21). Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», № 37-38, М. 1939, стр. 230.

[1] Григорий Антонович Захарьин (1829—1895), профессор Московского университета, известный врач, лечивший Толстого.

[2] Фет должен был ехать в Петербург по делам издания своего перевода книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Об этом Толстой знал из писем Н. Н. Страхова.

[3] Имеется в виду перевод «Притчей Соломона», «Экклезиаста» и «Книги премудрости», приписываемых Соломону. Об этом см. письмо к А. А. Фету от 30—31 августа 1879 г., т. 62, стр. 497.

* 33. П. Ф. Самарину.

1881 г. Июня 5. Я. П.

Петр Федорович!

Я чувствовал себя виноватым перед вами и в то время, когда так неприлично и зло спорил с вами, и на другой день, и до сих пор чувствую себя виноватым кругом и прошу вас простить меня и простить меня не на словах только, но на деле простить и забыть, и не иметь ко мне враждебного чувства, которое я заслужил. Одно только могу сказать в свое оправдание: это то, что чувство, вызвавшее мою неприличную горячность, было то же самое, которое мучает меня раскаянием теперь и заставляет просить у вас прощенья — чувство само в себе хорошее — любви к людям. Но я виноват в том, что из-за этого чувства я забыл то, что прежде всего мне надо было быть в любви с вами, с тем человеком, который был передо мной; а из-за умственного тщеславного задора я забыл это и злился на вас, хотя очень хорошо знал и знаю, что вы можете не соглашаться со мной, но что вы человек хороший тем главное, что хотите быть хорошим.

Я никому не говорю, что пишу вам, и если вам всё равно,то напишите мне, никому не говоря об этом. Душевные дела всегда лучше всего решать с глазу на глаз. То, что я кругом виноват перед вами, я всем говорю.

Л. Толстой.

На конверте: В г. Епифань. Село Молоденки. Е. п. Петру Федоровичу Самарину.

Датируется на основании почтовых штемпелей.

Петр Федорович Самарин (1830—1901) — тульский помещик, в 1874—1880 гг. губернский предводитель дворянства; старый знакомый Толстого (см. т. 49, стр. 198).

Письмо Толстого к Самарину было вызвано их столкновением в Ясной Поляне 15 мая 1881 г. на почве отношения к казни участников убийства Александра II. В Дневнике под этим числом Толстой записал: «Вечером Писарев и Самарин. Самарин с улыбочкой: надо их вешать. Хотел смолчать и не знать его, хотел вытолкать в шею. Высказал» (т. 49, стр. 36).

34. Н. В. Чайковскому.

1881 г. Июля 12. Я. П.

Сейчас написал Юрьеву. [1] Пожалуйста, не сетуйте на него: то, что составляет его достоинство — драгоценное свойство: необдуманная, всем открытая готовность служить — другой стороной выражается забывчивостью и неряшливостью. Пожалуйста, пишите мне, если я могу быть вам в чем полезным.

Вас[илий] Ив[анович] на днях приезжал к нам на денек. А завтра я еду к нему. Ему хорошо, и надеюсь, что ему всегда и везде будет хорошо; чего от всей души желаю вам, потому что я по Вас[илию] Ив[ановичу] знаю и люблю вас.

Л. Толстой.

На конверте: Лондон. Г-ну Васильеву, London 2, Oakley Villas, Rectry Bd....rnsey [2] N. Mr. Wassilieff.

Печатается по копии. Датируется на основании слов в письме: «Завтра я еду к нему»: в свое самарское имение, где в то время жил В. И. Алексеев, Толстой уехал 13 июля 1881 г. Впервые опубликовано в сборнике «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 12, стр. 63.

Николай Васильевич Чайковский (1850—1926) — народник, после Великой Октябрьской революции активный враг Советской России. В 1875 г. эмигрировал в Америку; в 1880—1881 гг. жил в Лондоне. Толстой знал Чайковского лишь по рассказам В. И. Алексеева, который был в близких отношениях с Чайковским и до 1877 г. был с ним в эмиграции.

Письмо Чайковского, на которое отвечает Толстой, неизвестно. Неизвестно также и упоминаемое Толстым письмо его к С. А. Юрьеву. Между тем из письма Юрьева к Толстому от 9 декабря 1880 г. видно, что речь идет о переводе статьи A. Sullivan «The New Ireland». Перевод Н. В. Чайковского под заглавием «Новая Ирландия» А. М. Сулливана был напечатан в №№ 9—10 «Русской мысли» за 1881 г. (без указания фамилии переводчика).

[1] Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888), в то время редактор «Русской мысли».

[2] Так в копии.

* 35. Т. А. Кузминской.

1881 г. Декабря 19. Москва.

Всё она [1] гримасничает: совсем здорова. Можно ее замуж отдать? Я ей приискал. Отвечай телеграммой, а то он купит букеты и конфеты. [2]

Очень рад, что у Верочки [3] сходят бородавки. Скажи ей, чтоб она оставила одну на память, вот такую: [4]

Вписано в письмо М. А. Кузминской к Т. А. Кузминской. Текст Толстого перебивает текст М. А. Кузминской. На письме дата: «19-го числа 1881 года». Месяц определяется по содержанию письма М. А. Кузминской.

Татьяна Андреевна Кузминская (1846—1925) — свояченица Толстого, младшая сестра С. А. Толстой.

[1] Мария Александровна Кузминская (р. 1869), дочь Т. А. Кузминской.

[2] Этот абзац вписан между следующими отрывками письма М. А. Кузминской: «Мы доехали благополучно. Ты беспокоилась, что в вагоне будет холодно, а было до того жарко, что я» и «всё время сидела в одном платье».

[3] Вера Александровна Кузминская (р. 1871), дочь Т. А. Кузминской.

[4] Далее Толстым указан размер бородавки.

36. В. К. Истомину.

1881 г. Декабрь, начало. Москва.

Любезнейший Владимир Конст[антинович].

Я переменил не больше 20 строк во всем, но они *очень* нужны, особенно в конце. [1] Надеюсь на ваше умное и тонкое отношение к этому моему писанью и вверяюсь вам. Переменять же больше не буду, в чем и подпису[юсь].

Л. Толстой.

Написано на большом конверте с надписью неизвестной рукой: «Владимиру Константиновичу г. Истомину» и рукой С. А. Толстой: «Корректура от гр. Толстого». Под текстом письма Толстого сделана помета неизвестной рукой: «С корректурою «Чем люди живы» для «Детского отдыха»,

декабрь 1881. От Л. Н. Толстого». Датируется по содержанию (работа над корректурами рассказа «Чем люди живы») и по связи со следующим письмом (см. № 37). Впервые опубликовано в «Сборнике Государственного Толстовского музея», М. 1937, стр. 222.

Владимир Константинович Истомин (1847—1914) — приятель братьев С. А. Толстой; в 1881—1887 гг. фактический редактор и издатель журнала «Детский отдых» (номинальным издателем была его жена Н. А. Истомина; редактором, до 1883 г., — П. А. Берс).

[1] Речь идет об исправлении корректур рассказа «Чем люди живы». Слова Толстого, что им изменено «не больше 20 строк» далеки от истинного положения дел. Конец рассказа в корректуре подвергся большой правке и в особенности гл. XI, последняя, которая переделывалась пять раз.

37. В. К. Истомину.

1881 г. Декабря 4? Москва.

Синий карандаш на портках не мой, и исключить их потому нельзя, что тогда ангел будет без порток.

Написано на письме В. К. Истомина от 4 декабря 1881 г., на которое отвечает Толстой.

Впервые опубликовано в «Сборнике Государственного Толстовского музея», М. 1937, стр. 223.

Истомин писал в связи с корректурой рассказа Толстого «Чем люди живы»: «В последней Вашей корректуре слово «портки» всякий раз очерчено синим карандашом и сбоку поставлены NB; я не понимаю, что это значит, т. е. следует ли портки совсем выкинуть и ограничиться рубахой, или иначе поставить их в общей связи речи».

В корректуре слово «портки» было отмечено корректором в виду различного написания этого слова в рассказе: «портки» и «партки». Истомин, повидимому, не понял этого и поэтому запрашивал Толстого.

В печатном тексте рассказа написание унифицировано: «портки».

* 38. Е. Ф. Тютчевой.

1870-е гг., конец — 1880-е гг., начало. Декабря 25.

25 декабря.

Простите меня, Катерина Федоровна, что утруждаю вас, но мне кажется, что вам не будет стоить большого труда исполнение моей просьбы и что вам не неприятно будет исполнить ее. Мне надо просить к[нязя] Мещерского [1] за старого учителя

моей школы П. В. Морозова,[2] о чине, который составит его счастье и на который он имеет права; а я забыл, как зовут к[нязя] Мещерского. Будьте так добры попросите князя Мещерского: вы осчастливите доброго человека и мне сделаете большое одолжение.

Гр. Лев Толстой.

Датируется предположительно, по почерку и содержанию.

[1] Николай Петрович Мещерский (см. прим. к письму № 26).
[2] О П. В. Морозове см. прим. к письму № 16.

39. П. П. Васильеву.

1882 г. Января 1? Москва.

Милостивый Государь
Петр Петрович!

Я никогда не писал рассказа «Он». Всё это выдумано. Очень жалею, что это вам помешало.

Ваш покорный слуга
Л. Толстой.

Датируется на основании пометы на письме: «Получено 4 января 1882 г.». Впервые опубликовано в «Ученых записках Казанского государственного педагогического института. Исторический факультет», вып. 4, Казань 1941, стр. 185.

Ответ на письмо библиографа Петра Петровича Васильева из Казани от 11 декабря 1881 г., который писал, что он в 1873 г. слышал от редактора «Волжско-Камской газеты» Н. Я. Агафонова, что тот получил от Толстого рассказ «Он», специально написанный для газеты. Однако этот рассказ не был пропущен цензурой, и Агафонов будто бы отправил его в «Неделю». Васильев просил подтвердить достоверность сообщения Агафонова и написать, был ли этот рассказ напечатан в «Неделе». Эти сведения были нужны Васильеву для его работы по составлению библиографии произведений Толстого.

40. С. А. Венгерову.

1882 г. Март, конец. Я. П.

Семен Афанасьевич!

В апрельскую книжку успеть нельзя. Публиковать вперед тоже нельзя. Почему-нибудь не удастся — и будет неприятно и вам и мне. — А очень хочется и напечатать у вас мою статью

и поддержать ваш журнал, если это его поддержит, потому что он мне очень понравился своим характером бодрости и прямоты.

Желаю вам больше всего двух вещей: сдержанности, ловкости, искусства говорить правду, но так, чтобы вас не прихлопнули. Есть ли у вас такой мастер? Если есть, то держитесь его.

И второе — главное — не сердиться и не нападать на людей больше, чем того требует их [1] злое влияние на общество. Я еще этого не замечал, но это — ахиллесова пятка всех журналов. — А интересы вашего журнала так серьезны, что избави бог спуститься до личного задора.

Денежная сторона вашего дела мне особенно сочувственна. [2] Покупай мудрость, а не продавай ее (Экклезиаст). Что-то есть особенно отвратительное в продаже умственного труда. Если *продается* мудрость, то она наверно не мудрость.

Статья моя,[3] насколько она написана, для цензуры будет крута. Как мне ни хочется сказать всё, как думаю, предоставляю вам, *мастеру цензурного дела*, — выкидывать то, что может быть опасностью для журнала.

Если успею, пришлю вам скоро, а вы в корректурах пришлите мне, чтобы успеть поправить и переписать.

Датируется на основании письма С. А. Венгерова, на которое отвечает Толстой. Впервые опубликовано в «Литературном наследстве», № 37-38, М. 1939, стр. 185.

Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1921) — историк литературы, библиограф и критик.

Ответ на письмо Венгерова от 23 марта 1882 г., в котором Венгеров писал, что слышал от В. И. Семевского, которому в свою очередь передал И. И. Янжул, о хорошем отзыве Толстого об издававшемся тогда народническом журнале «Устои»; как редактор «Устоев» Венгеров просил для поддержания этого журнала дать к апрельскому номеру какую-либо из ненапечатанных статей Толстого (письмо Венгерова опубликовано в «Литературном наследстве», № 37-38, М. 1939, стр. 184—185).

[1] *Зачеркнуто:* пагубное

[2] Венгеров писал, что в редакции у них всё «устроено на строго артельных началах».

[3] «В чем моя вера?».

* 41. Н. Н. Страхову.

1882 г. Ноября 24. Москва.

Я не отвечал вам, дорогой Н[иколай] Н[иколаевич], потому ч[то] всё ждал свиданья с Юрьевым, и до сих пор не видался.

Статью вашу непременно выручу и напишу тогда. 2-й вопрос: о книге для чтения. Я прочел программу — очень хорошо. Дай ему б[ог] успеха. Исполнение — трудно.

Обнимаю вас. Л. Т.

Приписка к письму С. А. Толстой к Н. Н. Страхову от 24 ноября. На письме помета Страхова: «1882. Москва».

Письмо Страхова, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

* 42. Н. Н. Страхову.

1883 г. Июля 18—19. Я. П.

Дорогой Николай Николаевич,

Я ехал домой, надеясь застать вас у нас. Я приехал 3-го дня и теперь боюсь, что вы, если и приедете, недолго пробудете у нас. Я очень, очень желаю вас видеть, и если бы не так долго был вне дома, то приехал бы к Афанасию Афанасьевичу, [1] которого обнимаю и желал бы видеть. Мы с ним во всю зиму никогда так хорошо не беседовали, как перед отъездом, и так странно, что мы иногда как будто не понимаем друг друга.

Так приезжайте же к нам поскорее. Сестра Таня [2] велит сказать, что и луна, и крокет, и цыплята вас ждут. Что жена вас ждет и все мои — не нужно вам говорить. — Благодарю вас за ваше последнее письмо. [3] Поживем вместе, то выйдет время, и всё переговорим.

Наш душевный привет вашим милым хозяевам. Скажите Аф. Аф., что я надеюсь, что он, если поедет мимо нас, не проедет. Я бы не проехал, если б ехал мимо.

До свиданья. Ваш Л. Толстой.

Датируется на основании пометы Страхова на письме.

[1] А. А. Фет.

[2] Т. А. Кузминская.

[3] Письмо от 5 июня 1883 г. (см. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», СПб. 1914, стр. 301—302).

* 43. В. К. Истомину.

1883? г.

Получил ваше письмо, дорогой Владимир Константинович, и был им очень тронут. Я так понимаю вас, когда вы говорите о таинственности смерти. Ничто в этой жизни не откроет нам

эту тайну. А видеть ее — эту тайну — хорошо — здорово для души.

В Москву я не знаю еще когда буду, но видеть вас всегда, и в особенности теперь, в вашем душевном состоянии, очень желаю. Жена очень жалеет, что не успела быть у вас и более утвердить знакомство с вашей женой, [1] чего она особенно бы желала.

В Москве я буду, вероятно, через месяц.

Ваш всей душою

Л. Толстой.

Датируется на основании пометы на письме неизвестной рукой. Письмо В. К. Истомина, вызвавшее ответ Толстого, неизвестно.

[1] Наталья Александровна Истомина (ум. 1927), в 1881—1887 гг. формальная издательница журнала «Детский отдых».

44. Д. И. Святополк-Мирскому.

1884 г. Апреля 6. Москва.

Дмитрий Иванович!

Вы пишете: «Какие бы ни были мои колебания, я всегда ясно сознаю и еще яснее чувствую, что степень счастья человека находится всегда в прямой зависимости от степени его следования учению Христа, что в этом заключается истина, практически разрешающая загадку нашей жизни и что человечество может действительно совершенствоваться лишь в мере того, насколько оно будет убеждаться в этой истине». Из вашего письма и стихотворения я вижу, что это — ваше искреннее убеждение; так не говорите же о шаткости ваших убеждений, не говорите (хотя вы и прибавляете «для полной правды»), что вам лишь с трудом верится в возможность существования [каких] бы то ни было неизменных убеждений в смысле ясной веры или познания разумной истины. Эта ясная вера и познание истины есть в вас самих. Вам кажется шаткою и маленькою ваша вера или сознание истины (что есть одно и то же), так же, как кажется и есть колеблющимся дубок, выросший наравне с травой, но то трава, а дуб — дуб, и он... [1] и надо знать, что это дуб, что не... [1] его. Письмо ваше очень поразило и порадовало меня.

Из наших давнишних встреч у меня осталось впечатление о человеке умном, простом... [1] и, должно быть, добром. Потом ваша деятельность, о которой я слышал, отчуждала меня от вас, и вдруг ваше письмо, показавшее мне, что мы близки с вами,— гораздо больше, чем с многими людьми, с которыми я прожил жизнь.

Стихотворение ваше поразило меня: оно полно содержания поэтически-философского или религиозного и прекрасного (на мой вкус) поэтому содержания, — но оно невозможно по своей форме: нет размера, не соблюдены правила стихосложения, нет даже чувства красоты языка. Вам нельзя и не нужно писать стихами. — Пожалуйста, если поднимется у вас на меня дурное чувство за эти слова и за весь тон моего письма, подавите его в себе во имя того, что правдивость моя вытекает из уважения к вам и любви, которую чувствую к вам после вашего письма. Я вчера только получил ваше письмо в Москве, а оно получено было в деревне.

Если напишете мне вскоре, то адрес мой в Москве — Хамовники, свой дом.

Тоже не сердитесь, что не употребляю слов — князь и др. Это происходит не от неуважения, а от уважения к человеку.

Лев Толстой.

Печатается по рукописной копии. Датируется на основании записи в Дневнике Толстого 5 апреля о получении письма Святополк-Мирского и слов письма: «Я вчера только получил ваше письмо». Впервые опубликовано в сборнике «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 12, стр. 65—66.

Дмитрий Иванович Святополк-Мирский (1825—1899) — участник восточной войны 1853—1856 гг., с 1864 г. — генерал; в 1880 г. назначен членом Государственного совета; с 1882 г. жил в деревне. С Толстым встречался в Крыму в 1855 г.

Ответ на письмо Святополк-Мирского от 3 марта 1884 г., в котором Святополк-Мирский высказывал сочувствие «стремлениям» Толстого.

По получении письма Мирского Толстой записал в Дневнике 5 апреля 1884 г.: «Письмо от Мирского и стихи. Поразительно. Он христианин. Стихи прекрасны по содержанию и 13-летнего мальчика по форме» (т. 49, стр. 78).

[1] Многоточие в копии.

* 45. С. С. Абамелек-Лазареву.

1884 г. Августа 4? Я. П.

Очень благодарен вам, любезный князь, за книгу Ренана. [1] Я долго не получал ее и потом долго еще не отвечал вам, за что прошу меня извинить. —

Я надеялся, что вы, как обещали, сами опять приедете к нам; и теперь надеюсь, что вы доставите нам это удовольствие.

Ваш Л. Толстой.

На конверте: Князю Семену Семеновичу Абамеликову. В Лазарево.

Датируется на основании почтовых штемпелей.

Семен Семенович Абамелек-Лазарев (1857—1915) — крупный землевладелец, шталмейстер; почетный попечитель Лазаревского института восточных языков в Москве.

[1] Жозеф Эрнест Ренан (1823—1892), французский буржуазный историк философ-индивидуалист.

О какой книге в данном случае идет речь, не установлено.

46. Д. И. Святополк-Мирскому.

1884 г. Мая 2. Москва.

Последнее письмо ваше, Дмитрий Иванович, я получил, когда я был болен, и от этого ли, или от его содержания, но мне стало трудно, и от этого я долго не отвечал.

Не верю и не могу верить тому, чтобы то, что вы выразили в письме первом вашем, было плодом случайного настроения. Повторяю то же: если не верите, что это единая истина, то приглядитесь ко всему другому, что вам так долго представлялось, что и теперь представляется чем-то реальным, и вы увидите, что всё это разрушится и в ничто обратится только от того, что вы серьезно поставите всему вопрос: что ты такое? И останется одно, что вы знаете и чему не... [1] цену.

Очень желаю сообщить вам то, что я думал и выразил об этом в моих писаниях, [которые] не продаю[тся] официально, но которые очень... [1] иметь. Мне кажется, что они вам будут интересны.

Пожалуйста, если поедете мимо, заезжайте ко мне до 10 мая, а потом в деревню Ясная Поляна, из Тулы 14 верст. [2] Или, если вы телеграфируете в Козлову Засеку, то я вышлю за вами за 3 версты. Не могу верить вашему неверию. Я знаю причины этого недоразумения и надеюсь, что вы сами найдете их.

Ваш Л. Толстой.

Печатается по рукописной копии. Датируется на основании записи в Дневнике Толстого 2 мая 1884 г.: «Написал письма... Мирскому» (т. 49, стр. 80). Впервые опубликовано в сборнике «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 12, стр. 66.

Ответ на письмо Святополк-Мирского от 10 апреля 1884 г., в котором Святополк-Мирский, касаясь вопросов религии, писал, что у него не имеется «присутствия веры даже в зародыше».

[1] Многоточие в копии.

[2] Святополк-Мирский приходил к Толстому в Хамовники около 7 декабря 1884 г., но не застал его (см. письмо Толстого к жене от 9 декабря 1884 г. и примечания к нему, т. 83, стр. 458—459).

* 47. Д. Ф. Самарину.

1882—1884? гг.

Многоуважаемый Дмитрий Федорович!

Мой хороший знакомый, Александр Капитонович Маликов, [1] желает занять место школьного учителя в одной из открываемых Думой школ и просит меня рекомендовать его вам с тем, чтобы замолвили о нем слово. Я с особенным удовольствием исполняю его желание, потому что, во-первых, знаю Маликова за прекрасного человека, во-вторых, потому, что его звание кандидата университета и самое искреннее религиозное, строго православное настроение делает его желательным для думской школы учителем.

Очень буду вам благодарен за исполнение моей просьбы.

Ваш Лев Толстой.

Некрасов, [2] инспектор училищ, знает Маликова и согласен на его определение.

Датируется в соответствии с аналогичным по содержанию письмом Толстого к М. П. Щепкину (см. т. 63, стр. 197).

Дмитрий Федорович Самарин — общественный деятель и публицист, славянофил; в 1880-х гг. был гласным московского земства.

[1] А. К. Маликов (1839—1904), знакомый Толстого с конца 1870-х гг. См. о нем т. 63, стр. 66.

[2] Иван Юльевич Некрасов (ум. 1893), инспектор народных училищ Московской губ. и член московского городского училищного совета.

* 48. С. С. Абамелек-Лазареву.

1885? г. Январь?

Все наши, и я в том числе, очень благодарят вас за фотографии [1] и за присылку их. Некоторые группы и виды очень хороши.

Дружески жму вам руку.

Ваш Л. Толстой.

На конверте: Князю Семену Семеновичу Абамелику.

Датируется по почерку и на основании упоминания о фотографиях (см. прим. 1).

[1] В письме от 4 февраля 1885 г. С. С. Абамелек-Лазарев упоминает о его «яснополянских фотографиях». Возможно, что он имеет в виду сделанные им снимки в Ясной Поляне в один из своих приездов к Толстому.

* 49. Т. А. и А. М. Кузминским.

1878 г. — 1885 г., первая половина. Я. П.

Ну, милые друзья Таня и Саша, я оказался кругом виноват перед вами. Соня нашла в бумажнике письмо Тани, [1] следовательно забытое мною. Пожалуйста, простите. Вперед точно не буду. Дети ваши процветают все. Точно процветают — загорели и похорошели. Маша [2] знает, что ты болен, но я успокоил, что тебе теперь лучше. — Я забыл спросить, что сказал доктор о твоих опасениях при случае возвращения к старому. Напиши,

а лучше всего пришли ту телеграмму, на которую я надеюсь.[3] Впрочем, важнее всего твое душевное состояние; а оно в твоей власти, особенно как пристяжная подсобит, что я видел в последние дни. Извини за повторение Марка Аврелия — не могу, да и не хочу от него отделаться.

У нас Андрюша [4] был в сильном жару. Соня не в духе и сама больна, но теперь лучше. Костеньку [5] поцелуйте и передайте письмо,[6] которое я советую очень послать. — Арнаутова перестань тянуть, Таня, а то надсадишься.[7]

Прощайте, обнимаю вас, приезжайте поскорее поправляться. Вчера застал у нас Урусова [8] и Лизу ,[9] и они всё спорили. Слава богу, я не слыхал.

Т. Т. [10]

Соня спрашивала при мне m-lle Sophie, [11] хорошо ли их кормят. Она сказала, что очень прекрасно. Я еще переспросил о детях. Узнал новое, что и у Миши [12] ни разу живот не болел.

Поцелуйте за меня Сережу, [13] если он еще не уехал.

Датируется временем начала знакомства Толстого с Л. Д. Урусовым и годом смерти Урусова.

Александр Михайлович Кузминский (1843—1917) — свояк Толстого, судебный деятель (см. т. 62).

[1] Письмо это неизвестно.

[2] М. А. Кузминская.

[3] О чем здесь идет речь, выяснить не удалось. Возможно, что Толстой намекает на приезд Т. А. Кузминской в Ясную Поляну.

[4] Андрей Львович Толстой (1877—1916).

[5] К. А. Ислявин.

[6] Оно неизвестно.

[7] О чем здесь идет речь, не установлено. Известно лишь, что у И. А. Арнаутова в 1882 г. Толстой купил дом. Однако, связано ли данное упоминание именно с И. А. Арнаутовым, неизвестно.

[8] Леонид Дмитриевич Урусов (ум. 1885), тульский вице-губернатор, знакомый Толстого с 1878 г.

[9] Елизавета Андреевна Берс (1843—1919), старшая сестра С. А. Толстой.

[10] Так в подлиннике.

[11] Гувернантка Кузминских.

[12] Михаил Александрович Кузминский (р. 1875), сын Кузминских.

[13] Сергей Львович Толстой.

50. В. С. Лебедеву.

1885 г. Июль, начало. Я. П.

Василий Степанович!

Вчера я получил через редакцию «Рус[ской] мысли» рукописи Бондарева, присланные вами. Мое мнение, что вся русская мысль (конечно, не журнал), с тех пор, как она выражается, не произвела с своими университетами, академиями, книгами и журналами ничего подобного по значительности, силе и ясности тому, что высказывали два мужика — Сютаев и Бондарев. Это не шутка и не интересное проявление мужицкой литературы, а это событие в жизни не только русского народа, но и всего человечества. Вчера я прочел эту рукопись в своем семейном кругу, и все встали после чтения молча и пристыженные разошлись. Всё это как будто знакомо, но никогда не было так просто и ясно выражено, без того лишнего, что невольно входит в наши интеллигентные рассуждения.

Очень, очень вам благодарен за сообщение мне этой рукописи; она произвела на меня большое впечатление и будет иметь на мои работы большое влияние. Пожалуйста сообщите мне еще подробности о Бондареве: 1) его звание, семейное положение, его религиозные убеждения (как бы хорошо было, если бы они ограничивались первородными законами и законами только нравственными, связанными с ними); 2) его образ жизни. Я хочу написать ему, но если не напишу, то скажите ему, что есть человек — я, — совершенно, без всяких оговорок согласный с его учением и желающий посвятить остаток своей жизни на то, чтобы убедить в ней людей и словами и делом. Я не получил из редакции «Русской мысли» большой рукописи, а очень бы желал иметь ее.

Вы, должно быть, тот Лебедев-медик, которого года два тому назад выслали из Москвы; если вы тот, то я немного знаю про вас. Во всяком случае дружески жму вашу руку и от всей души благодарю вас за то, что вы вспомнили обо мне и сообщили мне рукопись.

Адрес мой: Тула.

Л. Толстой.

Печатается по тексту, впервые опубликованному в книге: Е. И. Владимиров, «Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой»,

Красноярск 1938, стр. 37—38. Датируется на основании упоминания о том, что Толстой «хочет» написать Бондареву, которому он написал 15—20? июля (см. т. 63, № 396).

Василий Степанович Лебедев — московский врач, в 1880-х годах политический ссыльный в Минусинске.

Лебедев, вместе с другим политическим ссыльным, Л. Н. Жебуневым, послал Толстому через редакцию «Русской мысли» сочинение крестьянина-сектанта Т. М. Бондарева, «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». Об этом подробнее см. в т. 63, стр. 277—278.

* 51. Н. В. Давыдову.

1885? г.

Николай Васильевич!

В прилагаемых бумагах вы найдете обвинительный акт, выданный крестьянам Крапивенск[ого] у[езда]деревни Щекиной, и их прошение. Они хотят подавать прошение, и жена одного из них советуется со мной: затевать ли это дело, или нет. Я не знаю, а вы будьте добры просмотрите бумаги, вспомните или узнайте дело и дайте ей совет. Я позволил себе направить ее к вам.

Дружески жму вам руку.

Ваш Л. Толстой.

Датируется по почерку и бумаге, на которой написано письмо. Таким же почерком (чернила так же выцвели) и на такой же бумаге написано письмо, датированное: «1885 г. май» (см. т. 63, № 373).

Николай Васильевич Давыдов (1848—1920) — юрист, в 1878—1892 гг. прокурор, а в 1893—1897 гг. — председатель Тульского окружного суда. Подробнее о нем см. в т. 63, стр. 141—142. Толстой обращался к Давыдову преимущественно по делам окрестных крестьян.

О деле крестьян д. Щекино, упоминаемом в публикуемом письме, сведений не имеется.

* 52. Неизвестному.

1886 г. Февраля 1. Москва.

Пишу только с тем, чтобы известить вас, что письмо ваше я получил и постараюсь насколько смогу ответить на ваши вопросы.

Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

Фамилию адресата определить не удалось.

* 53. М. В. Теплову.

1886 г. Февраля 2. Москва.

Не считайте мой неответ признаком нелюбви. Очень радовался вашему письму [1] и сближению с вами и дорожу им очень.

Л. Т.

Приписка к письму Н. Н. Ге (отца) к М. В. Теплову от 2 февраля 1886 г.

Михаил Васильевич Теплов — художник, родственник и ученик Н. Н. Ге (отца).

[1] Это письмо неизвестно.

* 54. Л. Е. Оболенскому.

1886? г. Февраль, после 11. Москва.

Посылаю вам, дорогой Леонид Егорович, статью одного крестьянина (повесть), [1] по моему мнению, очень талантливо написанную. Не найдете ли вы ее подходящею для напечатания. Если да, то при ней адрес, и вы напишите ему. Он очень нуждается и желает вознаграждения за труд. Я писал ему и советовал писать в другом роде.[2] Эту повесть я не предлагаю в Посредник только пот[ому], что она может быть соблазнительна для народной публики, выставляя безнадежность жизни и жестокость людей. Пожалуйста, ответьте два слова.

Адрес: Тула.

Л. Толстой.

Датируется предположительно, по содержанию. Возможно, что речь идет о повести Ф. Ф. Тищенко «Грешница», о которой Толстой писал Тищенко 11? февраля 1886 г. (см. т. 63, стр. 325—327).

Леонид Егорович Оболенский (1845—1906) — либеральный публицист, критик и беллетрист; в 1883—1891 гг. издатель журнала «Русское богатство».

[1] Повесть Ф. Ф. Тищенко «Грешница» была напечатана в «Русском богатстве» 1886, №№ 7 и 8, за подписью: Федор Тарасенко. О Тищенко см. в т. 63, стр. 327.

[2] В письме к Тищенко от 11? февраля 1886 г. Толстой писал, что Тищенко «испортил свою повесть влиянием господской отрицательной»

литературы и что она обращена не к народу, а «к интеллигентному читателю, к урядникам, к судейским»; советовал писать так, чтобы можно было прочесть «старику, женщине, ребенку». «Постарайтесь писать в этом роде», — говорил в заключение Толстой (т. 63, стр. 326).

* 55. Н. В. Давыдову.

1886? г. Апрель? Я. П.

Николай Васильевич!

Скучаю, что давно не видал вас, и рад случаю напомнить вам о себе. Случай тот, что податели сего, прекрасная крестьянская семья, заработавшая деньги, не только не получает их, но еще подверглась обвинению в клевете. Пожалуйста, помогите им. Они ничего не понимают в том, чего от них требуют, а я еще менее.

Ваш Лев Толстой.

Датируется предположительно, на основании письма Н. В. Давыдова от 28 апреля 1886 г., в котором он писал, что ему передали просьбу Толстого «помочь крестьянам с. Колпны, Крапивенского уезда, которые, не получив следующих им за возку руды какому-то купцу денег, обвиняются последним в подлоге расчетных книжек, представленных ими в доказательство долга купца». Возможно, что об этом деле и пишет в данном письме Толстой.

Давыдов сообщал, что, во исполнение просьбы Толстого, он поручил товарищу прокурора разыскать это дело, но что найти его не удалось. Просил дать более подробные сведения.

* 56. Н. Н. Иванову.

1886 г. Мая 12. Я. П.

Сейчас же по получении вашего письма, я написал жене,[1] прося ее исполнить ваше желание, т. е. повидать Сытина,[2] к[оторый] обещал мне передать вам вознаграждение за ваш рассказ, а в случае его отказа, передать вам 30 р. Но случилось, что жена была очень занята и не успела этого сделать. Я сейчас только узнал это и с этой почтой пишу Сытину и Николаю Николаевичу Ге,[3] к[оторый] живет у нас в доме и заведует нашими делами. Повидайте, пожалуйста, Ге. Он вам передаст деньги от себя

или от Сытина. Не пеняйте меня за это промедление. Я очень хотел сделать поскорее то, что вам нужно.

Письмо ваше мне очень было приятно. Помогай вам бог на вашем добром пути. Пишите мне, когда нужно.

Лев Толстой.

Сытину я не написал, а написал Ге и ему поручил всё. Так побывайте у него.

Датируется на основании упоминания о письме к Н. Н. Ге (сыну). См. прим. 3.

Николай Никитич Иванов (1867—1913) — сын фельдшера в Бутырской тюрьме; автор нескольких стихотворений и рассказов, печатавшихся в изд. «Посредник», и воспоминаний: «У Л. Н. Толстого в Москве в 1886 году» («Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Гиз, М.—Л. 1929, стр. 180—201).

Присланный Ивановым рассказ «Пасха» напечатан не был.

[1] См. письмо к С. А. Толстой от 8 мая 1886 г., т. 83, стр. 573.

[2] Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934), издатель (см. т. 63, стр. 614—616).

[3] Николай Николаевич Ге, сын художника Ге. Упоминаемое письмо Толстого к Н. Н. Ге (сыну) от 12 мая 1886 г. см. в т. 63, стр. 351.

* 57. П. С. Степанову.

1886 г. Июня 4—5. Я. П.

Петр Сергеевич!

Я получил ваше письмо уже давно и не отвечал на него, п[отому] ч[то] не знал, как и что ответить; но сейчас получил письмо от Бирюкова, упоминающее про вас, и я еще раз прочел ваше письмо и постараюсь, как сумею, ответить. — Вы недовольны своей жизнью и собою. Причина недовольства в вас самих и средство избавления от него только в вас самих. Перемена места, условий, я думаю, не только не содействует внутренней перемене, но мешает ей, заставляя принимать внешнюю перемену за внутреннюю. Вы даже сами указываете на ту дурную привычку пить, к[оторую] вы усвоили. Бороться с нею, отвыкать от нее легче в привычных условиях, чем в новых, хотя и ка[жется] совершенно обратное... [1] [по край]ней мере испыта... [1] чтобы мне борот[ься]... [1] [с внут]ренним врагом... [1]

в привычных у[словиях]... [1] не тревожило... [1] все происходят... [1] нас. Я живу в... [1] где я жил 50 л[ет]... [1] менее похоже, ди... [1] на прежнее место и прежних людей, чем если бы я переехал на конец света. Перемены же наши совершаются не через общение с людьми (такие перемены внешние), а через общение с богом, с разумением, через общение с мыслью, с истиной, через углубление в нее. Мысль человека, сознание его, это тот рычаг, к[оторым] человек поворачивается. — Пишу вам это для того, чтобы вы приняли мой совет: не искать внешней перемены — держаться правила: никуда не напрашиваться, ни от чего не отказываться (не противного совести) и думать, читать не пустое, а поучительное, беседовать с людьми, настроение которых близко к тому, какого вы желаете, и практическое правило — работать руками какую-нибудь тяжелую работу, чтобы запыхаться, запотеть и чтобы спина и руки заболели хоть 3, хоть 2, час в день. Вы спросите... [1] тать? Как бы я рад б[ыл] ответить... [1] к несчастию никто не мо[жет]...[1] но знаю: кроме Еванг[елия]...[1] и посланий — Сократа...[1] [Марка] Аврелия, Спиноза, Пас[каль]...[1] ий, Менций. Будде... [1] кой не сходятся в че[ловеке]...[1] Если будем живы...[1] спишемся. Пишите... [н]ужно. Помогай вам бог.

Л. Толстой.

Датируется на основании упоминания об этом письме в письме Толстого к П. И. Бирюкову от 4—5 июня 1886 г. (см. т. 63, стр. 363—364).

Петр Сергеевич Степанов (р. 1861) — бывший железнодорожный служащий. В письме от 14 мая 1886 г. писал Толстому, что он «хочет найти живую жизнь» и что «стоит теперь на распутье дороги: к новой, более живой жизни, или пьянству, значит — смерти», сообщал, что бросил службу и «хочет заняться крестьянской работой» (полностью письмо его опубликовано в т. 63, стр. 365).

[1] Край листа оборван, и текст поврежден.

58. С. А. Рачинскому.

1886? г. Июнь, после 20? Я. П.

Спасибо, дорогой Сергей Александрович, за ваше письмо. Я так рад, что вы всё такой же, какого я знал и любил, и та же ваша прекрасная деятельность. Я рад тоже тому, что вы не

читали моих непропущенных писаний. Пожалуйста, и не предполагайте, не то, что вы можете быть несогласны с моими словами, но то, что мы, — смело скажу, — оба отыскивая большую часть жизни ($^{9}/_{10}$, вероятно) бога, указывали на него в разные стороны. Этого не может быть. И не думайте и не говорите этого.

Как мне хочется видеть вас у себя, т. е. у вас. Напишите мне. Может быть, и приведет бог.

Ваш Л. Толстой.

Датируется приблизительно: письмо Толстого, может быть, отвечает на письмо Рачинского от 19 июня 1886 г. См. «Письма С. А. Рачинского» («Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник», «Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», Гиз, М.—Л. 1928, стр. 239—241).

Сергей Александрович Рачинский (1833—1902) — профессор Московского университета, ботаник, знакомый Толстого с конца 1850-х гг. В 1868 г. вышел в отставку и жил в имении своего брата Татеве, Смоленской губ., посвятив себя занятиям в сельской школе.

* 59. К. М. Сибирякову.

1887 г. Январь? Москва.

Дорогой Константин Михайлович!

Василий Иванович Алексеев, тот, о к[отором] я говорил вам на место учителя в вашу самарскую школу, теперь приехал в Москву и желал бы знать более подробно о предстоящем ему месте. Как сделать? Передадите ли вы ему через меня, или через Орлова, или приехать ему повидаться с вами в П[етер]б[ур]г?

Повторяю вам о нем то, что говорил при личном свидании: это мой самый старый друг и единомышленник, человек кротости и вместе твердости редкой — не говоря о его образовании (специально математическом), без корысти, и приятности в отношениях. В политическом отношении он совершенно чист и не находится ни под каким присмотром. Жду вашего ответа. Помогай вам бог на вашем добром пути.

Любящий вас

Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии, сверенной с подлинником (подлинник находится в частных руках в Ленинграде). Датируется по содер-

жанию и по сопоставлению с письмами от начала января 1887 г. и от конца января 1887 г. (т. 64, стр. 5 и 8).

Константин Михайлович Сибиряков — сын богатого сибирского золотопромышленника; занимался филантропической деятельностью (см. т. 63, стр. 239).

60. М. А. Шмидт.

1887 г. Августа 3. Я. П.

Спасибо вам, дорогая М[арья] А[лександровна], за присылку книг. Я перешлю их Буткевичу.[1] Я всё работаю над своим писаньем[2] и радуюсь. Дохтуров ошибочно называет толкованием на Иоанна, вероятно, большое исслед[ование] Еванг[елия].[3] Свое писание пошлю набирать с Павлом Ив[ановичем], к[оторый] заехал нынче на обратном пути. Не забуду послать вам. Мне это так же нужно, как и вам, чтобы вы прочли.

Дай бог, хотел сказать, всего хорошего, но есть одно хорошее — жить с богом.

Л. Т.

Датируется по содержанию: 3 августа 1887 г. Толстой передал рукопись «О жизни» П. И. Бирюкову для сдачи в типографию. Впервые опубликовано в книге: Е. Е. Горбунова-Посадова, «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт», М. 1929, стр. 22.

Мария Александровна Шмидт (1843—1911) — близкий друг Толстого (см. т. 64, стр. 55).

[1] Анатолий Степанович Буткевич (1859—1942) (см. т. 65).

[2] «О жизни»

[3] «Соединение и перевод четырех евангелий» (см. т. 24).

* 61. Н. Я. Гроту.

1887? г. Сентября 21. Козлова Засека.

Отвечаю со станции. Хотя и согласен, что сравнение оставляет желать лучшего, но я думаю, что будет хорошо,[1] если выпустить слово «неизвестное» перед словом «направление» и слово «найти» заменить словом «узнать».

Очень, очень вам благодарен. Надеюсь на той неделе с вами[2] увидеться.

Ваш Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. На копии дата: «1891, 21 сент.» Однако в 1891 г. в сентябре Н. Я. Грот не принимал участия в печатании произведений Толстого и корректур не держал. В сентябре Грот держал корректуру только книги «О жизни» — в 1887 г. На этом основании и датируется письмо.

Письмо Грота, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] В копии слова «будет хорошо» взяты в скобки и затем зачеркнуты карандашом. Возможно, что эти слова дополнены переписчиком взамен пропущенных Толстым.

[2] *В копии слова:* с вами *вачеркнуты карандашом.*

* 62. А. М. Кузминскому.

1887 г. Ноябрь, начало. Москва.

Милый друг А. М.

Ты мне тогда в Ясной почти вызвался узнать и, может быть, помочь Попову [1] в его деле, но тогда я, боясь, чтобы тебе это не было неприятно, просил только передать ему письмо и книги, но о помощи в деле не решился тебя просить. Теперь же прошу и умоляю, сделай, что можешь, чтобы разрешить чем-нибудь то дело, по к[оторому] он держится. Подумай — 2-й год в одиночном заключении, т. е. почти верное душевное повреждение — без законной вины, а только по недоразумению.

Я пишу с П[авлом] И[вановичем][2] же А[лександре] А[ндреевне][3] и Шуваловой,[4] но результаты дамских хлопот весьма сомнительны, ты же, верно, можешь по своему положению и отношениям сделать более существенное. Пожалуйста, пожалуйста, сделай, что можешь.

Целую тебя и Таню,[5] и Веру,[6] и Мишу,[7] и малышей. Маша [8] ваша так приятна, мила и хороша, что жаль расставаться с ней, что ты, как кажется, и начинаешь чувствовать.

Любящий тебя Л. Толстой.

На конверте: А. М. Кузминскому.

Датируется на основании упоминания о письме к А. А. Толстой (см. прим. 3).

[1] Иван Иванович Попов (1860—1925), статистик воронежского земства, арестованный в октябре 1886 г. во время проведения подворной переписи; 25 ноября 1887 г. был выслан в административном порядке в Пе-

тропавловск, Акмолинской области. См. письма Толстого к И. И. Попову от 24 апреля 1887 г. и от сентября 1887 г., т. 64, стр. 42 и 83.

[2] П. И. Бирюков.

[3] Александра Андреевна Толстая (1817—1904), двоюродная тетка Толстого (см. т. 83, стр. 165—166). Упоминаемое письмо к ней от начала ноября 1887 г. см. в т. 64, стр. 120.

[4] Елена Ивановна Шувалова, рожд. Черткова (1830—1922), жена начальника Третьего отделения П. А. Шувалова. Письмо Толстого к ней неизвестно.

[5] Т. А. Кузминская.

[6] В. А. Кузминская.

[7] Михаил Александрович Кузминский (р. 1875), сын Кузминских.

[8] М. А. Кузминская гостила в то время у Толстых.

* 63. Н. Н. Ге (сыну).

1887 г. Декабрь 11. Москва.

Милый друг Количка!

Потребность духового общения с вами, с каждым днем увеличиваясь, стала так велика, что стала чем-то мешающим мне. Думаю о чем-нибудь — «а Количка?» — Вот и пишу к вам. Первое, пожалуйста напишите, милый друг, о себе, о своем духовном состоянии, о своих отношениях к семье, к жителям вокруг и к своим московским и тверским друзьям. Во-вторых, если захочется, — о том, что в голове делается, думается. — Я, представьте себе, ничего всё это время не писал, кроме продолжения и исправления, может быть и порчения (не думаю, впрочем), своей книги «О жизни». На днях она выйдет.[1] Живу я в Москве, поминая вас без озлобления — и тени нет — и в хорошие минуты — с радостью сознания, что могу служить богу точь-в-точь так же, как во всяком другом месте. С женою совершенный лад, хотя и грустный для меня и такой, в к[отором] я иногда раскаиваюсь. Как будто я сказал себе: этот человек не может иметь того блага, к[оторое] я имею, и я не пытаюсь уже передавать его (благо) ему и не пытаюсь п[отому], ч[то] всякие попытки нарушали мое спокойствие. В этом-то и упрекаешь себя, но все-таки не изменяешь этого, страшно сказать, любовно-презрительного отношения. В том-то и дело, что любовное, настояще любовное, не может быть презрительное. И каюсь и учусь. Остальные же хороши и становятся тем более хороши, чем согласнее наша с женой жизнь. Девочки очень хороши, Сережа,

как и всегда, чего он никак о себе не думает, легкомыслен до последней степени, но добрее прежнего. Илья серьезный сердцем и головой, но страшный разлад действительности от мысли, хотя последнее время лучше. Кутежи [2] кончились. Но он от своей любви не может ясно смотреть на жизнь и себя. Лева на днях перестал пить вино (мы завели общество трезвости) и курить и поминает о вас с нежностью, как бы призывает мысленно на помощь для нравственной поддержки.

Напишите еще, где отец, поехал ли в Одессу.[3] Еще вот что: Хилков [4] живет от вас в двух рублях расстояния по жел[езно]-дор[ожной] станц[ии] Новоселки, деревня Павловки. Я лично всё еще не знаю его, но писал ему и писал про вас, что вам бы надо свидеться, чтобы помочь друг другу.[5] А ему нужна помощь не на пути истины — этот путь один, и с него сбиться нельзя, и он не может сбиться, но нужна помощь просто любви, помощь в сознании того, что меня любят, жалеют, и я не один. А то мы всё смотрим на него как на героя, а забываем, что он человек — прекрасный, теплый и страдающий человек, как мы все страдали и страдаем, не в смысле мучения, а в смысле претерпевания (родов). Я сделал это заключение из его прекрасных писем к Джунковским.[6]

Когда увидимся, милый, дорогой друг? Я вас очень люблю. Целуйте всех ваших.

Очень любящий вас Л. Толстой.

На конверте: Курско-Киевская ж. дор. *Плиски*. Николаю Николаевичу Ге (младшему).

Датируется на основании почтовых штемпелей.

Николай Николаевич Ге (1857—1940) — сын художника Н. Н. Ге, близкий друг семьи Толстого (см. т. 63, стр. 208).

[1] Книга «О жизни» была запрещена цензурой.

[2] *В подлиннике:* купежи

[3] В Одессе жила сестра Н. Н. Ге (сводная), которая была тяжело больна.

[4] Д. А. Хилков (см. т. 64, стр. 134).

[5] *В подлиннике:* друга.

[6] Николай Федорович Джунковский (1862—1916), офицер лейб-гвардии уланского полка, в то время, под влиянием взглядов Толстого, оставивший службу; жена его — Елизавета Владимировна Винер.

Письма Хилкова прочел Толстому Джунковский (см. письмо Толстого к Д. А. Хилкову от декабря 1887 г., т. 64, стр. 133—134).

* 64. Н. Н. Ге (сыну).

1887 г. Декабря 12. Москва.

Я вчера написал вам глупое и дурное слово о презрительном отношении.[1] Оно и несправедливо — холодное — да, но не презрительное. Разорвите письмо или вычеркните это слово. —Только об этом.

Л. Толстой.

На конверте: Курско-Киевская дорога. *Плиски.* Николаю Николаевичу Ге (младшему).

Датируется на основании почтовых штемпелей.

[1] См. письмо № 63.

* 65. Ф. А. Желтову. *Черновое.*

1887? г.

Федор Алексеевич!

Очень рад был получить ваше письмо; рад тому, что вижу в вас проявление [1]

Публикуемый отрывок, очевидно, является началом одного из первых писем Толстого к Ф. А. Желтову. Первое письмо Желтова было написано в 1887 г.

Федор Алексеевич Желтов (р. 1859) — крестьянин с. Богородского, Нижегородской губ., сектант-молоканин; автор ряда рассказов из жизни крестьян (см. т. 64, стр. 40).

[1] Письмо не окончено.

* 66. И. Б. Файнерману.

1888? г., начало.

Простите, что не отвечал вам; не знал, что писать. Теперь же был очень рад узнать про вас. Подкрепи вас бог избрать лучшее. Лучшее большей частью то, что самое простое, причем меньше всего нужно предпринимать, а главное то, что никому не доставит горя. Помогай вам бог.

Лев Толстой.

Датируется предположительно. В начале 1888 г. И. Б. Файнерман часто писал Толстому о своих отношениях с первой женой и о предполагавшемся разводе.

* 67. И. Б. Файнерману.

1888 г. Августа 8. Я. П.

Получил вашу статью и нынче письмо. Статья [1] хороша, и я постараюсь хоть частью ее напечатать. Письмо ваше тронуло меня вашим признанием плотской любви к жене. Жаль мне вас, милый друг, да что же делать, терпеть надо и нести крест и грех свой. Грех? Как бы мог жить мир без греха. Мы это духовные силы — птички, стремящиеся улететь к небу, к богу, но мы все липнем к земле и друг к другу грехом, и этот-то грех и связывает нас друг с другом и с землей: не можем мы улететь порознь, а лететь так, всем вместе, с землей, к к[оторой] мы липнем. Только не переставать тянуться, а не валяться в липкой грязи. — Радуюсь, что у вас работа идет. Постараюсь устроить вам деревню. Книгу мою [2] в духовную ценз[уру] послали — всё равно что запретили. Тем лучше.

Мои вас любят немно[го], а я много. Помогай вам бог. Пишите.

Л. Т.

Передайте мою любовь вашей доброй матери.

Начало письма, повидимому, не сохранилось. Перед текстом поставлена цифра II, очевидно означающая номер второй страницы. Датируется на основании письма И. Б. Файнермана, на которое отвечает Толстой.

В письме из Елисаветграда, без даты, с почтовым штемпелем получения: «Ясенки, 8 августа 1888 г.», Файнерман сообщал о своем разводе с первой женой и о вторичном браке с молодой девушкой; писал, что его мучает этот «его грех».

[1] В предыдущих, недатированных, письмах Файнерман упоминает о посланной Толстому статье «о науке» — «нечто вроде предисловия к серии научных книжек».

[2] «О жизни» (см. т. 26).

* 68. Н. Н. Ге (сыну).

1888 г. Сентябрь, до 29. Я. П.

Очень хорошо нам живется с вашим отцом. Я и так очень хорошо провел лето — много бодро и весело работал, а теперь доживаю с ним еще лучше. Меня всегда пугает за вас ваш ради-

кализм и теперь тоже. Полегче! Без усилия, а без спеха и без отдыха. Булыгин раза два заходил из Тулы в свою деревню [1] и обратно, рассказал мне свое положение, мы с ним посоветовались и сблизились, и вдруг пропал, верно в Твери. И ему трудно будет. Нет того человека, к[оторому] бы было легко осуществить правду в жизни, и нам всегда хочется свалить в этом вину на особенные обстоятельства, а это вздор. — Трудно, п[отому] ч[то] только безделье и нежизнь легко, а дело жизни должно быть трудно и трудно по мере нашего несовершенства. Я почти знаю это. И вам желаю. Целую вас, милый друг, и Парасю,[2] и Мих[аила] Васильевича.[3]

Л. Т.

Приписка к письму Н. Н. Ге (отца). Датируется на основании содержания письма Н. Н. Ге (отца): он сообщает сыну, что «работает усиленно печь Анисье» Копыловой, а Лев Николаевич ей «сделал хату землебитную» и «теперь хлопочет о крыше коврами» (ср. письмо Толстого к П. И. Бирюкову от 29 сентября 1888 г., т. 64, стр. 181—182).

[1] Михаил Васильевич Булыгин (1863—1943), бывший гвардейский офицер, вышедший в отставку и живший на своем хуторе Хатунка, в 16 километрах от Ясной Поляны; близкий знакомый Толстого (см. т. 50, стр. 301, прим. 612).

[2] Дочь Н. Н. Ге (сына), Прасковья Николаевна (р. 1878).

[3] М. В. Теплов. См. прим. к письму № 53.

* 69. Ф. В. Перфильеву.

1887—1888 гг.

Любезнейший Федор Васильевич,

Очень благодарен вам за присылку ваших стихов. Вы желали знать мое мнение о ваших стихах. Пожалуйста, не сердитесь на меня, но я скажу всё откровенно. Из всех мне более всех понравилось *Воспоминанье* (1-е). Оно очень хорошо и без всякого сравненья лучше всех других, а в особенности последнего, которое мне вовсе не нравится.

Вы без меня, вероятно, хорошо знаете, что стихи и поэзия суть две вещи разные. Стихи ваши очень многие местами не дурны, хотя часто вялы и жидки, т. е. имеют мало содержания, но поэтического чувства я во многих совсем не нашел. Оно есть в Воспоминанье, в Песне молодости, в другом Воспоминанье

и в «ревности». Но если оно проявляется в вас, как оно проявилось в этих пьесах, и если еще и облекается в хорошие стихи, как в 1-м воспоминании, то вы можете писать хорошо стихи; но для этого не сочиняйте стихов, а выражайте стихами то чувство, которое обхватит вас и ищет своего выражения в поэтической форме.

[1] Не сердитесь на меня. Для меня — поэзия дело важное, и я о ней говорю всегда искренно и серьезно.

Дружески жму вашу руку.

Ваш Л. Толстой.

На конверте:[2] В Нижний-Новгород. Окружной суд. Его высокоблагородию Федору Васильевичу Перфильеву.

Датируется по почерку (1880-е гг.) и содержанию: такое же письмо по мысли Толстой написал 20 декабря 1887 г. П. И. Бирюкову о стихах И. И. Горбунова-Посадова (см. т. 64, стр. 128—129).

Федор Васильевич Перфильев (р. 1850) — четвероюродный брат Толстого; судебный работник.

Письмо Перфильева, на которое отвечает Толстой, и стихи его неизвестны.

[1] Абзац редактора.

[2] Конверт без почтовых штемпелей. Возможно, что письмо было переслано с кем-нибудь или вложено в чье-либо письмо.

* 70. А. С. Пругавину.

1887—1888 гг. Москва.

Александр Степанович.

Мой хороший знакомый и очень хороший человек Фома Осипович Мас[а]рик,[1] профессор философии в Праге, желает по моему совету познакомиться с вами.[2] — Уверен, что вы понравитесь и будете полезны друг другу.

Ваш Л. Толстой.

На конверте: Александру Степановичу Пругавину. Тверская,[3] гост[иница] Англия, подле Английск[ого] клуба.

Датируется на том основании, что рекомендательная записка Масарику, очевидно, была дана Толстым в одно из первых посещений Масариком Толстого (см. прим. 1).

Александр Степанович Пругавин (1850—1921) — этнограф и исследователь старообрядчества и сектантства, знакомый Толстого с 1881 г.

[1] Томаш Гарриг Масарик (1850—1937) — профессор и политический деятель, основатель чешской либерально-буржуазной прогрессивной партии. Был у Толстого в 1887, 1888 и 1910 гг.

[2] О том, состоялось ли знакомство Масарика с Пругавиным, сведений не имеется.

[3] Улица в Москве.

* 71. Н. А. Касаткину.

1888? г. ноябрь — 1889 г. апрель. Москва.

Очень жалею, что вы не зашли. Мне очень легко было не иметь против вас никакого дурного чувства, потому что я как-то понял вполне вас и ваше душевное состояние. Пожалуйста, не нарушайте любовного общения между мною и вами и всеми людьми, насколько можете. В этом одном разрешение всего.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. На копии помета: «Списано с оригинала. Н. Г[усев]». Датируется приблизительно, временем начала знакомства Толстого с Касаткиным (конец 1880-х гг.). Слова же «жалею, что вы не зашли» указывают на пребывание Толстого в Москве (2 мая 1889 г. Толстой ушел с Е. И. Поповым из Москвы в Ясную Поляну, где и пробыл до конца года).

Николай Алексеевич Касаткин (1859—1930) — художник, знакомый Толстого с конца 1880-х гг.; с 1925 г. народный художник РСФСР.

* 72. М. А. Шмидт.

1889 г. Август. Я. П.

Я живу очень радостно. Много бог дает очень радостного со всех сторон; да и научаешься смотреть понемногу, по совету Эпиктета, на вещи так, чтобы всё обращалось в радость.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

* 73. Н. В. Давыдову.

1889 г. Октябрь, до 20. Я. П.

Маша К[узминская] [1] никак не хочет потерять ни одного дня в деревне и очень, очень благодари[т] вас, решила остаться, как ей разрешено, до 20-го.[2] Надеемся, что это не изменит вашего намерения приехать в воскресенье, — велит сказать жена и говорю я.

Любящий вас Л. Толстой.

Датируется предположительно, по почерку и на основании упоминания о дне отъезда из Ясной Поляны М. А. Кузминской, которая 20 числа уехала из Ясной Поляны в октябре 1889 г.

[1] Мария Александровна Кузминская (р. 1869), старшая дочь Кузминских, с 1891 г. замужем за И. Е. Эрдели.

[2] Н. В. Давыдов должен был ехать в Петербург и намеревался быть у А. М. Кузминского, с которым был в дружеских отношениях. Очевидно, зная, что М. А. Кузминская гостит у Толстых, он предложил ей ехать вместе с ним.

* 74. Неизвестному. *Недоставленное.*

1884—1889 гг. Я. П.

Иван Никанорович!

Если вам не нужен для переписки экземпляр сочинения Озмидова,[1] то передайте его Л. П. Никифорову.[2] Как вы поживаете? Дай бог вам всего хорошего.

Л. Толстой.

На обороте: Учителю в Ясной Поляне. Ивану Никаноровичу.

Датируется предположительно, на основании упоминания о Л. П. Никифорове, с которым Толстой познакомился в 1884 г., и по почерку.

[1] Николай Лукич Озмидов (1844—1908), знакомый Толстого, автор нескольких статей по сельскому хозяйству и нескольких компиляций по религиозно-нравственным вопросам.

[2] Лев Павлович Никифоров (1848—1917), народник, впоследствии член партии социалистов-революционеров. На письме Толстого Никифоров написал: «Записку эту не мог доставить, так как учитель поступил в солдаты. Приходил проститься, так как завтра уезжаю. Никифоров».

* 75. В. К. Истомину.

1873 г. — 1880-е гг.

Ваше письмецо, дорогой Владимир Константинович, и память об нас очень мне была приятна. Дай бог, чтобы у вас всё бы было так же хорошо, как у нас. Лучше желать нельзя. — Еще благодарю вас за обещание побывать у нас. Пожалуйста исполните это, если будет возможность, и привезите с собой Конст[антина] Ал[ександровича].[1] Он нас знать не хочет.

И так до свиданья. Дай вам бог душевного спокойствия и труда, который бы вы любили и высоко ценили. Есть ли это у вас?

Дружески жму вам руку. Наш с женою душевный привет Наталье Александровне.[2]

Ваш Л. Толстой.

Датируется предположительно, на основании упоминания о жене В. К. Истомина и по почерку.

[1] Отец В. К. Истомина.

[2] Н. А. Истомина, рожд. Реми, с 1873 г. жена В. К. Истомина.

* 76. Т. А. Кузминской.

1880-е гг.

Прости, милая Таня, что не отвечал тебе и не исполнил твоего желания во-время. Так случилось.

Вера [1] очень приятно для нас живет у нас. Моя симпатия к ней неизменна.

За то, что опоздал, посылаю не две, а 10 линеек.

Л. Толстой.

25.

Датируется предположительно по почерку.
Письмо Т. А. Кузминской, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] В. А. Кузминская.

* 77. О. Г. Грачеву.

1880-е гг.

Взыщите с порубщиков то, что стоит лес, но не подавайте в суд.

Л. Толстой.

На обороте: Московско-Курск[ой] ж. д., станция Козловка. Осипу Григорьевичу Грачеву.

Датируется по почерку.
Об адресате и о деле «порубщиков» сведений не имеется.

* 78. Н. В. Давыдову.

1890? г. Апрель, после 15. Я. П.

Николай Васильевич,

Вот прошение женщины[1] о взятии на поруки. Это не та, про которую я говорил. Странное дело. Точно такой же другой случай.

Жалко, что не видал вашего театра.

До свиданья. Л. Толстой.

Убийство тоже нечаянное, в пьяной драке.

Датируется предположительно, на основании упоминания о театре. Возможно, что речь идет о постановке «Плодов просвещения» в Туле 15 апреля 1890 г. силами любителей. Постановкой руководил Н. В. Давыдов.

[1] Об этой женщине и о судебном деле, упоминаемом в письме, сведений не имеется.

* 79. Н. В. Давыдову.

1889—1890 гг.

Дорогой Николай Васильевич.

Вот копия с решения земского нач[альника] по делу, о кот[ором] я просил Бергера [1] попросить вашего совета. Будьте так добры, научите меня написать им такое прошение, по кот[орому] можно бы было избавить их от острога. В деле есть одна неправильность — это то, что деревья срублены не в саженом лесу, а подле него, в самородном.

Нельзя ли мне на съезде заявить, как владельцу, что я желаю избавить их от уголовной ответственности. Так вот жду вашего ответа, Николай Васильевич, и дружески жму вашу руку.

Лев Толстой.

Датируется на основании упоминания о Бергере (см. прим. 1).

[1] Иван Александрович Бергер (1867—1917)—племянник И. И. Раевского; в 1889—1890 гг. служил у Толстых в качестве управляющего Ясной Поляной.

* 80. А. Н. Дунаеву.

1888—1890 гг.

Познакомьтесь с подателем сего [1] и чем можете помогите. Не может ли помочь ему сближение с богородскими друзьями?[2]

Л. Т.

На обороте: Л. Н. Толстой. Александру Никифоровичу Дунаеву. Отдел[ение] Торг[ового] банка.

Датируется на основании упоминания о «богородских друзьях» — (см. прим. 2).

Александр Никифорович Дунаев (1850—1920) — один из директоров Московского торгового банка, близкий знакомый Толстого (с 1887 г.).

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

[2] Имеется в виду Ф. А. Желтов (см. прим. к письму № 65) и его друзья единоверцы. Наиболее близкие отношения у Толстого с Желтовым сложились в 1888—1890 гг.

* 81. А. Н. Маклакову.

1890 г., вторая половина.

Уважаемый Алексей Николаевич,

Мой друг Ив. Ив. Горбунов страдает глазами. Помогите ему, чем можете. Очень буду вам благодарен за ваше к нему внимание.

Уважающий вас

Лев Толстой.

Датируется по содержанию. О болезни глаз И. И. Горбунова-Посадова упоминается в письме к нему от 30 июня 1890 г. (см. т. 65, стр. 119).

Алексей Николаевич Маклаков (1838—1895) — врач-окулист, профессор Московского университета.

* 82. В. Ф. Орлову.

1891 г. Сентябрь, начало. Я. П.

Очень рад был письму от вас, дорогой Владимир Федорович, и тому, что вам живется хорошо.

Передайте мой привет вашей жене и детям. Очень жаль, что Костя поступил в гимназию [1] — страшно, но видно так надо. —

Боюсь, что не сказал Ан. Ив.[2] того, что он хотел слышать: сказал, что думаю, — может быть, летом заедет. Буду очень рад.

Мы живем по-старому, скорее дурно, чем хорошо. Я очень занят — пишу, иногда кажется, что нужно то, что пишу, а иногда, что пустое. И когда кажется, что пустое, то лучше.

Спасибо за письмо.

Искренно любящий вас

Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Датируется на основании ответного письма В. Ф. Орлова от 23 сентября 1891 г. (почт. штемпель).

Владимир Федорович Орлов (1843—1898) — учитель, знакомый Толстого с 1889 г.

Письмо Орлова, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] Сын В. Ф. Орлова. По поводу поступления его в гимназию Орлов писал в ответном письме, что оно связано с его «уходом от Сибирякова», у которого он жил в качестве учителя и в школе которого учился и его сын.

[2] Кого здесь имеет в виду Толстой, не установлено.

* 83. Н. В. Давыдову.

1890 г.—1891 г., октябрь, до 26. Я. П.

Дорогой Николай Васильевич.

Податель сего, Сергей Полянский, [1] уволенный из 3-го класса семинарии за то, что он попался выпивши инспектору, пришел ко мне, прося помочь, посоветовать ему. Редко мне кто так нравился: наивное, простое и, как кажется, неглупое существо. Я ему советовал в учителя. Но просить мне прямо директора школ — как бы не повредить. Не можете ли вы попросить, или нельзя ли ему достать место через Писарева [2] и Раевского.[3] Я бы написал Раевскому, [4] да боюсь, он уехал. Если же ничего этого нельзя, то не поможете ли ему найти место хоть писца. Малый-то очень хорош. Простите, что надоедаю вам. Если нельзя, то нельзя, я попробую через Зиновьева [5] найти ему что-нибудь.

Жена была нынче в Туле и хотела быть у вас, но не успела.

Ваш Л. Толстой.

Датируется предположительно временем наиболее близких отношений Толстого с Писаревым, Раевским, Зиновьевым и днем смерти Раевского (о них см. ниже).

[1] О нем сведений не имеется.

[2] Рафаил Алексеевич Писарев (1850—1906), тульский помещик, земский деятель.

[3] Иван Иванович Раевский (1835 — 26 ноября 1891), помещик Тульской и Рязанской губ., близкий знакомый Толстого. См. статью Толстого «Памяти Ив. Ив. Раевского», т. 29.

[4] *В подлиннике:* Раевского.

[5] Николай Алексеевич Зиновьев (1839—1917), в 1887—1893 гг. тульский губернатор.

* 84. Н. В. Давыдову.

1889—1891 гг.

Очень рад узнать, что вы так горячо беретесь за это дело, тоже и мне очень интересное и важное.[1]

Чтобы узнать и увидеть пострадавшее лицо, надо поехать на Грязевскую ул[ицу], ниже Воздвиженской,[2] на левой руке, против фонаря маленький домик, в два окна, Сошиной. Там теперь Ал[ексей] Митр[офанович] Новиков;[3] если же его нет, то там его мать Марья Алексеевна, родственница пострадавшего, кот[орая] сейчас за ним пошлет и приведет его.

Любящий вас Л. Толстой.

На конверте: Николаю Васильевичу Давыдову.

Датируется на основании упоминания о А. М. Новикове (см. прим. 3).

[1] Об этом деле сведений не имеется.

[2] Улицы в Туле.

[3] Алексей Митрофанович Новиков (1865—1927), в 1889—1891 гг. домашний учитель сыновей Толстого; студент, позднее врач, профессор.

* 85. Н. Я. Гроту.

1891 г.

Простите, пожалуйста, дорогой Николай Яковлевич, за то, что на черновой первой гранке сделал отметки. Остальные я старался написать так, чтобы не затруднить вас.

Я во всяком случае зайду к вам и если вы найдете более удобным читать правленные, то снесу в типографию.[1]

Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

[1] В 1891 г. Н. Я. Грот напечатал в «Вопросах философии и психологии» статью Толстого «О голоде» и начал печатать «Первую ступень» (см. т. 29).

* 86. К. Т. Солдатенкову.

1880-е гг., конец — 1890-е гг. начало.

Очень жалею, что вы не зашли. Мне очень легко было не иметь против вас никакого дурного чувства, потому что я как-то понял вполне вас и ваше душевное состояние. Пожалуйста, не нарушайте любовного общения между мною и вами и всеми людьми, насколько можете. В этом одном разрешение всего.

Любящий вас Л. Толстой.

Датируется предположительно, по почерку.

Кузьма Терентьевич Солдатенков (1818—1901) — богатый московский купец, собиратель картинной галереи и издатель. Был знаком с Толстым с середины 1880-х гг.

* 87. Ю. С. Нечаеву-Мальцеву.

1890-е гг., начало.

Милостивый Государь Юрий Степанович.

Крестьянин Кузнецов[1] пришел просить меня научить его, как и куда ему подать прошение, чтобы избавиться от грозящего ему разорения вследствие иска с него 2800 рублей за сгоревший в Вашем имении по его неосторожности лес. Я посоветовал ему вместо того, чтобы подавать прошение, обратиться к Вам с просьбой простить его за его неосторожность, за которую он понес наказание, и не взыскивать с него присужденных вам денег.

Я посоветовал это ему потому, что вполне уверен, что дело это возникло в Вашей конторе без ведома Вашего и что Вы при Вашем добром сердце не захотите разорить целое семейство только за неосторожность одного из членов его.

В надежде на то, что Вы исполните его просьбу, я позволяю утруждать Вас этим письмом.

Печатается по машинописной копии. Датируется предположительно. Возможно, что оно написано во время пребывания Толстого на голоде в Рязанской губ.

Юрий Степанович Нечаев-Мальцев — богатый помещик Рязанской губ.

[1] О Кузнецове сведений не имеется.

* 88. А. Н. Дунаеву.

1892 г. Апрель, около 20. Бегичевка.

Дорогой Александр Никифорович,

В том месте в конце 8-й главы,[1] где написано: «вы говорите, что если я не исполню ваших требований, то мне будет худо», надо продолжить так: «но то худое, которым вы пугаете меня, не может быть мне страшно, п[отому] ч[то] хуже того, что вы требуете от меня, ничего не может быть для меня, какой бы я ни был человек. Если я то, что вы же называете — подлец, т. е. человек руководящийся одними животными побуждениями, то неприятнее, унизительнее того положения солдата, в котором я обязан беспрекословно повиноваться всякому человеку, высшему меня чином, и страшнее того положения, в к[отором] я всякую минуту могу быть послан на верную смерть, ничего не может быть; если же я то, что вы называете — честный человек, т. е. руковожусь в своей жизни нравственным чувством, то постыднее и ужаснее того положения, в которое вы хотите поставить меня, человека, обещающегося убивать по первому требованию не только чужих людей, но и самых близких, тоже ничего не может быть. То, чего вы от меня требуете, во всяком случае — подлый я или честный, злой или добрый человек, — гораздо хуже того, чем вы меня пугаете. И потому никакая угроза не может заставить меня повиноваться вам.

Но мало того, и власти-то вы никакой не имеете. Вся власть ваша происходит от обмана, оттого, что мы сами угнетаем себя. Стоит нам очнуться, и власти вашей никакой не будет».

За этим, кажется, следует о том, что во всяком случае дурного из того, что люди будут следовать закону любви, выйти не может.

Я выписал всё место для того, чтобы, если неудобно вставить, заменить всё место этим.

Целую вас и Евг[ения] Ив[ановича].[2]

Л. Т.

Датируется на основании ответного письма А. Н. Дунаева (см. ниже.)

[1] Речь идет о трактате «Царство божие внутри вас». В печатный текст это место не попало. Гл. VIII, повидимому, переделывалась и позднее.

[2] Е. И. Попов.

В ответном письме от 23 апреля 1892 г. Дунаев писал: «Присланный Вами листок для вписки в 8 гл. не застал Евгения Ивановича в Москве, и я, переписав его, переписанное послал ему в Россошу, присланное же Вами убрал у себя».

* 89. И. Б. Файнерману.

1892 г. Август. Я. П.

Только что написал письмо А. М.,[1] как получил ваше о том же предмете, о котором я пишу, и выраженное почти в тех же словах.

С одним я не согласен: почему вы столярничаете из жалости, а не за деньги. Вы не имеете права свою работу отдавать из жалости до тех пор, пока есть нехватка. Вы жалеете свою жену и работаете на нее и себя; и только тогда, когда тут нужды не будет и будет излишек, вы можете отдавать из жалости другим.

Я думаю так, сам я не знаю, потому что никогда не находился в таком положении, чтобы надо было кормить жену, детей и себя. Мне кажется, должно быть одно из двух: или мне всё равно, что я ем и пью и что ест и пьет моя жена и дети, и тогда я могу отдаваться той жалости, которую испытываю без всяких соображений; или же я жалею себя и избранных людей более других, тогда мне так и надо себя понимать и тогда я не могу отдаваться всякой встречающейся жалости, а вся...[2]

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено. Письмо такого же содержания неизвестно. Возможно, что под инициалами разумеется М. В. Алехин (А[лехин] М[итрофан]) или же А. М. Бодянский—(А[лександр] М[ихайлович]). Среди писем известно письмо к М. В. Алехину от 4 августа 1892 г. (см. т. 66, стр. 241—242); письма к А. М. Бодянскому за это время нет.

[2] Так в копии.

* 90. М. Л. Толстой.

1892 г. Сентябрь? Я. П.

Очень много писал и нужно завтра. Перерезанное не спутай.

Написано на обороте л. 25 рук. № 290 (папка 114), гл. XII трактата «Царство божие внутри вас», переписанной рукой М. Л. Толстой.

Мария Львовна Толстая (1871—1906) — вторая дочь Толстого, в замужестве (с 1897 г.) Оболенская.

Обращаясь к Марии Львовне, Толстой просит переписать рукопись вновь.

* 91. Н. В. Давыдову.

1880—1892 гг.

Уважаемый Николай Васильевич.

Письмо это вам передаст крестьянин Люлин из деревни Змиево, хлопочущий о своем, приговоренном уже к каторжной работе, сыне — Михаиле. Он утверждает, что теперь ночные сторожа показывают, что видели настоящих убийц и что сын его невинен. Я знаю, что письмо мое совершенно излишне, если вы знаете то, что я сообщаю со слов крестьянина, но пишу п[отому], ч[то] он меня просит. Если это один из тех редких люсьорковских [?] случаев и можно воротить еще не сосланного, то вы, наверно, всё сделаете, что можно. Хотя одинаково безумно, по-моему, наказывать и тех, к[оторые] убили, как и того, кто не убил, при новом суде есть вероятие, что осудят слабее, т. е. преступление суда будет меньше.

Дружески жму вам руку.

Любящий вас Л. Толстой.

На обороте: Николаю Васильевичу Давыдову, прокурору, от Л. Н. Толстого.

Датируется по почерку и на основании упоминания о Н. В. Давыдове как прокуроре. Давыдов был прокурором в Туле в 1878—1892 гг.

О деле крестьянина Люлина сведений не имеется.

* 92. Ю. Пригорскому.

1892? г.

Признать всё существующее разумным — то же, что всякую линию признать прямою... Как смысл чертежника приближаться всё к более прямой линии, так и смысл жизни христиани-

на приближаться всё к большему и большему совершенству отца, т. е. бога-отца... Как прекрасно сказал Шиллер: «Истинно только то, что никогда еще не случилось»... Признать всё существующее разумным — это значит сделать над собой нравственное самоубийство. Сохрани вас от этого бог. Я знаю, что глубокие страдания привели вас к такому выводу, но я надеюсь, что вы стряхнете с себя это заблуждение. Да поможет вам бог.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

Об адресате сведений не имеется. Письмо его, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

* 93. Дэниэлю Оффорду (Daniel Offord).

1893 г. Марта 15. Москва.

Dear friend,

I can not tell you how sorry Jam, not for the death of our dear and honored friend Ewans,[1] but for you and for all those who loved him and were fortified by his spirit. I am one of them. I am very touched also by his kind remembrame of me. I loved him very much. Two days ago I wrote a line on my card to introduce to him one of my friends Professor Yanschul,[2] who is going to America and promised me to visit your place. I hope you will be kind to him and to his wife.[3]

Please, give my love to all your brothers and sisters, who have any idea of my existance.

Yours truly

Leo Tolstoy.

Дорогой друг,

Не могу сказать, как я огорчен, не смертью вашего дорогого и уважаемого друга Эванса,[1] но за вас и за всех тех, кто любил его и черпал силу в его духе. Я — один из них. Я очень тронут также его доброй памятью обо мне. Я очень любил его. Два дня назад я написал несколько слов на моей карточке, чтобы рекомендовать ему одного из моих друзей — профессора Янжула, [2] который едет в Америку и обещал мне посетить ваши места. Надеюсь, вы будете добры к нему и к его жене.[3]

Пожалуйста, передайте мою любовь всем тем вашим братьям и сестрам, которые имеют представление о моем существовании.

Искренне ваш

Лев Толстой.

Датируется на основании упоминания о И. И. Янжуле (см. прим. 2).

Дэниэль Оффорд (Daniel Offord) — американский сектант-шекер. Его письмо с извещением о смерти Ф. Эванса не сохранилось.

[1] Фредерик Эванс (Frederic W. Ewans, 1808—1893), американец, сектант-шекер, проповедник. Толстой 12 марта 1893 г. написал рекомендательное письмо для И. И. Янжула в числе других и к Ф. Эвансу (см. комментарий к письму Толстого к В. Гаррисону от 12 марта 1893 г., т. 66, стр. 306—307).

[2] Иван Иванович Янжул (1846—1915), профессор Московского университета по кафедре финансового права. 20 марта 1893 г. Янжул выехал в Америку на всемирный конгресс при Международной выставке в Чикаго (см. письмо Толстого к И. И. Янжулу от 30 апреля 1893 г., т. 66, стр. 313—314).

[3] Екатерина Николаевна Янжул, автор воспоминаний «Встречи с Толстым» («Международный Толстовский альманах», М. 1909, стр. 426—431).

* 94. Рекомендательная записка. *Черновая.*

1893 г., до июля.

Податель этого мой хороший знакомый и даровитый живописец Касаткин едет в Берлин.[1]

Датируется по содержанию. Н. А. Касаткин уехал за границу в июле 1893 г.

[1] На этом записка обрывается.

* 95. И. Б. Файнерману.

1893 г. *Июнь—июль? Я. П.*

Дорогой Исаак Борисович,

Посылаю вам и рукопись Мельниковой [1] и Грисбаха.[2] На что вам он? Мне кажется, что вами уже давно пережито время толкования текстов. Радуюсь слышать, что вы пережили и период увлечения общинами. Не скажу, чтобы я не сочувствовал этому стремлению. Разве можно не сочувствовать стремлениям к установлению наихристианнейшей формы жизни, но страшно класть высшие духовные силы, данные на внутреннее установление царства божия, на внешнюю форму, на осуществление того, чего я хочу, а чего Он может быть не хочет еще. Мы все так сцеплены, что нельзя спастись одному, нельзя и вдесятером, нельзя и на-

родам, нельзя и 500 миллионам, а непременно надо всем без исключения, даже с животными, как Ной в ковчеге. И потому дорого не то, чтобы была та или другая внешняя форма жизни, а то, чтобы содействовать этому общему спасению, т. е. общему установлению царства божия. И тут общины, устройство их, получают свойственное им место: они одно из средств установления этого царства божия, но не более, — так же, как такое средство: вегетарьянство, распространение хороших книг, пример воздержной жизни, обличение, кроткое обличение зла и тысячи других. Так ли и вы думаете? Мне очень нравится ваш образ жизни в Полтаве [3] и мне кажется, что я бы удовлетворился такой жизнью навсегда. Разумеется, я не вижу, не чувствую ее тяжелых сторон, но меня прельщает ее свобода, суровость и чистота. А для скольких людей вы были пристанью и физическ[ой] и нравственной.

Есть Архангельский,[4] он живет, как вы, с женой ремесленными трудами в Бронницах: он заливает резиновые вещи и часы чинит. Хохлов Петр [5] поехал к нему жить. И, кажется, им хорошо. Мне кажется, такие центры, как вы, Ге,[6] Булыгин,[7] Буткевич,[8] Арханг[ельский], очень важны, и, не думая об этом, делают много добра настоящего — нравственного, т. е. духовного добра.

Яснополянских ребят я потерял из вида; знаю только, что Петр швейцаром в суде в Петербурге, Никита [9] же очень осолдатился, и я мало общался с ним.

Передайте Анне Львовне [10] мой привет. Радуюсь тому, что дети вас радуют.

Мне так же, еще страннее, чем вам, воспоминание о переходе в православие,[11] в к[отором] я участвовал советом, но как всё прошедшее не мучает меня, а удивляет. Как мог я не видеть всего греха этого дела.

Ну, прощайте. Любите меня, как и я вас.

Л. Толстой.

Датируется по содержанию (см. письмо к И. Б. Файнерману от 31 мая 1893 г., т. 66, стр. 346).

[1] См. прим. к письму Толстого к И. Б. Файнерману от 31 мая 1893 г., т. 66, стр. 346.

[2] Имеется в виду книга И. Я. Грисбаха «Commentarius criticus in textum Novum Testamentum», Halle 1798—1811 («Критические комментарии к текстам Нового Завета»).

[3] В своих письмах из Полтавы, недатированных, Файнерман писал, что занимается исключительно физической «черной» работой, работая по найму.

[4] Александр Иванович Архангельский (1857—1906). О нем см. т. 50, стр. 274.

[5] Петр Галактионович Хохлов (1867—1896), студент Московского высшего технического училища, вышедший под влиянием взглядов Толстого из училища. См. о нем т. 64, стр. 312.

[6] Н. Н. Ге, сын художника Н. Н. Ге.

[7] Михаил Васильевич Булыгин.

[8] Анатолий Степанович Буткевич (1869—1942), пчеловод, участник нескольких земледельческих общин.

[9] Петр Егоров и Никита Минаев, молодые яснополянские крестьяне, с которыми Файнерман сдружился во время своего пребывания в Ясной Поляне.

[10] Анна Львовна Любарская, вторая жена Файнермана.

[11] В 1885 г. Файнерман перешел из иудейства в православие, совершив крещение, с целью поступить учителем в сельскую школу.

* 96. Е. И. Попову.

1893 г. Октября 23. Я. П.

Дорогой Евг. Ив., посылаю вам поправленное заключение.[1] Оно так плохо — вяло, старо, холодно, что не сто́ит [2] распространения. Я пропустил то, что было в № 15 ок[тября].[3] Я всё пишу о религии. Кажется, кончил.[4] Немец[5] пишет, благодарит и просит прислать. Я пошлю Бер.[6] Я очень рад, что вы в Посреднике. Только жалею о ручном земледелии. Впрочем, ваша жизнь велика.

Нынче от нас уехала М[арья] А[лександровна],[7] а приехал Леонтьев.[8] Оба лучше.

От Хохлова я получил письмо и сейчас прошу бога, чтоб он помог мне ответить ему как должно и больше на пользу его души.[9]

Прощайте, целую вас.

Лаодзи дальше 40-й главы еще не пошел.[10]

Маша [11] просит сказать, что г-же Бер она сама напишет.

Писали ли вы?

Подлинник письма хранится у Н. П. Пузина.

Написано внизу и на обороте последнего листа «Заключения к последнему отчету о помощи голодающим», переписанного рукой Е. И. Попова и исправленного Толстым. Под отчетом дата Попова: «3 октября 1893 г.».

Толстой по исправлении рукописи отчета исправил и дату на «23 октября 1893 г.».

Евгений Иванович Попов (1864—1938) — один из друзей Толстого, сотрудник «Посредника», автор нескольких брошюр о «ручном земледелии».

[1] Текст «Заключения к последнему отчету о помощи голодающим», посланный Толстым Е. И. Попову 23 октября, соответствует рукописи, следующей за описанной в т. 29 настоящего издания под № 5 (см. т. 29, стр. 416). Рукопись эта во время печатания т. 29 не была известна и поэтому в описание не попала.

[2] Ударение Толстого.

[3] *Далее Толстым начато вторично и не зачеркнуто:* что было в

[4] Имеется в виду статья «Религия и нравственность», написанная в ответ на письмо профессора философии Берлинского университета Георга фон Гижицкого и оконченная 28 октября 1893 г. (см. т. 39).

[5] Г. фон Гижицкий (см. т. 66, стр. 401—402).

[6] Софья Юльевна Бер, переводчица на немецкий язык. В ее переводе статья «Религия и нравственность» была напечатана в журнале «Ethische Kultur» («Этическая культура») 1899, №№ 52 и 53, и 1894, №№ 1—3.

[7] М. А. Шмидт.

[8] Борис Николаевич Леонтьев (1866—1909), бывший воспитанник Пажеского корпуса, близкий по взглядам Толстому. В 1891—1892 гг. участвовал вместе с Толстым в оказании помощи голодающим.

[9] Петр Галактионович Хохлов. Упоминаемое его письмо к Толстому неизвестно. Неизвестно также, был ли послан Толстым ответ ему.

[10] Толстой, совместно с Е. И. Поповым, переводил Лао-Тсе, с немецкого перевода В. фон Штрауса «Lao-Tse. Tao-te-King», Лейпциг 1870.

[11] М. Л. Толстая. Ее письмо к С. Ю. Бер неизвестно.

* 97. С. И. Рощину.

1892—1893 гг.

Я часто встречал между безграмотными рабочими-землекопами, которым приходится вычислять кубические меры, распространенное убеждение, что математическое вычисление обманчиво и что не надо доверять ему. Оттого ли, что они не знают математики, или оттого, что люди, математически вычислявшие за них, часто умышленно и неумышленно обманывали их, но мнение о недостоверности и негодности для определения мер математики установилось между безграмотными рабочими и сделалось для большинства несомненной истиной, которую они даже не считают нужным доказывать.

Такое же мнение установилось между людьми, — смело скажу, — нерелигиозными, мнение о том, что разум не может решать вопросы религиозные, что приложение разума к этим вопросам есть главная причина заблуждений, что решение этих вопросов разумом есть преступная гордость.

Удивительная вещь! Человеку дано прямо от бога только одно орудие познания себя и своего отношения к миру, — другого нет, — и орудие это разум; и вдруг ему говорят, что разум он может употреблять на уяснение своих домашних, семейных, хозяйственных, общественных, научных, художественных вопросов, но только не на уяснение того, для чего он дан ему; что для уяснения самых важных истин, тех, от познания которых зависит вся жизнь его, — человек никак не должен употреблять разум, а должен познавать эти истины помимо разума, тогда как помимо разума человек ничего познать не может.

Сказать, что человек не должен руководиться разумом, это всё равно, что человеку в темном подземелье, несущему лампочку, сказать, что для того, чтобы ему выбраться из подземелья и найти путь, надо потушить лампочку и руководиться не светом, а чем-то другим. Но, может быть, скажут, как и вы говорите в своем письме, что не все люди одарены большим умом и особенной способностью выражать свои мысли, и поэтому неумелое выражение своих мыслей о коренных истинах жизни может повести к заблуждению?

На это отвечу, что особенный ум и дарования нужны бывают не для названия и изложения истины, а для придумывания и для изложения лжи...

Раз отступив от указаний разума, не поверив ему, а поверив на слово тому, что выдается за истину, люди нагромождают и принимают на веру такие сложные, неестественные и противоречивые положения, что для того, чтобы изложить их и связать с жизнью, нужна действительно большая тонкость ума и особенное дарование.

Только стоит представить себе человека нашего мира, воспитанного в привычном кругу понятий, который захочет уяснить себе основы, привитые ему с детства, и захочет связать их с жизнью, — какую сложную умственную работу он должен проделать, чтобы примирить все противоречия, находящиеся в привитом ему воспитанием миропонимании и какую еще более

сложную и гибкую работу нужно проделать ему для того, чтобы уметь скрыть от себя все эти противоречия.

Вот для этого нужно много ума и нужны особенные дарования. Но для того, чтобы уяснить себе закон своей жизни, понять ее смысл, — не нужно никаких особенных умственных дарований, нужно только не допускать ничего противного разуму, не отрицать разума, а религиозно беречь его и верить только ему.

Если смысл жизни человека представляется ему неясным, то это доказывает не то, что разум не годится для уяснения этого смысла, а только то, что допущено на веру слишком много неразумного и надо откинуть всё то, что не подтверждается разумом.

Закон, которому должен следовать человек, так прост и ясен, что он доступен каждому ребенку, тем более, что человеку не приходится самому вновь открывать закон своей жизни. Люди, прежде него жившие, открыли и выразили его, и человеку нужно только проверить его своим разумом, принять или не принять те положения, которые он находит уже выраженными.

Нужно помнить еще, что познание истины никогда не бывало и не будет полное, а постоянно увеличивается по мере движения жизни человечества: чем дольше мы живем, тем яснее и полнее мы познаем волю бога и, следовательно, и то, что мы должны делать для исполнения ее.

И потому я думаю, что уяснение каждым человеком, каким бы он сам и его ни считали маленьким (маленькие-то и бывают большими), всей той религиозной истины, которая доступна ему, и выражение ее словами, — есть одна из самых главных и священных обязанностей каждого человека.

Очень рад буду, если мой ответ хотя отчасти удовлетворит вас.

Лев Толстой.

Печатается по машинописной копии. Датируется приблизительно: в 1892—1893 гг. Толстым было написано несколько писем Рощину, текст которых остался неизвестен (см. т. 66, «Список писем, текст которых неизвестен», №№ 114 и 134, стр. 462—463).

Сергей Иванович Рощин (р. 1864) — уроженец г. Выксы, Нижегородской губ., в то время разделявший некоторые взгляды Толстого; участник нескольких земледельческих колоний.

Письмо Рощина, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

* 98. Н. Я. Гроту.

1893 г.

Очень рад был получить от вас весточку, Николай Яковлевич, и главное потому, что вы продолжаете так же энергично работать всё в том же направлении.

Я не могу ни одобрять, ни не одобрять тот метод, который вы намерены употребить для доказательства вашего тезиса, потому что я невольно сам был приведен к этому самому приему против извращения понятия жизни; да это и всегда был один и тот же прием всех людей, серьезно мыслящих.

Истина с самых древних времен очищается кирпичом, как самовары. Она светла, но чтобы быть еще светлее, ее, должно быть, надо сначала запачкать кирпичом, и после этой операции она делается светлее. Истина доступна детям и скрыта от мудрствующих, т. е. сами мудрствующие замазывают ее. Но мудрствующие наносят на нее кирпич, и им надо потереть ее. Теперь же наши матерьялисты наносили такого чудесного кирпича, что из-под него она должна выйти особенно ясна. Желаю вам как можно успешнее сделать эту операцию, и вы можете ее сделать, потому что знаете, каким должен быть самовар. Одно только — не жалейте кирпича и счищайте весь дотла.

Я с тех пор как расстался с вами, не переставал работать над своим писанием [1] и не могу оторваться. Очень, очень буду рад вас видеть. Мои кланяются вам, и я вашей жене.[2]

Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

[1] Имеется в виду «Царство божие внутри вас» (см. т. 28).
[2] Наталия Николаевна Грот, рожд. Лавровская.

* 99. В. П. Потемкину.

1895 г. Февраля 3. Москва.

По вечерам я всегда бываю дома.

Лев Толстой.

На обороте: Москва, Б. Никитская, д. Черневых, кв. 27, студенту Потемкину.

Датируется на основании почтового штемпеля.

Владимир Петрович Потемкин (1877—1946) — после Великой Октябрьской революции видный государственный деятель, в 1940—1946 гг. народный комиссар просвещения РСФСР.

1 февраля 1895 г., будучи студентом Московского университета, обратился к Толстому с письмом, прося его разрешить зайти, чтобы рассказать один случай из практики его отца — врача.

Аналогичного содержания письмо Толстого опубликовано в т. 68, стр. 28, с датой 2—3? февраля 1895 г.

* 100. Н. Н. Ге (сыну).

1895 г. Июня 8. Я. П.

Получил ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и, несмотря на то, что не согласен с его содержанием, очень был рад ему. Почему вы говорите, что наши хорошие, добрые отношения уничтожились? Я не признаю этого. И как сам ни на иоту не изменился к вам, так и не допускаю того, чтобы вы изменились ко мне. И то, что вы считаете причиной этого мнимого изменения отношений, тоже не признаю. Никогда не судил, т. е. не осуждал, не обвинял вас. Знал, что вы стали в очень тяжелое положение относительно своих семейных, и только жалел вас и не помышлял осуждать. Если же вы усматриваете осуждение в моем высказанном мнении о ваших отношениях к брату, [1] то я только сказал, что письмо ваше к нему было недоброе. Да что за осуждения и осуждения за осуждения? К чему это? Ни вам, ни мне, ни, главное, тому строю мыслей и чувств, которыми мы жили и не можем перестать жить с вами, это не пристало. У меня со времени смерти моего дорогого друга, вашего отца, не переставая кругом меня умирают; и так ясно, что близок и мой черед, что ни о чем, кроме как о том, о чем можно думать умирая, именно любви к людям и людей к себе, не могу думать. А из всех любимых мною людей вы один из самых близких, как вы ни старались удалиться.

Письмо ваше было мне очень радостно, п[отому] ч[то] оно показало, что вы скорее хотите сблизиться, чем удалиться.

Мы третьего дня только вернулись в Ясн[ую] Поляну, а то всё были в Москве, где я был болен. Теперь я выздоровел. С[офья] А[ндреевна] очень горюет о смерти Ван[ечки]. [2] Я рад все-таки, что она решилась никуда не ехать, а вернулась в Ясную.

Сережа женится на Рачинской. [3] Девочки с нами попрежнему. И попрежнему мы дружны. Лева в Финляндии лечится. Пишите про себя. Что вы делаете и намереваетесь делать. Передайте мой привет Зое Григ[орьевне]. Целую вас.

Л. Толстой.

8 июня 1895.

У Булыгина еще не был, но кажется, что у него всё по-старому и хорошо.

На конверте: Николаев. [4] Николаю Николаевичу Ге.

[1] В письмах за первую половину 1895 г. Н. Н. Ге неоднократно писал Толстому о своих столкновениях с братом, Петром Николаевичем Ге (1859—1922), в связи с вступлением в права наследства после смерти отца. Письмо Н. Н. Ге к П. Н. Ге, упоминаемое Толстым, неизвестно.

[2] 23 февраля умер младший сын Толстого Ванечка (р. 1888).

[3] С. Л. Толстой 10 июля 1895 г. обвенчался с Марией Константиновной Рачинской (ум. 1900).

[4] Далее вписано неизвестной рукой: Херсонской губ.

* 101. Н. В. Давыдову.

1895 г. Август, начало Я. П.

Может быть, вы и попеняете на меня, дорогой Николай Васильевич, за то, что навязываю неприятное дело, но рискую: может быть, вы и в состоянии будете помочь этому человеку. Это молодой человек, живший в Петербурге литературным трудом. Его выслали административно в Тулу. Ему жить нечем. Нельзя ли ему дать работу — переписку. [1] Простите, пожалуйста.

Ваш Л. Толстой.

Молодой человек мне нравится. Вот всё, что я о нем могу сказать.

Датируется на основании ответного письма Н. В. Давыдова от 14 августа 1895 г. Давыдов, как это видно из его письма, в то время жил в деревне под Тулой, и письмо ему было «переслано», очевидно, через несколько дней по получении.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

В ответном письме Давыдов писал, что он в Туле будет в первых числах сентября и что если «тогда будет не поздно и молодой человек явится» к нему, то он «сделает, что может».

* 102. К. А. Михайлову.

1895 г., лето. Я. П.

Дорогой Константин Анемподистович.

Записку эту вам передаст Ив. Ив. Бочкарев, [1] наш друг. Если что можно ему дать, что есть, то дайте.

Целую вас братски.

Л. Толстой.

На обороте: Кон. Анемпод. Михайлову.

Датируется на основании упоминания о И. И. Бочкареве (см. прим. 1).

Константин Анемподистович Михайлов (1863—1931) — художник, сочувствовавший взглядам Толстого.

[1] Иван Иванович Бочкарев (1842—1915), революционер-шестидесятник; служил в тверском земстве. В 1895 г. жил в Овсянникове, близ Ясной Поляны, и познакомился с Толстым.

* 103. Ф. А. Страхову.

1890-е гг., середина.

Федор Алексеевич,

Записочку эту передаст вам Софья Ивановна Белобородова. [1] Она содержит в Туле библиотеку и хочет пополнить свой каталог. Помогите ей вашим советом.

Л. Толстой.

Датируется предположительно, по почерку и временем сближения Толстого с Ф. А. Страховым.

Федор Алексеевич Страхов (1861—1923) — по образованию юрист; автор ряда философских книг, близких к мировоззрению Толстого. С Толстым познакомился в начале 1890-х гг.

[1] Жена тульского нотариуса Я. Ф. Белобородова, ведшего в 1892 г. дела по разделу имущества Л. Н. Толстого. Библиотека С. И. Белобородовой находилась на Киевской улице.

* 104. Н. В. Давыдову.

1896? г. Февраль, начало. Я. П.

Будьте добры, дорогой Николай Васильевич, научите этих крестьян, что и как им делать. Они люди очень хорошие, и очень бы хотелось им помочь, но я ничего тут не понимаю: дело ка-

сается судебн[ой] палаты, вот и прошу, очень прошу вас. — Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

Датируется предположительно, на основании, повидимому, ответного письма Давыдова от 12 февраля 1896 г.

Давыдов писал: «Пока я, кажется, сделал всё, что нужно для крестьян с. Пирогова, написав им необходимое для подачи в судебную палату объяснение. Месяца через два дело их, вероятно, решится палатою, и, надо думать, в их пользу». Возможно, что об этом деле и упоминает в письме Толстой.

Содержание дела из письма Давыдова определить нельзя.

* 105. А. М. Кузминскому.

1896 г. Июль, после 4. Я. П.

Семь бед — один ответ, раз уж я прошу тебя за знакомого Черткова [1] и мне неизвестного человека, попрошу и за своего знакомого, киевского молодого и очень хорошего человека находящегося с семьей — женой и двумя детьми — в очень бедственном положении, вследствие отсутствия работы. [2] Молодой человек этот был в революционной организации, где его женили, и из которой он по своим очень определенным христианским убеждениям вышел и к которой относится с отвращением. Он способный и хорошо грамотный человек; жена его курсистка. Работа, которой они ищут и которой кормились до сих пор, это литографирование, переписка лекций, уроки, свер[с]тывание брошюр и т. п. Он выучился массажу и был одно время кандидатом в помощники библиотекаря. Так вот, нельзя ли через твои связи дать ему какую-нибудь работу, кот[орая] могла бы кормить его с семьею. Человек он приятный в обращении и работник хороший. Теперь он здесь, но жена его в Киеве: Больш. Дорогожитская ул., д. [3] № 14, Александра Иларионовна Злинченко.

Если можно, то сделай это и не сердись на меня, пожалуйста, а прости.

Датируется по содержанию (см. прим. 1 и 2).

[1] Толстой просил Кузминского об устройстве на работу в Киеве бывшего учителя И. Т. Харкевича, знакомого В. Г. Черткова (см. письмо к А. М. Кузминскому от 4 июля 1896 г., т. 69, стр. 116—117).

[2] Речь идет о Кирилле Павловиче Злинченко (р. 1870), в то время сочувствовавшем взглядам Толстого, и его жене Александре Илларионовне, рожд. Людоговской (1855—1919). С такой же просьбой о Злинченко Толстой, не получив ответа от Кузминского, обратился к его жене, Т. А. Кузминской (см. письмо к ней от 1—4 августа 1896 г., т. 69, стр. 120—121; там же в комментариях см. о Злинченко).

[3] Далее было оставлено пустое место и затем адрес был вписан карандашом.

* 106. Н. Н. Ге (сыну).

1896 г. Октября 19. Я. П.

Очень вы меня порадовали своим письмом, дорогой друг Колечка. Наши отношения с вами дошли до той радостной степени духовного сближения, при кот[орой] не может быть ни разрыва, ни охлаждения. Если бы жить 20 лет и не видаться, то и тогда мы бы встретились, как вчера виделись. Есть известная глубина, на к[оторой] сближение совершается неразрывное. Оттого меня до слез умилило ваше письмо.

Я недавно слышал про вас от Юшко [1] и Щербакова, [2] которые поселились на Кавказе на Лысой Горе и вас ожидают к себе. Я порадовался за них и за вас, п[отому] ч[то] они очень мне понравились. Я думаю, что с ними можно жить. Община, как община, неосуществима, не дает, чего обещает, — да вы всё знаете, мы не раз говорили с вами про это. Так это, когда судишь об общине. Но когда вопрос ставится так: мне надо как-нибудь начать жить. Есть люди, кот[орые] зовут меня жить с ними на условиях самых хороших. Отчего же мне не пойти к ним? Если бы так для меня стоял вопрос — может быть, он так стоит для вас, — я бы пошел.

[3] Наша жизнь идет по-старому. Мальчики подросли — Андрюша и Миша — и не радуют. Лева вернулся из-за границы здоровым, с женой, и живет в Ясной. И, по правде сказать, чужд пока. С женой у меня очень хорошо. Она не изменилась, но мы как-то любим друг друга через нравственную и умственную рознь, и любим хорошо и всё больше и больше. Девочки, как прежде, близки. Все мы плохи по жизни, слабы, но знаем,что хорошо, что дурно, и не лжем. Я пишу изложение веры, [4] стараюсь ясно, коротко, доступно. Уже два года работаю, хотел бы кончить до смерти. Все вас любят попрежнему.

Прощайте пока, целую вас. Напишите же о себе и семье подробнее. А Петрушу [5] любите. В этом ваша задача.

Л. Толстой.

19 окт. 96.

На конверте: Таврической губ. Алушта. Николаю Николаевичу Ге.

Письмо Н. Н. Ге, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] Роман Васильевич Юшко (1867—1918), ветеринар, единомышленник Толстого (см. т. 72, стр. 490—491).

[2] *Фамилия Щербакова вписана над:* и другого (забыл)

Антон Петрович Щербаков (Щербак, 1863—1930), в то время сочувствовавший взглядам Толстого.

[3] Абзац редактора.

[4] Имеется в виду статья «Христианское учение» (см. т. 39).

[5] П. Н. Ге.

* 107. А. Ф. Кони.

1897 г. Январь. Москва.

Дорогой Анатолий Федорович,

Письмо это вам передаст муж внучки моей сестры. [1] Он очень порядочный молодой человек, живет трудом. Он теперь нотариусом в Верее и желал бы получить место нотариуса в Ташкенте. Моей племяннице сказали, что вы можете содействовать этому. Если это так, то я очень прошу вас об этом. Если же почему-нибудь неудобно, то простите.

Надеюсь увидать вас в Москве, а если нет, то я собираюсь пойти к горе, — хотел побывать в Петербурге, [2] и тогда увижу вас.

Ваш Л. Толстой.

Датируется предположительно, на основании упоминания о «муже внучки» М. Н. Толстой (см. прим. 1) и желании Толстого побывать в Петербурге (см. прим. 2).

[1] Лев Николаевич Краснокутский (р. 1875), с января 1897 г. муж внучатной племянницы Толстого Е. Н. Нагорновой (р. 1875); по профессии нотариус, работал в Верее, Московской губ., позднее в Нижнем Новгороде.

[2] Толстой был в Петербурге с 7 по 12 февраля, где провожал высылавшегося за границу В. Г. Черткова (см. т. 53).

* 108. Н. В. Давыдову.

1880—1897 гг. Февраля 25. Я. П.

Николай Васильевич,

Пожалели мы, что дурная погода помешала вам приехать. Теперь уж, вероятно, не увидимся здесь.

Пишу эту записку с женщиной, за которую очень прошу вас. Ее мужа приговорили на 3 месяца в тюрьму, как она говорит, за оскорбление сторожей, искавших в его доме лес, в покраже кот[орого] его подозревали и кот[орого] у него не нашли. Он никогда не судился и мужик хороший — мой бывший ученик Иван Морозов. [1] Приговорил его земский начальник Тульск[ого] уезда. Она, его жена, не успела взять копию при мне, так что я не мог видеть решения и написать ей прошение и потому уже вас прошу помочь ей. Она остается одна с 4 малыми детьми, и весенняя пахота пропала. А они бедны и только что погорели.

Желаю вам всего лучшего и вперед сердечно благодарю за помощь.

Ваш Л. Толстой.

25 февраля.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] Иван Степанович Морозов (ум. 1930), яснополянский крестьянин. О его деле, упоминаемом в письме, сведений не имеется.

* 109. Н. В. Давыдову.

1885—1897 гг. Июня 28. Я. П.

Дорогой Николай Васильевич,

Податель сего крестьянин, мой сосед, [1] очень хороший человек, отыскивает свою землю, которою завладел другой крестьянин. У него есть ввод во владение 1882 года, но он никогда не пользовался ею. Дело его вполне правое, но он не знает, как взяться, а я не знаю, как научить. Пожалуйста, помогите нам.

Ваш Л. Толстой.

28 июня.

Датируется по содержанию и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

* 110. Н. В. Давыдову.

1890—1897 гг., лето. Я. П.

Вот я опять к вам с просьбами, дорогой Н[иколай] В[асильевич]. Крестьянин этот спрашивает, можно ли ему опять подавать прошение о вознаграждении за затопленный огород. Мне кажется, что можно, п[отому] ч[то] решение Окр[ужного] суда поразительно [1] странно. Пожалуйста, научите его, что ему делать.

Какова погода? Что же вы не воспользуетесь ею подышать у нас воздухом без пыли? А мне хочется вас видеть. Я думаю побывать в Туле. Кажется, идет сессия суда.

Л. Т.

Замарал свое слишком резкое мнение о решении суда.

Датируется по почерку, временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле и на основании упоминания о «сессии суда», очевидно с намерением побывать на ней. Посещение суда у Толстого могло быть связано с его работой над «Воскресением».

Об упоминаемом в письме деле сведений не имеется.

[1] В подлиннике около двух строк вымарано.

* 111. Н. В. Давыдову.

1880—1897 гг. Я. П.

Простите Николай Васильевич, что утруждаю: нельзя ли этому человечку, [1] потерявшему билет, выхлопотать свидетельство для хождения по России. — Пожалуйста, не думайте, чтобы то, что вы, в случае недосуга или нежелания, оставите мое письмо «без последствий», мне бы было сколько-нибудь неприятно.

Л. Толстой.

Надеюсь, что здоровье Кат[ерины] Мих[айловны] [2] поправилось.

Прошу передать привет.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.
[2] Жена Н. В. Давыдова

* 112. Н. В. Давыдову.

1880—1897 гг. Я. П.

Николай Васильевич,

Податель — брат того мужика, которого защищал Грушецкий и дело которого будет слушаться в Черни. Пожалуйста, пожалуйста, замолвите словечко вашему товарищу, кот[орый] едет в Чернь.

Ваш Л. Толстой.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле. О деле, упоминаемом в письме Толстого, сведений не имеется.

* 113. Н. В. Давыдову.

1880—1897 гг. Я. П.

Не можете ли вы, Николай Васильевич, помочь этому бедному интеллигентному человеку, [1] помочь достать бесплатный билет до Киева, у него нет ни обуви, ни одежды для пешего путешествия, да он и больной. Если можете, сделайте и на меня не сердитесь. Жму вам руку.

Л. Толстой.

Как вы живете? Мы поправляемся.
Что дело об убийстве молодого малого? [2]

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.
[2] Об этом деле сведений не имеется.

* 114. Н. В. Давыдову.

1880—1897 гг. Я. П.

Всё жду от вас, Николай Васильевич, указания о том, что я дошел до предела вашего терпения. — Для облегчения вашего приму молчание ваше за такое указание.

Письмо это передаст вам тот молодой человек, про кот[орого] я говорил вам. [1]

Л. Толстой.

На обороте: Николаю Васильевичу Давыдову.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

* 115. Н. В. Давыдову.

1880—1897 гг. Я. П.

Будьте добры, Николай Васильевич, посоветуйте этому подателю, как ему поступить для удержания того, что он приобрел. На наследство, я не знаю, имеет ли он право.

Л. Толстой.

Мы вчера вернулись. Как всегда вам рады.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

* 116. Н. В. Давыдову.

1880—1897 гг. Я. П.

Дорогой Николай Васильевич,

Хотя дело этой просительницы, [1] кажется мне, вне вашей власти, я все-таки надеюсь, что вы не откажетесь помочь нам советом. Я, как умел, написал ей прошение [2] (всё правда), но так ли и нет ли ошибок. Если нужно, то поправьте и имейте в виду, что срок 16-го. Очень жалею, что давно не виделся с вами.

Наши вам и вашим кланяются. Жена завтра едет в Москву Я остаюсь с Машей.

Ваш Л. Толстой.

На обороте: Николаю Васильевичу Давыдову.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.
[2] Оно неизвестно.

* 117. Н. В. Давыдову.

1890—1897 гг. Я. П.

Вот опять прибегаю к вам, Николай Васильевич: податель-ница — жена крестьянина деревни Озерок, Крапивенского уезда, *Сергея Иванова Сапогова*, [1] обвиняемого, сколько я понял из ее слов, в поджоге кирпичного сарая другого крестьянина. Его вчера посадили в острог до суда. Хотя у нее и есть один сын 20 лет, но потеря работника в самую нужную пору при большой семье и большой обработке земли — для них разо-ренье. Если можно выпустить его на поруки или что сделать, сделайте, а если нельзя, простите, что утруждаю вас.

Л. Толстой.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] О деле С. И. Сапогова сведений не имеется.

* 118. Н. В. Давыдову.

1890—1897 гг. Я. П.

Уважаемый Николай Васильевич,

Податель сего крестьянин деревни Мостовой Иван Кондратьев рассказывал мне свое дело, [1] которое я с трудом мог понять, п[отому] ч[то] оно совершенно необыкновенно. Брат его завладел всем наследством отца, утвердив себя в правах наследства

через Окружной суд помимо других наследников. Вы, вероятно, поймете в чем дело из его слов и, вероятно, научите и поможете.

Любящий вас Л. Толстой.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] О деле И. Кондратьева сведений не имеется.

* 119. Н. В. Давыдову.

1890—1897 гг. Я. П.

Ждали мы вас, Николай Васильевич, вчера, но ожидание наше было тщетно, о чем очень сожалеем. Я сожалел еще и корыстно. У меня, как всегда, до вас просьбы: одну я вам передам словесно, когда приедете, надеюсь, другая же следующая. Податель сего мужик *Крапивенск*[*ого*] *уезда деревни Красавки, Сорочинской волости, Гаврило Давыдов* прошлого года сгорел. [1] У него каменная постройка и каменный же двор. Оказывается, что Земская управа в целях предупреждения пожаров велит ему сломать каменный сарай и тем вынуждает заменить его плетневым, т[ак] к[ак] он одинокий и не осилит сложить вновь каменный. Может быть, это и несправедливо, так как камень привезен, и я говорю так только для усиления доводов, но во всяком случае неразумно учреждению, заботящемуся о возведении несгораемых построек, разрушать несгораемые строения. Я бы написал ему прошение, но он уже подавал, и потому я думаю, хорошо бы было поговорить с председ[ателем] упр[авы]; и об этом-то я и прошу вас (прося не сердиться на меня за это нисколько), поговорить о том, что нельзя ли, если уже необходимо сломать для порядка и нельзя сделать исключения, в виду того, что сарай каменный, нельзя ли дать ему пособие на сломку и перестановку сарая.

Надеюсь, до свиданья.

Любящий вас Л. Толстой.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] О деле Г. Давыдова сведений не имеется.

* 120. Н. В. Давыдову.

1890—1897 гг. Я. П.

Вот опять началось мое попрошайничество, любезный Николай Васильевич. Податель сего, отец приговоренного за покражу в тюрьму, просит избавить его от денежного взыскания (66 р.) за покражу сына. Я не знаю, насколько это законно, и потому прошу вас помочь нам. [1]

Мы третьего дня приехали и, разумеется, как всегда, очень желаем вас видеть.

Л. Толстой.

Датируется по почерку и временем пребывания Н. В. Давыдова в Туле.

[1] Об упоминаемом в письме деле сведений не имеется.

* 121. Е. И. Попову.

1896—1897? гг.

Передаст вам эту записку Новиков Михайло, [1] бывший военный писарь. Во-первых, поговорите с ним, а во-вторых, он хочет переписывать напечатанное [2] — то не научите ли его, как переписывать через черную бумагу в нескольких экземплярах.

Он очень живой, умный и симпатичный человек. Спасибо за переписку. [3] Я уже нынче послал.

Л. Т.

Печатается по машинописной копии. Датируется приблизительно на основании упоминания о Новикове. Судя по содержанию письма, оно было написано в первые годы сближения Толстого с Новиковым.

[1] Михаил Петрович Новиков (1871—1939), крестьянин Тульской губ.; служил военным писарем, затем под влиянием произведений Толстого оставил службу; написал несколько рассказов и статей о крестьянской жизни. «Сближение» Толстого с Новиковым произошло в марте — апреле 1896 г. Об этом Толстой записал в Дневнике 2 мая 1896 г. (см. т. 53, стр. 83).

[2] Очевидно, имеются в виду напечатанные за границей религиозно-философские и публицистические статьи Толстого, распространявшиеся в России в рукописных копиях.

[3] Е. И. Попов помогал Толстому в переписке рукописей.

* 122. Н. И. Хохуле.

1898 г. Января 29. Москва.

На вопросы, которые вы мне ставите, я пытался отвечать во всех тех сочинениях, которые писал последние 15 лет. Но вам, может быть, трудно их иметь, да притом, если справедливы те ответы, которые я даю себе, то ответы эти должны быть коротки и ясны, как всякая истина, познание которой нужно людям. Вы говорите, что у вас нет счастия, нет спокойствия. Да кто же вам сказал, что вы имеете право, что вы должны, что естественно людям иметь счастие и спокойствие? Люди какой-то непостижимой, но несомненно существующей силой, которую я называю богом, посланы в мир, чтобы исполнить в нем то, чего хочет от них эта сила, бог. Что он хочет и для чего? Этого мы не знаем и не можем знать, но что мы должны делать для того, чтобы исполнить его волю, это мы знаем несомненно: должны мы в себе увеличивать любовь к людям; любовь же укажет нам, что именно мы должны делать. Делая же это, заботясь только о том, чтобы любить как можно больше других и как можно меньше себя, мы достигаем, совсем не думая о нем, того счастия и спокойствия, которого мы никогда не находим, когда ищем его.

Но вы скажете: практически что делать?

Целью своей жизни поставить, как теперь у вас стоит экзамен, увеличение любви, или хоть уменьшение всего того, что мешает этому, и готовиться к этому так же усердно, как к экзамену, всякий день подвигаясь и откладывая за собой оконченное.

Вот всё, что я могу сказать вам в общих чертах. Простите, если это не удовлетворит вас. Я не столько думаю, но знаю несомненно, что то, что я говорю, правда. И вы узнаете то же, если только в продолжение месяца испытаете это. Желаю вам этого от души.

Лев Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

Наталья Ивановна Хохуля (по мужу Королева) — в 1898 г. гимназистка шестого класса, позднее — актриса Петербургского Народного дома под фамилией Алексеева.

Ответ на письмо с вопросами о цели жизни, назначении человека.

* 123. А. С. Суворину.

1898 г. Января 20—31. Москва.

Дорогой Алексей Сергеевич,

Письмо это передаст вам мой хороший знакомый и очень хороший человек Ю. О. Якубовский. [1] Ему хочется и нужно перевестись на службу в Петербург или вообще Россию из Самарканда. Он говорит, что вы можете помочь ему. А если можете, то надеюсь, что вы не откажете мне. Очень благодарен за любезность моей дочери. [2] Жалею, что давно не виделся с вами.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. На копии дата: «Конец 1895 г.». Датируется на основании воспоминаний Ю. О. Якубовского и упоминания о «дочери» (см. прим. 2). См. Ю. О. Якубовский, «Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лет (1886—1910)» — «Толстовский ежегодник 1913 года», стр. 3—53 (упоминание об этом письме см. на стр. 32).

Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912) — журналист и издатель реакционной петербургской газеты «Новое время» (см. т. 61).

[1] Юрий Осипович Якубовский (1857—1929) — банковский служащий, знакомый Толстого с 1886 г.; с конца 1880-х гг. жил в Самарканде и затем в Ташкенте.

[2] Имеется в виду Т. Л. Толстая, которая 18 января уехала в Петербург по делам издательства «Посредник» и была у А. С. Суворина, с которым заключила соглашение на продажу в его магазинах изданий «Посредника».

* 124. Т. Л. Толстой.

1898 г. Апрель? Я. П.

Таня милая, пожалуйста впиши в статью Carthago d[elenda] e[st] [1] следующее:

Там, где говорится: средство это давно известно, прибавить: *Средство это проповедовалось с древнейших времен христианскими писателями — Тертульяном, Оригеном, проповедовалось павликианами и продолжателями их — менонитами, квакерами, гернгутерами; про средство это писали Даймонд, Гаррисон, Балу, вот уж скоро 20 лет пишу и я, всячески разъясняя грех, вред и безумие военной службы. Средство и применялось уже давно, и в последнее время стало особенно часто применяться как отдельными лицами...* дальше всё пойдет по написанному уже.

Это одна прибавка; другая, коротенькая, прибавка, почти в конце, такая: где говорится, что человеку свободному от гипноза невозможно не отказаться от воен[ной] службы, надо прибавить: *и понимающему значение своих поступков.* [2]

Целую тебя и желаю, чтобы ты сделала то, что лучше перед богом, а не перед людьми. Во всем это одно руководство верное. [3]

Л. Т.

На конверте: Тане (одной).

Датируется по содержанию (см. прим. 1).

[1] Статья «Carthago delenda est» («Карфаген должен быть разрушен») была начата Толстым в начале апреля 1898 г. и окончена в конце апреля того же года. Напечатана в сб. «Свободное слово» 1898, № 1, стр. 6—17 (см. т. 39).

[2] Обе эти вставки были внесены в текст (с ошибками).

[3] Речь идет об отношениях Татьяны Львовны к М. С. Сухотину. В 1899 г. они поженились. См. еще письмо к Т. Л. Толстой от 4 октября 1898 г., т. 71, стр. 460.

125. Э. Шмиту (E. Schmitt).

1898 г. Мая 20. Гриневка.

Lieber Freund.

Ich habe Ihr Brief und die 6 oder 7 № von «Ohne Staat» erhalten. Es freut mich sehr, dass Ihre Thätigkeit immer dieselbe ist und dass Sie mehr und mehr Anhänger gewinnen unter den Arbeitern und diese von dem Betrug des Socialismus abführen. Mir gefällt besonders Ihr Artikel: «Die Krise des Anarchismus». [1] Ja, die christlische Weltanschauung muss den Menschen einfach und klar beigebracht werden. Dass ist das wichtigste. Nicht Proudhon ,[2] sondern Christus hat gesagt: Ihr seid Götter. Aber nicht nur gesagt, seine Lehre ist nichts anderes, als die Erkennung der menschlichen Würde — dass der Mensch der Sohn Gottes ist.

«Die Reaktionäre an der Arbeit» [1] ist auch sehr gut.

Mit herzlichen Gruss

Ihr Freund Leo Tolstoy.

1 Juni 1898.

Дорогой друг,

Я получил ваше письмо, а также 6 или 7 №№ «Ohne Staat». Очень рад, что ваша деятельность всё та же и что вы находите всё больше и больше последователей, в особенности среди рабочих, и уводите их от обмана социализма. Мне особенно нравится ваша статья «Кризис анархизма».[1]

Да, христианское мировоззрение нужно излагать людям просто и ясно. Это самое главное. Не Прудон,[2] а Христос сказал: вы — боги. И не только сказал, но его учение не что иное, как признание человеческого достоинства и того, что человек есть сын божий.

«Реакционеры за работой» [3] тоже очень хорошо.

С сердечным приветом

ваш друг Лев Толстой.

1 июня 1898.

Печатается по факсимиле, опубликованному в книге «Leo Tolstoi. Die Rettung wird kommen», Hamburg 1926, XX, стр. 54. Дата Толстого — нового стиля.

Эуген Генрих Шмит (1851—1916) — публицист христианско-анархического направления, издатель журнала «Ohne Staat» («Без государства»). См. т. 67, стр. 297.

Ответ на письмо Шмита от 20 мая н. с., в котором Шмит писал о деятельности сторонников непротивления злу насилием в Германии и Венгрии и сообщал, что посылает Толстому семь номеров своего журнала «Ohne Staat».

[1] E. Schmitt, «Die Krise des Anarchismus».

[2] Прудон Пьер Жозеф (P. Proudhon, 1809—1865), один из основоположников анархизма.

[3] M. Malaschitz (М. Малашиц), «Die Reaktionäre an der Arbeit».

* 126. В. Ф. Орлову.

1891—1898 гг.

Очень рад был получить от вас письмо, дорогой Владимир Федорович, и сведения о житье вашем и вашей семьи, к[оторую] я люблю. Очень бы хотелось повидаться с вами и поговорить о многом. Я всегда с очень хорошим чувством вспоминаю наши беседы в Москве и знаю, что мы как были близки по самым глубоким основам жизни, так и останемся близки, несмотря на могущие встретиться разногласия внешние, да и то такие, которые кажутся разногласиями только до тех пор, пока они не разъяснены.

Может быть, и до свиданья.

Любящий вас Л. Толстой.

Датируется предположительно, временем начала охлаждения отношений В. Ф. Орлова и Толстого и годом смерти Орлова.

* 127. Н. Н. Ге (сыну).

1899 г. Января 19. Москва.

Очень порадовали вы меня, дорогой друг Количка, вашим хорошим письмом. Помогай вам бог удержаться в таком настроении и не считаться с людьми — это самое ужасное,— а считаться только с богом. С ним счеты короткие и легкие и всегда выгодные. Письмо вашего приятеля Кандыбы, или, скорее, расск[аз], удивительное. Оно на меня произвело страшное впечатление, и я, если он позволит, почти целиком помещу этот рассказ от лица одного из моих персонажей.[1] Как же после этого не быть 1-му марта?

[2] Нынче получил милое письмо от Зои.[3] Она обещает прислать. Если успею, отвечу, а нет — вы напишете ей, что мне трудно ее не любить. От Сережи жду каждый день телеграмму.[4]

Л. Т.

На обороте: Г. Конотоп. Г. Кандыбе, для передачи Н. Н. Ге.

Датируется на основании почтовых штемпелей.

[1] О Кандыбе сведений не имеется. Рассказ Кандыбы, переданный Толстому Н. Н. Ге, был включен в переработанном виде в гл. VI третьей части «Воскресения» — в рассказ Крыльцова о казни Лозинского и Розовского (см. т. 32).

[2] Абзац редактора.

[3] З. Г. Ге. Ее письмо к Толстому неизвестно.

[4] С. Л. Толстой 23 декабря 1898 г. выехал с духоборами (со вторым пароходом) в Канаду, куда прибыл 15/27 февраля 1899 г.

* 128. Э. Кросби (E. Crosby).

1899 г. Февраля 15. Москва.

My dear Crosby,

I am very glad that you liked Volkenstein [1] and thank you for his reception.

My son Sergius who is now in Canada with the Douchobory [2] will call on you on his way back and I hope that you will like him also. Both rumours[3]that you heard about me [3] are false and now after my letter on the peace conference [4] published in the Daily Chronicle the first rumour is more probable as the second.

I read with great interest your article about Schmitt and his predecessor [5] and thank for sending it to me. I[am] very glad to be informed on your doings especially because I always approve of them.

Your friend

Leo Tolstoy.

I think that the money that has been subscribed for the Douch[obory] must be sent to M-r Creary [6] the immigration agent in Winnipeg.

Мой дорогой Кросби,

Я очень рад, что Волкенштейн[1] вам понравился, и благодарю вас за то, что вы его приняли.

Мой сын Сергей, который в Канаде с духоборами, [2] заедет к вам на обратном пути, и я надеюсь, что он вам тоже понравится.

Оба слуха обо мне, [3] которые до вас дошли, ложны, и теперь, после моего письма о мирной конференции, [4] опубликованного в «Daily Chronicle», первый слух более вероятен, чем второй.

Я прочел с большим интересом вашу статью о Шмите и его предшественнике [5] и благодарю за то, что мне ее прислали. Я очень рад, что меня извещают о ваших делах, особенно потому, что я всегда одобряю их.

Ваш друг

Лев Толстой.

Думаю, что деньги, собранные для духоборов по подписке, надо послать м-ру Крири, [6] агенту по эмиграции в Виннипеге.

Датируется по содержанию, на основании упоминания об А. А. Волкенштейне и С. Л. Толстом (см. прим. 1 и 2), а также упоминания о данном письме в письме Толстого к жене от 15 февраля 1899 г. (см. т. 84, стр. 341).

Эрнест Кросби (Ernest Crosby, 1856—1906) — американский писатель и общественный деятель, сочувствовавший взглядам Толстого (см. т. 70).

Письмо Кросби, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] Александр Александрович Волкенштейн (1852—1925), полтавский врач (см. о нем т. 72, стр. 496—497). Во второй половине ноября 1898 г. Волкенштейн уехал на Сахалин (через Европу и Америку) к своей первой жене Л. А. Волкенштейн (1857—1906), известной народоволке, куда она была сослана в 1897 г. Перед отъездом, 17 ноября, Волкенштейн приезжал к Толстому, который дал ему письмо к Э. Кросби (см. письмо к Э. Кросби от 17 ноября 1898 г., т. 71, стр. 489—490).

[2] С. Л. Толстой сопровождал в Канаду второй пароход с духоборами «Lake Superior», вышедшей из Батума 23 декабря 1898 г. Из Канады Сергей Львович заезжал в Нью-Йорк и виделся с Кросби, о чем тот сообщил Толстому в письме от 6 апреля н. с. 1899 г.

[3] О каких слухах идет речь, неизвестно. Возможно, что Кросби передавал распространявшиеся слухи о предполагавшихся репрессиях против Толстого со стороны царского правительства или о его высылке из России.

[4] Л. Н. Толстой. «По поводу конгресса о мире. Письмо к шведам» (см. настоящий том, стр. 60).

[5] О ком здесь идет речь, не установлено. В яснополянской библиотеке такой статьи Кросби нет.

[6] Мак-Крири (W. T. Mac-Creary), правительственный агент, ведавший расселением духоборов в Канаде, и член комитета по оказанию помощи духоборам.

* 129. С. М. Мартыновой.

1899 г. Марта 14. Москва.

Письмо это вам передаст мой приятель, молодой француз, живописец, [1] едущий на Кавказ, с тем чтобы пожить с духоборами и сопутствовать им в Канаду. Письмо это он подаст вам только в том случае, если ему понадобится защита от властей. Пожалуйста, окажите ее ему. Вы этим сделаете доброе дело ему и мне окажете большое одолжение.

Дружески жму вам руку и желаю всего хорошего.

Печатается по машинописной копии. На копии дата: «14 марта 1898(?)г.». Датируется 1899 г. на основании упоминания о «молодом французе, живописце» — Э. Сине (см. прим. 1).

Софья Михайловна Мартынова (1858—1931) — знакомая Толстых и В. Г. Черткова. В 1899 г. жила в Тифлисе и была в дружеских отношениях с местной администрацией и с великим князем Михаилом Николаевичем.

[1] Эдуард Сине (Eduard Sinet), молодой французский художник, близкий по взглядам Толстому. В феврале 1899 г. приезжал к Толстому. 21 февраля Толстой записал в Дневнике: «Живет интересный и живой француз Sinet, первый религиозный француз» (т. 53, стр. 219). Сине вскоре уехал на Кавказ и 20 апреля из Батума отправился с четвертой партией духоборов в Канаду.

130. Д. В. Григоровичу.

1899 г. Июня 14. Я. П.

Спасибо вам, милый, дорогой друг Дмитрий Васильевич, и за письмо, [1] и за добрые чувства, и за добрые дела, что перевели Таню из дурного места в хорошее. Жалко мне было слышать, что вы болели и мучались. Переехать в новую жизнь, получить

новое назначение в наши с вами года, хотя я и на семь лет моложе, очень привлекательно, только бы переезд был удобный и без особенных страданий. А впрочем, и страданья не мешают. Крестьяне говорят: хорошо пострадать перед смертью. Как и отчего хорошо — я не сумею объяснить теперь, но всей душой согласен с ними. Только малодушие просит помягче экипаж. Я сейчас не пишу вам своей рукой, потому что проехал маленькую станцию на очень тряском экипаже, станцию к новому назначению, т. е. болен моею обычною и очень обычною желудочною болезнью. Нынче мне уже лучше — так и скажите Тане, если ее увидите раньше письма от нас. Я никак не ожидал, что так увлекусь своей старинной литературной работой. [2] Не знаю, результаты какие, а усердия много. Прощайте, милый друг, передайте привет вашей жене от любящего вас

Льва Толстого.

14 июня 1899.

Печатается по публикации в «Летописях Государственного Литературного музея», кн. 12, М. 1948, стр. 74. Там же указано местонахождение подлинника (находится в частных руках). Неполностью письмо напечатано в т. 72, стр. 154—155.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1899), в то время жил в Вейндлигау, близ Вены.

20 мая 1899 г. в Вену уехала Т. Л. Толстая для операции гаймарита. Григорович, узнавший о ее пребывании в Вене, дважды навещал ее, предлагая всяческую помощь, и перевез ее из Вены в Вейндлигау, где условия жизни были лучше. Об этом писала Толстому Татьяна Львовна и между прочим просила: «Если будет тебе минутка, напиши два слова Григоровичу, — он очень с нами мил и скоро умрет, бедный. А ему очень не хочется» (из письма от 10 июня 1899 г.). Исполняя просьбу дочери, Толстой и написал Григоровичу. К письму Толстого сделана приписка С. А. Толстой (см. «Летописи Государственного Литературного музея», кн. 12, стр. 74).

[1] Упоминаемое письмо Григоровича неизвестно.

[2] Толстой имеет в виду свою работу над «Воскресением».

* 131. Неизвестному.

1899 г. Июня 28. Я. П.

Милостивый Государь

Владимир Платонович,

Деньги, 188 руб., присланные Вами от чинов Одесского портового управления и некоторых моряков в пользу пострадав-

ших от неурожая, [1] мною получены и будут употреблены по назначению.

Лев Толстой.

28 июня 99 г.
Ясная Поляна.

Подлинник написан рукой О. К. Толстой, подпись собственноручная. Фамилию адресата выяснить не удалось.

[1] Эта сумма указана в отчете Толстого о пожертвованиях в пользу пострадавших от неурожая, присланных Толстому. См. письмо в редакции газет «Русские ведомости» и «Восточное обозрение», т. 72, стр. 159—160.

* 132. А. Ф. Марксу. *Черновое.*

1899 г. Июля 10. Я. П.

Прошу внести в разговоре Нехл[юдова] с Селезниным после слов Селенина: *Сенат кассировал бы решение* (или что-то под[обное]) и перед словами Нехлюдова: *решение нелепое* (или что-то под[обное]) внести следующее: *Селенин, всегда занятый и мало бывавший в свете, очевидно ничего не слыхал о романе Нехлюдова, Нехлюдов же, заметив это, решил, что ⟨он⟩ и не ⟨скажет⟩ нужно говорить о своих особенных отношениях к Масловой.* [1]

(В главе 7-й слова мужика в прорванном кафтане поставлены не на месте.) [2]

Написано на листе, верхняя часть которого занята текстом из «Воскресения» (перечеркнутым), нижняя часть и оборот — черновиком письма к неизвестному (см. №131). На основании данного черновика письмо Марксу написал Н. Н. Ге (сын). Толстой сделал приписку к его письму о гл. VII (см. письмо от 10 июля 1899 г., т. 72, стр. 156).

[1] Исправления эти были внесены.

[2] См. об этом прим. 3 к письму Толстого к Марксу от 10 июля 1899 г., т. 72, стр. 157.

* 133. А. Н. Дунаеву.

1899 г. Июля 19? Я. П.

Дорогой Александр Никифоров[ич].

Письмо это вам передаст M-r Mavor, [1] канадский профессор полит[ической] экономии из Торонто. Вы, верно, слышали про него. Он много содействовал духоборам и очень серьезный и

хорошо думающий человек. Он спрашивал у меня, что есть о положении крестьян после освобождения. Я сказал ему, что об этом есть целая литература, но назвать ему не мог ни одного сочинения. Знаю, что есть хорошее сочинение В. В. [2] Помогите ему, пожалуйста, в этом и в том, что ему может быть нужно.

Можно бы направить его моим именем в Русск[ие] вед[омости]. Я уверен, что любезные редакторы не откажут ему в помощи.

Сережа [3] сообщил мне дурную новость, что вы не совсем здоровы. Стараюсь не жалеть об этом, а жалею.

Прочли в Нов[ом] вр[емени] о Лаотце. Очень хорошо.
Целую вас.

Л. Т.

Да попросите в Рус[ских] вед[омостях] напечатать мои два отчета. [4] Да получите по этому чеку деньги и положите на мой счет.

Датируется на основании упоминания о Дж. Мэворе (см. прим. 1).

[1] Джемс Мэвор (James Mavor), профессор политической экономии в Торонто (Канада). Судя по записи С. А. Толстой в ее «Ежедневнике», Мэвор был у Толстого 19 июля 1899 г.

[2] Толстой имеет в виду книгу: В. В., «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве», СПб. 1892.

[3] Сергей Львович Толстой.

[4] После 19 июля 1899 г. в «Русских ведомостях» напечатан лишь один отчет Толстого — в № 208 от 30 июля 1899 г. (см.т. 72, стр. 159—160).

* 134. Неизвестному.

1899 г. Августа 6. Я. П.

Милостивый Государь,

Деньги, шестьдесят пять (65) рублей, пожертвованные шкиперами парусных судов и другими лицами в пользу пострадавших от неурожая, мною получены.

До сих пор поступавшие ко мне пожертвования пересылались мною в Казанскую и Самарскую губернии лицам, известным мне и занимавшимся там помощью населению. Теперь же новый урожай поспел, и деятельность этих лиц постепенно прекращается. А потому я очень прошу всех лиц, пожертвовавших

эти 65 рублей, сообщить мне, какое они желают сделать употребление из этих денег: желают ли они, чтобы я выслал их обратно, или чтобы отдал их на какое-либо определенное жертвователями дело, или по своему усмотрению роздал их где-либо нуждающимся крестьянам, в особенности часто обращающимся ко мне пострадавшим от пожаров?

В ожидании вашего ответа с совершенным уважением остаюсь готовый к услугам

Лев Толстой.

6 авг. 99.
Ясная Поляна.
Ст. Ясенки, Моск.-Курск. ж. д.

Подлинник написан рукой О. К. Толстой; подпись собственноручная.

* 135. Неизвестному.

1899 г. Сентября 25. Я. П.

25 сентября.

Милостивый Государь, отец мой просит известить Вас что теперь вопрос о печатании «Воскресения» его не касается, а касается только издателя «Нивы» Маркса, к которому он и просит Вас обратиться. Единственное, что он может Вам сказать, это что «Воскресение» окончится печатанием в «Ниве» непременно в нынешнем году.

Лев Толстой.

Написано рукой Н. Л. Оболенского. Подпись собственноручная. Фамилия адресата неизвестна.

* 136. Н. Н. Ге (сыну).

1899 г. Октября 14. Я. П.

Получил ваше письмецо из поезда [1] и из Вены. [2] Спасибо, что пишете, милый друг. Да, я думаю, что мы не ценим наш русский дух, и вы верно говорите об учтивости, скрывающей небратскую отчужденность. Боюсь, что письмо поздно дойдет до вас, для распоряжений, к[оторые] нужны. Только вы не сердитесь. Самое лучшее средство, чтоб не сердиться на них, в том, чтобы

представить себе, какие они могли бы еще быть. И таких образцов, к[оторые] утешат, везде много. Главное, не предъявлять к ним требований мужских. П[авле] Н[иколаевне] [3] этого не говорите, а то она меня возненавидит, а я ее очень люблю.

Я всё хвораю — из 6 дней едва один хороший — и всё пишу. Ольга [4] и Соня [5] переписывают. [6] 4 гл. послал, но, вероятно, нецензурно. А меня теперь это 3-я часть очень занимает. И можно бы сделать хорошо. Если бы были силы.

Все вас помнят и любят, привет Поше [7] и Павле, и деток помню. Как-то их приняли и что с ними сделают. То, что вы пишите о детях за границей — правда, и то, что мы знали о воспитании детей в России, тоже правда. Главное, persévérez. [8] А то без этого слишком хлопотно и непроизводительно жить.

Целую вас.

Л. Т.

На конверте: Швейцария. Suisse. Onex, près de Genève Paul Birukoff *Количке.*

Приписка к письму З. Г. Ге от 29 сентября 1899 г. Датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Москва 14 октября 1899 г.».

[1] *Исправлено из:* Моск[вы]

[2] Эти письма неизвестны. Н. Н. Ге уехал в Швейцарию, к П. И. Бирюкову, у которого воспитывались дети Ге.

[3] Павла Николаевна Бирюкова (1867—1945), жена П. И. Бирюкова.

[4] Ольга Константиновна Толстая, рожд. Дитерихс (1872—1951), первая жена А. Л. Толстого.

[5] Софья Николаевна Толстая, рожд. Философова (1867—1934), жена И. Л. Толстого.

[6] Речь идет о романе «Воскресение», который в то время печатался в «Ниве» (см. т. 33).

[7] П. И. Бирюков.

[8] [будьте настойчивей.]

* 137. А. О. Якимичеву.

1899 г. Октября 22. Я. П.

Антон Осипович,

Посылаю вам несколько статей, из которых вы увидите, в чем состоит моя вера. Книг моих: *В чем моя вера?*, [1] *Царство божие внутри вас* [2] и Христианское учение [3] у меня теперь нет, и по-

тому, хотя бы и желая послать их вам, не могу этого сделать. Две статьи: *Как читать евангелие* [4] и *Заповеди Христа* [5] составлены мною, остальные же не мои, [6] но я согласен с ними.

Лев Толстой.

25 окт.

Год в дате определяется на основании даты письма А. О. Якимичева. Ответ на письмо Антона Осиповича Якимичева из Николаева, Херсонской губ., от 22 октября 1899 г., в котором Якимичев просил выслать ему из сочинений Толстого «Евангелия или разъяснения евангельских притчей, или других каких богословских поучительных книг» и писал, что он «имеет ревность по божеству» (письмо неграмотное).

[1] См. т. 23.
[2] См. т. 28.
[3] См. т. 39.
[4] См. т. 23.
[5] Имеется в виду изложение Нагорной проповеди, извлеченное из статьи «В чем моя вера?».
[6] Какие еще были посланы книги, неизвестно.

* 138. А. Ф. Марксу.

1899 г. Ноября 6—15?

Посылаю последние поправки в первые 4 главы. Хорошо бы было внести их.

Лев Толстой.

Написано на гранке 8 корректур третьей части романа «Воскресение» (см. т. 33, описание рук. № 107, стр. 463). Датируется сопоставлением дат предшествовавших и последующих корректур (№ 100—5 ноября 1899 г. и № 119—16 ноября 1899 г., см. т. 33, стр. 462 и 466).

* 139. А. Ф. Марксу.

1899 г. Ноября 6—15?

Посылаю окончательно исправленные 4 главы. Очень прошу внести поправки. Следующие главы дня через два вышлю.

Л. Толстой.

Написано на дубликате гранки 8 корректур третьей части романа «Воскресение» (см. т. 33, описание рук. № 108, стр. 463). Датируется на тех же основаниях, что и письмо № 138.

* 140. Т. Л. Толстой.

1898 г. Май — 1899? г. Я. П.

Мы ее [1] не пустим. [2] Ездил на твоей лошади. Чудо как хороша. Вспоминал о тебе и грустно, но хорошо. Целiую тебя.

Приписка к письму С. Н. Толстой к Т. Л. Толстой. Датируется на основании письма С. Н. Толстой, в котором упоминается о чтении ею «Писем Петра Васильевича Ольховика» (Лондон 1897) и из содержания которого следует, что Татьяна Львовна еще не замужем (1899).

[1] Софья Николаевна Толстая.

[2] С. Н. Толстая писала: «Послезавтра я еду домой, с страшной грустью расстаюсь с Ясной, но надо за дело. Не всё коту масленица!»

* 141. А. Н. Дунаеву.

1890-е гг.?

Дорогой друг.

Это прекрасный молодой человек, [1] единоверный нам. Он хочет заняться огородничеством. Это лишний повод того, чтобы вам узнать его и помочь ему.

Л. Т.

Датируется предположительно по почерку.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

* 142. Е. А. Телешовой.

1890-е гг., конец.

Елена Андреевна!

Ваше чувство возмущения при мысли о мучимых и убиваемых животных для удовлетворения людской жадности есть не сентиментальность, а самое законное и естественное чувство. Но не

надо возмущаться и из сочувствия животным ненавидеть людей, как вы пишете, а надо действовать сообразно с тем, к чему вызывает вас это чувство, а именно: не есть мяса и ничего живого. Я убежден, что в будущем столетии будут с ужасом рассказывать и недоверием слушать о том, как их предки убивали животных, чтобы есть их. Вегетарианство распространяется очень быстро: в Лондоне, где 20 лет тому назад нельзя было найти вегетарианской пищи, теперь уже несколько вегетарианских гостиниц. Из моих близких друзей я знаю — более 30 человек в последние годы бросили употребление мяса. Предупреждаю вас однако, что если вы бросите есть мясо, то вы встретите сильный отпор, даже раздражение, в семейных, и вам по науке будут доказывать, что человеку необходимо мясо и что вы вредите себе и производите затруднение в хозяйстве. Мы все прошли через это, но если это делается по убеждению, то все доказательства остаются недействительными, как недействительны бы были доказательства, что для здоровья нужно есть людей. Может быть, вы спросите или вам скажут: если нельзя убивать кур и баранов, то почему же не нельзя также истреблять мышей, тараканов и т. п. На это я отвечаю всегда то, что сострадание к животным есть самое дорогое свойство человека, и я тем более счастлив, чем больше я разовью его в себе. Я рад, что стал жалеть кур и баранов и не ем их, и зайцев, и не охочусь уже за ними, радуюсь тому, что мне уже жалко мышь, и я выпускаю ее, а не убиваю, и очень рад буду, когда мне будет жаль комара и блохи. Вегетарианцы доказывают преимущество немясной пищи для здоровья (вы достаньте книги об этом — есть Богданова [1] — и прочтите), но главный и неотразимый довод это тот, кот[орый] вы выставляете, — нравственное чувство. Желаю вам радостного разрешения мучающего вас вопроса.

Лев Толстой.

Датируется предположительно, по почерку.

Елена Андреевна Телешова, рожд. Корзинкина (1869—1943) — художница, с 1898 г. жена писателя Н. Д. Телешова.

Письмо Е. А. Телешовой, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] Книга Богданова о вегетарианстве не найдена.

* 143. А. Син-Джону (A. St. John).

1900 г. Февраля 26. Я. П.

Dear friend,

I have sent 100 roubles to the fivemen. [1] They will receive it. They are still in Vladikavkaz. If you want to sent more send them to me. I will forward it.

With brotherly love

yours truly L. Tolstoy.

Дорогой друг,

Я послал 100 рублей пятерым.[1] Они их получат. Они всё еще во Владикавказе. Если вы хотите послать больше, пришлите их мне. Я их перешлю.

С братской любовью

искренне ваш

Л. Толстой.

Печатается по листу копировальной книги. Дата копии.

Артур Карлович Син-Джон (Arthur St. John) — англичанин, офицер, оставивший военную службу под влиянием взглядов Толстого. В 1897 г. помогал духоборам в переселении. В 1899 г. уехал к духоборам в Канаду (см. т. 72, № 41).

[1] Имеются в виду пять духоборов, заключенных во Владикавказской тюрьме. О них писал Толстому Син-Джон в письме от 15 февраля н. с. 1900 г. См. комментарий к письму Толстого к Син-Джону от 24 февраля 1900 г., т. 72, стр. 324.

144. С. А. Стахович.

1900 г. Марта 28. Москва.

Дорогая Софья Александровна,

Я не успел сам зайти к вам и потому посылаю пакет. Желание мое в том, что, если это можно, передано бы было государю, что прошение идет через меня и что я отговаривал их от эмиграции, но сочувствую их ходатайству об освобождении от требований, противных их религиозным верованиям. [1] Очень буду вам благодарен. В случае неудачи пришлите обратно. Сердечно благодарен и сейчас.

Л. Толстой.

28 марта 1900.

Впервые опубликовано в «Летописях Государственного Литературного музея», кн. 2, М. 1938, стр. 88.

Софья Александровна Стахович (1862—1942) — близкая знакомая семьи Толстых (см. т. 50, стр. 316).

[1] В начале марта 1900 г. к Толстому приехали ходоки от молокан из Карской области, прося помочь им добиться разрешения на переселение в Америку.

145. С. А. Стахович.

1900 г. Мая 2. Москва.

Дорогая Софья Александровна,

Я думал, что покончил дело с молоканами, но вот приехали еще новые, совсем из другого места Кавказа, [1] с таким же прошением, как и прежние. Я написал письмо Ал. В. Олсуфьеву [2] с просьбой передать прошение государю, но сейчас сестра его, гр[афиня] Зубова, [3] сообщила, что его нет в Петербурге. И вот мне приходится просить вас передать прошение через принца Ольденбургского. [4] Я бы написал ему, но боюсь стеснить его письмом, необходимостью отвечать нежеланием отказать. Вы же узнаете, не неприятно ли, или неудобно это ему, и только тогда попросите его.

Дело это, по моему мнению, очень важное тем, что оно может содействовать если не уничтожению, то пересмотру законов о вере, которые у нас так бесполезно стеснительны и жестоки. И потому, зная просвещенные и разумные взгляды принца Ольденбургского, я надеюсь, что он не откажется принять свою долю участия в этом добром деле. Я, как с прежними ходоками, употребил всё мое красноречие для того, чтобы отговорить их от переселения, но, разумеется, всей душой сочувствую их ходатайству об отмене всех стеснений, которым они подвергаются в исповедании своей веры.

Так вот, если можете и как можете, помогите этому делу.

Дружески жму вам руку и прошу не сердиться на меня за то, что утруждаю вас.

Передайте, пожалуйста, мой привет всем вашим.

Лев Толстой.

2 мая 1900.

Впервые опубликовано в «Летописях Государственного Литературного музея», кн. 2, М. 1938, стр. 88—89.

[1] 2 мая 1900 г. к Толстому приехали ходоки от молокан из Эриванской губ. также с ходатайством о переселении в Америку.

[2] Александр Васильевич Олсуфьев (1843—1907), генерал-адъютант, старый знакомый Толстого. Письмо к нему Толстого от 2 мая 1900 г. см. в т. 72, стр. 353—354.

[3] Александра Васильевна Зубова (1838—1913).

[4] Петр Александрович принц Ольденбургский (1868—1924), был лично знаком с Толстым. Принца Ольденбургского в Петербурге не оказалось, и прошение молокан Стахович передала царю через фрейлину императрицы Марии Федоровны Е. С. Озерову.

146. С. А. Стахович.

1900 г. Мая 23. Я. П.

Ясная Поляна. 23 мая 1900.

Очень, очень вам благодарен, дорогая Софья Александровна, за исполнение моего поручения. Мне теперь легко на душе, зная, что я исполнил порученное мне, хоть весь труд исполнения был не мой, а ваш.

Хотя и мало можно на это надеяться, я думаю, что надо все-таки толкаться в дверь религиозной нетерпимости; авось она когда-нибудь и отворится. Я слышал, что ваша кузина [1] выходит за Яшвиля. [2] Если это правда и вы этому рады, как я полагаю, то поздравляю вас. Я только что приехал от Маши.[3] Она была больна, теперь поправляется. Передайте мой привет всем вашим, желаю вам всем (вам непременно надо всего хорошего желать всем вместе) всего хорошего.

Благодарный вам и желающий иметь случай чем-нибудь отплатить вам

Лев Толстой.

На конверте: Елецкого уезда сельцо *Пальна*. Софье Александровне Стахович.

Впервые опубликовано в «Летописях Государственного Литературного музея», кн. 2, М. 1938, стр. 89—90.

[1] Анастасия Петровна Стахович (р. 1880).

[2] Лев Владимирович Яшвиль (1859—1917), в 1899—1903 гг. тульский вице-губернатор.

[3] Толстой уехал к дочери М. Л. Оболенской, в ее имение Пирогово, Крапивенского уезда Тульской губ., 3 мая и вернулся в Ясную Поляну 18 мая.

* 147. Т. Л. Сухотиной. *Телеграмма.*

1900 г. Октября 16. Я. П.

Архангельская Сухотиной
Выезжаем вторник скорым.[1]

Толстой.

Печатается по телеграфному бланку.

[1] 17 октября Толстой в сопровождении Ю. И. Игумновой уехал к дочери Т. Л. Сухотиной в Кочеты, Тульской губ.

* 148. А. Н. Дунаеву.

1887—1900 гг.

Податель слепой молодой крестьянин, [1] очень умный и самобытный. Он желал бы поступить в школу слепых для изучения ремесла. Не можете ли вы помочь ему?

Алекс[андр] Петр[ович] [2] безнадежен в смысле возможности помочь ему. Он не воспользовался тем, что вы устроили ему, здесь же, взяв у меня денег, тотчас же в соседнем кабаке пропил их.

Может быть, мы на его месте были бы хуже его, но дело в том, что помочь нельзя, да пока он на ногах и не надо.

У нас всё хорошо. Как вы и все ваши?

Л. Толстой.

На конверте: Москва. Трубецкой пер. у Девич[ьего] поля, д. Пантелеева, Александру Никифоровичу Дунаеву.

Датируется приблизительно, началом знакомства Толстого с Дунаевым и упоминанием об А. П. Иванове (см. прим. 2).

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

[2] Александр Петрович Иванов (1836—1912), переписчик Толстого, страдавший запоем. После 1901 г. бывал у Толстого редко.

* 149. А. Н. Дунаеву.

1888—1900 гг.

Дорогой Ал[ександр] Ник[ифорович].

Письмо это передаст вам Александр Трофимыч Зацепин, [1] человек очень хороший и интересный. Ему ничего не нужно, но я думаю, что вам взаимно будет приятно узнать друг друга.

Л. Толстой.

Датируется предположительно, на основании упоминания о Зацепине, у которого с Толстым была переписка в 1888—1900 гг.; после 1900 г. известно лишь одно письмо Зацепина к Толстому — поздравительное (в 1908 г.).

[1] Александр Трофимович Зацепин, служащий на Кыштильском заводе, позднее — поверенный при Нижегородском окружном суде; сочувствовал взглядам Толстого; в 1890-х гг. арендовал в Оренбургской губ. 3 тысячи десятин земли и думал организовать земледельческую колонию. Об этом он писал Толстому в 1895 г. Толстой ответил ему 18 сентября 1895 г., дав ему адрес П. А. Буланже (см. т. 68, стр. 181—182; см. также т. 72, стр. 278, № 227). О посещении им Толстого сведений не имеется.

* 150. К. А. Ославину.

1900 г. Октябрь, после 13—1901 г., апрель.

Окажи, милый друг, протекцию Михаилу Осиповичу Меньшикову [1] посетить в вашей больнице [2] Архангельского. [3]

Твой Л. Толстой.

На конверте: Константину Александровичу Ославину.

Датируется на основании упоминания о болезни А. И. Архангельского (см. прим. 3).

[1] М. О. Меньшиков (1859—1919), публицист, в 1890-х гг. сотрудник либеральной «Недели», позднее реакционер-монархист, один из деятельных сотрудников «Нового времени».

[2] К. А. Ославин был смотрителем Шереметевской больницы в Москве.

[3] Александр Иванович Архангельский 13 октября 1900 г. был помещен в Шереметевскую больницу в Москве из-за болезни почек и выписался из больницы в конце апреля 1901 г.

* 151. Г. М. Солодкому.

1901 г. Январь, вторая половина.

Любезный брат Григорий Мокиевич,

В ответ на ваш вопрос, переданный мне Иван Михайловичем, [1] посылаю вам письмо мое, писанное к братьям в Нижн[ем] Новгороде. [2] Я почти одновременно получил их письмо и ваше с одним и тем же вопросом о том, откуда может человек почерпнуть силы для осуществления в жизни христианского учения. Прилагаю к ответу на этот вопрос и другие ответы на сделанные мне вопросы, полагая, что они могут вам [быть] интересны, равно и прежнее мое письмо в Нижний, в котором я, по желанию братьев, старался в самой краткой форме изложить свои верования. [3]

Пожалуйста, пишите мне как о своей матерьяльной, так и духовной жизни. Будем по мере сил помогать друг другу.

Брат ваш Лев Толстой.

Печатается по листу копировальной книги. Датируется на основании упоминания о письме к «братьям в Нижнем Новгороде» (см. прим. 2).

Григорий Мокиевич Солодкий — крестьянин-сектант, знакомый И. М. Трегубова.

[1] Иван Михайлович Трегубов (1858—1932), близкий знакомый Толстого (см. т. 71).

[2] См. письмо к В. К. Заволокину от 14—18 января 1901 г., т. 73, стр. 5—15.

[3] См. письмо к В. К. Заволокину от 17 декабря 1900 г., т. 72, стр. 527—531.

* 152. А. Н. Дунаеву.

1880-е гг., конец — 1901 г., до мая.

Дорогой друг.

После вашего отъезда явился ко мне этот молодой человек. [1] Я дал ему записку к [2] Солдатенкову. [3] Если он откажет, то не придумаете ли вы, как помочь ему.

Л. Т.

На конверте: Торговый банк на Ильинке. Александру Никифоровичу Дунаеву.

Датируется приблизительно, началом знакомства с Дунаевым и временем смерти К. Т. Солдатенкова (см. прим. 3).

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

[2] *Зачеркнуто:* Тр[етьякову].

[3] Кузьма Терентьевич Солдатенков (см. прим. к письму № 86) умер 19 мая 1901 г.

* 153. А. Ф. Кони.

1901? г.

Дорогой Анатолий Федорович.

К вам в сенат должна поступить жалоба крестьян д[еревни] Каменногорки, Липовецк[ого] уез[да] Киев[ской] губ[ернии], на истязания, кот[орым] они подверглись. [1] Хотя я и знаю, что вы всегда на стороне справедливости и человечности, обращаю на это дело ваше внимание п[отому], ч[то] оно очень возмутительно.

Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

Датируется предположительно, по содержанию (см. прим. 1).

[1] Об этом деле сведений не имеется. Возможно, что оно было связано с делом «павловцев» (см. письмо к Д. А. Хилкову от 7 ноября 1901 г., т. 73, стр. 159—160) или явилось отголоском его.

* 154. А. Н. Дунаеву.

1900-е гг., начало.

Дорогой Алек[сандр] Никиф[орович],

Письмо это вам передаст молодой чех, [1] отказавшийся от военной службы, живший в англ[ийской] колонии и приехавший ко мне, воображая, что у меня колония. Он энергичен, умен и интересен. Знает 4 языка. Не можете ли помочь ему в Москве.

Обнимаю вас.

Л. Т.

Датируется предположительно, по содержанию, на основании упоминания об «английской колонии».

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

* 155. В. А. Маклакову.

1902 г. Август. Я. П.

Дорогой Василий Алексеевич,

Податель этого мне знакомый хороший человек [1] обвинен в богохульстве.

Что можно сделать?

Л. Толстой.

На конверте: Василию Алексеевичу Маклакову.

Датируется по содержанию (см. письмо к В. А. Маклакову от 10 сентября 1902 г., т. 73, стр. 287).

Василий Алексеевич Маклаков (р. 1870) — адвокат, член Государственной думы второго, третьего и четвертого созывов; близкий знакомый Толстого. После Великой Октябрьской революции белоэмигрант.

[1] Афанасий Николаевич Агеев, крестьянин д. Казначеевки, Тульской губ., был судим по обвинению в богохульстве и сослан в Сибирь, где пробыл до 1908 г.

* 156. А. Н. Дунаеву.

1901 г., конец — 1902 г. Я. П.

Дорогой друг А. Н.,

Подаст вам это письмо юноша рабочий Зернов,[1] поразительно христиански умный. Если вам время, поговорите с ним и сведите его с Михайловым.[2]

Это замечательный юноша.

Ваш Л. Т.

Датируется на основании упоминания о Михайлове: с К. А. Михайловым Толстой «сблизился» в конце 1901 г. (см. запись в Дневнике 29 ноября 1901 г., т. 54, стр. 113).

[1] О Зернове сведений не имеется.

[2] Константин Анемподистович Михайлов. См. прим. к письму № 102.

* 157. А. Л. Толстой.

1903 г. Июня 7. Я. П.

Милая Сашенька. Очень рад был получить твое письмецо и узнать, что тебе хорошо. Везде хорошо, когда в душе хорошо, а у Сони с Ильей [1] и милыми детьми тем паче. У нас

Лина [2] и Леночка. [3] Миша [4] уехал на день в Москву. Нам тоже очень хорошо. Чувствую твое отсутствие. По этому сознаю, как ты мне близка. Ездил сейчас верст 7 на Делире. Очень приятный шаг. Вчера ездил с Линой и Мишей. Прости, если тебе неприятно, что я разрешил ему ехать с нами на Делире. Рысью нейдет, но я заставлю его. Дм[итрий] Вас[ильевич] [5] поехал к дяде Сереже. У него всё глаз и лицо. [6]

Прощай, милая, целую тебя и всех твоих хозяев.

Л. Т.

Я немножко пишу, и Ю[лия] И[вановна] [7] переписывает.

7 июня 1903 г.

Печатается по копии рукой Ю. И. Игумновой.

Александра Львовна Толстая (р. 1884) — дочь Толстого (см. т. 75). 29 мая Александра Львовна уехала к И. Л. Толстому в Мансурово, Калужской губ.

[1] Илья Львович Толстой (1866—1933), второй сын Толстого, и Софья Николаевна Толстая, рожд. Философова (1867—1934), жена Ильи Львовича.

[2] Александра Владимировна Толстая (р. 1880), рожд. Глебова, жена М. Л. Толстого.

[3] Елена Сергеевна Денисенко (1863—1942), дочь М. Н. Толстой.

[4] Михаил Львович Толстой (1879—1944), сын Толстого.

[5] Дмитрий Васильевич Никитин (р. 1874), в 1902—1904 гг. жил у Толстых в качестве домашнего врача.

[6] Сергей Николаевич Толстой, брат Толстого, был болен раком.

[7] Юлия Ивановна Игумнова (1871—1939), знакомая Толстых, выполняла секретарские работы у Толстого.

* 158. Т. Л. Сухотиной.

1903 г. Июнь, середина. Я. П.

Люди эти Hunter'ы,[1] очень почтенные, приехали в Россию и Тулу, чтобы меня видеть, и рекомендованы Crosby as his friends.[2]

Л. Т.

Приписка к письму С. А. Толстой к Т. Л. Сухотиной. Датируется в соответствии с письмом Толстого к Р. Хантеру от 3/16 июня 1903 г. (см. т. 74, стр. 143).

[1] Роберт Хантер (Robert Hunter, p. 1874), американский писатель; в письме к Толстому от 3 июня н. с. 1903 г. из Лондона просил разрешения приехать. Толстой ответил согласием 3/16 июня. Однако, очевидно, получив известие о прибытии Хантеров в Тулу, он просил С. А. Толстую написать Т. Л. Сухотиной, которая в то время была в Туле, чтобы та известила Хантеров, что ввиду нездоровья Толстой просит их приехать «дня через три». К этому письму и сделана приписка Толстого.

Хантеры были в Ясной Поляне 29 июня 1903 г.

[2] [Кросби как друзья.]

* 159. А. Л. Толстой.

1903 г. Октября 5. Я. П.

Спасибо, милая Сашенька, за твои письма. Я их оба получил нынче. Вчера же было письмо от тебя к мама и от Левы.[1] Как всегда, беспокоясь за любимых людей, ожидаешь всего худшего. Так что, хотя известия о вас, главное о Доре,[2] еще не совсем хорошие, я был очень рад и этим. Надеюсь, что теперь пойдет всё лучше и вы, ты, главное, будете часто извещать нас. У нас всё хорошо. Мама немного скучает осенью, но не очень. У нас был прекрасный санный путь, кот[орый] Маша, [3] к сожалению, пропустила — не приехала. А теперь туман и слякоть. У меня нога прошла, но было маленькое расстройство печеночное, но я «заметил» и теперь совсем хорошо. Езжу через день на твоем Делире, очень приятно; всё вожусь с Шекспиром. Кажется, завтра совсем кончу.[4] Юлия Ивановна усердно и прекрасно переписывает. Вчера на ночь приехал Павел Александрович[5] и, кажется, пробудет у нас дня два. Нынче приехал Миша,[6] как всегда на минутку. Ему улыбается мысль купить Пирогово, и я очень советую.

Смотри, не заболей ты. Ты нужна для Доры. Поцелуй ты ее и скажи, что я с умилением вспоминаю наш разговор. Леву целую. Об нем, обо всем за всё это время вспоминаю с радостным чувством. Смотри же, не портись ни физически, ни, главное, нравственно, чтоб не было у тебя мрачного лица, которое я так не люблю. А чтоб было весело и на душе и на лице. Прощай, голубушка.

Л. Т.

5 октября 1903.

Мама завтра хочет ехать в Москву.[7] Миша с Линой [8] хотят приехать пожить 19 ок[тября]. Григор[ия] Моис[еевича] [9] gagne à être connu.[10]

[1] Лев Львович Толстой.

[2] Дора Федоровна Толстая, рожд. Вестерлунд (1879—1933), жена Л. Л. Толстого.

[3] М. Л. Оболенская.

[4] Над статьей «О Шекспире и о драме» Толстой работал до 19 января 1904 г. (см. т. 35).

[5] П. А. Буланже.

[6] М. Л. Толстой.

[7] С. А. Толстая уехала в Москву 6 октября и возвратилась в Ясную Поляну 11 октября.

[8] А. В. Толстая.

[9] Григорий Моисеевич Беркенгейм (1872—1919), московский врач, приехавший в Ясную Поляну 28 сентября 1903 г., чтобы заменить уехавшего Д. В. Никитина.

[10] [чем больше узнаешь, тем больше его ценишь.]

* 160. А. А. Стаховичу.

1900—1904 гг.

Многоуважаемый Александр Александрович,

Мой отец поручил мне направить к вам подательницу этого письма, монахиню,[1] с которой было совершено отвратительное преступление. Так как дело ее у следователя в Ельце, то нам больше некого просить, как Вас, заступиться за нее.

Уважающая Вас Т. Сухотина.

Мое мнение то, что лучше всего бы было ей кончить дело миром: т. е. заручиться от обидевших ее обязательством выдавать ей с ребенком средств к жизни или такой суммой, к[отор]ая давала бы ей возможность существовать.

Вы, верно, горячо примете к сердцу это дело, милый и добрый Алек[сандр] Александрович. Дружески жму вам руку. Привет сердечный вашему батюшке [2] и всем вашим.

Лев Толстой.

Датируется на основании следующих соображений: подпись Татьяны Львовны — Сухотина (с 1899 г.); адресовано письмо, судя по содержанию, в Елец — с 1905 г. А. А. Стахович больше был связан с Петербургом.

Александр Александрович Стахович (1859—1915) — брат М. А. и С. А. Стаховичей, земский деятель; елецкий уездный предводитель дворянства.

[1] Об этой монахине и о деле ее сведений не имеется. На конверте письма неизвестной рукой помечено: «Мария Архипова Тучнина» и ниже: «Валентина». Возможно, что эта запись относится к пострадавшей монахине.

[2] Александр Александрович Стахович (1830—1913), орловский помещик, шталмейстер. См. о нем т. 47, стр. 391.

161. А. Л. Толстому.

1896? г., 1904? г. сентябрь или 1905? г. январь.

Видел только твои револьверы без удовольствия и жалел, что не видел тебя.

Л. Т.

Датируется предположительно, по содержанию (в 1896 г. А. Л. Толстой проходил военную службу вольноопределяющимся; в сентябре 1904 г. отправился в действующую армию; в январе 1905 г. возвратился из армии).

Андрей Львович Толстой (1877—1916) — сын Толстого. В 1906—1907 гг. служил при тульском губернаторе чиновником особых поручений.

* 162. М. П. Новикову.

1904 г., конец — 1905 г., начало.

Прочел вашу рукопись, дорогой Мих[аил] Петр[ович]. Интереснее всего разговоры солдат (хотя первые разговоры слишком книжны) и в особенности баб. Если время будет, пишите. Чертков, я думаю, напечатает. Только старайтесь быть как можно правдивее. Я знаю, как это трудно, описывая прошедшее. Забыл, и невольно придумываешь. Лучше ничего не сказать, если забыли, чем восстановить из головы и не вполне вероятно. Подрывается доверие к остальному.

Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

Датируется на основании упоминания о статье М. П. Новикова.

Михаил Петрович Новиков 24 апреля 1904 г. был призван в армию в связи с начавшейся русско-японской войной.

Свои впечатления от пребывания в армии Новиков описал в статье «На войну», которую и прислал в рукописи на просмотр Толстому. Статья была напечатана в «Свободном слове» (Англия), изд. В. Г. Черткова, 1905, №№ 15, 16 и 17.

* 163. И. И. Горбунову-Посадову. *Черновое.*

1905 г. Январь — февраль? Я. П.

Дорогой Иван Иванович,

Впишите, пожалуйста, в день о войне следующее изречение Юма: «Когда я теперь вижу две воюющие нации, то они мне кажутся подобны двум пьяным мужикам, которые дерутся дубинами в посудной лавке, потому что, кроме тех болячек, которые они себе наделают и долго будут лечить, им придется еще дорого заплатить за перебитую посуду».[1]

Датируется по содержанию: речь идет о «Круге чтения», который в конце 1904 г. был сдан в набор, а в конце февраля были уже получены корректуры.

[1] Давид Юм (1711—1776), английский философ (субъективный идеалист), историк и экономист.

Цитируемое изречение Юма в «Круг чтения» включено не было.

164. А. Л. Толстому.

1904 или 1905 гг. Март. Я. П.

Спросить у Tastevin:[1]

Pierre le Grand Valishewsky и его же выписанное: L'héritage de Pierre le Grand.[2]

Датируется предположительно, временем чтения Толстым материалов из русской истории XVIII в. и записью в дневнике Д. П. Маковицкого 18 марта 1905 г. (см. прим. 1). Впервые опубликовано в книге: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 79.

[1] Тастевен — владелец магазина французских книг на Кузнецком мосту в Москве.

[2] Казимир Валишевский (1849—1935), буржуазный польский историк и публицист. Его сочинения «Pierre le Grand» («Петр Великий») впервые было опубликовано в 1897 г., «L'héritage de Pierre le Grand» («Наследство Петра Великого») — в 1900 г. Судя по записи в дневнике Д. П. Маковицкого, Толстой «читал Валишевского» 18 марта 1905 г.

* 165. Неизвестному.

1906 г. Апрель — сентябрь? Я. П.

Я получил ваши книги и очень благодарен за присылку их.

Автограф публикуемого начала письма находился среди рукописей статьи «О значении русской революции». Предположительно письмо и датируется временем работы Толстого над этой статьей.

Фамилия адресата неизвестна.

* 166. Неизвестному.

1907 г. Апреля 3. Я. П.

Своим письмом вы меня заинтересовали. Вы хорошо поняли, почему догматы церкви православной, как и всех прочих на земле, не только не нужны, но и вредны для веры человека в бога, но если человек, подобно вам, не решается отбросить всё ненужное и вредное только потому, что уже к этому привык или из уважения к родителям, — то я такого человека считаю малодушным, ибо должны для родителей жертвовать даже жизнью, но не убеждениями, кот[орые] есть плоды здравого рассудка. Когда дело касается веры, то даже величайший из людей, Христос, сказал: «Кто любит отца или мать свою больше, нежели меня (т. е. моего учения), недостоин меня». Поверьте, что если бы даже я когда-нибудь поверил в то, что Христос — бог, то сказал бы всему миру: «Да, я верю в божество Христа и верю, что когда он снова придет в мир и все святители, которые выдумали много слов, ненужных жестов и обрядов, в которых славится больше имя его, чем учение, обратятся к нему и скажут:

«Господи! Господи! не от твоего ли имени мы пророчествовали? и не твоим ли именем бесов изгоняли? и не твоим ли именем многие чудеса творили?» — то он ответит им: «Я никогда не знал вас, отойдите от меня делающие беззакония, моим именем прикрываясь. Не я ли говорил вам тогда, чтобы молились не в храмах, как лицемеры, чтобы показаться перед людьми. Не я ли говорил вам, что не нарушить пришел закон. Вы же, поправ мои заветы, как должно жить человеку на земле, выдумали новые, ненужные, именем моим прикрываясь и подобно язычникам думая, что в многословии услышаны будете». Вы пишете, что тогда только познали величие бога, когда были на пороге смерти. Многие из нас живут, не зная, что такое жизнь, видят бога, сами того не сознавая, когда же стоишь точно на краю смерти, жизнь разгорается таким светом, что и в голову не может придти нелепое желание уйти от того, что одно вечно и непстребимо. Что же касается вашего горя, то и с горем и без горя ужасна жизнь человека, кот[орый] вообразит себе, что только света, что в окошке, что только и жизни, что та частица ее, кот[орую] мы знаем здесь. Рад случаю познакомиться с вами.

Лев Толстой.

Печатается по рукописной копии. Дата копии.

На копии письма помечено рукой В. Д. Бонч-Бруевича: «А. М. Болотину». Однако сохранившиеся письма Болотина к Толстому по содержанию резко отличаются от публикуемого письма Толстого. Кроме того, ни на одном из имеющихся писем Болотина нет пометы об ответе Толстого. Ввиду этого письмо это печатается без указания фамилии адресата.

167. А. Л. Толстому.

1906 или 1907 г. Февраля 13. Я. П.

Опять, милый Андрюша, посылаю к тебе солдата раненого. Можно — то сделай что, а нет — суда нет.

Твой от[ец] Л. Т.

13 фев.

На обороте: Графу Анд. Льв. Толстому.

Датируется временем службы А. Л. Толстого при тульском губернаторе. Впервые опубликовано в книге: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 76.

168. А. Л. Толстому.

1906 или 1907 г. Я. П.

Не можешь ли ты помочь этим Грумантским [1] крестьянам.

Твой отец Л. Т.

Датируется временем службы А. Л. Толстого при тульском губернаторе. Впервые опубликовано в книге: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 77.

[1] Грумант — деревня в 3 километрах от Ясной Поляны.

169. А. Л. Толстому.

1906 или 1907 г. Я. П.

Милый Андрюша,

Грумантск[ие] мужики опять просят. Они говорят, что их враги подали прошенье *губернатору,* кроме прежнего.

Знаю, что ты сам рад помочь им, но и я очень прошу Арцимовича,[1] если можно, защитить их. Положение их очень плохое, если снесут построенные каменные дома.

Лев Т.

9 марта.

Датируется временем службы А. Л. Толстого при тульском губернаторе. Впервые опубликовано в книге: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 77.

[1] Михаил Викторович Арцимович (р. 1857), в 1905—1907 гг. тульский губернатор.

170. А. Л. Толстому.

1906 или 1907 г. Я. П.

Вот что, милый Андрей, телятинского крестьянина мать задавило поездом, и следователь не позволяет сыну взять ее домой и не торопится следствием. Не можешь ли ты своим знакомством с судейскими содействовать тому, чтобы было разрешено поднять ее или поскорее окончить следствие.

Целую тебя.

Твой отец Л. Т.

На конверте: Графу Андрею Львовичу Толстому.

Датируется временем службы А. Л. Толстого при тульском губернаторе. Впервые опубликовано в книге: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 78.

171. А. Л. Толстому.

1906 или 1907 г. Я. П.

В канцелярию губернатора.

Гр. Андрею Львовичу Толстому.

Если можешь, добудь даровой билет этому молодому человеку.

Л. Толстой.

Датируется временем службы А. Л. Толстого при тульском губернаторе. Впервые опубликовано в книге: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 77.

172. А. Л. Толстому.

1906 или 1907 г. Я. П.

Женщина эта та, чьего мужа застрелили в Хмелевце.[1] Если что можно сделать, то попроси начальство.

Л. Т.

На конверте: Графу Андрею Львовичу Толстому.

Датируется временем службы А. Л. Толстого при тульском губернаторе. Впервые опубликовано в книге: «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Госиздат, М. — Л. 1929, стр. 78.

[1] Хмелевец — деревня Крапивенского уезда, в 15 километрах от Ясной Поляны. Сведений об упоминаемых лицах не имеется.

* 173. С. Горлову.

1908—1909? гг. Я. П.

Вопрос, который вы мне ставите, может быть решен только вами. Вы не находите удовлетворяющего вас ответа только потому, что вам не ясна та цель, которую вы ставите своей жизни.

Цель эта есть только одна: стремленье к тому совершенству, которое указал нам Христос, сказав: «Будьте совершенны, как отец ваш небесный».

Эта единственная достойная человека цель жизни достигается не стоянием на столбе, не аскетизмом, а выработкой в себе любовного общения со всеми людьми. Из стремления к этой правильно понимаемой цели вытекают все полезные человеческие деятельности и соответственно этой цели решаются все вопросы, равно и те, которые вы мне ставите.

Желаю вам успеха в этом стремлении.

Лев Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

Об адресате сведений не имеется. Письмо его, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

* 174. П. А. Сергеенко.

1909 г. Я. П.

Очень благодарю вас за книги.[1] Они очень пригодились мне. Рад, что ваши неприятности с книгой кончились.[2]

Мы живем по-старому — не совсем дурно. В Москве, если бог велит, будем в ноябре.

Л. Т.

На обороте: Москва. Б. Лубянка, Мебл[ированные] комн[аты] Бель-вю. П. А. Сергеенко.

Датируется на основании пометы П. А. Сергеенко.

Петр Алексеевич Сергеенко (1854—1930) — писатель, близкий знакомый Толстого.

[1] О каких книгах идет речь, не выяснено.

[2] В 1908 г. П. А. Сергеенко подготовил к изданию книгу, вышедшую под названием «Хрестоматия из писаний Льва Толстого, составленная группой детей под редакцией П. Сергеенко», изд. «Книга», М. 1908.

* 175. Неизвестному.

1890—1900-е гг.

Очень бы рад был служить вам, но решительно не понимаю чем. У вас есть свои мысли о том, что нужно сделать для блага народа. Выразите их ясно, и если они справедливы, то они будут приняты. Я же решительно не понимаю, чем я тут могу содействовать.

Желаю вам всего лучшего.

Лев Толстой.

Датируется предположительно, по почерку.

Личность адресата установить не удалось.

* 176. А. М. Кузминскому.

1890—1909 гг.

Дорогой Александр Михайлович,

Пожалуйста, не стесняйся моими письмами и не отвечай мне и только не сердись на меня за то, что утруждаю тебя. Если же что можно сделать, то я уверен, что ты сам с удовольствием сделаешь. Я поставлен в необходимость обращаться к тебе: ко мне приходят и просят. Просит меня на этот раз и человек хороший и за человека, кот[орый] очень жалок. Это некто Астырев.[1] Он содержится, кажется, в тюрьме,[2] где отбывают наказание. Суд над ним уже состоялся, и приговорен он к двум годам тюрьмы и ссылке. Жалок же он тем, что в сильной степени болен чахоткой, что признано докторами. Просьба его жены состоит в том, чтобы ему дать возможность прожить свои последние месяцы или год на юге.

Так вот, пожалуйста, не сетуй на меня. Дружески жму тебе руку. Привет всем твоим.

Любящий тебя Л. Толстой.

При письме конверт с почтовыми штемпелями 5 и 6 января 1883 г. по размерам не подходящий к данному письму (слишком мал) с надписью:

Петербург. Окружной суд. Его превосходительству Александру Михайловичу Кузминскому.

Датируется предположительно, по содержанию и почерку, а также на том основании, что в начале 1910 г. А. М. Кузминский просил Толстого не обращаться к нему с просьбами по судебным делам.

[1] Об Астыреве сведений не имеется.

[2] *Написано по слову:* доме

* 177. Неизвестному.

1890—1900-е гг.

Я очень и очень вас жалею и всей душой желал бы помочь вам, но в той внутренней борьбе, кот[орая] происходит в вас, никто не может помочь вам, п[отому] ч[то] эта борьба есть совершающаяся жизнь, кот[орую] мы сами делаем. Посторонний человек не может помочь борцам, испытывающим свою силу. Всё, что он может сделать, это то, чтобы установить правильные условия борьбы — чтобы ни тот, ни другой не мог плутовать. А в происходящ[ей] в вас борьбе один — тело — плутует, стараясь одурманить духовного человека. Советую вам не допускать этого. Это очень важно. Смотрите тоже за тем, чтобы и духовный человек не хитрил. Хитрость духов[ного] человека состоит обыкновенно в том, что он себя уверяет, что он хочет то, чего он еще не хочет вполне. Только бы борьба шла честно. Какой бы ни б[ыл] исход ее, ничего не может быть для вас дурного. Если не чувствуете [1] в себе возможности перенести весь смысл, всё стремление жизни на служение богу (а, вероятно, вы не можете этого в ваши года — и не может быть иначе за редкими исключениями), то служите в военной службе до тех пор, пока можете, и ничего от этого не будет дурного ни для вас, ни для мира. Если же ваше духовное состояние таково, что служба невозможна, как невозможно вам убить ребенка или т. п., то вы найдете и силы, и пути, и радость в этом состоянии, и тоже всё будет хорошо. Главное, будьте правдивы сами с собой. Это важнее всего.

Помогай вам бог, к[оторый] в вас.

Пишите мне. Лев Толстой.

Личность адресата установить не удалось

[1] *В подлиннике:* не чувствуя

* 178. К. А. Михайлову.

1890-е гг., середина — 1900-е гг.

Близ Спасск[ого] мон[астыря] и Крут[ицких] казарм, 1-я Крутицкая ул[ица], д[ом] Рыковой. Ник. Вас. Орлов.[1]

Датируется предположительно, временем знакомства Толстого с К. А. Михайловым.

На письме сделана помета К. А. Михайлова: «По этому адресу Лев Николаевич просил меня навестить художника Н. В. Орлова».

[1] Николай Васильевич Орлов (1863—1924), художник, высоко ценившийся Толстым. См. предисловие Толстого к альбому Н. В. Орлова «Русские мужики», т. 37.

* 179. К. А. Михайлову.

1890-е гг., середина — 1900-е гг.

Констант. Анемподистов. Михайлов. Рекомендую Фролову.[1]

На конверте: Константину Анемподистовичу Михайлову.

Датируется предположительно, временем знакомства К. А. Михайлова с Толстым.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

* 180. Э. Кросби (E. Crosby).

1896—1900-е гг.

My dear M-r Crosby,

I got your letter and write as you advised me to do a letter to M-r Reynolds.[1] I did it because you advised it but never the less I am affraid that this will entangle me in this desagreable business with which I had nothing to do.

I got also your book [2] for whieh I thank you. I like the book very, very much. Some of the pieces the choice is difficult, becouse all are very good — I will have translated in Russian and publisch. There is nothing more new and interesting as the most common subjects looked at from a christian point of view. And that is what you are doing in your book and doing with talent and sincerity.

I will very much like to see M-r Herron [3] but I am affraid that his ideas shall not be partaken by me. I think that christian principles can have real influence only when they are thorough. Christianity can not bear halfmeasures. There is only the key for the lock that opens it. A key which is nearly the real one is of no use.

If we can not be thorough in our lifes, deads [?]let us try to be as thorough as possible in our idead, because to be thorough in ones ideas there is no hindrance.

I like very much the Christian[?] gospel [4] and it is a great joy for me to know that I have so many true friends and brothers among your countrymen.

Yours truly

Leo Tolstoy.

Мой дорогой м-р Кросби,

Я получил ваше письмо и пишу, как вы мне посоветовали сделать, письмо м-ру Рейнольдсу.[1] Я это сделал, потому что вы посоветовали, но тем не менее боюсь, что это вовлечет меня в неприятное дело, с которым я не имею ничего общего.

Я получил также вашу книгу,[2] за которую вас благодарю. Она мне очень, очень нравится. Некоторые отрывки — выбирать трудно, потому что все очень хороши, — мне хочется перевести на русский язык и опубликовать.

Нет ничего новее и интереснее самых обыкновенных тем, рассматриваемых с христианской точки зрения. И это вы делаете в вашей книге, и делаете талантливо и искренно.

Мне очень хочется повидаться с м-ром Херроном,[3] но боюсь, что его взгляды не совпадут с моими. Я думаю, что христианские принципы могут действительно иметь влияние, только если они совершенны. Христианство не выносит полумер. Замок можно открыть только его ключом. Ключ, который почти подходит, никуда не годится.

Если мы не можем быть совершенны в наших жизнях, смертях [?], давайте постараемся быть совершенными, насколько возможно в наших мыслях, потому что ничто не может мешать быть совершенным в мыслях.

Мне очень нравится «Christian Gospel»,[4] и для меня — большая радость знать, что у меня так много верных друзей и братьев среди ваших соотечественников.

Искренне ваш

Лев Толстой.

Датируется предположительно, на основании упоминания о Херроне (упоминания о нем есть только за эти годы).

Письмо Кросби, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] Письмо к Рейнольдсу неизвестно.

[2] О какой книге говорит здесь Толстой, не установлено. За 1896—1900-е гг. Кросби неоднократно присылал Толстому свои сочинения.

[3] Джордж Херрон (George Herron, 1865—1925), американский пастор, христианский социалист.

[4] «Христианское Евангелие». Возможно, что Толстой ошибся в названии: Кросби присылал ему журнал «Social Gospel» («Общественное Евангелие»).

* 181. И. И. Горбунову-Посадову.

1890-е гг., конец — 1900-е гг. Я. П.

Милый Ив[ан] Ив[анович],

Женщина, жена подателя,[1] к[отор]ая, по словам мужа, прекрасно пишет и кончила гимназию, пишет и на ремингтоне, просит занятий — разоренное семейст[во], оч[ень] жалкое. Не можете ли дать работу.

Жду вас с радостью.

Лев Толстой.

Датируется предположительно, временем работы И. И. Горбунова-Посадова в качестве руководителя «Посредника».

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

* 182. И. И. Горбунову-Посадову.

1900-е гг., лето Я. П.

Милый Ив[ан] Ив[анович],

Простите, если утруждаю вас. Жалкий человек,[1] хорошо грамотный и литературой занимается.

Простите, если вам неприятно.

Спасибо за ваше письмо.[2] Сделал, как умел.

Л. Т.

На конверте: Ивану Ивановичу Горбунову. В Овсянникове, за Козловкой.

Датируется на основании адреса И. И. Горбунова-Посадова. В 1900-х гг. Горбуновы приезжали летом на дачу в Овсянниково.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

[2] Письмо И. И. Горбунова-Посадова неизвестно.

* 183. В. А. Маклакову.

1900-е гг.

Дорогой Вас[илий] Алекс[еевич],

Мой друг Мих[аил] Вас[ильевич] [1] передает вам о (хотел сказать: возмутительном приговоре, но можно этого эпитета не прибавлять, т[ак] к[ак] я не знаю не возмутит[ельных] приговоров). Но дело в том, что надо помочь, написать кассац[ионную] жалобу. Пожалуйста, если можете, сделайте это. Как жаль, что не заехали к нам.

Ваш Л. Толстой.

На конверте: Василию Алексеевичу Маклакову. От Л. Н. Толстого.

Датируется на том основании, что к В. А. Маклакову за юридической помощью Толстой стал обращаться не ранее 1900 г.

[1] Михаил Васильевич Булыгин в 1890-х и в 1900-х гг. неоднократно привлекался за невыполнение распоряжений местной администрации и отбывал заключение в арестном доме в Туле.

* 184. М. А. Стаховичу.

1910 г. Января 31. Я. П.

Ясная Поляна. 31 янв.

Сегодня открыта в Ясной Поляне библиотека.[1] Извещаем Вас об этом, помня Ваши заслуги в этом деле.[2]

Лев Толстой.

Я вас всё поджидаю. Давно не видались.

Л. Т.

Написано на открытке с рисунком Е. М. Бем «Л. Н. Толстой среди яснополянских детей» (1909). Год в дате определяется по содержанию.

[1] 31 января в Ясной Поляне состоялось открытие председателем Московского общества грамотности П. Д. Долгоруковым народной библиотеки в честь 80-летия Л. Н. Толстого. Толстой присутствовал на открытии.

[2] Этот текст с начала письма написан рукой Т. Л. Сухотиной. Под текстом, кроме Толстого, подписались: Т. Л. Сухотина, П. Д. Долгоруков, А. Л. Толстая и П. И. Бирюков. Далее следует текст, написанный рукой Толстого.

* 185. И. И. Горбунову-Посадову.

1910 г. Июль, конец. Я. П.

Я думаю, что не мешало бы вставить новое окончание,[1] а впрочем, вперед согласен на ваше решение.

Л. Т.

Написано на гранке 5 корректуры статьи «Благодарная почва» в изд. «Посредника» с штемпелем типографии: «26 июня 1910 г.».

[1] Статья Толстого «Благодарная почва» в изд. «Посредника» первоначально была набрана по тексту, опубликованному в газетах 14 июля 1910 г. («Речь», «Русские ведомости», «Утро России»), который оканчивался словами: «лжи, насилия, пьянства, разврата» (см. последний абзац статьи). А 15 июля Толстой написал добавление к окончанию, опубликованное в «Речи» 27 июля. О включении этого добавления и просит Толстой. Просьба Толстого была выполнена, и статья появилась в полном виде: «Новое произведение Л. Н. Толстого. Выпуск шестой. Благодарная почва (Из дневника)», изд. «Посредник», М. 1910 (см. т. 38, стр. 31—36 и 491—493).

* 186. Б. О. Гольденблату.

1900—1910 гг.

Простите, что не перестаю надоедать.

Лев Толстой.

Написано на визитной карточке Толстого. Датируется временем знакомства Толстого с Гольденблатом.

Борис Осипович Гольденблат (1864 — ок. 1930) — тульский адвокат, знакомый Толстого.

К Гольденблату Толстой обыкновенно обращался с просьбами по делам окрестных крестьян.

* 187. Б. О. Гольденблату.

1900—1910 гг. Марта 28. Я. П.

Простите, простите, Борис Осипович, опять утруждаю вас. Что делать этому человеку: [1] подать ли в суд, исправнику или губернатору?

Благодарный Л. Толстой.

28 марта.

Написано на визитной карточке. Датируется временем знакомства Б. О. Гольденблата с Толстым.

[1] Об этом человеке сведений не имеется.

* 188. Б. О. Гольденблату.

1900—1910 гг. Я. П.

Борису Осиповичу Гольденблату от Л. Толстого с просьбой помочь.[1]

Написано на визитной карточке. Датируется временем знакомства Б. О. Гольденблата с Толстым.

[1] О ком здесь идет речь, не установлено.

* 189. Б. О. Гольденблату.

1900—1910 гг. Я. П.

Прошу помочь подательнице.[1]

Л. Толстой.

Написано на визитной карточке. Датируется временем знакомства Б. О. Гольденблата с Толстым.

[1] О ней сведений не имеется.

* 190. Б. О. Гольденблату.

1900—1910 гг. Я. П.

[Лев Николаевич Толстой] [1] просит Б. О. Гольденблата принять участие в подателе.[2]

Лев Толстой.

Написано на визитной карточке. Датируется временем знакомства Б. О. Гольденблата с Толстым.

[1] Печатная надпись на визитной карточке.
[2] О нем сведений не имеется.

* 191. Неизвестному. *Черновое.*

1910 г. Я. П.

Хочется посоветовать вам на сколько возможно стараться входить в духовное любовное общение с несчастными сотоварищами вашими, не имеющими того внутреннего духовного утешения, к[отор]ое вы имеете, и стараться вызвать в них того бога, к[оторый] живет в каждом из нас. Думаю, что это могло

бы доставить вам радостные минуты и облегчить ваше положение.

Не могу ли чем служить вам? Если бы вы мне да[ли] эту возможность, был бы благодарен вам. На вопросы ваши попрошу Маковицкого [1] и другого нашего друга, Булгакова,[2] ответить вам.

Любящий вас брат.

Публикуемый отрывок представляет собой черновик для машинки. Датируется на основании упоминания о В. Ф. Булгакове.

Кому адресовано письмо Толстого, выяснить не удалось.

[1] Душан Петрович Маковицкий (1866—1921), домашний врач у Толстого в 1904—1910 гг.

[2] Валентин Федорович Булгаков (р. 1886), в 1910 г. секретарь Толстого.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

* 192. Дело об открытии в Ясной Поляне курсов по подготовке народных учителей. 1875—1876 гг.

План

Графа Льва Николаевича Толстого об открытии [в] Тульской губернии Крапивенского уезда, в сельце Ясной Поляне частного учебного заведения 2-го разряда для приготовления народных учителей.

Курс учения от одного до трех лет.

Предметы преподавания.

1. Закон божий, священная и церковная история.
2. Русский и церковно-славянский языки и русская грамматика.
3. Арифметика.
4. Геометрия до стереометрии и алгебра до уравнений 2-й степени.
5. Русская история и всеобщая сокращенная.
6. География.
7. Чистописание, черчение и рисование.

Закон божий будет преподавать духовное лицо православного вероисповедания, а прочие предметы — лица, имеющие на то законное право.

Руководства будут приняты, одобренные правительством.

Лета учащихся: от 15 до 25.

Плата за учение по соглашению с земствами и родителями.

Помещение на квартирах; так что все ученики приходящие.

Граф Лев Толстой.

[Объявление в газету об открытии в Ясной Поляне курсов по подготовке народных учителей.]

С разрешения господина Министра народного просвещения, с января месяца 1877 года в имении графа Льва Николаевича Толстого, сельцо Ясной Поляне, Тульской губернии, Крапивенского уезда, в 15 верстах от губернского города Тулы, будут открыты педагогические курсы для приготовления учителей народных школ.

Программа преподавания в означенных курсах совмещает в себе все знания, необходимые для лиц, имеющих занять места учителей в народных школах, а также и для тех, кто на основании закона желает приобресть льготы по отбыванию воинской повинности.

В число слушателей, начиная с пятнадцати с половиной летнего возраста, при условии точного знания предметов курса начальных школ, допускаются лица всех сословий, не исключая крестьянских детей.

Земствам, желающим прислать своих кандидатов, а также частным лицам, поступающим в число слушателей, материальные условия образования не могут быть обременительны, так как: а) полный курс предполагается двухгодичный, причем занятия будут продолжаться ежегодно, в течение шести зимних месяцев с платой за слушание лекций по 5 рублей в месяц, а за учебный год 30 руб. и б) слушатели курсов будут помещаться у крестьян сельца Ясной Поляны, с платой за стол и квартиру по 4 руб. в месяц, что за учебный год составит 24 руб. Таким образом полный двухгодичный курс обойдется каждому слушателю с расходами по содержанию во 108 руб.

Условия помещения слушателей в крестьянских семьях имеет особенную важность, ввиду специального назначения курсов.

18 апреля 1874 г. Толстой обратился к Министру народного просвещения гр. Д. А. Толстому с письмом, в котором предлагал представить в министерство разработанную им программу и план преподавания в народных школах, а также и план преподавания на курсах по подготовке народных учителей. 22 декабря 1874 г. Толстой получил уведомление от Д. А. Толстого, что министерство «почтет долгом рассмотреть» и то и другое. Очевидно, вскоре Толстой приступил к составлению указанных планов и программ и обратился с ходатайством о разрешении открытия курсов по подготовке учителей для народных школ, по инстанции, в Дирекцию

народных училищ Тульской губернии. Публикуемый «План» Толстого был написан и отправлен до февраля 1875 г., так как уже 5 февраля директор народных училищ Тульской губернии М. Павлов переслал ходатайство Толстого попечителю Московского учебного округа барону Нольде. Дело это длилось около двух лет. План Толстого был переработан и детализирован, согласно требованиям Министерства народного просвещения. В 1876 г. Толстой получил разрешение на открытие курсов. Однако открыты они не были.

«План» печатается по подлиннику (написан писарской рукой и подписан Толстым); объявление — по корректурной гранке.

* 193. Прошение министру внутренних дел от имени А. Д. Широкова. *Черновое.*

1891 г., конец.

Его Высокопревосх[одительству]
Господ[ину] Мин[истру]
Вн[утренних] дел.
Кресть[янин] Тульск[ой] губ.
Крап[ивенского] уезда, сельца
[*1 неразобр.*] Аким Дмитр[и]ев
Широков

П р о ш е н и е.

В 1885 году сын мой, Иван Акимов, подвергся суду за убийство из ревности жены своей и приговорен в каторжные работы на 8 лет на остров Сахалин.[1] За хорошее поведенье его сыну моему убавлен срок, и в 1892 году он должен быть освобожден и выслан на поселение там же, на остр[ов] Сахалин.[2]

Ввиду того, что, во-первых, то, что сын мой не испорченной нравственности человек, в чем удостоверяет прилагаемый при сем приговор общества, а несчастный, совершивший преступление в минуту сильного и естественного раздражения; во-вторых, то, что, достигнув преклонных лет, я не могу поддерживать более оставшихся на моих руках его детей; и, в-третьих, то, что сын мой своим хорошим поведением в месте наказания выказал свое раскаяние, я решаюсь покорно просить, В[аше] В[ысокопревосходительство] о возвраще[нии] моего сына по окончании срока каторги ⟨домой⟩ в место жительство.[3]

Датируется по содержанию.
О А. Д. и И. А. Широковых сведений не имеется.

[1] *Зачеркнуто:* Ныне пишет

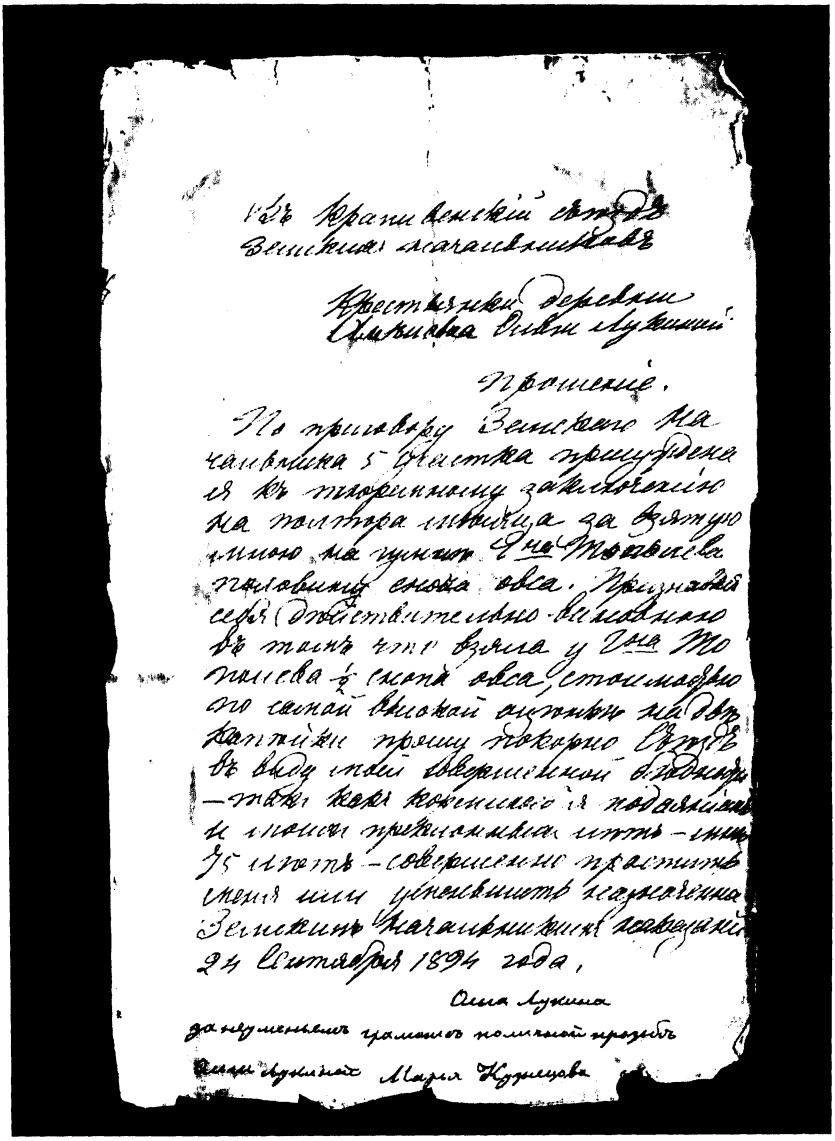
[2] *Зач.:* Достигнув уже преклонных лет (более 70-ти лет) ⟨ и имея на своем попечении ⟨ вну[ков] ⟩ детей, оставшихся после сына,⟩ желал бы перед смертью видеть своего несчастного сына и возв

[3] *Сначала слова:* в место жительство *исправлены неизвестной рукой:* в прежнее место жительство, *затем зачеркнуты. Далее той же рукой приписано:* При сем прилагаю приговор общества крестьян дер. Пироговки, заключающий в себе согласие принять вновь в свою среду моего сына Ивана Широкова и ходатайство о возвращении его на родину.

* 194. Черновик домашнего условия между Т. Л. Толстой и крестьянами деревень Скуратово и Овсянниково.

1894 г. Сентября 8? Я. П.

Мы нижеподписавшиеся, Татьяна Львовна графиня Толстая и крестьяне Тульск[ой] губ., Тульск[ого] уезда, деревень Скуратово и Овсянниковой, всем обществом заключили это домашнее условие в том, ч[то] я, Тат. Толстая, предоставляю впредь на 9 лет принадлежащую мне в имении Овсянникове землю количеством 135 дес[ятин], из кот[орых] 56 (?) пахотной и 60 покосной и лесной, в полное распоряжение и пользование крестьянам Скуратовск[ого] и Овсянник[овского] общества — с тем, что они имеют право пахать, сеять и убирать в трехпольном обороте землю пахотную и убирать в свою пользу покосы и пасти скотину на полях и лугах и пользоваться в лесах каждые 5 лет прочисткою и выборкой сухостойнику, мы же, крестьяне обществ Скурат[ова] и Овсян[никова] обязуемся: 1) уплачивать в общественную сумму обоих обществ ежегодно за отданную нам землю по 425 р. в год; 2) огораживать оставлен[ный] Татьяне Толстой сад и крыть соломой сарай и избу; 3) караулить лес, нанимая для этого сторожа из ежегодной платы 425 р.; 4) предоставлять от себя в пользование Василью..... полдесятины леса с платою от него в общество 3 р.; 5) деньги, поступающие за пользование зем[лей], обязуемся употреблять на общественные нужды двух деревень, как то: содержание сирот, убогих и старых, по решению собрания обществ обеих деревень.

Прошение, написанное Толстым
от имени Ольги Лукиной.

Условие это обязуемся хранить с обеих сторон свято и ненарушимо.

[1] Прошу наследников моих в случае моей смерти не нарушить этого условия, а по истечении срока его сделать то, что я намерена была сделать, передать землю в полную собствен[ность] крестьянам с обязательством их на вечные времена платить в общественную сумму означенные в условии деньги ⟨впредь до общего изменения в законах о земельной собственности⟩.

При черновике, написанном рукой Толстого, имеется беловая копия с него рукой М. Л. Толстой, подписанная Т. Л. Толстой и крестьянами деревень Скуратово и Овсянниково, с датой: «8 сентября 1894 г.».

[1] Между этой и предыдущей фразой неизвестной рукой вписано: «Навоз», «Повинности», затем зачеркнуто и рукой Т. Л. Толстой написано: «На отданной в нашу пользу земле обязуемся ежегодно вывозить по 30 куч навоза на десятину» и дальше: «Платить из общественной суммы следующие за землю всякого рода повинности». Толстой пометил первое вписанное Татьяной Львовной условие цифрой 5, второе — цифрой 6, а бывшее под цифрой 5 переправил на 7.

* 195. Прошение от имени Ольги Лукиной.

1894 г. Сентября 24. Я. П.

В Крапивенский съезд земских начальников
Крестьянки деревни Хмелевой Ольги Лукиной

Прошение.

По приговору Земского Начальника 5 участка присуждена я к тюремному заключению на полтора месяца за взятую мною на гумне г-на Тополева половину снопа овса. Признавая себя действительно виновною в том, что взяла у г-на Тополева $^1/_2$ снопа овса, стоимостью по самой высокой оценке на две копейки, прошу покорно Съезд, ввиду моей совершенной бедности, — так как кормлюсь я подаянием, — и моих преклонных лет — мне 75 лет — совершенно простить меня или уменьшить назначенное Земским Начальником наказание.

24 сентября 1894 года.

Под прошением подписано: «Ольга Лукина. За неумением грамоте по личной просьбе Ольги Лукиной Марья Кузнецова».

* 196. Записка к завещанию от 1 ноября 1909 г.

1909 г. Октября 31? — ноября 1? Я. П.

Несмотря на давно изъявленный мною и устно и печатно отказ от прав собственности на все мои писания, когда-либо написанные, но не изданные до тысяча восемьсот восемьдесят первого года, и желание, чтобы право на издание их стало доступно всем, я, к моему удивлению и глубокому огорчению, убедился в том, что некоторые из моих семейных не намерены, как они сами открыто это заявляли, исполнить мое желание.[1] Этому мне сначала трудно было поверить; но, убедившись, что это так, я решился обеспечить, насколько это от меня зависит, осуществление моего желания и вместе с тем избавить тех из моих семейных, которые считают своею обязанностью в точности привести в исполнение мое желание, от столкновений, пререканий и всяких затруднений со стороны тех из них, которые пожелали бы противиться этому. Для этого я решил оставить духовное завещание, по которому передаю в полную собственность всё без исключения мною написанное по день моей смерти дочери моей Александре Львовне Толстой, будучи уверен в том, что она в точности исполнит мои распоряжения относительно этих писаний. Распоряжения же эти изложены мною в особой бумаге, подписанной мною 18 сентября 1909-го года, которую я теперь еще раз подтверждаю и содержание которой я не желал бы сообщать никому до моей смерти во избежание всяких толков и пересуд об этом при моей жизни. Причины, побудившие меня предоставить это право моей дочери Александре, естественны, так как в ней я с этой стороны уверен. Другим же моим семейным не следует удивляться моему поступку, так как те из них, которые пожелали бы в этом деле поступить противно моей воле, поймут, что я именно этого и хотел избежать; а те из них, которые считают мое желание для себя нравственно обязательным, могут только радоваться тому, что я принял необходимые меры для обеспечения его исполнения. Очень надеюсь, что теперь устранится всякий случай для нежелательных столкновений в этой области между членами моей семьи за невозможностью после этого каких-либо недоразумений по поводу этого вопроса.

Лев Толстой.

31 окт. 1909.

Подлинник написан рукой Ф. А. Страхова. Подпись и дата собственноручные.

26 октября 1909 г. Ф. А. Страхов по поручению В. Г. Черткова приезжал к Толстому с проектом завещания. Толстой подписал его. Текст его редакции неизвестен (см. т. 80, «Список писем, не имеющихся в распоряжении редакции», № 18). В тот же день Толстой сообщил Страхову о своем «крайнем» решении передать все права своей дочери А. Л. Толстой. 1 ноября Страхов вторично приехал к Толстому и привез новый вариант завещания. В своих воспоминаниях Страхов пишет: «Вместе с текстом завещания я должен был привезти с собой для подписи и бумагу, которая была письменно одобрена Львом Николаевичем при первой моей поездке к нему и в текст которой были внесены некоторые поправки сообразно с последним «крайним» его решением, как он выразился» (см. «Петербургская газета» 1911, № 305 от 6 ноября).

Настоящая записка является той самой бумагой, которую упоминает Страхов. Проставленная Толстым дата, вероятно, ошибочна.

О завещании подробнее см. в тт. 57, 58 и т. 82.

[1] См. запись в Дневнике 21 октября 1909 г., т. 57, стр. 156.

СПИСОК ПИСЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО, ТЕКСТ КОТОРЫХ НЕИЗВЕСТЕН

1. Е. И. Шуваловой. *1887 г. Ноября начало.* Об этом письме Толстой упоминает в письме к А. М. Кузминскому под той же датой (см. настоящий том, стр. 265).

2. Рейнольдсу. *1896—1900 гг.* Упоминается в письме Толстого к Э.Кросби, под этой датой (см. настоящий том, стр. 338).

3. Лужицким сербам. *1909 г. Октября 25.* Помета Д. П. Маковицкого на конверте письма адресатов: «Отв. Л. Н. 25/X».

4. Лазар С. Зирич. *1909 г., конец — 1910 г., до 10 января.* В ответном письме от 14 января 1910 г. Зирич сообщал: «Получили Ваше письмо, в котором вы пишете, в чем состоит христианское учение» (перевод с сербского).

КОММЕНТАРИИ

«АССИРИЙСКИЙ ЦАРЬ АССАРХАДОН»

Сказка «Ассирийский царь Ассархадон» была написана в конце июля — начале августа 1903 г. и впервые напечатана по-русски в книжке: «Л. Н. Толстой. I. Ассирийский царь Ассархадон. II. Три вопроса. Две сказки. С 9-ю иллюстрациями Н. И. Живаго», издание «Посредник» для интеллигентных читателей. CXV. Москва» (без даты; цензурное разрешение 10 ноября 1903 г.) и почти одновременно (цензурное разрешение 13 декабря 1903 г.) в лубочном издании «Посредника» (№ 500, М. 1904).

О писании и печатании этой сказки подробнее см. в т. 34, стр. 555—560.

В начале 1906 г. Толстой задумал составить «Детский Круг чтения» и в феврале того года начал работу по подбору материала. Работа продолжалась до 1908 г., но окончена не была.

В качестве материала для «Детского Круга чтения» Толстой предполагал использовать и сказку «Ассирийский царь Ассархадон». Для этой цели он переработал текст сказки, сократив его и приспособив для детского чтения. Были изменены имена действующих лиц сказки на более простые, изъяты некоторые детали казни, сокращены описания, местами упрощен язык и т. п.

Переработку сказки Толстой произвел по лубочному изданию «Посредника» (№ 500, М. 1904). Среди рукописей Толстого сохранился этот экземпляр с исправлениями Толстого.

По этому тексту сказка впервые была опубликована в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого» под редакцией П. И. Бирюкова, т. XVI, М. 1913.

По этому же тексту сказка «Ассирийский царь Ассархадон» печатается в настоящем томе.

«ПРОЕКТ О ПЕРЕФОРМИРОВАНИИ БАТАРЕЙ В 6-ОРУДИЙНЫЙ СОСТАВ И УСИЛЕНИИ ОНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИМИ СТРЕЛКАМИ»

«Проект о переформировании батарей...» был составлен Толстым в первой половине января 1855 г. 5 января Толстой был переведен из легкой № 3 батареи 14-й артиллерийской бригады в легкую № 3 батарею 11-й артиллерийской бригады, и 14 января он выехал из Эски-Орды, под Симферополем, на новые позиции на реке Бельбек, в 10 километрах от Севастополя. По дороге он заезжал в Севастополь.

2 февраля Толстой, вспоминая об этой поездке, записал в Дневнике: «В эту же поездку показывал свой проект о переформировании батарей Сакену.[1] Он совершенно со мной согласен» (т. 47, стр. 35). Таким образом, уже к 15 января проект был написан.

5 февраля Толстой вновь записал: «3, 4, 5 февраля. Был в Севастополе. Показывал Кишинскому [2] проект. Он как будто недоволен» (т. 47, стр. 36).

В этот приезд в Севастополь Толстой, повидимому, и представил свой проект начальнику штаба Крымской армии генералу К. Р. Семякину. Семякин направил проект для отзыва генерал-адъютанту А. И. Философову и затем исполнявшему должность начальника артиллерии Крымской армии генерал-майору Л. С. Кишинскому. И тот и другой дали отрицательную оценку проекту Толстого, и проект дальнейшего движения не получил.

Следует особо отметить отзыв о проекте Толстого А. И. Философова, выражавшего точку зрения наиболее реакционных военных кругов. 20 февраля 1855 г. он писал: «Об государственной экономии и об вопросах высшей военной организации, к которым принадлежит возбужденный графом Толстым, рассуждают обыкновенно высшие сановники, и то не иначе, как с особого указания высочайшей власти. В наше время молодых офицеров за подобные умничания сажали на гауптвахту, приговаривая: «Не ваше дело делить Европу, гг. прапорщики; вы обязаны ум, способности и познания свои устремлять на усовершенствование порученной в коман-

[1] Д. Е. Остен-Сакен был начальником севастопольского гарнизона.
[2] Л. С. Кишинский, генерал-майор, командир 6-й артиллерийской дивизии (в т. 47 он ошибочно назван Кашинским).

довании вашей части и думать лишь о том, как бы в деле лучше ею управлять и извлечь из нее больше пользы».

До сих пор считалось, что «Проект о переформировании армии...» не сохранился, в соответствии с чем было сделано примечание к записи Толстого в Дневнике 2 февраля 1855 г. (см. т. 47, стр. 275, прим. 269). Рукопись его найдена в 1955 г. в Военно-историческом архиве В. Д. Поликарповым, который впервые и опубликовал ее. Подробнее об этом см. в статье В. Д. Поликарпова «Неизданная рукопись Л. Н. Толстого» («Академия наук СССР. Исторический архив» 1956, № 1, стр. 196—202).

Рукопись проекта написана писарской рукой на 6 лл. с обеих сторон. Подпись и дата — рукой Толстого. Проект печатается по этой рукописи.

«LE NON AGIR»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

Статья «Le non agir» является переводом статьи Толстого «Неделание» на французский язык, которая была написана под впечатлением речи Э. Золя, обращенной к студентам, и письма А. Дюма-сына к редактору газеты «Gaulois».[1]

«Неделание» было начато 9? июня 1893 г., а 19 июня Толстой уже послал ее для перевода и напечатания корреспонденту французской газеты «Revue de famille» Вилло (Villot), в то время сотруднику одной французской фирмы в Петербурге, неоднократно обращавшемуся к Толстому с просьбой дать что-нибудь из его новых сочинений для газеты.[2]

Вилло была послана не окончательно отделанная рукопись, и Толстой был намерен «пересмотреть» ее и дополнить, о чем он и написал ему 27? июня 1893 г., прося поскорее прислать как русский текст этой статьи, так и французский перевод ее.[3]

В начале июля Толстой получил от Вилло и то и другое и принялся за исправление как русского текста, так и французского. Работа продолжалась более месяца. Толстой радикально переработал перевод Вилло, создав, таким образом, как бы новую редакцию статьи на французском языке.

Сохранилось восемь рукописей перевода статьи на французский язык. Семь рукописей описаны под №№ 19—25 в комментариях к русскому тексту статьи «Неделание» (т. 29, стр. 412—413), причем первая рукопись, присланная Вилло Толстому, с заглавием, данным переводчиком: «Du mouvement des idées dans les écoles en France» («О идейном движении в школах Франции»), ошибочно поставлена четвертой в порядке описания рукописей перевода.[4] Восьмая рукопись, представляющая собой беловую копию окончательной редакции перевода статьи, не была известна редактору статьи «Неделание» и поэтому в т. 29 не учтена. Эта рукопись составлена из 43 лл. почтового формата и переписана неизвестной рукой с незначительными исправлениями Толстого. Она является, повидимому, дубликатом

[1] Подробнее об этом см. в т. 29, стр. 408—410.
[2] См. т. 66, стр. 360.
[3] Там же, стр. 359—360.
[4] См. описание рук. № 22, т. 29, стр. 412.

рукописи, посланной Вилло после исправления перевода. По тексту она во многом отличается от седьмой рукописи, описанной в т. 29 под № 25.

9 августа французский перевод «Неделания» был возвращен в Петербург Вилло, откуда и был отправлен в Париж. Однако редакция «Revue de famille» получила статью с опозданием. «Неделание» по-русски было опубликовано в № 9 журнала «Северный вестник» за 1893 г. С этого текста был сделан спешно перевод корреспондентом «Revue des revues» и напечатан в № 4 (октябрь) этого журнала за 1893 г. и затем перепечатан рядом французских газет и журналов.

Публикация этой статьи в «Revue des revues» вызвала неудовольствие Толстого из-за ее плохого перевода, о чем он и написал 10 декабря 1893 г. директору журнала «Revue des revues» Жану Фино (Jean Finot)[1].

Перевод же Толстого статьи «Неделание» остался неопубликованным.

В настоящем издании перевод статьи «Неделание» печатается по восьмой рукописи с заглавием «Le non agir».

---

[1] См. т. 66, стр. 441—443.

«ПАТРИОТИЗМ ИЛИ МИР?»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Статья Толстого «Патриотизм или мир?» была написана в ответ на несохранившееся письмо от 24 декабря н. с. 1895 г. английского журналиста Джона Мансона (John Manson), в котором Мансон просил Толстого высказаться по поводу происшедшего тогда столкновения между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Англией из-за границ Венецуэлы.

С конца 1880-х гг. стало особенно сильно чувствоваться соперничество Соединенных Штатов с Англией в отношении Венецуэлы, где были открыты новые богатые золотые россыпи и месторождения нефти.

Маленькая южноамериканская Венецуэльская республика имела на границе с Британской Гвианой долину, омываемую рекою Юран, которую и старалась захватить Англия. После ряда столкновений в 1887 г. Англия разорвала дипломатические отношения с Венецуэлой. В январе 1895 г. произошло новое пограничное вооруженное столкновение между англичанами и венецуэльцами. В конфликт вмешались Соединенные Штаты, которые предложили решить дело третейским судом. Соответствующая нота была послана в Лондон в июне 1895 г. В ней американское правительство ссылалось на принцип Монроэ, по которому Соединенные Штаты не могли допустить, чтобы какая-либо из европейских держав силою расширяла свои владения на американском континенте. Лорд Солсбери, английский премьер, ответил нотой, в которой выразил протест против подобного распространения доктрины Монроэ на столкновение между Англией и Венецуэлой. 5 декабря эта нота была представлена конгрессу одновременно с посланием президента Кливленда. В своем послании Кливленд назвал неосновательным протест английского премьера против применения доктрины Монроэ к тогдашнему положению дел. «Я, конечно, вполне сознаю свою ответственность, — писал Кливленд, — которую беру на себя, делая это предложение, и ясно вижу все могущие возникнуть отсюда последствия. Тем не менее я твердо убежден, что хотя крайне грустно видеть две великие нации мира, говорящие на английском языке, в каком-либо ином положении, чем в положении дружественного состязания на пути цивилизации или в ряде ревностных, достойных соперников во всех мирных искусствах, однако я полагаю, что для великой нации нет боль-

шего несчастья, чем то, которое является последствием пассивного подчинения злу и несправедливости, — я разумею потерю национальной чести и самоуважения, под охраной которой только мыслимы народная безопасность и величие» («Вопрос о Венецуэле» — «Русские ведомости» 1895, № 341 от 10 декабря).

Послание Кливленда было принято американцами «с восторгом», и немедленно в сенате внесли законопроект «об отпуске ста миллионов долларов на усиление боевой готовности» («Неделя» 1895, № 50 от 10 декабря).

Однако возникшая затем паника как на английской, так и на американской бирже заставила финансистов воздействовать на свои правительства и добиваться мирного разрешения венецуэльского вопроса.

Письмо Мансона, вызвавшее статью Толстого, как это видно из его письма к Толстому от 4 февраля н. с. 1896 г., было написано 24 декабря н.с. 1895 г., а получено Толстым, как это можно предполагать, числа 17—18 декабря ст. ст. 1895 г., то есть тогда, когда возможность войны становилась менее вероятной.

Точных сведений о начале работы Толстого над статьей не имеется. Предположительно его можно отнести к периоду 18—23 декабря 1895 г., то есть к моменту получения письма от Мансона и первого упоминания об этой работе в Дневнике Толстого. 23 декабря Толстой записал: «Начал тоже, по случаю письма ко мне англичанина, письмо о столкновении Англии с Америкой» (т. 53, стр. 75). Статья писалась всего несколько дней. Первый набросок статьи, написанный, очевидно, в один присест, напечатанный в вариантах под № 1, относится к периоду 18—23 декабря. Следующая рукопись датирована Толстым 28 декабря 1895 г. Последняя рукопись, представляющая окончательную редакцию статьи, датирована 5 января 1896 г. рукою В. Г. Черткова, который в это время был в Москве, проездом в Петербург. Уезжая в Петербург 7 января, Чертков взял статью с собою для перевода ее на английский язык совместно с приехавшим из Англии английским писателем и издателем Джоном Кенворти. В письме к Толстому из Петербурга от 12 января 1896 г. Чертков сообщал: «Статью вашу о патриотизме Kenworthy возьмет с собою», и 17 января: «Kenworthy уехал, очень довольный своим пребыванием в России.... Письма ваши к поляку и последнее о патриотизме мы вместе проверили (перевод), и он тотчас же отдаст в «Daily Chronicle» (потому что это наиболее распространенный орган), предварительно сговорившись с вашим корреспондентом».

Однако Мансон, узнав от Кенворти, что у него находится письмо Толстого к нему, которое Кенворти хотел опубликовать, первоначально дал на это согласие, но потом отказался от своих слов и потребовал передачи письма ему. 4 февраля н. с. 1896 г. он написал Толстому, прося воздействовать на Кенворти, чтобы он передал ему адресованное ему письмо: «Мне будет неприятно, — писал он, — быть принужденным принять более энергичные меры для того, чтоб установить мое право собственности на это письмо и на напечатание его согласно моему обещанию» (ГМТ).

О происшедшем столкновении с Мансоном Толстому написал и Кенворти в письме от 2 февраля н. с. 1896 г. О получении письма от Кенворти Толстой записал в Дневнике 26 января 1896 г.: «Хорошее письмо от Kenworthy. Неприятность с Manson'ом. Он журналист» (т. 53, стр. 78).

29 января М. Л. Толстая, по поручению отца, известила Черткова, что он дал согласие Мансону на опубликование статьи. «Папа находит, — писала М. Л. Толстая, — что в таких случаях надо как можно скорее соглашаться, для того чтобы не вызвать неприятностей и дурных чувств».

Чертков в письме от 1 февраля 1896 г. известил Толстого, что он уже послал Кенворти телеграмму, чтобы он предоставил Мансону первое печатание статьи.

Получив телеграмму от Черткова, Кенворти, как это видно из его письма к Черткову от 15 февраля 1896 г., немедленно послал статью Мансону.

Статья была напечатана в «Daily Chronicle» (1896, March 17) под заглавием: «Patriotism or Peace? Letter on Venezuelan Dispute». В письме к Толстому от 17 марта н. с. 1896 г. Мансон выражает сожаление о происшедшем недоразумении с Кенворти и о том, что статья появилась «только сегодня».

На русском языке статья впервые была напечатана в Женеве под заглавием: «Патриотизм или мир? Письмо к англичанину Л. Н. Толстого», издание М. К. Элпидина, Carouge — Genève, M. Elpidine, Libraire-Editeur, 1896; в том же году была перепечатана в изд. Августа Дейбнера. В этом издании были пропущены строки об императоре Вильгельме.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Общее количество рукописей, относящихся к статье «Патриотизм или мир?», исчисляется в 109 листов.

Все рукописи писались чернилами на одной стороне листов расшитой ученической тетради в одну линейку с отогнутыми полями. Отступления от этого оговариваются. Пагинация проводилась рукою переписчиков. Отсутствие ее также оговаривается.

1. Автограф. Написан на согнутом полулисте линованной бумаги. Исписаны обе стороны. Пагинация отсутствует. Заглавия рукопись не имеет. Печатается в вариантах под № 1.

2. Копия, не вполне точная, рук. № 1 рукой М. Л. Толстой, дополненная и продолженная Толстым. 6 лл. 4° и 1 отрезок. Кроме того, в следующую рукопись переложены 3 лл. и 1 отрезок. Пагинация цифрами: 1—4, 6, 7. В конце копии, на 8 и 9 лл., Толстой пишет продолжение статьи. Листы исписаны с обеих сторон без полей. Заглавия нет. *Начало:* «М[илостивый] Г[осударь], Вы пишете мне о том, чтобы я высказался». *Конец:* «но должно быть подавляемо». Рукопись имеет подпись и дату Толстого: «28 декабря 1895». Поправки Толстого многочисленны. Вычеркиваются карандашом и чернилами куски текста и делаются вставки на полях, между строк, на обороте листов и даже на обороте верхней части обложки. Вставки на полях и обороте лл. 6 и 7, а также на обложке, зачеркнуты переписчицей.

3. Копия части рук. № 2 рукой М. Л. Толстой. 8 лл. 4° и 2 отрезка. Кроме того, в следующую рукопись переложены 11 лл. и 2 отрезка. Пагинация цифрами: 1, 4, 6, 13—15, 18—24 (некоторые листы исписаны и ну-

мерованы с обеих сторон). В конце копии Толстой пишет продолжение статьи на согнутом полулисте линованной писчей бумаги с полями. Исписаны обе стороны. Заглавие: «Патриотизм или мир?» *Начало:* «Милостивый государь, Вы пишете мне». *Конец:* «C'est à prendre ou à laisser». В конце рукописи подпись и дата Толстого: «28 дек.». Поправки Толстого многочисленны.

Извлекаются из этой рукописи варианты №№ 2, 3, 4, 5.

4. Копия части рук. № 3 рукой М. Л. Толстой. 8 лл. 4°, 2 лл., склеенных из отрезков, и 2 отрезка. Кроме того, в следующую рукопись переложены 20 лл. и 2 отрезка. Пагинация цифрами: 2, 3, 8, 11—13, 15, 17, 18, 20; 1 л. и 1 отрезок номеров не имеют. Заглавие прежнее. *Начало:* «Милостивый государь, Вы пишете мне». *Конец:* «еще новых страшных бойцов дальнего востока». На обороте л. 2 Толстой пишет новое начало с заглавием: «Патриотизм без войны». Поправки Толстого попрежнему многочисленны.

Извлекаются из этой рукописи варианты №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12.

5. Копия части рук. № 4 рукой М. Л. Толстой. 8 лл. 4°, 1 л., склеенный из отрезков, и 3 отрезка. Кроме того, в следующую рукопись были переложены 24 лл. и 5 отрезков. Пагинация цифрами: 3, 4, 4—6, 15, 17, 24, 26, 30; 2 отрезка номеров не имеют. Заглавие «Патриотизм без войны». *Начало:* «Часто, когда спрашиваешь у детей, что они выбирают». *Конец:* «Одно из двух: или мир или патриотизм». Рукопись имеет много исправлений и вставок. При составлении новой рукописи некоторые листы были разрезаны и при переходе в следующую рукопись изменили места.

6. Копия части рук. № 5 рукой М. Л. Толстой. 34 лл. 4° и 5 отрезков. Пагинация цифрами: 1, 2/1, 1, 3—16, 18—22/1, 22, 23, 25, 27—31/1, 31/2, 32—36; 2 лл. и 1 отрезок номеров не имеют. Заглавие: «Патриотизм или мир?» *Начало:* «Милостивый государь, Вы пишете мне». *Конец:* «или мир, или патриотизм». В конце рукописи подпись и дата Толстого: «28 декабря 1895». В процессе правки Толстой отчеркивает целые страницы с пометой: «пр[опустить]», вычеркивает куски текста карандашом и чернилами, пишет вставки, делает исправления карандашом и производит перестановку текста.

7. Копия рук. № 6. 27 лл. 4° рукою М. Л. Толстой (лл. 1—11) и рукою Е. И. Попова (лл. 12—27). Пагинация цифрами: 1—27. Заглавие: «Патриотизм или мир?» *Начало:* «Милостивый государь, Вы пишете мне». *Конец:* «которой мы научены Христом». В конце рукописи синим карандашом рукою В. Г. Черткова поставлена дата: «Москва. 5 января 1896». Рукопись имеет небольшие исправления карандашом. Один абзац отчеркнут с пометой: «пр[опустить]». На л. 1 В. Г. Чертковым синим карандашом вычеркнуты следующие выражения на английском языке: «that the nations may soon be awakened to true only means of ensuring international peace» и «in the cause of christian consistency and true peace», и на полях черным карандашом рукою В. Г. Черткова сделан перевод, который вошел в печатный текст. Текст рукописи совпадает с печатным текстом статьи и является, таким образом, окончательной редакцией статьи Толстого. По этой рукописи статья и печатается в настоящем издании.

«ПИСЬМО К ФЕЛЬДФЕБЕЛЮ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Написание «Письма к фельдфебелю» было вызвано письмом к Толстому Михаила Петровича Шалагинова, фельдфебеля в отставке, писавшего 18 декабря 1898 г. из Каменского Завода Пермской губ. Шалагинов спрашивал: совместимо ли христианское учение с военной службой и войной?[1]

Свой ответ Шалагинову Толстой начал 31 декабря 1898 г. В этот день он сообщил В. Г. Черткову: «Нынче написал длинное письмо одному бывшему фельдфебелю о невозможности соединения войны и христианства и что из этого выходит. Попрошу послать вам копию» (т. 88). 31 декабря Толстой набросал первую редакцию письма (см. рук. № 1).[2] С оригинала была снята механическая копия. Однако, повидимому, часть листов (в том числе и последний лист) плохо отпечаталась, и с них была сделана переписчиком рукописная копия. Последний лист Толстой подписал. С этих листов в свою очередь была снята механическая копия. Составившийся, таким образом, текст письма — частью из механической копии, частью из рукописной — был послан, очевидно, адресату (см. описание рук. № 2). Оставшийся же оригинал подвергся дополнительной дальнейшей переработке Толстого, с целью подготовить его к печати.

С исправленного оригинала была снята копия, которую Толстой, просмотрев, вновь поправил и датировал 11 января 1899 г. (см. описание рук. № 3). Тогда же, очевидно, рукопись эта была сдана в переписку.

12 января 1899 г. Толстой сообщил В. Г. Черткову: «Пришлю два моих письма[3] на днях и 17 глав «Воскресения». И то и другое готовится» (т. 88).

Между тем работа над письмом продолжалась, и 24 января Толстой вновь пишет В. Г. Черткову: «Письмо к фельдфебелю прилагаю в окончательной форме» (т. 88). На этот раз Черткову, вероятно, была послана механическая копия письма в предпоследней редакции (см. рук. № 8). И только 5 февраля был послан текст письма «в окончательном виде» (т. 88).

---

[1] Полный текст письма М. П. Шалагинова опубликован в т. 72, стр. 41—42.
[2] Текст первой редакции опубликован в т. 72, стр. 37—41.
[3] Второе письмо — группе шведской интеллигенции. См. стр. 60.

21 февраля 1899 г. Толстой записал в Дневнике, после перерыва со 2 января, отмечая события за этот промежуток времени: «Написал письмо фельдфебелю и в шведские газеты» (т. 53, стр. 219).

Письмо к М. П. Шалагинову в окончательной редакции впервые было опубликовано под заглавием «Письмо к фельдфебелю» и без обращения в «Листках Свободного слова», Purleigh, Essex, England, 1899, № 5. В России — в 1917—1919 гг. в изд. «Трезвая жизнь» и др.

В настоящем издании «Письмо к фельдфебелю» печатается по тексту изд. «Свободного слова». Опечатки и ошибки переписчиков исправляются по рукописям.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 8 лл. почтового формата, исписанных с обеих сторон. *Начало:* «Михаил Петрович. Ваше рассуждение». *Конец:* «выходя из мира. Лев Толстой». Вверху 1-й страницы Толстым надписано: «Мих. Петр. Шалагинову. Каменский Завод Пермской губ.». Первая редакция письма. Просматривалась и исправлялась Толстым дважды.

2. Механическая копия с рук. № 1 в ее первоначальном, неисправленном виде. 14 лл. папиросной бумаги почтового формата (и 4 лл. — дубликат первых листов). Из них лл. 5—8, 10, 11, 13 и 14 — механические копии с копий рук. № 1 (очевидно, эти листы плохо оттиснулись и были переписаны). В этой редакции письмо было послано М. П. Шалагинову (подпись на последнем листе, 14-м, автографическая). *Начало:* «Михаил Петрович. Ваше рассуждение». *Конец:* «выходя из мира. Лев Толстой».

3. Копия рук. № 1, сделанная после исправления ее Толстым Н. Н. Ге (сыном), с новыми большими исправлениями Толстого. 7 лл. F°, исписанных с обеих сторон. *Начало:* «Михаил Петрович. Ваше рассуждение». *Конец:* «на занимающие вас вопросы. Л. Толстой». Под текстом дата Толстого «11 янв. 99».

4. Копия рук. № 1 рукой Н. Н. Ге (сына) с исправлениями Толстого. 4 лл. F°, исписанных с обеих сторон, и 1 л. 4° (автограф-вставка). *Начало:* «Михаил Петрович. Вы спрашиваете». *Конец:* «выходя из мира». Исправления Толстого лишь на первом листе. Рукопись является дубликатом рук № 3. В дальнейшей работе Толстой к ней не возвращался.

5. Копия рук. № 3 рукой П. И. Бирюкова с поправками Толстого. 8 лл. почтового формата (лл. 2—6 исписаны с обеих сторон). Последний абзац рук. № 3, являющийся заключением письма, в данной рукописи не переписан, ввиду того, что, повидимому, не был разобран переписчиком. В данной рукописи Толстой приписал новый абзац. *Начало:* «Михаил Петрович. Ваше рассуждение». *Конец:* «который вы мне делаете. Лев Толстой». На стр. 1-й надпись П. И. Бирюкова: «Письмо М. П. Шалагинову на Каменский Завод Пермской губ. Января [*пропуск*] дня 1899 г. Москва».

6. Копия рук. № 5 рукой А. П. Иванова с исправлениями Толстого. Первоначально заключала в себе 8 лл. почтового формата, исписанных с обеих сторон. После исправления лл. 1—6 были переложены в следующую. Осталось 2 лл. *Начало:* «от мудрых и доступных младенцам». *Конец:* «занимающий вас вопрос».

7. Копия части рук. № 6 рукой А. П. Иванова. 8 лл. почтового формата (6 лл. переложены из рук. № 6), исписанных, за исключением л. 8, с обеих сторон, и 3 лл. почтового формата автографов-вставок. Один лист представляет собой новое начало письма; два других—вставки в текст с пометами на них условными знаками, куда в рукописи они должны быть включены. Однако в описываемой рукописи нет соответствующих им знаков; так что можно предположить, что Черткову была послана копия статьи, которая неизвестна и в которой были отмечены соответствующие знаки. Текст этих вставок отличается от текста этих мест в изд. «Свободного слова». Возможно, что Черткову были посланы не оригиналы этих вставок, а исправленные копии их. Поэтому в настоящем издании текст их печатается по изд. «Свободного слова». Первая вставка в публикуемом тексте занимает абзацы: «Только человек.... законами, преступление» и «Человек, свободный.... не поверит этому» (см. стр. 57); вторая — абзац: «Русское правительство.... удерживаются в нем» (стр. 58).

Начало: «М. П. Вы удивляетесь». *Конец:* «занимающих вас вопросов».

8. Механическая копия рук. № 7 в ее первоначальном, неисправленном виде. 15 лл. папиросной бумаги почтового формата. *Начало:* «Михаил Петрович. Ваше рассуждение». *Конец:* «занимающих вас вопросов».

«ПО ПОВОДУ КОНГРЕССА О МИРЕ ПИСЬМО К ШВЕДАМ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Письмо-статья «По поводу конгресса о мире» было вызвано обращением к Толстому группы шведской интеллигенции в связи с созывавшейся, по инициативе Николая II, мирной конференцией в Гааге в мае 1899 г.

Шведы писали, что одним из средств, содействующих разоружению государств и установлению мира, они считают отказы от военной службы и поэтому предполагают добиться на конференции от правительств, участвующих в ней, смягчения участи отказывающихся путем допущения для них замены военной службы каким-либо общеполезным трудом. «Собравшиеся правительственные уполномоченные, — писали они, — должны будут выслушать наше заявление, так как самая цель конгресса не позволит отнестись без внимания к такому важному, в интересах гуманности, заявлению». В заключение шведы просили Толстого «обратить на это внимание царя или его министров, а также и публики». [1]

Установить точную дату начала писания ответа шведам не представляется возможным. Ни в Дневнике, ни в письмах Толстого об этом нет упоминаний. Первая рукопись-автограф не сохранилась. Копия, являющаяся первой среди оставшихся рукописей, датирована Толстым после исправления ее, 9 января 1899 г. Очевидно, около этого числа и была написана первая черновая редакция письма.

12 января Толстой уже обещает В. Г. Черткову прислать «на днях» «два своих письма».[2] «И то и другое готовится», — добавляет Толстой в письме (см. т. 88, стр. 150). И в тот же день он запрашивает письмом шведского писателя и переводчика Ионаса Стадлинга, «можно ли прислать» ему текст ответа шведам, с тем чтобы «перевести его и напечатать» (т. 72, стр. 31). Стадлинг в письме от 31 января н. с. сообщил, что он «будет рад получить и перевести» ответ Толстого на шведский и английский языки, и просил выслать рукопись (т. 72, стр. 32).

24 января Толстой выслал рукопись и в Швецию и В. Г. Черткову. Об этом он известил Черткова (см. т. 88).

---

[1] Письмо без даты. Полностью опубликовано в т. 72, стр. 14—16.
[2] Второе письмо — к М. П. Шалагинову (см. «Письмо к фельдфебелю», стр. 54).

Однако вскоре после отсылки рукописи Толстой вновь стал исправлять ее и телеграммой запросил Стадлинга, можно ли внести в текст письма новые исправления. Стадлинг ответил отрицательно.

Текст телеграммы Толстого, так же как и текст ответа Стадлинга, неизвестен; но об этом Толстой сообщил В. Г. Черткову в письме от 5 февраля: «Третье дело это письмо мое шведам. Я хотел исправить его (оно нескладно) и спросил телеграммой, успею ли? Мне ответили, что письмо уже отпечатано и послано в Англию, так что исправленную версию я пришлю вам, чтобы вы поступили с ней, как знаете» (т. 88, стр. 154.).

Таким образом, в переводе на иностранные языки письмо к шведам появилось не в последней редакции. 14 марта н. с. Стадлинг сообщил Толстому: «Я перевел ваше письмо и напечатал его по-шведски («Aftonbladt»), по-английски («The Daily Chronicle») и по-немецки («Lokal Anzeiger»)».[1]

В последней редакции письмо было напечатано в «Листках Свободного слова», Purleigh, Essex, England, 1899, № 6, с данным редакцией заглавием: «По поводу конгресса о мире. Письмо к шведам», и в «Свободной мысли» 1899, № 1.

В настоящем издании письмо к шведам печатается по тексту изд. «Свободного слова».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Копия (автограф неизвестен) рукой Н. Н. Ге (сына) с большими исправлениями и дополнениями Толстого. 21 лл. 4°, заполненных с лицевых сторон (часть оборотов занято вставками Толстого) и 1 л. F° (автограф-вставка). *Начало:* «Милостивые Государи. Мысль, высказанная». *Конец:* «эти несовместимые». Под текстом подпись и дата Толстого: «9 я. 99. Л. Т.».

Текст этой рукописи в первоначальном виде без исправлений Толстого опубликован в т. 72, стр. 9—13.

2. Копия рук. № 1 рукой А. П. Иванова с большими исправлениями Толстого. 8 лл. почтового формата, заполненных с обеих сторон (л. 8 — с одной стороны). *Начало:* «Милостивые Государи. Мысль, высказанная». *Конец:* «спасения и освобождения».

3. Копия рук. № 2 рукой А. П. Иванова с большими исправлениями и дополнениями Толстого. 5 лл. F°, заполненных, кроме л. 5, с обеих сторон, и 2 лл. почтового формата и 2 отрезка—автографы-вставки. *Начало:* «Милостивые Государи. Мысль, высказанная». *Конец:* «спасения и освобождения».

4. Копия рук. № 3 рукой А. П. Иванова с исправлениями и дополнениями Толстого. 5 лл. F°, заполненных с обеих сторон, и 1 л. F° и 1 отрезок — автографы-вставки. *Начало:* «Милостивые Государи. Мысль, высказанная». *Конец:* «спасения и освобождения».

5. Автограф. 1. л. — отрезок. Вставка в письмо со знаком #. Весь текст зачеркнут красным карандашом. *Начало:* «⟨играть в шахматы⟩». *Конец:* «⟨кто в Африке, кто в Европе.⟩». В описанных рукописях местоположение этой вставки (как по знаку #, так и по смыслу ее) не установлено. Возможно, что она была сделана к первому, несохранившемуся автографу.

[1] См. т. 72, стр. 32.

«ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «JAPANESE NOTIONS OF EUROPEAN POLITICAL ECONOMY»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

23 мая 1900 г. Толстой писал В. Г. и А. К. Чертковым из Пирогова: «Написал я еще здесь — не совсем кончил— три предисловия.... другое — к Японскому обзору политико-экономических теорий нашего мира — «Japanese Notions of European Political Economy» by Tentjaro Makato. Хочу предложить издать по-русски» (т. 88, стр. 197—198).

Книга эта, которую доставил Толстому, вероятно, его английский единомышленник Джон Кенворти, приехавший в Пирогово 6 мая 1900 г., представляла для Толстого большой интерес, так как в то время он был усердно занят работой над статьей «Рабство нашего времени». Она была составлена атташе японского посольства в Америке Теремото и японским политико-экономистом Тентиаро Макато и издана в Глазго Шотландской лигой единого налога последовательно тремя изданиями. В 1900 г. была перепечатана, в несколько измененном виде, в Филадельфии, причем в качестве автора, от имени которого изложены были основные наблюдения японских ученых, выступил американец Джемс Лев (1859—1908?).

Это издание и было доставлено Толстому.

Книга содержит критические замечания по поводу политико-экономических теорий ряда ученых. Критика дается с точки зрения учения Генри Джорджа, который называется «писателем, наиболее совершенным и по мысли и по языку».

Толстой сочувствовал общему духу всего сочинения — протесту против эксплуатации трудящихся, отрицанию частной земельной собственности, признанию нравственных законов основой общественного переустройства. Однако оценка учения Генри Джорджа, данная в книге, казалась ему преувеличенной.

Русский перевод книги вышел лишь в 1907 г., в изд. «Посредник», под названием: Джемс Лев, «Наша политическая экономия с точки зре-

ния японцев». Предисловие Толстого в книге не было напечатано, очевидно потому, что редактор издательства И. И. Горбунов-Посадов не знал о его существовании.

Рукопись предисловия состоит из двух листов почтового формата, из которых первый исписан с обеих сторон, а на втором написано лишь четыре строки вставки.

Печатается впервые по рукописи.

«КАК ОСВОБОДИТЬСЯ РАБОЧЕМУ НАРОДУ?»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Во второй половине марта 1905 г. Толстой получил от крестьянина села Семеновского, Тверской губ., Михаила Даниловича Суворова, служившего лакеем в Петербурге, письмо, в котором Суворов писал: «Скажи, Великий Патриарх, долго ль многонаселенные серые серьмяги тащить будут перекувыркнутую телегу. Двадцатый век идет, и время тяжкое настало, льется кровь и пот обездоленных, обессиленных. Не будет отцов, братьев, и множество калек. А перекувыркнутая телега стоит на том же месте. Будем ли мы в состоянии продолжать тащить телегу и петь «Дубинушку», что «сама пойдет»... Великий учитель, научи нас, многострадальцев и долготерпеливых серых зипунов, дотащить перекувыркнутую телегу до назначенного места. Проложи ровный путь твой, укажи конец места и бесполезных трудов наших...»

Письмо это датировано 17 марта 1905 г.

Судя по записи в неопубликованном дневнике Д. П. Маковицкого, Толстой начал писать ответ на письмо Суворова 24 марта. Однако этим числом помечена М. Л. Толстой обложка третьей рукописи письма. Возможно, что Маковицкий опоздал записью на несколько дней; но возможно также, что и Мария Львовна механически на рук. № 3 проставила дату начала работы над письмом, что нередко бывало.

Повидимому, к началу апреля ответ Суворову был закончен (рук. № 5 датирована 28 марта) и вскоре послан для печати В. Г. Черткову в Англию. 17 апреля 1905 г. Толстой сообщал В. Г. Черткову: «Я послал вам письмо о перекувыркнутой телеге, может быть оно вам пригодится» (т. 89, № 738). Посланная Черткову рукопись, с которой производился набор, не сохранилась.

Статья была набрана и в корректуре прислана на просмотр Толстому. О времени получения корректуры и исправлении ее Толстым сведений нет.

Корректура была сопровождена письмом Черткова, которое не сохранилось и в котором Чертков предлагал Толстому сделать в тексте статьи ряд изменений, очевидно выставляя свои доводы.

В корректуре он подчеркнул восемь мест и на полях сделал цифровые пометы.

О предложениях Черткова можно лишь догадываться, и поэтому нет надобности отмечать указанные им в корректуре места. С частью предложенных изменений Толстой согласился; часть из них отверг (см. описание рук. № 8).

Толстой высоко ценил эту свою статью. Д. П. Маковицкий рассказывает, что Толстой, прочитав ее своим домашним и собравшимся у него гостям, сказал: «Это мое profession de foi [исповедание веры], которое я выразил самым доступным образом».[1]

Впервые письмо-статья была опубликована под заглавием «Как освободиться рабочему народу? (Письмо к крестьянину)» в № 13 «Листков для народа», изд. «Свободное слово», под ред. В. Черткова, Christchurch, Hants, Englang, 1905. В России была напечатана в изд. «Обновление», № 10, СПб. 1906 (издание было конфисковано).

В настоящем издании письмо-статья печатается по изданию «Свободного слова». Опечатки и ошибки переписчиков исправляются по рукописям и корректуре.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 6 лл. почтового формата и 1 отрезок, исписанных с обеих сторон (кроме л. 5). Пагинация по страницам цифрами 1—13. *Начало:* «Получив ваше хорошее письмо». *Конец:* «я и советую». Автограф просматривался Толстым несколько раз и носит следы больших исправлений.

2. Копия рук. № 1 рукой М. Л. Оболенской. Первоначально содержала 16 лл. 4°, исписанных с одной стороны. В процессе правки Толстой произвел перестановку текста. Часть листов была разрезана, часть исключена, а отрезки перенумерованы с оставшимися листами рукой Толстого цифрами 1—18, причем лл. 16—18 были переложены в следующую рукопись. Осталось 9 лл. 4° и 8 отрезков. *Начало:* «Михаил Данилович, получил ваше». *Конец:* «Стали помещики дорожиться». Перед текстом Толстым вписано: «Ответ крестьянину Михаилу Данилову Суворову».

Рукопись заключена в обложку с надписью рукой М. Л. Оболенской: «Черновые письма к крестьянину. 1905. Март».

3. Копия рук. № 2 рукой М. Л. Оболенской. 15 лл. 4° и 2 лл. почтового формата. Пагинация переписчицы цифрами 1—14 (1 л. 4° и 2 лл. почтового формата, автографы-вставки не нумерованы). *Начало:* «Михаил Данилович, вы спрашиваете». *Конец:* «жизнь людей». Рукопись заключена в обложку с надписью рукой М. Л. Оболенской: «Письмо к крестьянину о перекувыркнутой телеге. 24 март. 1905».

4. Машинописная копия рук. № 3. 4 лл. 4° и 7 отрезков (часть листов и отрезков переложена в следующую рукопись) с большими исправлениями Толстого. *Начало:* «Только исполняй». *Конец:* «жизнь всех людей». Под текстом подпись и дата Толстого: «27 марта 1905».

5. Копия рук. № 4 рукой М. А. Шмидт. 7 лл. 4° и 3 отрезка. Рукопись неполная. Повидимому, в процессе правки некоторые листы и отрезанные части, наименее исправленные, были переложены в следующую рукопись,

---

[1] Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», запись 13 июня 1907 г. (рукопись).

которая не сохранилась, а часть перешла в рук. № 6. *Начало:* «Если и будут такие». *Конец:* «добиваться хорошей жизни». Дата, перенесенная переписчицей из рук. № 4, ею же исправлена из «27 марта» на «28 марта».

К данной рукописи приложена машинописная копия конца рук. № 5 на 2 лл. 4°. *Начало:* «⟨только живи люди⟩». *Конец:* «дело не наше, а божье».

6. Полная рукопись всей статьи. 13 лл. 4°—машинопись (л. 6 и часть наклеек — рукописные; перешли из рук. № 5). *Начало:* «Михаил Данилович, вы спрашиваете». *Конец:* «дело не наше, а божье». Над текстом заглавие: «Ответ крестьянину Михаилу Данилову Суворову».

7. Машинописная копия рук. № 6. Сохранился только последний лист. *Начало*: «а положись на бога». *Конец:* «посылаю его и в печать».

8. 6 корректурных гранок в изд. «Свободного слова» с большими исправлениями Толстого и с пометами В. Г. Черткова. Заглавие: «Как освободиться рабочему народу?» *Начало:* «Вы спрашиваете: долго ли». *Конец:* «имя ваше упомянуто не будет». Под текстом дата: «25 марта 1905 г.».

В корректуре восемь мест отчеркнуты Чертковым и на полях проставлены номера. Эти места Чертков предлагал изменить. В начале первой гранки он пометил: «Обратите внимание на то, что нумерация отметок не в последовательном порядке». Отвечая Черткову на его замечания, Толстой в нижней части первой гранки написал:

С первым замечанием не согласен, п. ч. излишняя точность выражений не нужна в сравнени[ях].

2) Воспользовался ваши[м] замечан[ием].

3) Не согласен по тому же, почему не согласен с 1-м.

4) Согласен.

5) Согласен.

6) В конце сказано это самое. Более подробно не нужно.

С 7) и 8) согласен и всё вымарал. А потом восстановил с изменениями. Как хотите, так и делайте: с выпусками или с переделкой.

Пункты 7 и 8 касаются 33—35 абзацев публикуемого текста, которые первоначально являлись одним абзацем. Толстой сначала вычеркнул его, затем восстановил и исправил. Чертков напечатал исправленный текст.

«ПИСЬМО К КРЕСТЬЯНИНУ О ЗЕМЛЕ (О ПРОЕКТЕ ГЕНРИ ДЖОРДЖА)»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

В июле 1905 г. Толстой окончил статью «Великий грех», в которой он писал о «грехе земельной собственности» и о разрешении земельного вопроса по проекту Генри Джорджа. Между тем вопрос этот продолжал интересовать Толстого и в дальнейшем. Д. П. Маковицкий 16 октября 1905 г. записал в дневнике: «Лев Николаевич.... хочет еще короче и доступнее для народа изложить то, о чем писал в «Великом грехе»; и 20 октября: «Лев Николаевич пытается написать краткий популярный листок об освобождении земли».[1] Сам Толстой об этом сообщил И. И. Горбунову-Посадову в письме от 11 ноября 1905 г.: «Очень хочется написать популярное изложение единого налога и начал, да не вышло. Но попытаюсь еще» (т. 76, стр. 49).

Это начало статьи, судя по записи в дневнике Д. П. Маковицкого 14 ноября, Толстой «разорвал», решив использовать для статьи свое письмо о том же вопросе к Т. М. Бондареву, написанное 23 июня 1894 г. (см. т. 67, стр. 158). Об этом отметил в дневнике 15 ноября Д. П. Маковицкий.[2]

Письмо к Бондареву Толстой в корне переработал. В результате этой переработки получилась совершенно новая статья, в краткой форме объясняющая смысл проекта Г. Джорджа.

17? ноября 1905 г. Толстой сообщил И. И. Горбунову-Посадову: «О земельном вопросе пишу краткий популярный листок» (т. 76, стр. 53); а 30 ноября Д. П. Маковицкий отметил в дневнике окончание работы Толстого над этой статьей.

Впервые статья под заглавием «Письмо Л. Н. Толстого к крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа)» была опубликована в № 1 «Листков «Посредника» [1905?] и затем брошюрой (под тем же заглавием и с тем же текстом) в изд. «Посредник», № 1640, М. 1906.

В настоящем издании статья публикуется по первопечатному тексту.

---

[1] Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки» (рукопись).
[2] Там же.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Копия письма Толстого к Т. М. Бондареву от 23 июля 1894 г. (без первого абзаца) рукой неизвестного с большими исправлениями автора. 2 лл. F°. Заглавие: «Письмо Льва Николаевича Толстого к крестьянину Тимофею Михайловичу Бондареву». *Начало:* «Проект Генри Джорджа». *Конец:* «В этом проект Генри Джорджа».

2. Копия рук. № 1 рукой М. Л. Оболенской с большими исправлениями Толстого. 10 лл. 4°. Заглавие исправлено Толстым: «Письмо Л. Н. Толстого к крестьянину о земле по Генри Джорджу». *Начало:* «Теперь одни люди». *Конец:* «возможно и нетрудно».

3. Машинописная копия рук. № 2 с исправлениями Толстого. 3 лл. 4° и 1 отрезок (часть листов и отрезков не сохранилась). Заглавие то же, что и в рук. № 2. *Начало:* «Одни люди владеют». *Конец:* «чем они должны быть».

4. Машинописная копия рук. № 3 с исправлениями Толстого. Сохранилась не полностью. 1 л. 4° и 3 отрезка. Заглавие то же, что и в предыдущих рукописях. *Начало:* «Одни люди владеют». *Конец:* «В этом проект Генри Джорджа».

5. Машинописная копия рук. № 4. Рукопись сохранилась не полностью. 5 лл. 4°. Заглавие то же. *Начало:* «Многие люди думали». *Конец:* «греха разделения людей».

Очевидно, была еще рукопись, с которой производился набор в изд. «Посредник». Она не сохранилась.

«ИСТИННАЯ СВОБОДА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Статья «Истинная свобода» явилась следствием переработки статьи «Как освободиться рабочему народу?» (см. «Историю писания», стр. 371), произведенной Толстым в 1907 г.

26 апреля 1907 г. Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Лев Николаевич.... переработал для издания Суткового написанную им еще в 1905 г. статью «Как освободиться рабочему народу?». Завтра хочет отослать».[1]

Н. Г. Сутковой, один из руководителей издательства «Обновление», был у Толстого 24 апреля, и, очевидно, тогда же Толстой обещал ему дать для издания свою статью и начал работу над ней.

Первая рукопись, являвшаяся, повидимому, копией статьи «Как освободиться рабочему народу?», в которую Толстой внес свои исправления, не сохранилась. Имеется лишь рукопись (зарегистрированная в описании под № 1), представляющая собой значительно переработанный текст названной статьи и носящая уже заглавие «Забытое верное средство», затем исправленное Толстым на «Истинная свобода».

29 апреля работа над статьей была окончена. Этим числом датирована вторая (последняя) рукопись.

Однако в издательство «Обновление» статья послана не была, так как издательство это прекратило свое существование.

При жизни Толстого статья «Истинная свобода» не была опубликована. Впервые она была напечатана в т. XIX «Сочинений графа Л. Н. Толстого», изд. 12-е, М. 1911, стр. 549—555; но по постановлению Московской судебной палаты вырезана из тома (в библиотеке Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве сохранилось несколько экземпляров этого тома с указанной статьей). Опубликована была в 1917 г. в изд. «Трезвая жизнь» (и других; всего в 1917—1919 гг. — свыше десяти изданий).

---

[1] Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки» (рукопись).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Машинопись. 11 лл. 4° с поправками Толстого. На обложке машинописное заглавие: «Забытое верное средство», зачеркнутое Толстым и замененное им на новое: «Истинная свобода».

После исправления 8 лл. 4° и 2 отрезка были переложены в следующую рукопись; в данной осталось 1 л. 4° и 2 отрезка.

2. Рукопись, составленная из переложенных листов рук. № 1 и копий рукой Д. П. Маковицкого с листов, оставшихся в рук. № 1. 12 лл. 4° и 2 отрезка. На обложке надпись рукой А. Л. Толстой: «Истинная свобода» (Переделка из «Как освободиться русскому народу?»). Конец апреля 1907 г.» Под текстом дата рукой Д. П. Маковицкого: «29 апр. 1907. Я. П.».

В настоящем издании статья «Истинная свобода» печатается по рук. № 2.

«ПРЕДИСЛОВИЕ К ПИСЬМУ Т. Л. СУХОТИНОЙ В РЕДАКЦИЮ «ГОЛОС МОСКВЫ»

8 августа 1907 г. Толстой записал в своем «Карманном ежедневнике»: «Письмо Тани» (т. 56, стр. 207).

Толстой получил письмо Т. Л. Сухотиной с вложением ее же «Письма в редакцию» от 5 августа 1907 г. Татьяна Львовна просила напечатать прилагаемое письмо, в котором описывался пожар в ее имении и рассказывалось «об отношении крестьян и других лиц к этому событию» и об их помощи.

По получении письма Толстой приступил к писанию небольшого предисловия к нему. 9 августа он отметил в Записной книжке: «Писал примечания к Таниной статейке» (т. 56, стр. 207). Очевидно, вскоре предисловие и было закончено. Самый текст письма Т. Л. Сухотиной Толстой значительно исправил не только в стилистическом отношении, но и внес кое-какие дополнения.

По исправлении письмо это, вместе с предисловием Толстого, было послано в редакцию газеты «Голос Москвы», где и было напечатано в № 188 от 14 августа 1907 г. Письмо Т. Л. Сухотиной было подписано: «W».

В настоящем издании предисловие Толстого печатается по первопечатному тексту.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. почтового формата, исписанный с одной стороны целиком, с другой наполовину. Первая незаконченная редакция предисловия. *Начало:* «Прекрасное по мысли». *Конец:* «⟨добрых, высоких⟩, ⟨кот⟩».

2. Автограф. 2 лл. 8°, исписанных с обеих сторон. Вторая незаконченная редакция предисловия. *Начало:* «Прекрасное по мысли». *Конец:* «учить нас».

3. Автограф. 2 лл. почтового формата, исписанных с обеих сторон. Первая законченная редакция письма. *Начало:* «Прекрасное по чувству». *Конец:* «не насиловать его».

4. Машинописная копия рук. № 3. 2 лл. 4° с большими исправлениями Толстого. *Начало:* «Случайно прочтя». *Конец:* «не насиловать его». Редакция, близкая к окончательному тексту.

5. Машинопись. 4 лл. 4°. Включает в себя «Письмо в редакцию» Т. Л. Сухотиной от 5 августа 1907 г. *Начало:* «Вчера горела у нас в имении».

Конец: «уничтожено и предотвращено». Подпись: «Т.». Рукопись носит следы значительных исправлений Толстого. Наиболее важные из них:

Текст Т. Л. Сухотиной	*Исправлен Толстым*
Я хочу рассказать об отношении крестьян и других лиц к этому событию.	Мне хочется рассказать об отношении крестьян к этому событию и о тех мыслях, которые вызвало во мне это отношение.
Когда я возвращалась из дома на пожар — ехала уже вереница мужиков с кадками. Все худые, высохшие от работы и суровой пищи...	Когда я возвращалась из дома на пожар — ехала уже вереница мужиков с кадками. Все и старые и молодые, такие же, как и тот, высохшие от работы и суровой пищи...
с серьезными, спокойными лицами...	с энергическими, серьезными лицами...
Ни один не старался отличиться, и каждый кланялся мне так же просто, как он это сделал бы в каждый другой день.	Ни один не старался отличиться. Все так же просто, как и первый, кланялись мне и не спеша и не медля, как люди, привыкшие к труду, делали свое дело.
И пока продолжался пожар, эта вереница худеньких лошаденок спускалась к пруду, там стояла, дожидаясь, пока их хозяева наполняли кадки, и опять тащилась в гору, привозя наполненные кадки,	И во всё время, пока продолжался пожар, вереница маленьких крестьянских лошадок, запряженных в одноколки и телеги, спускалась к пруду, там стояла, дожидаясь, пока мужики наполняли кадки, и опять тащилась в гору. Вылив воду, телеги с пустыми кадками, громыхая, ехали под гору. Опять наливалась вода, опять поднимались в гору.
мужики, обрадовавшись вёдру,	мужики, обрадовавшись погоде,
Пока чувство это живо — Россия еще не погибла. И я верю в то, что оно пока еще не заглохло.	Да, — думала я, — пока чувство это живо — Россия еще не погибла. И я верю, что чувство это живо.
затушить эту искру божию.... но она всё еще тлеет.... может она разгореться	затушить эту искру божию.... но я знаю то, что она жива.... может и должна она разгореться

ПРИМЕЧАНИЕ

Как сказал мужик с бочкой. — Толстой имеет в виду следующее место из письма Т. Л. Сухотиной: «Ответивши на поклон одного из мужиков, я прибавила: «Вот спасибо, что приехали помочь. Свою работу бросили». — «А как же, матушка, друг дружке не помогать, так и жить нельзя», — ответил мужик и поехал дальше».

«МОЛИТВА ВНУЧКЕ СОНИЧКЕ»

Эта молитва, как и указывает заглавие ее, написана Толстым для его внучки, дочери Андрея Львовича и Ольги Константиновны Толстых, в то время девятилетней девочки.

Текст молитвы написан Толстым на 1 л. почтового формата. Под текстом дата рукой Н. Н. Гусева: «15 июля 09».

По этой рукописи молитва была впервые опубликована в журнале «Маяк» 1909, № 8, стр. 13; по этой же рукописи молитва печатается в настоящем издании.

«РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ЖИЗНЬ ДЛЯ ВСЕХ» В. А. ПОССЕ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

В начале 1910 г. близкий знакомый Толстого П. А. Буланже закончил работу над статьей «Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой», а 25 января 1910 г. он прочитал ее Толстому. В Дневнике под этим числом Толстой записал: «Буланже читал очень хорошую работу о Будде» (т. 58, стр. 12).

Очевидно, по просьбе П. А. Буланже, готовившего эту статью к печати, Толстой решил написать к ней предисловие; 11 февраля он отметил в Дневнике: «Был 3-го дня Буланже. Надо написать ему предисловие к Будде» (т. 58, стр. 15).

Работу над предисловием Толстой начал 12 февраля, продиктовав текст своему секретарю В. Ф. Булгакову. Под этим числом Булгаков записал в своем дневнике: «Л. Н. ... продиктовал мне предисловие к статье Буланже о буддизме и просил потом исправить в нем шероховатости слога».[1] После небольших исправлений Булгакова Толстой, просматривая, коренным образом переработал текст. Начало своей работы Толстой отметил в Дневнике 12 февраля: «Написал плохо для Буланже о Будде» (т. 58, стр. 16).

Исправлением письма-статьи Толстой был занят до 24 февраля (см. записи в Дневнике 12, 16—18, 22—24 февраля, т. 58, стр. 18—20). Первоначально Толстой, повидимому, не решил еще, где печатать статью Буланже и свое предисловие к ней. Первая рукопись имеет обращение к «NN»; но уже вторая рукопись, датированная 15 февраля, имеет обращение к В. А. Поссе. 23 февраля Толстой занес в Дневник: «Вечером закончил письмо Поссе» (т. 58, стр. 20); однако и на следующий день Толстой продолжал исправление своего предисловия, отметив в Дневнике: «Сегодня, 24-го, очистил все письма и окончательно Поссе» (т. 58, стр. 20).

25 февраля предисловие Толстого вместе с его сопроводительным письмом (см. т. 81) было послано В. А. Поссе.[2] 3 марта Поссе известил Толстого о получении письма и писал:

---

[1] В. Ф. Булгаков, «Лев Толстой в последний год его жизни», М. 1957, стр. 94—95.
[2] Там же, стр. 119, запись 25 февраля.

«И статью и Ваше письмо я помещаю в мартовской книжке, которую я для этого несколько задержал. Выйдет она числа 12 марта. Корректура будет продержана внимательно. Ни одного слова я, разумеется, не изменил и не выпустил. Церковники будут, разумеется, недовольны Вашим письмом, но придраться цензорам, мне кажется, невозможно» (ГМТ).

Предисловие Толстого вместе со статьей П. А. Буланже было напечатано в журнале «Жизнь для всех» 1910, № 3, под заглавием, данным редакцией: «Письмо Л. Н. Толстого к В. А. Поссе о значении ознакомления с основами религиозных учений». Этот номер «Жизни для всех» был получен Толстым 16 марта, как записал в своем дневнике В. Ф. Булгаков. «Лев Николаевич беспокоился, — рассказывает Булгаков, — как бы редактор не поплатился за резкие суждения о церкви в предисловии. — Журнал тем и хорош, — говорил, однако, после Л. Н., — что, как и говорил мне Поссе, он из печатаемых статей не выпускает ни одного слова».[1]

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Рукопись. 4 лл. 4°, исписанных рукой В. Ф. Булгакова с обеих сторон, и 1 л. почтового формата (автограф-вставка), с большими исправлениями Толстого и несколькими поправками Булгакова. *Начало:* «NN! ⟨Предлагаю вам⟩». *Конец:* «данными науки». На обложке рукой В. Ф. Булгакова помечено: «Письмо редактору журнала «Жизнь для всех». Листок, написанный мною под диктовку Л. Н. и потом им исправленный. Первоначальная версия».

2. Машинописная копия рук. № 1 с исправлениями Толстого. 4 лл. тонкой бумаги стандартного размера и 2 лл. почтового формата (автографы-вставки; одна из них была исключена). *Начало*: «Владимир Александрович, я уже давно». *Конец:* «другие сделают лучше». В начале письма машинописная дата: «15 февраля 1910 г. Ясная Поляна».

3. Машинописная копия рук. № 2 с исправлениями Толстого. 3 лл. F° и 1 отрезок. *Начало:* «Владимир Александрович, я уже давно». *Конец:* «другие сделают лучше».

4. Машинописная копия части рук. № 3 с исправлениями Толстого. 1 л. большого формата. *Начало:* «Вредные последствия». *Конец:* «главных религий мира».

5. Машинописная копия рук. №№ 3 и 4 с исправлениями Толстого. 4 лл. F° и 4 лл. почтового формата (автографы-вставки; одна вставка в 1 л. исключена Толстым и заменена новой, написанной на двух листах). *Начало:* «Владимир Александрович, я уже давно». *Конец:* «другие сделают лучше».

6. Машинописная копия рук. № 5 с исправлениями Толстого. 4 лл. F°. *Начало:* «Владимир Александрович, я уже давно». *Конец*: «другие сделают лучше».

7. Машинописная копия части рук. № 6 с большими исправлениями Толстого. 2 отрезка. *Начало:* «отношении — одной из главных причин». *Конец:* «в сердце каждого человека».

---

[1] В. Ф. Булгаков, «Лев Толстой в последний год его жизни», М. 1918, стр. 111, запись 16 марта.

8. Машинописная копия рук. № 7 с исправлениями Толстого. 2 отрезка. *Начало:* «отношении — одной из главных причин». *Конец:* «и радостные истины».

9. Машинописная копия рукописи несохранившейся и рук. № 8. 5 лл. тонкой бумаги стандартного формата. *Начало:* «Владимир Александрович, я уже давно». *Конец:* «другие сделают лучше». В конце письма подпись Толстого. Перед текстом — машинописная дата: «24 февраля 1910 г. Ясная Поляна». Последняя редакция письма, посланная В. А. Поссе для печати. Все листы имеют следы сгиба вчетверо (под конверт). В тексте поправок Толстого нет; между тем имеются поправки неизвестной рукой карандашом, сделанные, очевидно, после подписания письма Толстым, в большинстве своем стилистического характера. С этими исправлениями письмо и было опубликовано.

В настоящем издании письмо к В. А. Поссе печатается по рук. № 9. Поправки, как не принадлежащие Толстому, не принимаются во внимание.

Стр. строка	*Печатается в настоящем издании*	*Напечатано в «Жизни для всех»*
86,27	великих религий	религий
87,6	как большинства	как среди большинства
87,6	так называемого	среди так называемого
87,7	так и так называемой	так и среди так называемой
87,7	Ослабление это	Ослабление же религиозного сознания
87,9	люди из народа	эти люди
87,14	религиозных положениях такие,	религиозных утверждениях такие из них,
87,18	выделить наиболее	отделить наиболее
87,19	они перестают	люди перестают
87,22	внешними формами	внешними обрядами
87,29	что вызывающие их сомнения религиозные положения,	что те религиозные положения, которые вызывают их сомнения,
87,36	этим, общим всем религиям, положениям	в эти, общие всем религиям, положения
89,5	выделения	отделения
89,9	выделить	отделить
89,12	выделить из несущественного	отделить от несущественного.

«ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ»

«Детские забавы» — рукописный журнал братьев Толстых, написанный рукой маленького Толстого. Никаких сведений об этом журнале, помимо сохранившихся листков из него, не имеется.

Тетка Толстого Т. А. Ергольская, в одном из писем к А. И. Остен-Сакен в 1834 г.(?) сообщала о журнале, который завел Сережа Толстой. Однако журнал этот не сохранился. Очевидно, продолжал писать журнал его младший брат Лев.

«Детские забавы» включают в себя семь детских сочинений Толстого, два из которых, «Орел» и «Сокол», впервые были факсимильно воспроизведены в книге: «Новый сборник писем Л. Н. Толстого», изд. «Окто», М. 1912, стр. VI, и оттуда перепечатаны в т. 1 настоящего издания, стр. 213, с заглавием: [Детские упражнения. 1. Из ученической тетради 1835 г.]. Полностью сочинения, входящие в «Детские забавы», опубликованы в «Литературном наследстве», № 35-36, М. 1939, стр. 268.

Рассказы написаны на 2 лл. 4°. На первой странице обложки помечено: «Детские забавы». Писаны Графом Николаем Николаечем Толстым. Сергием Ник: Толстым. Дмитрием Ник: Толстым. Львом Ник: Толстым». На обороте обложки: «Первое Отделение Натуральная история. Писано Г: Лъ: Ни: То: 1835».

«РАССКАЗЫ ДЕДУШКИ»

«Рассказы дедушки» — детское сочинение Толстого, написанное для рукописного журнала братьев Толстых «Детская библиотека», очевидно в 1837—1838 гг. Датировать можно только предположительно, в соответствии с датировкой «Детских забав» и «Ученических сочинений» (см. ниже). О журнале «Детская библиотека» сведений также нет никаких, кроме помет в рукописях.

Рукописи представляют собой три отдельные самодельно сшитые книжечки в 1/16 долю листа: № 1, в синей обложке, — включает в себя «Рассказы дедушки» и «Его сын»; № 2, в красной обложке, — включает в себя продолжение рассказов, записанных в первой, и, кроме того, отрывок какого-то нового рассказа, начинающегося словами «Тогда Алфред...»; № 3 — занята рисунками.

№ 1. 9 лл. Все листы заняты полностью текстом, за исключением л. 7 (лицевая сторона чистая; на обороте — рисунок; см. вклейку) и л. 9 (исписан на 1/3; нижняя часть листа и оборот заняты рисунками; см. вклейки). На лицевой стороне первого листа обложки написано: «Разказы Дедушки I». На лицевой стороне второго листа обложки: «детская Библиотека. Февраль ⟨Апрель⟩ ⟨Май⟩ ⟨Октябрь⟩» и небольшой рисунок-концовка.

№ 2. 8 лл. На л. 1 текст отрывка «Но одному из его детей...» Исписаны обе страницы. На лицевых сторонах лл. 2 и 3 рисунки (см. вклейку). На л. 4 текст отрывка «Тогда Алфред...» Исписана лицевая сторона полностью и оборот почти наполовину. На лицевой стороне л. 5 помечена цифра 6 и страница разграфлена тремя чертами. Остальные листы чистые. На внутренней стороне обложки помечено: «⟨Апрель⟩ Март».

№ 3. 7 лл. На лл. 2—6 рисунки (см. вклейки). Текста нет. На лицевой стороне первого листа обложки написано: семейство Б. Ястребинов[а] Гномы. 1. 2». На лицевой стороне второго листа обложки: «детская Библиотека. Апрель ⟨Февраль⟩ ⟨Март⟩ ⟨Ноябрь⟩».

Возможно, что рисунки, как в первых двух, так и в этой книжечке, были сделаны старшим братом Л. Н. Толстого, Н. Н. Толстым.

Впервые «Рассказы дедушки» и «Его сын» опубликованы в книге: Н. Н. Гусев, «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год», изд. Академии наук СССР, М. 1954, стр. 100—102; третий отрывок публикуется впервые.

«УЧЕНИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ»

Ученические сочинения Толстого, представляющие собой частью переложения небольших рассказов (очевидно, из хрестоматий) и басен Крылова, частью самостоятельные сочинения, написаны в 1839 г. или в годы, близкие к нему (1840—1841). Тетрадь, в которой они были написаны, сшита из бумаги с клеймом 1839 г. Она занимает 10 лл. 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон.

Впервые ученические сочинения Толстого были опубликованы в «Литературном наследстве», № 35-36, М. 1939, стр. 271—275.

«ЭПИТАФИЯ А. И. ОСТЕН-САКЕН»

Публикуемое восьмистишие, написанное Толстым в связи со смертью его родной тетки по отцу, Александры Ильиничны Остен-Сакен, последовавшей 30 августа 1841 г., воспроизведено на боковых сторонах мраморного памятника на ее могиле. А. И. Остен-Сакен похоронена на кладбище монастыря Оптиной пустыни, Калужской губ. В 1929 г., в связи с ликвидацией кладбища, памятник был перевезен в Ясную Поляну, где и хранится в настоящее время.

Стихотворение впервые было опубликовано в статье Е. В. «Л. Н. Толстой и Оптина пустынь» («Душеполезное чтение» 1911, № 1, стр. 21).

См. также: Г. Волков, «Неизвестное стихотворение Л. Н. Толстого» («Сборник Государственного Толстовского музея», изд. «Художественная литература», М.—Л. 1937, стр. 162—165).

«НАЧАЛО НЕОКОНЧЕННОГО РАССКАЗА»

Публикуемое начало неоконченного рассказа представляет собой один из вариантов рассказа или повести, о замысле которой Толстой записал в Дневнике 26 июля 1860 г.: «Мысль повести. Работник из всех одолел девку или бабу. Формы еще не знаю» (т. 48, стр. 27) и далее, 27 июля: «Форма повести: смотреть с точки зрения мужика — уважение к богатству мужицкому, консерватизм. Насмешка и презрение к праздности» (там же, стр. 27).

Именно в такой форме и начат публикуемый отрывок рассказа.

1 апреля 1861 г., вспоминая прошедшее с 1 ноября 1860 г., Толстой записал в Дневнике: «Попытка писанья Акс[иньи]»[1] (т. 48, стр. 32). Очевидно, в то время и был набросан публикуемый отрывок. Однако Толстой не стал его продолжать и начал рассказ заново. В результате, повидимому, были написаны рассказы «Тихон и Маланья» и «Идиллия». Тематически и по составу, даже в большинстве случаев и по именам действующих лиц все эти рассказы связаны между собой и должны быть рассматриваемы как варианты одного задуманного рассказа из народной жизни.

Начало неоконченного рассказа впервые было опубликовано в «Литературном наследстве», № 37-38, М. 1939, стр. 598.

Рукопись этого отрывка представляет собой автограф на согнутом пополам полулисте писчей бумаги.

---

[1] Рассказ назван так по имени героини Аксиньи Фоканычевой.

«ЗАМЕТКИ К РОМАНУ О РУССКИХ БОГАТЫРЯХ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

Окончив работу над «Войной и миром», Толстой почти два года не принимался основательно ни за какое литературное произведение. В письме к Н. Н. Страхову от 25 ноября 1870 г. он писал, что у него «нет ничего», над чем бы он работал. «Я нахожусь, — сообщал он далее, — в мучительном состоянии сомнения, дерзких замыслов невозможного или непосильного и недоверия к себе и вместе с тем упорной внутренней работы. Может быть, это состояние предшествует периоду счастливого самоуверенного труда, подобного тому, который я недавно пережил, а может быть, я никогда больше не напишу ничего» (т. 61, стр. 242).

К этому времени, то есть ко второй половине 1869 г. — первой половине 1871 г., относится несколько замыслов Толстого и начал художественных произведений, в большинстве своем оставшихся или неосуществленными или незаконченными; к этому же времени относится и возобновление работы над «Азбукой», первый набросок которой был сделан Толстым еще в 1868 г. Работа эта пока носила только подготовительный характер. Толстой обдумывал план, собирал материал, читал, главным образом русские народные сказки и былины.

Очевидно, в это время, в связи с чтением былин, и возник у Толстого замысел написать роман, героями которого были бы люди, одаренные характерами русских богатырей.

С. А. Толстая 14 февраля 1870 г., характеризуя душевное состояние своего мужа после окончания «Войны и мира», записывает в дневнике: «Он.... много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит, что в нем происходит страшная работа; что для него все кончено, умирать пора и прочее. Потом эта мрачность прошла. Он стал читать русские сказки и былины. Навел его на это чтение замысел писать и составлять книги для детского чтения для четырех возрастов, начиная с азбуки. Сказки и былины приводили его в восторг. Былина о Даниле Ловчанине навела его на мысль написать на эту тему драму. Сказки и типы, как, например, Илья Муромец, Алеша Попович и многие другие, наводили его на мысль написать роман и взять характеры русских богатырей для этого романа. Особенно ему нравился Илья Муромец. Он хотел в своем

романе описать его образованным и очень умным человеком, происхождением мужик, и учившийся в университете. Я не сумею передать тип, о котором он говорил мне, но знаю, что он был превосходен».[1]

В архиве Толстого сохранился черновик заметок к предполагаемому роману, в которых Толстой, с одной стороны, отмечал характеры русских богатырей, которыми он, повидимому, думал наделить героев своего будущего романа; с другой — излагал некоторые события, рассказанные в былинах и связанные с тем или иным богатырем, придавая этим событиям современный ему смысл и объяснение. Иногда эти объяснения по смыслу трудно согласуются с содержанием былин. Однако Толстой всюду твердо следует этому содержанию и нигде не изменяет его.

Заметки эти были сделаны Толстым, очевидно до 14 февраля 1870 г., то есть до цитированной выше записи в дневнике С. А. Толстой.

Рукопись этих заметок представляет собой отрезок листа писчей бумаги, сложенный пополам. Исписаны карандашом три страницы. Текст трудночитаемый. Имена богатырей и других лиц обозначены, за редкими исключениями, инициалами; слова в большинстве своем написаны сокращенно.

Следует сказать, что при составлении своих заметок Толстой пользовался не одним каким-либо вариантом былин, а соединял несколько вариантов в одно. Толстому были известны сборники былин П. Н. Рыбникова, П. В. Киреевского и Кирши Данилова.

К сказанному нужно добавить, что роман о русских богатырях продолжал интересовать Толстого и в дальнейшем. Почти через год после написания заметок к роману, 30 декабря 1870 г., Толстой записал в Записной книжке: «К Илье: С палатей смотрит, и отец его ненавидит. — Спрячет лицо. Всё думает. — Виденье во сне — иди». И далее: «Три брата. Иван — поэт. Кутила.... Илья с первыми товарищами: Добрыней, Данилой Ловчанином и с другими, с тремя братьями. — Илья в суде за детоубийство» (т. 48, стр. 90).

Таким образом, замысел романа о русских богатырях не был у Толстого вызван каким-то временным, минутным увлечением, а имел серьезные основания и в течение по крайней мере года занимал его воображение.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЛЬЯ

1. «Приобретение силы» — рассказ о том, как Илья Муромец, будучи до 32 лет по болезни ног лишен возможности передвигаться, вдруг получил исцеление. В одной из былин Илья получил силу от Святогора, в другой — от Иисуса Христа, в третьей — от странников, в четвертой — от калик («Илья Муромец и Святогор богатырь», «Илья и Соловей», «Получение силы Ильей» и «Святогор и Илья»).

2. «Подвиги на пути в Киев. Снятие осады Чернигова» — здесь Толстой использует известный эпизод из былины «Илья и Соловей разбойник».

[1] «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», М. 1928, стр. 30.

3. «Илья и прекрасная королевична» — имеется в виду эпизод из былины «Три поездки Ильи», в котором рассказывается, как Илью заманила «премлада Королевична» и хотела убить его и как он перехитрил и сам убил ее и освободил «много сильных-могучих богатырей».

4. «Битва с богатырем» — первоначально Толстой хотел воспользоваться эпизодом боя Ильи с своей дочерью; затем заменил его эпизодом боя Ильи с сыном («Илья Муромец и сын», «Илья и Сокольник»), оставив, однако, указание на отказ Добрыни и Алеши сражаться с богатырем-женщиной, о чем говорится в былине «Илья Муромец и дочь».

5. «Илья и Идолище» — рассказ из одноименной былины о бое Ильи с «поганым Идолищем». Илья, на пути в Иерусалим, у Цареграда встречает калику Иванище и спрашивает его: «А всё ли в Царе-граде попрежнему?» — «Не по-старому в Царе-граде, — отвечает Иванище, — не по-прежнему; одолели поганые татаровья, наехал есть поганый Идолище. Святые образы поколоты, поколоты, в черной грязи потоптаны, в божьих церквах коней кормят». Илья меняется с Иванищем платьем и одетый каликою идет в Царе-град, где встречает Идолищу. Идолище, не думая, что имеет дело с самим богатырем, расспрашивает об Илье Муромце, каков он собой: велик ли, силен ли и много ли он ест и пьет; и в свою очередь хвалится, как он много может съесть и выпить. Илья смеется над ним: «У нашего у попа Ростовского была корова обжориста, много ела-пила, тут и треснула. А тебе бы, поганому, и так же быть!» — и убивает Идолище.

Упоминания Митеньки, от которого Илья «получает известие», очевидно, связано у Толстого с именем его брата Дмитрия Николаевича Толстого, тип которого Толстой, отожествляя с былинным каликою Иванищем, повидимому хотел использовать в своем романе. В дальнейших записях Митенька характеризуется Толстым так же как калика.

6. «Ссорится с обществом» — очевидно, имеется в виду эпизод из былин «Ссора Ильи с Владимиром» и «Илья и Соловей», в котором говорится, как разгневанный на Владимира Илья призывает «голь кабацкую» «обирать казну княжескую».

«ДОБРЫНЯ»

1. «Добрыня и Маришка» — использована былина того же названия. Эпизодом увлечения Добрыни женщиной легкого поведения Толстой, повидимому, хотел воспользоваться в романе.

2. «Борьба с Змеем» — былина «Добрыня и змей».

3. «Добрыня женат» — былины «Добрыня и Василий Казимиров», «Добрыня в отъезде» и «Бой Добрыни. Добрыня и Алеша».

Центральным эпизодом этих былин является стремление Алеши Поповича обманным путем завладеть женой (или невестой) Добрыни, во время его отсутствия.

«ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ»

Сопоставление вольнолюбивого буяна и «пьяницы» новгородского богатыря Василия Буслаева и его любящей матери «честны вдовы» Амель-

фы (или Мамельфы) Тимофеевны, спасающей сына и ради него попадающей в суд, где ее «крепко разобидели», встречается почти во всех былинах о В. Буслаеве.

«АЛЕША ПОПОВИЧ»

Толстой отмечает две черты в образе Алеши Поповича: «богатыря храбра» («Алеша Попович и Тугарин») и «бабьего пересмешника» и лгуна («Алеша Попович и сестра братьев Петровичей»). Вторую черту (в былинах позднейшую) Толстой отметил, как мы видели, и раньше — в заметках о Добрыне Никитиче.

«МИХАЙЛО ПОТЫК»

Эпизоды соблазнения богатыря Михайла Потыка (или Потока), красавца и охотника, Лебедью Белой, превратившейся в девушку, и затем измены ее с королем (или князем) и усыпления Михайлы, и спасения его королевичной (или княжной) встречаются во всех былинах о Михайле Потыке.

«ИВАН ГОДИНОВИЧ»

Имеется в виду эпизод увоза Иваном Годиновичем из родительского дома дочери «купца Митрищи» Настасьи Митревны (или Марьи Митревны) и измены ее для «царского сына Федора Ивановича» (или Кащея Бессмертного) и ее убийства Иваном Годиновичем, встречающийся во всех былинах, посвященных Ивану Годиновичу.

«ДАНИЛА ЛОВЧАНИН»

Эта запись представляет собой краткий пересказ содержания былины о богатыре и охотнике Даниле Ловчанине, убившем себя, прежде чем дружина князя Владимира убила его, с целью отнять для князя жену Данилы — Настасью Микуличну, которая в свою очередь убила себя на трупе мужа.

«ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ»

Толстой отмечает эпизоды соблазнения Чурилой жены «старого Бермятина» Катерины Микуличны и убийства Бермятином своей жены (в большинстве былин и Чурилы), встречающиеся во всех былинах, связанных с именем Чурилы Пленковича.

«Борьба с Дюком» — в былинах о Дюке Степановиче: состязание Чурилы в щегольстве, в быстроте езды на коне и в перескакивании через реку. В последнем состязании Чурила, как говорит сказитель, «пал середи реки», и Дюк вытащил его «за желты кудри». Возможно, что Толстой и имеет в виду этот последний эпизод, говоря, что «Дюк убивает его нравственно».

«ДЮК»

Упоминание в данном случае под Дюком «лорда», очевидно, связано у Толстого с иностранным происхождением Дюка, которое отмечают все сказители.

«ШУТОЧНЫЕ СЦЕНЫ ДЛЯ ДЕТСКОГО СПЕКТАКЛЯ»

О работе над «Шуточными сценами» сведений не имеется. Сохранилась рукопись, написанная неизвестной детской рукой (напоминающей руку М. Л. Толстой) на 4 лл. из ученической тетради, исписанных, за исключением последнего листа, с обеих сторон, с большими исправлениями Толстого (особенно во второй половине пьесы). В верху первого листа сделана надпись карандашом рукой С. А. Толстой: «Попытки сцены шуточной для домашней игры детей (диктовано)».

Судя по почерку Толстого, пьеса писалась в конце 1870-х или в самом начале 1880-х годов. В подтверждение того, что пьеса была написана не ранее конца 1870-х годов, служит и возраст детей — Татьяны (р. 1864) и Марии (р. 1871) — обычно являвшихся главными участниками домашних спектаклей.

8 июля 1880 г. Толстой писал А. А. Фету: «У нас полон дом гостей. Дети затеяли спектакль, и у них шумно и весело» (т. 63, стр. 19). Об этом же спектакле писала и С. А. Толстая в своей автобиографии «Моя жизнь» (рукопись, стр. 627—629, хранится в отделе рукописей Гос. Музея Л. Н. Толстого).

Возможно, что для этого спектакля и писалась публикуемая пьеса.

«ВЕЧЕРНИЕ ПОВЕСТИ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

О работе Толстого над «Вечерними повестями» сведений не имеется. Предположительно можно сказать, что публикуемый отрывок, судя по почерку, был написан в начале 1880-х гг., во всяком случае не ранее 1879 г., так как описываемая метель датируется Толстым 1879 г. (и потом зачеркивается).

Повесть «Мятель», очевидно, по мысли Толстого, являлась одной из серии «Вечерних повестей», которые он думал опубликовать под фамилией Главитина. Заметки на полях тематически не связаны с написанным отрывком и, несомненно, относятся к сюжетам следующих повестей, которые Толстой намечал написать, объединив общим заглавием. Однако намерения своего Толстой не выполнил, и повесть «Мятель 12 февраля 18.. года» окончена не была.

В архиве Толстого сохранилась рукопись публикуемого отрывка «Вечерних повестей». 3 лл. 4°. Первые 2 лл. исписаны с обеих сторон; л. 3 — лишь с лицевой стороны.

Впервые опубликовано факсимиле первой страницы рукописи в книге «Новый сборник писем Л. Н. Толстого», изд. «Окто», М. 1912, между стр. 48—49; полностью отрывок напечатан в «Записках отдела рукописей» Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, вып. 4, М. 1939, стр. 5—6.

«НАЧАЛО НЕИЗВЕСТНОЙ СКАЗКИ»

О времени написания этого отрывка сведений нет. Написан он на листе из блокнота большого формата. На такой же бумаге были написаны некоторые произведения, относящимся к 1908—1909 гг. Предположительно и относим написание этого отрывка к 1908—1909 гг.

«НАЧАЛО НЕОКОНЧЕННОЙ ПЬЕСЫ»

В марте—июле 1910 г. Толстой работал над комедией для крестьянской молодежи в Телятинках, которая в последней редакции получила заглавие «От ней все качества».

Текст комедии и варианты к ней см. в т. 38, стр. 216—229; там же см. историю писания комедии и описание сохранившихся рукописей.

Судя по записям в Дневнике, Толстой 29 марта «набросал комедию» (см. т. 58, стр. 31), а 31 марта «начал писать ⟨комед[ию]⟩ пьесу, не пошло» (т. 58, стр. 32).

Первый набросок комедии «От ней все качества» был сделан на листах из записной книжки (см. т. 58, стр. 165—166). Набросок носит конспективный характер, но между тем и по содержанию и по составу действующих лиц он очень напоминает комедию в ее окончательном тексте.

Публикуемый отрывок по содержанию резко отличается от всех вариантов комедии «От ней все качества». Действующие лица в нем совсем иные, и главное лицо, прохожий, в этом наброске отсутствует. Очевидно, Толстой, начав 29 марта комедию в одном плане, решил вскоре изменить его. Повидимому, он это сделал 31 марта. В записи под этим числом Толстой не случайно, начав писать слово «комедию», зачеркнул его и заменил словом «пьесу». Возможно, что 31 марта и был написан публикуемый отрывок. Но работа дальше этого, как это видно из той же записи, не пошла; и вообще к комедии Толстой не приступал до мая того года.

30 апреля в Ясную Поляну пришел какой-то «странный человек типа мастерового» по фамилии Кочетыгов, который бывал у Толстого и раньше в Москве;[1] 21 мая в Ясной Поляне был другой не менее «странный» человек.[2] Оба эти посетителя поразили Толстого своими рассказами и манерой говорить. Несомненно, эти посетители и послужили до известной степени прототипами прохожего в комедии и дали направление действию.

Толстой вернулся к своему первому замыслу, а второе начало пьесы, написанное 31 марта, отбросил.

Рукопись этого начала пьесы представляет собою автограф на 2 лл. почтового формата, исписанных с обеих сторон.

---

[1] См. А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», М. 1922, т. II, стр. 345; В. Ф. Булгаков, «Лев Толстой в последний год его жизни», М. 1918, стр. 177.

[2] См. В. Ф. Булгаков, «Лев Толстой в последний год его жизни», М. 1918, стр. 211.

«ПРОЕКТ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

Публикуемый черновик проекта музыкального общества в Москве, написанный Толстым, является, повидимому, вторым вариантом проекта (первый вариант опубликован в т. 60, стр. 471—472). Написан он был, очевидно, в то же время, что и первый, то есть в конце декабря 1857 г. или в начале января 1858 г. Об устройстве в Москве музыкального общества Толстой писал В. П. Боткину 4 января 1853 г. (см. т. 60, стр. 246—250), а 5 января отметил в Дневнике: «Хлопоты о музыкальном обществе» (т. 48, стр. 3). См. также С. Л. Толстой, «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» («Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», Госиздат, М.—Л. 1929, стр. 303) и Н. Д. Кашкин, «Русское музыкальное общество по личным воспоминаниям» («Московский еженедельник» 1908, № 16, стр. 63—64).

Сохранившаяся рукопись представляет собой автограф на 2 лл. почтовой бумаги, перегнутых вдоль листов пополам. С левой стороны написан русский текст, с правой — французский перевод, который не доведен до конца и занимает лишь правую сторону первой страницы.

Рукопись находилась среди писем Толстого к Е. Ф. Тютчевой.

«ОБЩЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ»

Публикуемый проект устава «Общества независимых» был, очевидно, составлен в конце 1860-х гг. Проект этот написан Толстым на третьей (чистой) странице письма крапивенского уездного предводителя дворянства к Толстому от 2 июня 1868 г.

Об организации такого общества или о переговорах Толстого с кем-либо по этому вопросу сведений не имеется.

Впервые выдержки из проекта устава «Общества независимых» были опубликованы в книге Н. Н. Гусева «Жизнь Л. Н. Толстого. Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862—1877)», изд. Толстовского музея, б. г., стр. 79—80.

«ЧТО МОЖНО И ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ ХРИСТИАНИНУ», «ЦАРСТВО БОЖИЕ» И «ЧЬИ МЫ?»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

О работе Толстого над названными статьями сведений не имеется. Судя по содержанию их, можно предположить, что писались они в конце 1879 г., когда Толстой впервые пытался изложить свои религиозные взгляды, к которым он пришел в результате критического изучения церковного учения.

Эти статьи явились как бы вступлением к ряду больших работ, посвященных тем же вопросам, как «Исповедь», «Критика догматического богословия», «В чем моя вера?» и др.

В Записной книжке 1879 г. Толстой занес ряд мыслей, положенных в основу упомянутых статей (см. т. 48, стр. 323—329; см. также настоящий том, стр. 198).

Окончательной отделки эти статьи не получили. Впервые опубликованы были в т. X «Полного собрания сочинений, запрещенных в России», изд. «Свободного слова», Christchurch, Hants, England, 1904, стр. 97—104, 105—112, 122—124).

Рукописи статей «Царство божие» и «Чьи мы?» не сохранились. К статье «Что можно и чего нельзя делать христианину» сохранился автограф на 3 лл. 4°, исписанных, за исключением л. 3, с обеих сторон. Заглавие Толстого.

Текст статьи «Что можно и чего нельзя делать христианину», опубликованный в издании «Свободного слова» и во всех последующих, в известной своей части не подтверждается рукописями. Во-первых, в печатном тексте введены все места, отмеченные Толстым для пропуска. Во-вторых, там, где у Толстого сделаны лишь ссылки на Евангелие в подтверждение тех или иных положений, в печатном тексте сделаны цитаты из соответствующих мест Евангелия; а в некоторых местах введены дополнительно некоторые отрывки из Евангелия, на которые в рукописи даже нет ссылок.

Статья опубликована под заглавием: «Приложение к «Николаю Палкину», заглавие же Толстого дано как подзаголовок. Такое соединение этих двух статей не имеет никаких оснований, и его можно объяснить

лишь тем, что первоначально эти статьи распространялись в рукописном виде и, очевидно, были переписаны в одной тетради.

Все три статьи опубликованы под датой «1886 г.», что также ничем не оправдывается. Повидимому, они датированы лишь по аналогии с «Николаем Палкиным» (см. т. 26).

В настоящем издании статья «Что можно и чего нельзя делать христианину» печатается точно по рукописи, с учетом последней авторской воли; статьи «Царство божие» и «Чьи мы?» — по первопечатному тексту.

«СОГЛАСИЕ ПРОТИВ ПЬЯНСТВА»

В конце 1887 г. по инициативе Толстого было организовано общество трезвости под названием «Согласие против пьянства». Текст листков с обязательствами вступивших в «Согласие» членов был составлен Толстым.

В архиве Толстого сохранилось несколько таких листков, под которыми значатся подписи 744 человек.

Текст первого листка, на котором стоит подпись Л. Н. Толстого, написан рукой Т. Л. Толстой на 1 л. писчего формата. За подписью Толстого следуют еще 16 подписей — его родственников, домашних и знакомых. Одна фамилия (О. А. Баршевой) вписана рукой Толстого; одна подпись (Н. Н. Философовой) вычеркнута.

Впервые текст «Согласия против пьянства» был опубликован в «Известиях Общества Толстовского музея» 1911, № 3-4-5, стр. 16. Там же приведен список членов «Согласия».

«ЗАЧЕМ Я ЖИВУ?»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

О работе над статьей, условно озаглавленной по первому параграфу этой статьи, сведений не имеется. Однако можно почти с уверенностью сказать, что статья эта является одним из ранних вариантов начала работы Толстого по составлению христианского «Катехизиса», в результате которой появилась его статья «Христианское учение» (см. т. 39).

Первые рукописи «Христианского учения», написанные в катехизической форме, то есть в форме вопросов и ответов, начинаются с вопросов, во многом напоминающих заглавия отдельных параграфов данной статьи: «Для чего бог произвел нас?», «Для чего мы живем на свете?», «В чем состоит дело божие?» и т. п.

Первая стадия работы Толстого над «Катехизисом» протекала с апреля 1894 г. по март 1895 г. Повидимому, этим временем и следует датировать публикуемый отрывок.

Сохранились две рукописи этой статьи. Первая — автограф, 7 лл. 4°, исписанных с обеих сторон, и 1 л. почтового формата (вставка). Рукопись эта несколько раз просматривалась Толстым и носит на себе следы больших исправлений. Вторая — копия с первой рукописи, рукой С. А. Толстой, 4 лл. 4° (переписан не весь текст первой рукописи), с пропусками, ошибками и изменениями.

В настоящем издании статья печатается по автографу.

«ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ»

«Письмо в редакцию» было написано в связи с запрещением местными властями шести гимназистам, приехавшим из Харькова в Ясную Поляну, заниматься раздачей муки голодающим крестьянам.

С. А. Толстая 18 июня 1898 г. записала в дневнике: «Вернувшись, застала Льва Николаевича, диктующего статью газетную Тане,[1] которую, впрочем, раздумали посылать». Далее в ее дневнике изложена сущность дела, как она изложена и в письме Толстого. [2]

Очевидно, письмо это не было послано для печати ввиду того, что оно до известной степени повторяло содержание посланного в газету «Русь» добавления к статье «Голод или не голод?» (см. т. 29, стр. 215—230 и 422—424).

Из рукописей «Письма в редакцию» сохранилась лишь машинописная копия без поправок Толстого. По этой копии и печатается письмо в настоящем издании.

---

[1] Т. Л. Толстая.

[2] См. «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1897—1909», изд. «Север», М. 1932, стр. 63.

«ЧТО НУЖНЕЕ ВСЕГО ЛЮДЯМ»

О времени писания публикуемого отрывка сведений не имеется. Судя по почерку и общему содержанию, можно отнести его к концу 1890-х и началу 1900-х гг.

Рукопись отрывка представляет собой автограф на 2 лл. F°. Первый лист исписан целиком с обеих сторон; на втором — три строки. По этой рукописи и печатается отрывок статьи.

«О СОЗНАНИИ ДУХОВНОГО НАЧАЛА»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

5 февраля 1903 г., после месячного перерыва, Толстой, отмечая свои занятия за это время, записал в Дневнике: «Занят тоже философским изложением истинной жизни. Неужели я заблуждаюсь? Очень уж ясно я чувствую, что тут есть что-то новое и полезное» (т. 54, стр. 154).

В письме к С. А. Толстой от 2 мая 1903 г. Толстой эти занятия над «определением жизни» называет своей «давнишней внутренней работой» (см. т. 84, стр. 363); однако вплотную он приступил к этой работе, повидимому, лишь с января 1903 г. Записная книжка и Дневник за январь и февраль содержат ряд записей, связанных с этой работой, и мыслей на эту тему (см. записи в Записной книжке 2 января и 15 февраля и в Дневнике — 4 января, 12, 13, 19 февраля, т. 54, стр. 155—156 и 333—334), которые Толстой, очевидно, тогда же пытался развить на отдельных листах в виде связного изложения. Между тем в этом плане работа не пошла, и Толстой, исправив две копии с первого черновика, оставил эту редакцию статьи (см. описание рук. №№ 1—3).

9 марта Толстой записал в Дневнике семь пунктов определения жизни, а 14 марта внес новое определение в двенадцати пунктах (см. т. 54, стр. 158—160 и 164—167). Однако, оставшись недовольным и этим, он пометил последние три пункта «пропустить».

В апреле — июне Толстой продолжает «обдумывать» свое определение и записывает в Дневнике отдельные мысли (см. записи 29 апреля, 27 мая, 1 и 18 июня, т. 54, стр. 169—170, 174, 176 и 179); и лишь 10 и 11 июня, в продолжение к пункту девятому определения жизни, сделанному 14 марта, вписал в Дневник еще восемь пунктов (см. там же, стр. 182—184).

Эти семнадцать пунктов «философского определения жизни» были переписаны из Дневника Толстого М. Л. Оболенской под заглавием «О сознании» (см. рук. № 4). Толстой исправил этот список, разбив текст на восемнадцать пунктов. Очевидно, копия с этого исправленного списка и была послана В. Г. Черткову в Англию, где статья и была напечатана в периодическом сборнике «Свободное слово», Christchurch 1903, № 7

(сентябрь и октябрь), стр. 16—18, в разделе «Мысли Л. Н. Толстого (Из неизданных источников)», под заглавием: «О сознании духовного начала».[1]

В 1906 г. этот текст без изменений был перепечатан в брошюре: «Лев Толстой. I. О самосовершенствовании. II. О сознании духовного начала», изд. «Посредник», № 633, стр. 9—11.

В 1906—1908? гг. Толстой вновь вернулся к этой статье и по печатному экземпляру в изд. «Посредник» внес в нее ряд исправлений и сократил количество пунктов до пятнадцати.

В настоящем издании статья печатается по исправленному экземпляру изд. «Посредник».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 2 лл. 8°. *Начало:* «Жизнь есть сознание отделенности». *Конец:* «кончается этим сознанием».

2. Копия рук. № 1 рукой Н. Л. Оболенского с большими исправлениями и дополнениями Толстого. 2 лл. 4°. *Начало:* «Плотский (материальный) мир». *Конец:* «есть жизнь существ мира».

3. Копия рук. № 2 рукой Х. Н. Абрикосова с большими исправлениями Толстого. 4 лл. 4°. На первом листе рукой М. Л. Оболенской надписано: «О сознании. Февраль 1903». *Начало:* «Плотский (материальный) мир». *Конец:* «есть жизнь существ мира».

4. Копия, с ошибками, рукой М. Л. Оболенской записей из Дневника Толстого: 14 марта (пп. I—IX), 10 июля (пп. X—XI) и 11 июля (пп. XII—XVII), с исправлениями Толстого. 10 лл. 4°. На л. 1 — заглавие рукой М. Л. Оболенской: «О сознании». *Начало:* «I. Жизнь есть сознание». *Конец:* «узнает, что он царь».

5. Экземпляр брошюры: «Лев Толстой. I. О самосовершенствовании. II. О сознании духовного начала», изд. «Посредник», № 633, М. 1906, с исправлениями Толстого в статье «О сознании духовного начала» (стр. 9—11).

---

[1] В печатном тексте имеются небольшие разночтения с копией М. Л. Оболенской. Очевидно, Толстой внес исправления в отосланную для печати рукопись.

«МОЛИТВА («ХОЧЕТСЯ ПОМОЩИ ОТ БОГА...»)»

Судя по пометам на рукописях, эта «Молитва» была написана в мае — начале июня 1909 г. Последняя редакция датирована 9 июня.

Сохранились следующие рукописи:

1. Машинопись с поправками Толстого. 1 л. 4° и 2 отрезка. *Начало:* «Хочется помощи». *Конец:* «и в делах».

2. Машинописная копия рук. № 1 с поправками Толстого. 2 лл. тонкой бумаги стандартного формата. *Начало:* «Хочется помощи». *Конец:* «и желаю этого».

3. Дубликат рук. № 2 с поправками Толстого. *Начало:* «Хочется помощи». *Конец:* «и желаю этого». В конце дата рукой Н. Н. Гусева: «Май 1909».

4. Автограф. 1 л. 4°, исписанный с обеих сторон. Заглавие: «Молитва». *Начало:* «I. Хочется помощи». *Конец:* «свои силы».

5. Машинописная копия рук. № 4 с поправками Толстого. 2 л. 4°. В конце рукописи дата рукой Н. Н. Гусева: «9 июня 1909». По этой рукописи печатается текст «Молитвы» в настоящем издании.

«ДЕТСКАЯ МОЛИТВА»

В основу этой молитвы положены мысли, записанные сначала в Записной книжке 10 июня 1909 г. и затем переписанные в Дневник 14 июня (см. т. 57, стр. 83 и 217).

Сохранились следующие рукописи:

1. Автограф. 1 л. из блокнота среднего формата, исписанный с обеих сторон. Начало и конец те же, что и в окончательном тексте. Рукой Н. Н. Гусева проставлено заглавие: «Молитва для Сонечки» и дата: «11/VI—09».

2. Машинописная копия без поправок Толстого с заглавием: «Детская молитва».

В настоящем издании молитва печатается по рук. № 1, но с заглавием рук. № 2.

«МОЛИТВА («НЕ ЗНАЮ, ДОЖИВУ ЛИ...»)»

Сохранились следующие рукописи этой молитвы:

1. Автограф. 2 лл. из блокнота среднего формата. Текст л. 1 зачеркнут. *Начало:* «Не знаю и не могу знать». *Конец:* «свои силы». На л. 2 написан новый текст. Начало и конец те же, что и на л. 1.

2. Машинописная копия с л. 2 рук. № 1 с исправлениями Толстого. Под текстом дата рукой Н. Н. Гусева: «17 июня 09». По этой рукописи молитва и печатается в настоящем издании.

«МОЛИТВА («ЕСЛИ Я В ЛЮБВИ...»)»

Эта молитва в первой редакции записана в Дневнике Толстого 18 июня 1909 г. (см. т. 57, стр. 85). Из Дневника она была скопирована на машинке (на небольшом отрезке листа) и исправлена Толстым.

В этом исправленном виде она и печатается в настоящем томе.

«МОЛИТВА («ПО УТРАМ...»)»

Первая редакция этой молитвы записана в Дневнике Толстого 5 июня 1909 г. (см. т. 57, стр. 79). Очевидно, вскоре Толстой набросал на отдельном листе (отрезке) молитву в другой редакции. С черновика была снята машинописная копия. Просматривая ее, Толстой перечеркнул текст и начал новый: «Когда один, думать о том, чтобы». Однако продолжать не стал.

«НЕ УБИЙ»

Запись сделана на первых трех листах (с одной стороны) альбома ташкентской вегетарианской столовой «Безубойное питание». Альбом этот был прислан Толстому Ю. О. Якубовским. Впервые опубликовано в сборнике «Вегетарианская библиотека. В защиту жизни», изд. «Посредник», М. 1913, стр. 5—6.

«ИЗРЕЧЕНИЯ»

Первое изречение было написано Толстым для «Центральной школьной матицы» (чешской). В 1938 г. оригинал этого изречения, написанный на бланке «Центральной школьной матицы», находился в частной библиотеке адвоката Реслера в Праге. Печатается по фотокопии. Опубликовано в «Летописях Государственного Литературного музея», кн. 2, М. 1938, стр. 17.

Автограф второго изречения, очевидно, был написан Толстым для какого-то определенного лица, которое в автографе не указано. Весьма вероятно, что этим лицом был драматический артист Павел Николаевич Орленев, бывший в Ясной Поляне 8 июня 1910 г. Опубликовано также в «Летописях Государственного Литературного музея», кн. 2, М. 1938, стр. 17.

«КАЗАКИ»

Публикуемые отрывки представляют собой черновые варианты отдельных глав первых редакций повести «Казаки», по времени написания относящиеся: 1) «Терская линия» — к 1853—1855 гг. и 2) «Письмо офицера» — к 1857—1858 гг.

Впервые опубликованы в «Литературном наследстве» П. А. Журовым в № 35-36, М. 1939, стр. 276—284.

«О ЖИЗНИ»

Публикуемый отрывок о самоубийстве представляет собою черновое начало гл. 11 шестой редакции трактата Толстого «О жизни». Глава эта была исключена автором при дальнейшей обработке трактата.

Редактору трактата «О жизни», напечатанного в т. 26 настоящего издания, А. П. Никифорову рукопись эта была неизвестна и поэтому при публикации вариантов гл. 11 (см. т. 26, стр. 608—612) не была учтена.

Текст публикуемого черновика гл. 11 написан Толстым на 1 л. F° с одной стороны. Верхний левый угол листа оторван. Текст несколько поврежден.

«РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Публикуемый отрывок представляет собой первую редакцию статьи «Рабство нашего времени», начатую с заглавием «Самый дешевый товар». Написан был этот отрывок в конце декабря 1899 г. Подробнее об этом см. в т. 34, стр. 563—567.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ЗАПИСИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ 1877—1909 гг.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1903—1904 гг.

Книжка — в сером коленкоровом переплете с оттиснутой на нем надписью: «0152. Записная книжка на каждый день». На титульном листе: «Агенда, изд. Неманской ф-ки переплетных изделий». Содержит 142 лл. (с титулом). Первые 95 лл. заняты календарем (каждый лист разделен на четыре числа, проставленных в начале и середине страницы), остальные листы для «заметок» (они остались незаполненными).

Записи Толстого — двоякого рода: 1) сделанные под печатной датой календаря, по времени соответствующие ей и носящие чисто бытовой характер (регистрация погоды, здоровья, приезжающих и т. п.); таких записей семнадцать: 26, 27, 29 и 31 марта, 3, 4, 5, 10, 12, 13, 14, 18 и 25 апреля, 10 июня и 8, 27, 29 июля; 2) сделанные вне зависимости от даты календаря и представляющие собой в своем подавляющем большинстве краткие записи мыслей, которые потом в развернутом виде переносились в Дневник; для записи мыслей Толстой пользовался всеми незаполненными местами записной книжки, несмотря на дату и часто обходя или зачеркивая сделанную ранее запись под той или иной датой. Вторая из этих записей (первая не датирована), сделанная под 2 января, датирована Толстым 27 февраля, и далее продолжаются записи недатированные (за исключением одной, записанной под 22 февраля и датированной Толстым 25 мая). Эти недатированные записи сделаны между 27 февраля 1903 г. и 3 мая 1904 г., что явствует из сопоставления их с записями в Дневнике (см. подстрочные примечания к этой Записной книжке).

Печатные даты в книжке, как не имеющие никакого отношения ко времени писания тех или иных мыслей, не воспроизводятся, за исключением лишь тех, под которыми сделаны записи, относящиеся к первому разделу.

Записи производились как чернилами, так и карандашом. Карандаш местами стерся и текст — трудночитаемый.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1909 г.

Книжка представляет собою отрывной блокнот среднего формата в желтом картонном переплете с клеймом: «Д. В. Поляков с С-ми Спб. Невский пр. 30». Текстом заняты первые семь листов, исписанных, кроме второго и седьмого, с обеих сторон. Несколько листов в начале блокнота вырвано. На переплете цифровые пометы: «3» и «II».

Датируется по содержанию записей (см. примечания).

ЗАПИСИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ 1877—1880

16 лл., из которых 13 лл. in 16°, написанных карандашом и частью чернилами с обеих сторон, 2 обрезка (лл. 4 и 5) и 1 полулист (л. 12), сложенный втрое. Бумага плотная — белая, синяя и лиловая. Карандаш местами стерся. В большинстве записей текст трудночитаемый.

Судя по содержанию (записи к роману из эпохи Петра I и к первым сочинениям по религиозным вопросам), а также по почерку и бумаге (на таких же листах сделаны записи в Записной книжке 1879—1880 гг. — см. т. 48, Записную книжку № 8), листки эти могут быть датированы 1877—1880 гг.

ЛИСТОК ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1905 г.

Листок, вырванный из блокнота небольшого формата. Исписан с обеих сторон карандашом и чернилами. Все тексты перечеркнуты.

Датируется в соответствии с записями в Дневнике 1905 г. (см. подстрочные примечания).

ЛИСТЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1908 г.

19 листов из блокнота небольшого формата с тремя отверстиями на каждом листке для стержневого скрепления листов в книжке. Все листки написаны карандашом с обеих сторон. Почти все записи перечеркнуты.

Большинство записей являются первоначальным, черновым изложением мыслей, затем включенных в «На каждый день».

Датируются в соответствии с записями в Дневнике (см. подстрочные примечания к этим листкам).

ЛИСТЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1909 г.

8 листов из блокнота малого формата, исписанных карандашом с обеих сторон. Бумага в клетку. Датируется в соответствии с записями в Дневнике 1909 г. (см. подстрочные примечания).

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1903—1904 гг.

1903

27 февраля. Стр. 179.

1.*179*[17]. *...разговор с Щ.*— Очевидно, имеется в виду Антон Петрович Щербак (Щербаков, 1863—1930), уроженец г. Сумы, Харьковской губ., бывший революционер, знакомый Толстого с 1896 г. См. о нем в т. 71, стр. 518.

4 марта 1903 г. С. А. Толстая записала в своем Ежедневнике: «Приезжал Щербаков» (ГМТ).

Март. Стр. 180.

2.*180*[5]. *Мережковский.*— Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941), реакционный писатель, белоэмигрант.

Май. Стр. 181—185.

3.*181*[15]. *Ник[олай] Пав[лович].*— Николай I Павлович (1796—1855). Упоминание о Николае, как в данном случае, так и в дальнейшем, связано с работой над главой XVI «Хаджи-Мурата» и изучением материалов, относящихся к Николаю I (см. т. 35).

4.*181*[26]. *Людов[ик] XVI.*— Людовик XVI (1754—1793), французский король, казненный 21 января по приговору Национального конвента.

5.*181*[26]. *Комитет Salut public.*— Комитет общественного спасения — руководящий орган якобинской диктатуры, созданный декретом Конвента 6 апреля 1793 г. и прекративший свое существование с роспуском Конвента — 26 октября 1795 г.

6.*181*[26]. *Директория.*— С октября 1795 г. по ноябрь 1799 г. руководящий орган власти во Франции.

7.*181*[27]. *Наполеон.* — Наполеон I Бонапарт (1769—1821).

8.*181*[27]. *Лудов[ик] XVIII.*— Людовик XVIII (1755—1824),французский король.

9.*182*[2]. *...речи Бебеля.*— Август Бебель(1840—1913), один из виднейших деятелей и основателей германской социал-демократической партии и II Интернационала.

10. *182*[21]. *Рёскин.*— Джон Рёскин (1819—1900), английский историк искусства и моралист.

11. *182*[55]. *(Годвин).*— Уильям Годвин (1756—1836), английский политический писатель анархического направления и беллетрист.

12. *182*[56]. *(Прудон).*— Пьер Жозеф Прудон (1809—1865), французский мелкобуржуазный экономист и социолог, теоретик анархизма.

Июнь. Стр. 186.

13. *186*[4]. *К Корейшу ... к телесн[ому] наказан[ию].*— Имеется в виду рассказ «После бала», который Толстой в то время только «обдумывал», предполагая написать его для сборника в пользу евреев, пострадавших от погрома в Кишиневе.

Андрей Петрович Корейш (ум. 1874), в 1840-х гг. воинский начальник в Казани, знакомый Толстого, послуживший прототипом полковника в рассказе «После бала». Подробнее об этом см. в т. 34, стр. 550—551.

14. *186*[7]. *Разговор с Никитиным.*— Дмитрий Васильевич Никитин (р. 1874), в 1902—1904 гг. домашний врач у Толстых. Имеется в виду его разговор с Хрисанфом Николаевичем Абрикосовым (1877—1957) (см. т. 54, стр. 178—179).

Март. Стр. 187.

15. *187*[6]. *Бутурлин.*— Александр Сергеевич Бутурлин (1845—1916), знакомый Толстого с 1879 г.

16. *187*[14]. *...солдат Ламинцов[ский].*— Из Ламинцова, села Крапивенского уезда Тульской губ.

17. *187*[17]. *Мясновские крестьяне.*— Из деревни Мясновка, Епифановского уезда Тульской губ.

18. *187*[24]. *Макарий Николаевич Волков.*— О нем сведений не имеется.

Апрель. Стр. 188.

19. *188*[17]. *...к М[арии] А[лександровне].*— М. А. Шмидт (1843—1911), близкий друг семьи Толстых; в то время жила в Овсянникове, близ Ясной Поляны, на хуторе Т. Л. Сухотиной.

20. *188*[20]. *Послесловие.* — Имеется в виду статья «К политическим деятелям», задуманная как послесловие к статье «К рабочему народу». Была начата в конце января или в начале февраля 1903 г. и закончена около 1 июня того же года. Впервые опубликована в изд. «Свободное слово», № 85, Christchurch, Hants, England, 1903 (см. т. 35).

Ноябрь. Стр. 189.

21. *189*[2]. *Мозаика — Шекспир*. — Упоминание в данном случае о Шекспире могло быть связано у Толстого с его работой над статьей о нем (см. т. 35).

Апрель. Стр. 189—190.

22. *189*[12]. *Таня сестра.*— Татьяна Андреевна Кузминская (1846—1925), свояченица Толстого.

23. *189*[52]. *Две Тани.* — Т. Л. Сухотина и Т. А. Кузминская.

24. *190*[21]. *Машинист Сухотиных.*— Толстой, очевидно, имеет в виду кого-либо из служащих в имении М. С. и Т. Л. Сухотиных Кочетах, Новосильского уезда Тульской губ.

25. *190*[23—24]. *Wegweiser. Фома Кемпийский.*— Имеется в виду немецкий теософский журнал «Theosophischer Wegweiser» (Лейпциг), в октябрьском номере которого за 1903 г. были напечатаны афоризмы христианского мистика Фомы Кемпийского (1380—1471).

26. 190[27]. *спор с Левой.*— Лев Львович Толстой (1869—1945), третий сын Толстого.

[1904]

Февраль—март. Стр. 192.

27. *192*[4]. *К войне.*— Запись относится к статье «Одумайтесь» (гл. 12), над которой Толстой в то время работал (см. т. 36).

28. *192*[20]. *Этюд о гипнозе.* — Такой этюд написан не был.

29. *192*[30]. *Селезневск[ий].... Озерки.*— Селезневка, деревня Епифанского уезда Тульской губ.; Полевые Озерки, деревня Епифанского уезда Тульской губ.

[1903]

Июнь. Стр. 193.

30. *193*[6]. *Писал Николая.*— См. прим. 3.

31. *193*[7]. *1) Беса, взывающего к Иисусу.*— Этот замысел выполнен не был.

32. *193*[7]. *2) Кто я теперь.*— Этот замысел также выполнен не был.

33. *193*[8]. *В сборник.... сквозь строй.*— См. прим. 13.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 1909 г.

1. *194—195*[2—25]. *И люди перестанут... пожалейте себя.* — Запись представляет собой черновой набросок «Заявления об аресте Н. Н. Гусева», написанного 6—8 августа 1909 г. (см. т. 38, стр. 126—131 и 524—526). Начало черновика не обнаружено.

2. *195*[25—26]. *Вы делаете....дело общее.*— Очевидно,конспект ответа на какое-либо письмо о пьянстве. Возможно, что адресатом Толстого в данном

случае был член Государственной думы М. Д. Челышев, выступавший в Думе противником пьянства и приезжавший к Толстому 8 октября 1909 г. Толстой написал для Челышева проект этикетки на бутылки с водкой (см. т. 80, стр. 291—292).

3. *195[28—40]. То, что навывается наукой.... истинной и важной.*— Черновик письма народному учителю Ивану Гавриловичу Екенину (1883—1920) в ответ на его письмо от 3 октября 1909 г. (см. т. 80, стр. 136).

ЗАПИСИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

1877—1880 гг.

1. *196[4]. Без отца матери.... не вырастет.*— Пословица использована Толстым в рассказе «Чем люди живы» (см. т. 25, стр. 21).

2. *196[6]. 1713. Дарья Веденикт[овна].*— Запись к роману из эпохи Петра I (см. т. 17).

3. *196[14]. В Городне.* —Городня, Тульской губ., деревня в 12 километрах от Ясной Поляны.

4. *196[18—20]. Ефрем. Оптина.... Сергию. Чернигов.*—Запись представляет собой список старцев и подвижников церкви. Из упомянутых известны: Пафнутий (ум. 1478) — основатель Боровского монастыря (в Калужской губ.); Тихон — основатель монастыря под М. Ярославцем (в Калужской губ.); Савва (ум. 1477) — основатель монастыря под Звенигородом; Сергий Радонежский (1314—1392) — основатель монастыря в Радонежском бору под Москвой, впоследствии названного Троице-Сергиевой лаврой.

5. *197[11—14]. Ночь. Раст[ается].... и призывает.*— Повидимому, замысел художественного произведения. Остался невыполненным.

6. *197-198[19—1]. Темы — свое кое-что.... погряз в пороке.*— Замыслы новых художественных произведений и заметки к ним.

7. *200[1]. Фарар* — Фредерик Вильям Фаррар (1831—1903), английский богослов. В письме от 27 или 28 октября 1890 г. в ответ на предложение Н. Н. Страхова прислать книгу Фаррара «Life of Christ» («Жизнь Христа») Толстой писал: «Фарара я терпеть не могу. Фальшивый писатель» (т. 65, стр. 176).

8. *201[12]. Филарет.* — Василий Михайлович Дроздов, в монашестве Филарет (1782—1867), с 1821 г. митрополит Московский.

9. *201[16]. Соф[ъя] Андр[еевна].* — Софья Андреевна Толстая (1844—1919), жена Толстого.

ЛИСТЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1908 г.

1. *211[7]. Из К[руга] Ч[тения], 6 сент[ября], 6.* — См. т. 42, стр. 18—20.

2. *211[8]. собл[азны] возм[ездия].*— Окончательное название этого отдела в Предисловии к «На каждый день»: «Соблазны наказания» (см. т. 44, стр. 394).

3. *211[11]. Из К[руга] Ч[тения].... Ламенэ 15 июля.* — Недельное чтение «Устройство мира» Ламенэ в «Круге чтения» помещено под 14 июля, а не под 15-м (см. т. 41, стр. 497).

4. *211*[24]. *В прелюбодеяние.* — Этот отдел в Предисловии к «На каждый день» называется: «Грех блуда» (см. т. 44, стр. 394).

5. *211*[24]. *...из М[ыслей] М[удрых] л[юдей] 2 сен[тября].* — См. т. 40, стр. 171.

6. *211*[26]. *В правдивость.* — Этот отдел в Предисловии к «На каждый день» называется: «Усилие правдивости» (см. т. 44, стр. 395).

7. *211*[26]. *...из М[ыслей] М[удрых] л[юдей] 4 сент[ября].* — См. т. 40, стр. 172.

8. *211*[27]. *В мысль.* — Отдел, названный в Предисловии к «На каждый день»: «Усилие воздержания в мыслях» (см. т. 44, стр. 395).

9. *211*[27]. *из М[ыслей] М[удрых] л[юдей] 6 сен[тября].*— См. т. 40, стр. 172.

10. *211—213*[30—16]. *8 сен[тября]. 1. От гр[еха] самоотр[ечение]....опять надо кормиться.* — Записки к отделу, названному в Предисловии к «На каждый день»: «Грехи, соблазны, суеверия» (см. т. 44, стр. 393).

ЛИСТЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1909 г.

1. *216*[9—19]. *Мы отстали.... приучая к убийству.... развращаете его.*— Записи сделаны, судя по помете Толстого в Дневнике 11 ноября 1909 г. (см. т. 57, стр. 169), к очерку «Сон». Однако текст этих записей не был введен ни в одну из редакций «Сна».

2. *216—217*[21—6]. *Дет[ская] Мудр[ость]....мы его выкормили.*—Заметка и начало сценки для «Детской мудрости»; ни в один из законченных диалогов не вошли.

3. *217*[9]. *Анарх[изм].*— Возможно, что упоминание относится к статье «Пора понять», носившей первоначально заглавие «Анархизм» и писавшейся в сентябре — декабре 1909 г. (см. т. 38).

4. *217*[15]. *Стаховичу.*— Михаил Александрович Стахович (1861—1923), с 1907 г. член Государственного совета, знакомый семьи Толстых; после Великой Октябрьской революции белоэмигрант. Упоминание Стаховича в Записной книжке и рядом с ним Гольденвейзера, очевидно, связано с намерением Толстого написать им письма. Известны письма Толстого к ним от 4 ноября 1909 г. (см. т. 80, стр. 171—172).

5. *217*[16]. *Гольденв[ейзеру].*—Александр Борисович Гольденвейзер (р.1875), пианист, профессор Московской консерватории, народный артист СССР; близкий знакомый Толстого (см. еще прим. 4).

6. *217*[29]. *К Андрееву.*— Леонид Николаевич Андреев (1871—1919), писатель (см. т. 58, стр. 368—371). Комментируемые записи Толстого связаны с чтением произведений Андреева, в связи с предполагаемым приездом в октябре — ноябре 1909 г. Андреева в Ясную Поляну. Однако Андреев приехал к Толстому только 21 апреля 1910 г. (см. т. 57, стр. 149—152 и т. 58, стр. 41).

7. *217*[35]. *Послать 18 из июн[я] на 3 вопроса.*—Имеется в виду мысли из отдела «Суеверие государства», помещенные под 18 июня в «На каждый день». На чьи «три вопроса» просил ответить Толстой, не установлено.

8. *218*[5]. *Деменский.*— Деменка — деревня в 4 километрах от Ясной Поляны.

ПАТРИОТИЗМ И ПРАВИТЕЛЬСТВО

I

Мне уже несколько раз приходилось высказывать мысль о том, что патриотизм есть в наше время чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество, и что поэтому чувство это не должно быть воспитываемо, как это делается теперь, — а напротив, подавляемо и уничтожаемо всеми зависящими от разумных людей средствами. Но удивительное дело, несмотря на неоспоримую и очевидную зависимость только от этого чувства разоряющих народ всеобщих вооружений и губительных войн, все мои доводы об отсталости, несвоевременности и вреде патриотизма встречались и встречаются до сих пор или молчанием, или умышленным непониманием, или еще всегда одним и тем же странным возражением: говорится, что вреден только дурной патриотизм, джингоизм, шовинизм, но что настоящий, хороший патриотизм есть очень возвышенное нравственное чувство, осуждать которое не только неразумно, но преступно. О том же, в чем состоит этот настоящий, хороший патриотизм, или вовсе не говорится, или вместо объяснения произносятся напыщенные высокопарные фразы, или же подставляется под понятие патриотизма нечто, не имеющее ничего общего с тем патриотизмом, который мы все знаем и от которого все так жестоко страдаем.

Говорится обыкновенно, что настоящий, хороший патриотизм состоит в том, чтобы желать своему народу или государству настоящих благ, таких, которые не нарушают благ других народов.

На днях, разговаривая с англичанином о нынешней войне, я сказал ему, что настоящая причина этой войны не корыстные

цели, как это обыкновенно говорится, но патриотизм, как это очевидно по настроению всего английского общества. Англичанин не согласился со мной и сказал, что если это и справедливо, то произошло это от того, что патриотизм, воодушевляющий теперь англичан, дурной патриотизм; хороший же патриотизм — тот, которым он проникнут, — состоит в том, чтобы англичане, его соотечественники, не поступали дурно.

— Разве вы желаете, чтобы не поступали дурно только одни англичане? — спросил я.

— Я всем желаю этого! — ответил он, этим ответом ясно показав, что свойства истинных благ, будут ли это блага нравственные, научные, или даже прикладные, практические, — по существу своему таковы, что они распространяются на всех людей, и потому желание таких благ кому бы то ни было не только не есть патриотизм, но исключает его.

Точно так же не есть патриотизм и особенности каждого народа, которые другие защитники патриотизма умышленно подставляют под это понятие. Они говорят, что особенности каждого народа составляют необходимое условие прогресса человечества, и потому патриотизм, стремящийся к удержанию этих особенностей, есть хорошее и полезное чувство. Но разве не очевидно, что если когда-то эти особенности каждого народа, обычаи, верования, язык составляли необходимое условие жизни человечества, то эти самые особенности служат в наше время главным препятствием осуществлению сознаваемого уже людьми идеала братского единения народов. И потому поддержание и охранение особенностей какой бы то ни было, русской, немецкой, французской, англосаксонской, вызывая такое же поддержание и охранение не только венгерской, польской, ирландской народностей, но и баскской, провансальской, мордовской, чувашской и множества других народностей, служит не сближению и единению людей, а всё большему и большему отчуждению и разделению их.

Так что не воображаемый, а действительный патриотизм, тот, который мы все знаем, под влиянием которого находится большинство людей нашего времени и от которого так жестоко страдает человечество, — не есть желание духовных благ своему народу (желать духовных благ нельзя одному своему народу), ни особенности народных индивидуальностей (это есть свойство, а никак не чувство), — а есть очень определен-

ное чувство предпочтения своего народа или государства всем другим народам или государствам, и потому желание этому народу или государству наибольшего благосостояния и могущества, которые могут быть приобретены и всегда приобретаются только в ущерб благосостоянию и могуществу других народов или государств.

Казалось бы очевидно, что патриотизм, как чувство, есть чувство дурное и вредное; как учение же — учение глупое, так как ясно, что если каждый народ и государство будут считать себя наилучшими из народов и государств, то все они будут находиться в грубом и вредном заблуждении.

2

Казалось бы, и зловредность и неразумие патриотизма должны бы быть очевидны людям. Но, удивительное дело, просвещенные, умные люди не только не видят этого сами, но с величайшим упорством и горячностью, хотя и без всяких разумных оснований, оспаривают всякое указание на вред и неразумие патриотизма и продолжают восхвалять благодетельность и возвышенность его.

Что же это значит?

Одно только объяснение этого удивительного явления представляется мне. Вся история человечества с древнейших времен и до нашего времени может быть рассматриваема как движение сознания и отдельных людей и однородных совокупностей их от идей низших к идеям высшим.

Весь путь, пройденный как каждым отдельным человеком, так и однородными группами людей, можно себе представить как последовательный ряд ступеней от самой низшей, находящейся на уровне животной жизни, до самой высшей, до которой может только подняться в данный исторический момент сознание человека.

Каждый человек так же, как и отдельные однородные группы — народы, государства — всегда шли и идут по этим как бы ступеням идей. Одни части человечества идут вперед, другие далеко отстают, третьи, большинство, движутся в середине. Но все, на какой бы ступени они ни стояли, неизбежно и неудержимо движутся от низших идей к высшим. И всегда, в каждый данный момент, как отдельный человек, так и каждая

однородная группа людей, передовая, средняя или задняя, находятся в трех различных отношениях к трем ступеням идей, среди которых движутся.

Всегда, как для отдельного человека, так и для отдельной совокупности людей, есть идеи прошедшего, отжитые и ставшие чуждыми, к которым люди не могут уже вернуться, как, например, для нашего христианского мира — идеи людоедства, всенародного грабежа, похищения жен и т. п., о которых остается только воспоминание; есть идеи настоящего, которые внушены людям воспитанием, примером, всей деятельностью окружающей среды, идеи, под властью которых они живут в данное время, как, например, в наше время: идеи собственности, государственного устройства, торговли, пользования домашними животными и т. п. И есть идеи будущего, из которых одни уже близки к осуществлению и заставляют людей изменять свою жизнь и бороться с прежними формами, как, например, в нашем мире идеи освобождения рабочих, равноправности женщин, прекращения питания мясом и другие идеи, хотя уже и сознаваемые людьми, но еще не вступившие в борьбу с прежними формами жизни. Таковы в наше время называемые идеалами идеи: уничтожения насилия, установления общности имуществ, единой религии, всеобщего братства людей.

И потому всякий человек и всякая однородная совокупность людей, на какой бы ступени они ни стояли, имея позади себя отжитые воспоминания о прошедшем и впереди идеалы будущего, — всегда находятся в процессе борьбы между отживающими идеями настоящего с входящими в жизнь идеями будущего. Совершается обыкновенно то, что, когда идея, бывшая полезною и даже необходимою в прошедшем, становится излишней, идея эта, после более или менее продолжительной борьбы, уступает место новой идее, бывшей прежде идеалом, становящейся идеей настоящего.

Но бывает и так, что отжившая идея, уже замененная в сознании людей высшей идеей, такова, что удержание этой отжитой идеи выгодно для некоторых людей, имеющих наибольшее влияние в обществе. И тогда совершается то, что эта отжившая идея, несмотря на свое резкое противоречие всему изменившемуся в других отношениях строю жизни, продолжает влиять на людей и руководить их поступками. Такая задержка отжившей идеи всегда происходила и происходит в области ре-

лигиозной. Причина этого та, что жрецы, выгодное положение которых связано с отжившей религиозной идеей, пользуясь своей властью, умышленно удерживают людей в отжившей идее.

То же самое происходит и по тем же причинам в области государственной по отношению к идее патриотизма, на которой основывается всякая государственность. Люди, которым выгодно поддержание этой идеи, не имеющей уже никакого ни смысла, ни пользы, искусственно поддерживают ее. Обладая же могущественнейшими средствами влияния на людей, они всегда могут делать это.

В этом представляется мне объяснение того странного противоречия, в котором находится отжившая идея патриотизма со всем противным ему складом идей, уже вошедших в наше время в сознание христианского мира.

3

Патриотизм, как чувство исключительной любви к своему народу и как учение о доблести жертвы своим спокойствием, имуществом и даже жизнью для защиты слабых от избиения и насилия врагов, — был высшей идеей того времени, когда всякий народ считал возможным и справедливым, для своего блага и могущества, подвергать избиению и грабежу людей другого народа; но уже около 2000 лет тому назад высшими представителями мудрости человечества начала сознаваться высшая идея братства людей, и идея эта, всё более и более входя в сознание, получила в наше время самые разнообразные осуществления. Благодаря облегчению средств сообщения, единству промышленности, торговли, искусств и знаний люди нашего времени до такой степени связаны между собою, что опасность завоеваний, убийств, насилий со стороны соседних народов уже совершенно исчезла, и все народы (народы, а не правительства) живут между собой в мирных, взаимно друг другу выгодных, дружеских торговых, промышленных, умственных сношениях, нарушать которые им нет никакого ни смысла, ни надобности. И потому, казалось бы, отжившее чувство патриотизма должно было бы как излишнее и несовместимое с вошедшим в жизнь сознанием братства людей разных народностей, всё более и более уничтожаться и совер-

шенно исчезнуть. А между тем совершается обратное: вредное и отжитое чувство это не только продолжает существовать, но всё более и более разгорается.

Народы без всякого разумного основания, противно и своему сознанию, и своим выгодам, не только сочувствуют правительствам в их нападениях на другие народы, в их захватах чужих владений и в отстаивании насилием того, что уже захвачено, но сами требуют этих нападений, захватов и отстаиваний, радуются им, гордятся ими. Мелкие угнетенные народности, подпавшие под власть больших государств: поляки, ирландцы, чехи, финляндцы, армяне, — реагируя против давящего их патриотизма покорителей, до такой степени заразились от угнетающих их народностей этим отжитым, ставшим ненужным, бессмысленным и вредным чувством патриотизма, что вся их деятельность сосредоточена на нем и что они сами, страдая от патриотизма сильных народов, готовы совершить над другими народностями из-за того же патриотизма то самое, что покорившие их народности производили и производят над ними.

Происходит это оттого, что правящие классы (разумея под этим не одни правительства с их чиновниками, но и все классы, пользующиеся исключительно выгодным положением: капиталисты, журналисты, большинство художников, ученых) могут удерживать свое исключительно выгодное в сравнении с народными массами положение только благодаря государственному устройству, поддерживаемому патриотизмом. Имея же в своих руках все самые могущественные средства влияния на народ, они всегда неукоснительно поддерживают в себе и других патриотические чувства, тем более, что эти чувства, поддерживающие государственную власть, более всего другого награждаются этой властью.

Всякий чиновник тем более успевает по службе, чем он более патриот; точно так же и военный может подвинуться в своей карьере только на войне, которая вызывается патриотизмом.

Патриотизм и последствия его — войны дают огромный доход газетчикам и выгоды большинству торгующих. Всякий писатель, учитель, профессор тем более обеспечивает свое положение, чем более будет проповедывать патриотизм. Всякий император, король тем более приобретает славы, чем более он предан патриотизму.

В руках правящих классов войско, деньги, школа, религия, пресса. В школах они разжигают в детях патриотизм историями, описывая свой народ лучшим из всех народов и всегда правым; во взрослых разжигают это же чувство зрелищами, торжествами, памятниками, патриотической лживой прессой; главное же, разжигают патриотизм тем, что, совершая всякого рода несправедливости и жестокости против других народов, возбуждают в них вражду к своему народу, и потом этой-то враждой пользуются для возбуждения вражды и в своем народе.

Разгорание этого ужасного чувства патриотизма шло в европейских народах в какой-то быстро увеличивающейся прогрессии и в наше время дошло до последней степени, далее которой идти уже некуда.

4

На памяти всех, не старых даже людей нашего времени совершилось событие, самым очевидным образом показавшее то поразительное одурение, до которого доведены были патриотизмом люди христианского мира.

Правящие классы германские разожгли патриотизм своих народных масс до такой степени, что был предложен народу во второй половине XIX века закон, по которому все люди без исключения должны были быть солдатами; все сыновья, мужья, отцы, ученые, святые должны обучаться убийству и быть покорными рабами первого высшего чина и быть беспрекословно готовыми на убийство тех, кого им велят убивать: убивать людей угнетенных народностей и своих рабочих, защищающих свои права, своих отцов и братьев, как публично заявил о том самый наглый из всех властителей — Вильгельм II.

Ужасная мера эта, самым грубым образом оскорбляющая все лучшие чувства людей, была под влиянием патриотизма без ропота принята народом Германии. Последствием ее была победа над французами. Победа эта еще более разожгла патриотизм Германии и потом Франции, России и других держав, и все люди континентальных держав безропотно покорились введению общей воинской повинности, т. е. рабству, с которым не может быть сравниваемо по степени унижения и безволия никакое из древних рабств. После этого рабская покорность масс, во имя патриотизма, и дерзость, жестокость и безумие

правительств уже не знали пределов. Начались на перебой вызываемые отчасти прихотью, отчасти тщеславием, отчасти корыстью захваты чужих земель в Азии, Африке, Америке и всё большее и большее недоверие и озлобление правительств друг к другу.

Уничтожение народов на захваченных землях принималось как нечто, само собой разумеющееся. Вопрос только был в том, кто прежде захватит чужую землю и будет уничтожать ее обитателей.

Все правители не только самым явным образом нарушали и нарушают против покоренных народов и друг против друга самые первобытные требования справедливости, но совершали и совершают всякого рода обманы, мошенничества, подкупы, подлоги, шпионства, грабежи, убийства, и народы не только сочувствовали и сочувствуют всему этому, но радуются тому, что не другие государства, а их государства совершают эти злодеяния. Взаимная враждебность народов и государств достигла в последнее время таких удивительных пределов, что, несмотря на то, что нет никакой причины одним государствам нападать на другие, все знают, что все государства всегда стоят друг против друга с выпущенными когтями и оскаленными зубами и ждут только того, чтобы кто-нибудь впал в несчастье и ослабел, чтобы можно было с наименьшей опасностью напасть на него и разорвать его.

Все народы так называемого христианского мира доведены патриотизмом до такого озверения, что не только те люди, которые поставлены в необходимость убивать или быть убитыми, желают или радуются убийству, но и люди, спокойно живущие в своих никем не угрожаемых домах в Европе, благодаря быстрым и легким сообщениям и прессе, все люди Европы и Америки — при всякой войне — находятся в положении зрителей в римском цирке и так же, как и там, радуются убийству и так же кровожадно кричат: «Pollice verso!»

Не только большие, но дети, чистые, мудрые дети, смотря по той народности, к которой они принадлежат, радуются, когда узнают, что побито, растерзано лиддитными снарядами не 700, а 1000 англичан или боэров.

И родители, я знаю таких, поощряют детей в этом зверстве.

Но мало и этого. Всякое увеличение войска одного государства (а всякое государство, находясь в опасности, ради

патриотизма старается увеличить его) заставляет соседнее тоже из патриотизма увеличивать свои войска, что вызывает новое увеличение первого.

То же происходит с крепостями, флотами: одно государство построило 10 броненосцев, соседние построили 11; тогда первое строит 12 и так далее в бесконечной прогрессии.

— «А я тебя ущипну». — А я тебя кулаком. — «А я тебя кнутом».—А я палкой. — «А я из ружья»... Так спорят и дерутся только злые дети, пьяные люди или животные, а между тем, это совершается в среде высших представителей самых просвещенных государств, тех самых, которые руководят воспитанием и нравственностью своих подданных.

5

Положение всё ухудшается и ухудшается и остановить это ведущее к явной погибели ухудшение нет никакой возможности. Единственный представлявшийся легковерным людям выход из этого положения закрыт теперь событиями последнего времени; я говорю о Гаагской конференции и тотчас же последовавшей за ней войной Англии с Трансваалем.

Если мало и поверхностно рассуждающие люди и могли еще утешаться мыслью, что международные судилища могут устранять бедствия войны и всё растущих вооружений, то Гаагская конференция с последовавшей за ней войной очевиднейшим образом показала невозможность разрешения вопроса этим путем. После Гаагской конференции стало очевидно, что до тех пор, пока будут существовать правительства с войсками, прекращение вооружений и войн невозможны. Для того, чтобы возможно было соглашение, нужно, чтобы соглашающиеся верили друг другу. Для того же, чтобы державы могли верить друг другу, они должны сложить оружие, как это делают парламентеры, когда съезжаются для совещаний. До тех же пор, пока правительства, не веря друг другу, не только не уничтожают, не уменьшают, но всё увеличивают войска соответственно увеличению у соседей, неукоснительно через шпионов следят за каждым передвижением войск, зная, что всякая держава набросится на соседнюю, как только будет иметь к тому возможность, невозможно никакое соглашение, и всякая

конференция есть или глупость, или игрушка, или обман, или дерзость, или всё это вместе.

Именно, русскому правительству более других подобало быть enfant terrible этой конференции. Русское правительство так избаловано тем, что дома никто не возражает на все его явно лживые манифесты и рескрипты, что оно, без малейшего колебания разорив свой народ вооружениями, задушив Польшу, ограбив Туркестан, Китай и с особенным озлоблением душа Финляндию, — с полной уверенностью в том, что все поверят ему, предложило правительствам разоружаться.

Но, как ни странно, ни неожиданно и неприлично было это предложение, особенно в то самое время, когда было сделано распоряжение об увеличении войск, слова, сказанные во всеуслышание, были такие, что правительствам других держав нельзя было перед своими народами отказаться от комических, явно лживых совещаний, и делегаты съехались, зная вперед, что ничего из этого выйти не может, и в продолжение нескольких месяцев, во время которых получали хорошее жалованье, хотя и посмеивались себе в рукав, все добросовестно притворялись, что они очень озабочены установлением мира между народами.

Гаагская конференция, закончившаяся страшным кровопролитием — трансваальской войной, которую никто не попытался и не пытается остановить, все-таки была полезна, хотя и совсем не тем, чего от нее ожидали; она была полезна тем, что самым очевидным образом показала то, что зло, от которого страдают народы, не может быть исправлено правительствами, что правительства, если бы и точно хотели этого, не могут уничтожить ни вооружений, ни войн. Правительства для того, чтобы существовать, должны защищать свой народ от нападения других народов; но ни один народ не хочет нападать и не нападает на другой, и потому правительства не только не желают мира, но старательно возбуждают ненависть к себе других народов. Возбудив же к себе ненависть других народов, а в своем народе патриотизм, правительства уверяют свой народ, что он в опасности и нужно защищаться.

И имея в своих руках власть, правительства могут и раздражать другие народы, и вызывать патриотизм в своем, и старательно делают и то и другое, и не могут не делать этого, потому что на этом основано их существование.

Если правительства были нужны прежде для того, чтобы защищать свои народы от нападения других, то теперь, напротив, правительства искусственно нарушают мир, существующий между народами, и вызывают между ними вражду.

Если нужно было пахать для того, чтобы сеять, то пахота была разумное дело; но, очевидно, безумно и вредно пахать, когда посев взошел. А это самое заставляет правительства делать свои народы, — разрушать то единение, которое существует и ничем бы не нарушалось, если бы не было правительств.

6

В самом деле, что такое в наше время правительства, без которых людям кажется невозможным существовать?

Если было время, когда правительства были необходимое и меньшее зло, чем то, которое происходило от беззащитности против организованных соседей, то теперь правительства стали не нужное и гораздо большее зло, чем всё то, чем они пугают свои народы.

Правительства не только военные, но правительства вообще, могли бы быть, уже не говорю полезны, но безвредны, только в том случае, если бы они состояли из непогрешимых, святых людей, как это и предполагается у китайцев. Но ведь правительства по самой деятельности своей, состоящей в совершении насилий, всегда состоят из самых противоположных святости элементов, из самых дерзких, грубых и развращенных людей.

Всякое правительство поэтому, а тем более правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение. Правительство в самом широком смысле, включая в него и капиталистов и прессу, есть не что иное, как такая организация, при которой бо́льшая часть людей находится во власти стоящей над ними меньшей части; эта же меньшая часть подчиняется власти еще меньшей части, а эта еще меньшей и т. д., доходя, наконец, до нескольких людей или одного человека, которые посредством военного насилия получают власть над всеми остальными. Так что всё это учреждение подобно конусу, все части которого находятся в полной власти тех лиц или того одного лица, которое находится на вершине его.

Вершину же этого конуса захватывают те люди или тот человек, который более хитер, дерзок и бессовестен, чем другие, или случайный наследник тех, которые более дерзки и бессовестны.

Нынче это Борис Годунов, завтра Григорий Отрепьев, нынче распутная Екатерина, удушившая со своими любовниками мужа, завтра Пугачев, послезавтра безумный Павел, Николай, Александр III.

Нынче Наполеон, завтра Бурбон или Орлеанский, Буланже или компания панамистов; нынче Гладстон, завтра Сольсбери, Чемберлен, Родс.

И таким-то правительствам предоставляется полная власть не только над имуществом, жизнью, но и над духовным и нравственным развитием, над воспитанием, религиозным руководством всех людей.

Устроят себе люди такую страшную машину власти, предоставляя захватывать эту власть кому попало (а все шансы за то, что захватит ее самый нравственно дрянной человек), и рабски подчиняются и удивляются, что им дурно. Боятся мин, анархистов, а не боятся этого ужасного устройства, всякую минуту угрожающего им величайшими бедствиями.

Люди нашли, что для того, чтобы им защищаться от врагов, им полезно связать себя, как это делают защищающиеся черкесы. Но опасности нет никакой, и люди продолжают связывать себя.

Старательно свяжут себя так, чтобы один человек мог со всеми ими делать всё, что̀ захочет; потом конец веревки, связывающей их, бросят болтаться, предоставляя первому негодяю или дураку захватить ее и делать с ними всё, что ему вздумается.

Сделают так и потом удивляются, что им дурно.

Ведь что же, как не это самое, делают народы, подчиняясь учреждая и поддерживая организованное с военной властью правительство?

7

Для избавления людей от тех страшных бедствий вооружений и войн, которые они терпят теперь и которые всё увеличивают ся и увеличиваются, нужны не конгрессы, не конференции не трактаты и судилища, а уничтожение того орудия насилия

которое называется правительствами и от которых происходят величайшие бедствия людей.

Для уничтожения правительств нужно только одно: нужно, чтобы люди поняли, что то чувство патриотизма, которое одно поддерживает это орудие насилия, есть чувство грубое, вредное, стыдное и дурное, а главное — безнравственное. Грубое чувство потому, что оно свойственно только людям, стоящим на самой низкой ступени нравственности, ожидающим от других народов тех самых насилий, которые они сами готовы нанести им; вредное чувство потому, что оно нарушает выгодные и радостные мирные отношения с другими народами и, главное, производит ту организацию правительств, при которых власть может получить и всегда получает худший; постыдное чувство потому, что оно обращает человека не только в раба, но в бойцового петуха, быка, гладиатора, который губит свои силы и жизнь для целей не своих, а своего правительства; чувство безнравственное потому, что, вместо признания себя сыном бога, как учит нас христианство, или хотя бы свободным человеком, руководящимся своим разумом, — всякий человек, под влиянием патриотизма, признает себя сыном своего отечества, рабом своего правительства и совершает поступки, противные своему разуму и своей совести.

Стоит людям понять это, и само собой, без борьбы распадется ужасное сцепление людей, называемое правительством, и вместе с ним то ужасное, бесполезное зло, причиняемое им народам.

И люди уже начинают понимать это. Вот что пишет, например, гражданин Северо-Американских Штатов:

«Единственно — чего мы просим все, мы, земледельцы, механики, купцы, фабриканты, учителя, — это права заниматься нашими собственными делами. Мы имеем свои дома, любим наших друзей, преданы нашим семьям и не вмешиваемся в дела наших соседей, у нас есть работа, и мы желаем работать.

Оставьте нас в покое!

Но политиканы не хотят оставить нас. Они облагают нас налогами, поедают наше имущество, переписывают нас, призывают нашу молодежь к своим войнам.

Целые мириады живущих на счет государства зависят от государства, содержатся им, чтобы облагать нас налогами; а для того, чтобы облагать с успехом, содержатся постоянные войска

Довод, что армия нужна для того, чтобы защищать страну, явный обман. Французское государство пугает народ, говоря, что немцы хотят напасть на него; русские боятся англичан; англичане боятся всех; а теперь в Америке нам говорят, что нужно увеличить флот, прибавить войска, потому что Европа может в каждый момент соединиться против нас. Это обман и неправда. Простой народ во Франции, Германии, Англии и Америке — против войны. Мы желаем только, чтобы нас оставили в покое. Люди, имеющие жен, родителей, детей, дома, — не имеют желания уходить драться с кем бы то ни было. Мы миролюбивы и боимся войны, ненавидим ее.

Мы хотим только не делать другим того, чего не хотели бы, чтобы нам делали.

Война есть непременное следствие существования вооруженных людей. Страна, содержащая большую постоянную армию, рано или поздно будет воевать. Человек, гордящийся своей силой в кулачном бою, когда-нибудь встретится с человеком, который считает себя лучшим бойцом, и они будут драться. Германия и Франция только ждут случая испытать друг против друга свои силы. Они дрались уже несколько раз и будут драться опять. Не то, чтобы их народ желал войны, но высший класс раздувает в них взаимную ненависть и заставляет людей думать, что они должны воевать, чтобы защищаться.

Людей, которые хотели бы следовать учению Христа, облагают налогами, оскорбляют, обманывают и затягивают в войны.

Христос учил смирению, кротости, прощению обид и тому, что убивать дурно. Писание учит людей не клясться, но «высший класс» заставляет нас клясться на писании, в которое не верит.

Как же нам освободиться от этих расточителей, которые не работают, но одеты в тонкое сукно с медными пуговицами и дорогими украшениями, которые кормятся нашими трудами, для которых мы обрабатываем землю?

Сражаться с ними?

Но мы не признаем кровопролития, да, кроме того, у них оружие и деньги, и они выдержат дольше, чем мы.

Но кто составляет ту армию, которая будет воевать с нами?

Армию эту составляем мы же, наши обманутые соседи и братья, которых уверили, что они служат богу, защищая свою страну от врагов. В действительности же наша страна не имеет врагов,

кроме высшего класса, который взялся блюсти наши интересы, если только мы будем соглашаться платить налоги. Они высасывают наши средства и восстановляют наших истинных братьев против нас для того, чтобы поработить и унизить нас.

Вы не можете послать телеграмму своей жене или посылку своему другу, или дать чек своему поставщику, пока не заплатите налог, взимаемый на содержание вооруженных людей, которые могут быть употреблены на то, чтобы убить вас, и которые несомненно посадят вас в тюрьму, если вы не заплатите.

Единственное спасение в том, чтобы внушать людям, что убивать нехорошо, учить их тому, что весь закон и пророки в том, чтобы делать другим то, что хочешь, чтобы тебе делали. Молчаливо пренебрегайте этим высшим классом, отказываясь преклоняться перед их воинственным идолом. Перестаньте поддерживать проповедников, которые проповедуют войну и выставляют патриотизм, как нечто важное.

Пусть они идут работать, как мы.

Мы верим в Христа, а они нет. Христос говорил то, что думал; они говорят то, чем они думают понравиться людям, имеющим власть — «высшему классу».

Мы не будем поступать на службу. Не будем стрелять по их приказанию. Мы не будем вооружаться штыками против доброго, кроткого народа. Мы не будем по внушению Сесиль Родса стрелять в пастухов и земледельцев, защищающих свои очаги.

Ваш ложный крик: «волк, волк!» не испугает нас. Мы платим ваши налоги только потому, что принуждены делать это. Мы будем платить только до тех пор, пока принуждены это делать. Мы не будем платить церковные налоги ханжам, ни десятой доли вашей лицемерной благотворительности, и мы будем при всяком случае высказывать свое мнение.

Мы будем воспитывать людей.

И всё время наше молчаливое влияние будет распространяться; и даже люди, уже набранные в солдаты, будут колебаться и отказываться сражаться. Мы будем внушать мысль, что христианская жизнь в мире и благоволении лучше, чем жизнь борьбы, кровопролития и войны.

«Мир на земле!» — может наступить только тогда, когда люди отделаются от войск и будут желать делать другим то, что хотят, чтобы им делали».

Так пишет гражданин Северо-Американских Штатов, и с разных сторон, в разных формах раздаются такие же голоса.

Вот что пишет немецкий солдат:

«Я совершил два похода вместе с прусской гвардией (1866—1870 гг.) и ненавижу войну от глубины души, так как она сделала меня невыразимо несчастным. Мы, раненые вояки, получаем большею частью такое жалкое вознаграждение, что приходится, действительно, стыдиться за то, что когда-то мы были патриотами. Я, например, получаю ежедневно 80 пфеннигов за мою простреленную при штурме в С. Прива 18 августа 1870 г. правую руку. Другой охотничьей собаке нужно больше для ее содержания. А я страдал целые годы от моей дважды простреленной правой руки. Уже в 1866 г. я участвовал в войне против Австрии, сражался у Траутенау и Кенигрица и насмотрелся довольно-таки ужасов. В 1870 г. я, как находившийся в запасе, был призван вновь и, как я уже сказал, был ранен при штурме в С. Прива: правая рука моя была прострелена два раза вдоль. Я потерял хорошее место (я был тогда пивоваром) и потом не мог уже получить его опять. С тех пор мне уж больше никогда не удалось встать на ноги. Дурман скоро рассеялся, и вояке-инвалиду оставалось только кормиться на нищенские гроши и подаяние...

В мире, где люди бегают, как дрессированные звери, и не способны ни на какую другую мысль, кроме того, чтобы перехитрить друг друга, ради маммоны, в таком мире пусть считают меня чудаком, но я всё же чувствую в себе божественную мысль о мире, которая так прекрасно выражена в нагорной проповеди. По моему глубочайшему убеждению, война — это только торговля в больших размерах, — торговля честолюбивых и могущественных людей счастьем народов.

И каких только ужасов не переживаешь при этом! Никогда я их не забуду, этих жалобных стонов, проникающих до мозга костей.

Люди, никогда не причиняющие друг другу зла, умерщвляют друг друга, как дикие звери, а мелкие рабские души замешивают доброго бога пособником в этих делах. Соседу моему в строю пуля раздробила челюсть. Несчастный совсем обезумел от боли. Он бегал, как сумасшедший, и под палящим летним зноем не находил даже воды для того, чтобы освежить свою ужасную рану. Наш командир кронпринц Фридрих (впоследст-

вии благородный император Фридрих) писал тогда в своем дневнике: «Война — это ирония на Евангелие...»

Люди начинают понимать тот обман патриотизма, в котором так усердно стараются удержать их все правительства.

8

«Но что же будет, если не будет правительств?» — говорят обыкновенно.

Ничего не будет; будет только то, что уничтожится то, что было давно уже не нужно и потому излишне и дурно; уничтожится тот орган, который, став ненужным, сделался вредным.

«Но если не будет правительств — люди будут насиловать и убивать друг друга», — говорят обыкновенно.

Почему? почему уничтожение той организации, которая возникла вследствие насилия и по преданию передавалась от поколения к поколению для произведения насилия, — почему уничтожение такой потерявшей употребление организации сделает то, что люди будут насиловать и убивать друг друга? Казалось бы, напротив, уничтожение органа насилия сделает то, что люди перестанут насиловать и убивать друг друга.

Теперь есть люди, специально воспитываемые, приготовляемые для того, чтобы убивать и насиловать других людей, — люди, за которыми признается право насиловать, и которые пользуются устроенной для этого организацией; и такое насилование и убивание считается хорошим и доблестным делом, тогда же люди не будут для этого воспитываться, ни за кем не будет права насиловать других, не будет организации насилия, и, как это свойственно людям нашего времени, насилие и убийство будет всегда и для всех считаться дурным делом.

Если же и после уничтожения правительств будут происходить насилия, то, очевидно, они будут меньше, чем те, которые производятся теперь, когда есть специально для произведения насилия устроенные организации и положения, при которых насилия и убийства признаются хорошими и полезными.

Уничтожение правительств только уничтожит по преданию переходящую, ненужную организацию насилия и оправдание его.

«Не будет ни законов, ни собственности, ни судов, ни полиции, ни народного образования», — говорят обыкновенно,

умышленно смешивая насилия власти с различными деятельностями общества.

Уничтожение организации правительств, учрежденных для произведения насилия над людьми, никак не влечет за собой уничтожения ни законов, ни суда, ни собственности, ни полицейских ограждений, ни финансовых устройств, ни народного образования. Напротив, отсутствие грубой власти правительств, имеющих цель поддержать только себя, будет содействовать общественной организации, не нуждающейся в насилии. И суд, и общественные дела, и народное образование, всё это будет в той мере, в которой это нужно народам; уничтожится только то, что было дурно и мешало свободному проявлению воли народов.

Но если и допустить, что при отсутствии правительств произойдут смуты и внутренние столкновения, то и тогда положение народов было бы лучше, чем оно теперь. Положение народов теперь таково, что ухудшение его трудно себе представить. Народ весь разорен, и разорение неизбежно должно идти, усиливаясь. Все мужчины обращены в военных рабов и всякую минуту должны ждать приказа идти убивать и быть убиваемыми. Чего же еще ждать? Того, чтобы разоренные народы вымирали с голода? Это уже начинается в России, Италии и Индии. Или того, чтобы, кроме мужчин, забрали в солдаты и женщин? В Трансваале и это уже начинается.

Так что, если бы и действительно отсутствие правительств означало анархию (чего оно вовсе не означает), то и тогда никакие беспорядки анархии не могли бы быть хуже того положения, до которого правительства уже довели свои народы и к которому они ведут их.

И потому не может не быть полезным для людей освобождение от патриотизма и уничтожение зиждущегося на нем деспотизма правительств.

9

Опомнитесь, люди, и, ради всего блага и телесного, и духовного и такого же блага ваших братьев и сестер, остановитесь, одумайтесь, подумайте о том, что вы делаете!

Опомнитесь и поймите, что враги ваши не буры, не англичане, не французы, не немцы, не чехи, не финляндцы, не русские, а враги ваши, одни враги — вы сами, поддерживающие

своим патриотизмом угнетающие вас и делающие ваши несчастия правительства.

Они взялись защищать вас от опасности и довели это мнимое положение защиты до того, что вы все стали солдатами, рабами, все разорены, всё более и более разоряетесь и всякую минуту можете и должны ожидать, что натянутая струна лопнет, начнется страшное избиение вас и ваших детей.

И как бы велико ни было избиение и чем бы оно ни кончилось, положение останется то же. Так же и еще с большей напряженностью правительства будут вооружать и разорять, и развращать вас и детей ваших, и остановить, предупредить это никто не поможет вам, если вы сами не поможете себе.

Помощь же только в одном — в уничтожении того страшного сцепления конуса насилия, при котором тот или те, кому удастся взобраться на вершину этого конуса, властвуют над всем народом и тем вернее властвуют, чем более они жестоки и бесчеловечны, как это мы знаем по Наполеонам, Николаям I, Бисмаркам, Чемберленам, Родсам и нашим диктаторам, правящим народами от имени царя.

Для уничтожения же этого сцепления есть только одно средство — пробуждение от гипноза патриотизма.

Поймите, что всё то зло, от которого вы страдаете, вы сами себе делаете, подчиняясь тем внушениям, которыми обманывают вас императоры, короли, члены парламентов, правители, военные, капиталисты, духовенство, писатели, художники, — все те, которым нужен этот обман патриотизма для того, чтобы жить вашими трудами.

Кто бы вы ни были — француз, русский, поляк, англичанин, ирландец, немец, чех — поймите, что все ваши настоящие человеческие интересы, какие бы они ни были — земледельческие, промышленные, торговые, художественные или ученые, все интересы эти так же, как и удовольствия и радости, ни в чем не противоречат интересам других народов и государств, и что вы связаны взаимным содействием, обменом услуг, радостью широкого братского общения, обмена не только товаров, но мыслей и чувств с людьми других народов.

Поймите, что вопросы о том, кому удалось захватить Вей Хай-вей, Порт-Артур или Кубу, — вашему правительству или другому, для вас не только безразличны, но всякий такой захват, сделанный вашим правительством, вредит вам потому,

что неизбежно влечет за собой всякого рода воздействия на вас вашего правительства, чтобы заставить вас участвовать в грабежах и насилиях, нужных для захватов и удержания захваченного. Поймите, что ваша жизнь нисколько не может улучшиться оттого, что Эльзас будет немецкий или французский, а Ирландия и Польша свободны или порабощены; чьи бы они ни были, вы можете жить где хотите; даже если бы вы были эльзасец, ирландец или поляк, — поймите, что всякое ваше разжигание патриотизма будет только ухудшать ваше положение, потому что то порабощение, в котором находится ваша народность, произошло только от борьбы патриотизмов, и всякое проявление патриотизма в одном народе увеличивает реакцию против него в другом. Поймите, что спастись от всех ваших бедствий вы можете только тогда, когда освободитесь от отжившей идеи патриотизма и основанной на ней покорности правительствам и когда смело вступите в область той высшей идеи братского единения народов, которая давно уже вступила в жизнь и со всех сторон призывает вас к себе.

Только бы люди поняли, что они не сыны каких-либо отечеств и правительств, а сыны бога, и потому не могут быть ни рабами, ни врагами других людей, и сами собой уничтожатся те безумные, ни на что уже не нужные, оставшиеся от древности губительные учреждения, называемые правительствами, и все те страдания, насилия, унижения и преступления, которые они несут с собой.

Лев Толстой.

Пирогово, 10 мая 1900 г.

«ПАТРИОТИЗМ И ПРАВИТЕЛЬСТВО»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Статья «Патриотизм и правительство», называвшаяся в первых редакциях «Патриотизм или мир», была начата и вчерне закончена Толстым в феврале 1900 г. 28 февраля 1900 г. он писал Чертковым: «Я, кажется, кончил маленькую статью о патриотизме» (т. 88, стр. 191). Но это предположение об окончании статьи оказалось ошибочным.

В начале марта Толстой получил письмо от немецкого солдата Иоганна Клейнпоппена (Kleinpoppen), датированное 16 марта нов. ст. 1900 г. В этом письме Клейнпоппен описывал ужасы войны и ее губительные последствия и просил Толстого написать «хорошую книгу против войны». Толстой 13/25 марта ответил ему, что он «над этим теперь работает», и спрашивал разрешения перевести письмо Клейнпоппена и опубликовать его в русских газетах. [1]

Письмо Клейнпоппена было послано в журнал «Свободная мысль» (Женева), где и было напечатано в № 4 за 1900 год, и затем перепечатано в газете «Курьер», в № 16 от 27 апреля 1900 г. Впоследствии (в рук. № 21) Толстой закончил седьмую главу своей статьи большой выдержкой из письма Клейнпоппена, не упоминая его имени.

Возможно, что с получением этого письма Толстой и возобновил работу над статьей.

13 марта 1900 г., после перерыва с 27 января, Толстой записывает в Дневнике: «Писал всё 1) письмо духоборам, которое кончил и послал, 2) о патриотизме, которое много раз переписывал и которое ужасно слабо, так что вчера решил или бросить, или всё с начала, и кажется, есть что сказать с начала. Надо показать, что теперешнее положение, особенно Гаагская конференция, показали, что ждать от высших властей нечего и что распутывание этого ужасного губительного положения, если возможно, то только усилием частных отдельных лиц» (т. 54, стр. 10).

Через 6 дней, 19 марта, Толстой записывает: «Мало, но успешно работаю» (стр. 15). Затем — 24 марта: «Пишу то *Патриотизм*, то *Денежное*

[1] Письмо Толстого и письмо И. Клейнпоппена напечатаны в т. 72, стр. 334—336.

рабство. И первое много улучшил, но вот второй день не пишу» (стр.18). После этого — запись 6 апреля: «Всё работаю ту же работу, загородившую мне художественную» (стр. 20). Затем 2 мая: «Всё время был занят двумя статьями. И хочется думать, что кончил... Мало думал вне работы. Работа всё поглощала» (стр. 24).

2 мая в письмах к Д. А. Хилкову и к А. Шкарвану (см. т. 72, стр. 353 и 358) Толстой извещал их об окончании статьи, причем во втором письме статья имеет заглавие — «Патриотизм и правительство». (Так же называется она и в письме к А. Ернефельту от 20 июня, стр. 387.)

Однако и на этот раз сообщение об окончании статьи было преждевременным. 7 мая Толстой писал Чертковым: «Всё доканчиваю две статьи: о патриотизме и о рабочих [«Рабство нашего времени»]. И очень хочется с Кенворти послать к вам» (т. 88, стр. 195). Действительно через три дня, 10 мая, статья была послана Черткову с гостившим у Толстого и уезжавшим обратно в Англию англичанином Джоном Кенворти. При этом Толстой писал: «Посылаю вам эту статью, милые друзья. Простите, что злоупотребляю вашей добротой, перемарал ее и, не переписав, посылаю ее с милым Кенворти. С статьей делайте, что найдете нужным. Печатайте, если найдете ее стоящей того, или вернете, чтобы исправить. Хотя я очень много раз ее исправлял, я могу еще почистить ее. Есть в ней, мне кажется, нужное, но она как-то не задалась и не нравится мне. Впрочем, я столько ковырял в ней, что уже потерял чутье» (т. 88, стр. 196).

Статья «Патриотизм и правительство» была впервые напечатана В. Г. Чертковым в изд. «Свободное слово» в Англии в 1900 г. и затем переиздана берлинскими издательствами: Гуго Штейница (1903 г.) и H. Caspari (без означения года). В России была перепечатана в 1906 г. в изд. «Обновление» в Петербурге (было конфисковано) и в изд. «Жизнь» в Харькове. В 1917 г. статья появилась в Москве в двух изданиях: Толстовского общества, издательств «Посредник» и «Свободная жизнь» и в Харькове в издательстве «Сеятель». В 1918 г. была перепечатана Комиссариатом народного просвещения Смоленской губернии и в Екатеринодаре издательством Колосова и Жандармова.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Патриотизм и правительство», исчисляется в 549 листов разного формата (в том числе и отрезки). Рукописи расположены в хронологическом порядке под №№ 1—23.

Рукопись № 1 — автограф первой черновой редакции статьи; остальные — рукописные копии разных переписчиков, с исправлениями и вставками Толстого.

Даты Толстого имеются на следующих рукописях: № 18 — «9 апреля», № 19 — «13 апр. 1900».

Кроме того, проставлены даты на обложках рукописей: № 5 — рукой М. Л. Оболенской — «февраль 1900», № 20 — рукой переписчика Ф. А. Ушакова — «21 апреля 1900. Москва» и № 21 — его же рукой — «Москва. 24 апреля 1900».

Рукопись № 7 озаглавлена рукой Толстого: «Патриотизм или мир»; № 14 — его же рукой: «Одумайтесь» и затем «Спасение только в нас»

(оба заглавия зачеркнуты); № 15 — его же рукой: «Единственное спасение». В рукописи № 18 это заглавие зачеркивается Толстым. Окончательное заглавие появляется в рукописи № 19, проставленное на обложке рукой Ф. А. Ушакова.

В настоящем издании статья «Патриотизм и правительство» печатается по рукописи № 23 с исправлением ошибок переписчиков по предыдущим рукописям.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В настоящий указатель введены имена личные и географические, заглавия книг, названия статей, произведений искусства. Кроме того, в указатель введены названия журналов и газет, если они употреблены самостоятельно, а не как библиографические данные. Знак || означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы редакторского текста.

Имена, поясненные в примечаниях, в указателе не аннотируются.

Абамелек-Лазарев Семен Семенович — || 253, 255.

Абиссиния — 47.

Абрикосов Хрисанф Николаевич — || 407, 421.

Августин Аврелий Блаженный (353—430)—богослов, епископ гиппонский — 88.

Авраам — библейский персонаж — 161.

Аврелий Марк (121—180) — римский император, философ-стоик — 256, 262.

Австралия — 51, 168.

Австрия — 57, 440.

Агафонов Н. Я. — || 248.

Агеев Афанасий Николаевич (1861—1908) — 169, 170, 171, 326, || 326.

Адам — 58, 127, 128.

Азия — 62, 432.

Александр I (1777—1825)— 63.

Александр II (1818—1881)— || 245.

Александр III (1845—1894) — 436.

Алексеев Василий Иванович (1848—1919)—в 1877—1881 гг. учитель детей Толстого — 245, 263, || 245.

Алехин Митрофан Васильевич (1857—1935)—художник, близкий по взглядам Толстому — || 281.

Алеша Попович — 109, 110, || 390, 392, 393.

«Алеша Попович и сестра братьев Петровичей», былина — || 393.

«Алеша Попович и Тугарин», былина — || 393.

Алжир — 64.

Алушта, Таврической губ. — 296.

Амельфа Тимофеевна—персонаж из былин о Василии Буслаеве — 109.

Америка — 46, 47, 61, 67, 163, 164, 165, 283, 432, 438, || 245, 284, 309, 320, 321, 369.

Англия — 45, 46, 49, 61, 163, 164, 167, 433, 438, || 360, 361, 368, 371, 446.

Андреев Леонид Николаевич — 217, || 424.

Аничимов Я. П. — 196.

Арбузов Сергей Петрович — 238, || 238.

Армения — 47, 51, 168.

Арнаутов Иван Александрович — 256, || 256.

Архангельский Александр Иванович — 285, 323, || 286, 323.

Архангельское, Тульской губ. — 322.

Арцимович Михаил Викторович — 338, || 334.

Астырев — 336, || 337.

Астраханская степь — 154.

Атилла (V в.) — король гуннов — 46.

Африка — 47, 52, 62, 432, || 368.

Баллу Адин (1808—1890), — американский публицист, сторонник учения о непротивлении злу насилием — 305.

Баршева Ольга Алексеевна (ум. 1895)—подруга М. А. Шмидт— || 402.

Батум — || 310.

Бебель Август — 182, || 421.

Белобородов Яков Федорович — || 293.

Белобородова Софья Ивановна—293, || 293.

Бельбек, река — 21, || 356.

Бем Е. М., «Л. Н. Толстой среди яснополянских детей», рисунок— || 341.

Бер Софья Юльевна — 286, || 287.

Бергер Иван Александрович — 275, || 275.

Беркенгейм Григорий Моисеевич — 329, || 329.

Берлин — 284.

Бермятин—персонаж из былин о Чуриле Пленковиче — 110.

Берс Андрей Евстафьевич (1808—1868)—отец С. А. Толстой, врач — || 228.

Берс Елизавета Андреевна — 256, || 256.

Берс Петр Андреевич — 239, || 240.

Библия — 59, 127, 128.

Бирюков Павел Иванович— 261, 264, 265, 315, || 262, 264, 266, 315, 341, 365.

Бирюкова Павла Николаевна — 315, || 315.

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд (1815—1898)—германский государственный деятель — 443.

Богданов — 318, || 318.

Бодянский Александр Михайлович (1842—1916)—помещик, под влиянием взглядов Толстого отказавшийся от земли; неоднократно подвергался арестам за связь с сектантами — || 281.

Болотин А. М. — || 333.

Большая Чечня — 153, 154.

Бондарев Тимофей Михайлович — 257, || 258, 374, 375.

— «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» — || 258.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич — || 333.

Бордашев — 187.

Борецкая Марфа (Марфа Посадница) — жена И. А. Борецкого — 102, 103.

Борецкий Исаак Андреевич— новгородский посадник — 102.

Борецкий Мстислав Исаакович—сын Марфы Посадницы—102.

Борисов Иван Петрович (1832—1871)—зять Фета, знакомый Тургенева и Толстого — || 228.

Боткин Василий Петрович (1811—1869) — литературный критик и публицист — || 398.

Бочкарев Иван Иванович— 293, || 293.

Браилов, город и крепость в Валахии (Румыния) — 95.

Британская Гвиана— || 361.

Бронницы, Московской губ. —285.

Будда—мифический основатель буддийской религии — 52, 53, 88, 262.

Буланже Жорж-Эрнест Жан-Мари (1837—1891) — французский генерал, реакционный политический деятель — 436.

Буланже Павел Александрович (1865—1925)—близкий знакомый Толстого — 328, || 323, 329, 382, 383.

— «Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой» — || 382.

Булгаков Валентин Федорович — 344, || 344, 382, 383.

— «Лев Толстой в последний год его жизни» — || 382, 383, 397.

Булыгин Михаил Васильевич — 270, 285, 292, 341, || 270, 286, 341.

Буслаев Василий — 109, || 392, 393.

Буткевич Анатолий Степанович — 264, 285, || 264, 286.

Бутурлин Александр Сергеевич — 187, || 421.

Бытия книга — книга Библии — 130.

Валишевский Казимир — 331, || 331.

— «L'héritage de Pierre le Grande» — 331, || 331.

— «Pierre le Grand» — 331, || 331.

Васильев Петр Петрович— || 248.

В. В., «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве» — 313. || 313.

«Вегетарианская библиотека. В защиту жизни», изд. «Посредник» — || 413.
Веды — древние священные книги индусов — 88.
Вейндлигау (Австрия) — || 311.
Вей Хай-вей (Китай) — 443.
Вена — 314, || 311.
Венгеров Семен Афанасьевич —248, || 249.
Венгрия — || 307.
Венесуэла — 45, 47, 49, 163, 165, 168, || 360.
Верея, Московской губ. — || 296.
«Вестник Европы», журнал — 238, || 239.
Вилло (G. Villot) — || 358, 359.
Вильгельм II(1859—1941)— 52, 53, 431, || 362.
Винер Елизавета Владимировна — || 267.
Виннипег (США) — 309.
Владикавказ — 319, || 319.
Владимиров Е. И., «Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой» — || 257.
Воленс Василий Петрович— 234, || 236.
«Волжско-Камская газета» — || 248.
Волкенштейн Александр Александрович — 308, 309, || 309.
Волкенштейн Людмила Александровна — || 309.
Волков Г., «Неизвестное стихотворение Л. Н. Толстого» — || 388.
Волков Макарий Николаевич—187, || 421.
«Вопрос о Венецуэле», статья— || 361.
Выксы, Нижегородской губ.— || 289.

Гаага — || 367.
Гаагская мирная конференция — была созвана 6/18 мая 1899 г. по инициативе Николая II — 433, 434.
Ганешин С. В. — || 232.
Гаррисон Вендель (W. Garrison, 1844—1907), — сын Уильяма-Ллойда Гаррисона — || 284.
Гаррисон Уильям-Ллойд (1805—1879)—американский прогрессивный общественный и политический деятель и писатель, борец за освобождение негров — 305.
Ге Зоя Григорьевна. См. Рубан-Щуровская З. Г.
Ге Николай Николаевич (1831—1894)—художник — 267, 269, || 259, 267, 270, 286, 292.
Ге Николай Николаевич (сын художника) — 260, 261, 285, || 261, 266, 267, 268, 269, 270, 286, 291, 292, 295, 296, 308, 312, 314, 315, 365, 368.
Ге Петр Николаевич — 291, 296, || 292.
Ге Прасковья Николаевна — 270, || 270.
Геккель Эрнст (1834—1919)— немецкий естествоиспытатель-дарвинист — 88.
Герасимов Ефим Гордеевич — 196.
Германия — 46, 57, 61, 431, 438, || 227, 307.
Гижицкий Георг фон — 286, || 287.
Гладстон Уильям (1809—1898) — английский политический деятель, представитель либеральной буржуазии — 163, 436.
ГМТ. См. Государственный музей Л. Н. Толстого.
Годвин Уильям — 182, || 421.
Годунов Борис Федорович (ок. 1551—1605) — 436.
Голиаф — библейский персонаж — 61.
«Голос Москвы», газета — || 378.
«Голуа» («Gaulois»), французский журнал — 22, 35, || 358.
Гольденблат Борис Осипович — || 342, 343.
Гольденвейзер Александр Борисович — 217, || 424.
— «Вблизи Толстого» — || 397.
Горбунов-Посадов Иван Иванович — 276, || 271, 276, 331, 340, 342, 370, 374.
Горбунова-Посадова Е. Е., «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт» — || 264.
Горлов С. — || 335.
Городня, Тульской губ. — 196, || 423.
Горький Максим (1868—1936) — 179.
Государственный музей Л. Н. Толстого (ГМТ) — || 239, 361, 376, 383, 394, 420.

Грачев О. Г. — 274, || 274.
Греция — 49.
Григорий Отрепьев. См. Лжедимитрий.
Григорович Дмитрий Васильевич — || 310, 311.
Гризбах И. Я., «Commentarius criticus in textum Novum Testamentum» — 284, || 285.
Гриневка, Тульской губ.— || 306.
Грот Наталья Николаевна — 290, || 290.
Грот Николай Яковлевич — || 264, 265, 278, 279, 290.
Груманта, Тульской губ. — 333, || 333.
Грушецкий — 299.
Гусев Николай Николаевич (р. 1882)—в 1908—1909 гг. секретарь Толстого — 194, || 272, 381, 408, 409, 410.
— «Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год» — || 223, 386.
— «Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862—1877)» — || 399.

Давид — библейский персонаж — 61.
Давыдов Гавриил — 302, || 302.
Давыдов Николай Васильевич — || 258, 260, 273, 275, 277, 278, 282, 292, 293, 294, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303.
Давыдова Екатерина Михайловна — 299, || 299.
Даймонд Ионафан (Dymond, 1796—1828)—английский квакер, писатель-пацифист — 305.
Даль Владимир Иванович (1801—1872)—писатель-этнограф и лексикограф — 230.
Дальний Восток — 51.
Данила Ловчанин — 110, || 391, 392, 393.
Данилов Кирша—составитель сборника русских былин и песен (изд. 1804 и 1818) — || 391.
Дарвин Чарльз (1809—1882)— 25, 37, 88.
Деменка, Тульской губ. — 217, || 424.
Денисенко Елена Сергеевна — 327, || 327.
«Детский отдых», журнал — || 246, 247, 251.
Джордж Генри (1839—1897)— американский публицист и экономист; сторонник национализации земли и системы «единого налога»— 68, 75, 76, || 369, 374, 375.
Джунковский Николай Федорович — 267, || 267.
Димитрий Иоаннович Донской (1350—1389)—великий князь всея Руси — 100.
Директория — 181, || 420.
Добрыня Никитич — 109, 110, || 392.
Былины о Добрыне:
«Бой Добрыни. Добрыня и Алеша» — || 392.
«Добрыня в отъезде» — || 393.
«Добрыня и Василий Казимиров» — || 392.
«Добрыня и змей» — || 392.
«Добрыня и Маришка» — || 392.
Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927) — || 341.
Дохтуров — 264.
«Дубинушка», песня — || 371.
Дунаев Александр Никифорович — || 276, 280, 281, 312, 317, 322, 323, 324, 325, 326.
Дюк Степанович—110, || 393.
Дюма Александр (1824—1895) —22, 27, 28, 29, 34, 35, 39, 40, 44, || 359.
— «Дама с камелиями» — 28, 39.
— «Дело Клемансо» — 28, 39.

Е. В., «Л. Н. Толстой и Оптина пустынь» — || 388.
Евангелие — 57, 59, 72, 74, 82, 142, 190, 198, 262, 441, || 400.
Европа — 26, 38, 52, 53, 62, 67, 101, || 309, 356, 368.
Егоров Петр — 285, || 286.
Екатерина II (1729—1796)— 436.
Екатеринославская губерния — 73.
Екенин Иван Гаврилович — || 423.
Елец, Орловской губ. — 329, || 329.
Елисаветград — || 269.
Епифань, Тульской губ. — 244.
Ергольская Татьяна Александровна — || 223, 226, 385.
Ернефельт Арвид (1861—1933), — финский писатель — || 446.

Еропкино, Московско-Курской ж. д. — 238.
Ефрем Оптинский — 196.

Жебунев Леонид Николаевич — || 258.
Желтов Федор Алексеевич — || 268, 276.
Женева — || 315, 362.
«Жизнь», издательство в Харькове — || 446.
«Жизнь для всех», журнал — || 383, 384.
Журов Петр Алексеевич — || 415.
Жюльен Станислав (S. Julien) — 22, 35.

Замятин — 225.
«Записки отдела рукописей» Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина — || 395.
Захарьин Григорий Антонович — 243, || 244.
Зацепин Александр Трофимович — 323, || 323.
Звенигород, Московской губ. — 196.
Зернов — 326, || 326.
Зиновьев Николай Алексеевич — 277, || 278.
Зирич Лазар С. — || 352.
Злинченко Кирилл Павлович — 294, || 295.
Злинченко Александра Ивановна — 294, || 295.
Змиево, Тульской губ. — 381.
Золя Эмиль (1840—1902) — 22, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, || 358.
Зороастр—греческое имя мифического пророка Заратустры, которому приписывается основание религии зороастризма, теперь носящей название парсизма — 88.
Зубова Александра Васильевна — 320, || 321.

Иван Годинович — 110, || 394.
Иванов Александр Петрович — 322, || 322, 366, 368.
Иванов Николай Никитич — || 260, 261.
— «Пасха» — || 261.
— «У Л. Н. Толстого в Москве в 1886 году» — || 261.
Игумнова Юлия Ивановна — 327, 328, || 322, 327.
Иерусалим — || 392.
«Известия Общества Толстовского музея» — || 403.
Иисус Христос — 29, 30, 31, 34, 39, 40, 41, 43, 44, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 72, 73, 74, 81, 88, 123, 124, 126, 129, 161, 193, 201, 202, 203, 251, 306, 307, 332, 335, 438, 439, || 392.
Илоило (Филиппины) — 64.
Илья Муромец — 109, || 391, 392.
Былины об Илье:
«Илья и Идолище» — || 392.
«Илья и Сокольник» — || 392.
«Илья и Соловей» — || 391, 392.
«Илья и Соловей-разбойник» — || 391.
«Илья Муромец и дочь» — || 392.
«Илья Муромец и Святогор-богатырь» — || 391.
«Илья Муромец и сын» — || 392.
«Получение силы Ильей» — || 391.
«Святогор и Илья» — || 391.
«Ссора Ильи с Владимиром» — || 392.
«Три поездки Ильи» — || 392.
Индия — 51, 64, 168, 442.
Иоанн III Васильевич (1440—1505)—великий князь Московский —102, 103.
Иоанн IV Васильевич Грозный (1530—1584) — 101, 154.
Иоанн Креститель—евангельский персонаж — 30, 41, 126.
Иоанна Евангелие — 123, 125, 161, 200, 201, 264.
Иордан, река — 28, 39.
Ирландия — 51, 168, 444.
Ирод Великий (62 до н. э. — 4 н. э.) — иудейский царь — 134.
Ислави Владимир Александрович (1818—1895) — дядя С. А. Толстой — || 238.
Ислави Константин Александрович — 256, || 238, 256, 323.
Ислави Михаил Александрович — || 224.
Истомин Владимир Константинович — || 240, 246, 247, 250, 251, 274.
Истомин Константин Александрович — 274.
Истомина Наталья Александровна — 251, 274, || 247, 251, 274.
Италия — 101, 442.

Кавказ — 73, 81, 295, 310, || 310.
Казанская губерния — 313.
Казимир IV Ягеллончик (1427—1492), польский король — 102, 103.
Каменногорки, Киевской губ. — 325.
Каменский завод, Пермской губ. — || 364, 365.
Канада — 308, 309, 310, || 310, 313.
Кандыба — 308, || 308.
Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ-идеалист — 88.
Каргалиновская, станица на левом берегу Терека — 153.
Карл V (1500—1558) — римский император — 31, 41.
Карская область — || 320.
Карцов — 237, || 238.
Касаткин Николай Алексеевич — 284, || 272, 284.
Каспари Г. издательство в Берлине — || 446.
Катков Михаил Никифорович — 224, 234, || 225, 239.
Качкалыковский хребет (Кавказ) — 153, 154.
Кашкин Н. Д., «Русское музыкальное общество по личным воспоминаниям» — || 398.
Келер Густав Федорович — || 227, 228, 229, 230.
Кенворти Джон (J. Kenworthy, p. 1860) — английский писатель, близкий по взглядам Толстому — || 362, 363, 369, 446.
Кенигрец (Сев. Чехия) — 440.
Киев — 109, 112, 197, 294, 299, || 294.
Киевская губерния — 73.
Киргиз-Кайсацкая степь — 154.
Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — собиратель русских народных песен (изд. 1860—1874) — || 391.
Китай — 52, 434.
Кишинев — || 421.
Кишинский Лаврентий Семенович — || 356.
Клейнпоппен Иоганн — || 445.
Кливленд Стивен-Гровер (1837—1908) — американский реакционный политический деятель, президент в 1885—1889 и 1893—1897 гг. — 45, 163, || 361, 362.
Козлова Засека, Тульской губ. — 189, 190, 228, 254, 275, 340, || 264.
Коломна, Московской губ. — 100.
Колосова и Жандармова издательство в Екатеринодаре — || 446.
Колпна, Тульской губ. — || 260.
Комитет общественного спасения — 181, || 420.
Кондратьев Иван — 301, || 302.
Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — судебный деятель, знакомый Толстого с 1887 г. — || 296, 325.
Конотоп, Черниговской губ. — 308.
Константин Великий (274—337) — римский император — 55.
Константинополь — 168.
Конфуций (551—479 до н. э.) — 52, 53, 88.
Копылова Анисья — яснополянская крестьянка — || 270.
Корейш Андрей Петрович — 186, || 421.
Корея — 47.
Кох Роберт (1843—1910) — немецкий бактериолог — 25, 37.
Кочеты, Тульской губ. — || 322, 422.
Кочетыгов — || 397.
Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — художник — || 243, 244.
Красавка, Тульской губ. — 302.
Краснокутская Елизавета Николаевна — 296, || 296.
Краснокутский Лев Николаевич — 296, || 296.
Кросби Эрнест (E. Crosby) — 327, || 308, 309, 310, 328, 338, 339, 340, 352.
— Статья о Шмите — 309.
Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — || 387.
Крым — || 252.
Куба — 443.
Кузминская Вера Александровна — 246, 265, 274, || 246, 266, 274.
Кузминская Мария Александровна — 246, 255, 265, 273, || 246, 256, 266, 273.

Кузминская Татьяна Андреевна — 189, 250, 265, || 246, 250, 255, 256, 266, 274, 295, 422.
Кузминские — || 273, 422.
Кузминский Александр Михайлович — || 255, 256, 265, 273, 294, 295, 336, 337, 352, 422.
Кузминский Михаил Александрович — 256, 265, || 256, 266.
Кузнецов — 279.
Кузнецова Мария — || 349.
Куликово поле, Епифановского уезда Тульской губ., — место битвы 8 сентября 1380 г. между соединенными силами русских князей под предводительством Димитрия Донского и татарами под предводительством Мамая, окончившейся поражением татар — 100.
Куркин Иван Матвеевич — 192.
«Курьер», газета — || 445.
Кутаисская губерния — 73.
Кучко Степан Иванович—суздальский боярин, владелец сел по р. Москве — 101.

Ламенне Фелисите Роберт де (1782—1854)—французский публицист и богослов — 211, || 424.
— «Устройство мира» — || 424.
Ламинцово, Тульской губ. —187, || 421.
Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.)—китайский философ и моралист — 22, 23, 35, 52, 286, 313, || 287.
— «О пути добродетели» — 22, 35.
— «Tao-te-King» — || 287.
Лебрен Елизавета-Луиза — 229, || 229.
«Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», М.—Л. 1929— || 331, 333, 334, 335.
Лебедев Василий Степанович — || 257, 258.
Лев Джемс, «Наша политическая экономия с точки зрения японцев», изд. «Посредник» — || 369.
Леонтьев Борис Николаевич — 286, || 287.
«Летописи Государственного Литературного музея» — || 245, 252, 254, 311, 320, 321, 414.
Лжедимитрий (Григорий Отрепьев, убит 1606) — самозванец, в 1605 г. провозглашенный московским царем — 102, 436.
«Листки для народа», изд. «Свободное слово» — || 372.
«Листки Посредника» — || 374.
«Листки Свободного слова» — || 365, 368.
«Литературное наследство» — || 243, 244, 249, 385, 387, 389, 415.
Лондон — || 241, 328, 360.
Луки Евангелие — 52, 123, 125, 200, 201.
Лукина Ольга — 349, || 349.
Лысая гора (Кавказ) — 295.
Львов Евгений Владимирович — || 228.
Любарская Анна Львовна— 285, || 286.
Людовик XVI — 181, 211, || 420.
Людовик XVIII — 181, || 421.
Люлин — 282.
Люлин Михаил — 282, || 282.

Мак-Крири (Mac-Creary)— 309, || 310.
Макато Тентиаро — || 369.
Маклаков Алексей Николаевич — || 276.
Маклаков Василий Алексеевич — || 326, 341.
Маковицкий Душан Петрович — 344, || 331, 344, 352, 371, 372, 374, 376, 377.
— «Яснополянские записки» — || 372, 374, 376.
Маликов Александр Капитонович — 254, || 255.
Мамай — татарский воевода, в 1361 г. захвативший власть и провозгласивший себя ханом —100.
Мансон Джон (J. Manson) — || 360, 361, 362.
Мансурово, Калужской губ. — || 327.
Марат Жан-Поль (1744—1793) — 211.
Маришка—персонаж из былины «Добрыня и Маришка» — 109.
Марка Евангелие — 125.
Маркс Адольф Федорович (1838—1904)—книгоиздатель и издатель журнала «Нива», в котором впервые печаталось «Воскресение» —314, || 312, 315, 316.
Маркс Карл (1818—1883) — 68, 88, 182.

Мартынова Софья Михайловна — || 310.
Марфа Посадница. См. Борецкая М.
Масарик Томаш Гарриг (Фома Осипович) — 271, || 272.
Матфея Евангелие — 70, 71, 78, 79, 123, 124, 125, 126.
«Маяк», журнал — || 381.
Мельникова А. Н. — 284.
Мен-цзы (Менций, 372—289, до н. э.)—китайский философ—262.
Меньшиков Михаил Осипович — 323, || 323.
Мережковский Дмитрий Сергеевич — 180, || 420.
Мещерский Николай Петрович — 247, 248, || 239, 240, 248.
Микулушка Селянинович — 110.
Миллер Г. В. — 223, || 223.
Минаев Никита — 285, || 286.
Михаил архангел — 52.
Михаил Николаевич вел. кн. (1832—1909)—в 1863—1900 гг. наместник Кавказа — || 310.
Михайло Потык — 110, || 393.
Михайлов Константин Анемподистович — 326, || 293, 326, 338.
Моисей — библейский патриарх — 29, 39, 128, 130.
Молоденки, Тульской губ.— 245.
Монроэ Джемс (J. Monroe, 1758—1831)—в 1817—1825 гг. президент США — || 360.
Морозов Иван Степанович— 297, || 297.
Морозов Петр Васильевич— 248, || 231, 232, 233, 234, 248.
— «Воспоминания учителя толстовской школы» — || 232.
Москва — 53, 66, 100, 101, 107, 116, 132, 234, 238, 239, 240, 242, 243, 251, 252, 257, 263, 266, 290, 294, 301, 307, 325, 327, 329, 335, || 224, 241, 243, 246, 247, 248, 251, 253, 258, 259, 263, 265, 266, 268, 271, 272, 281, 290, 296, 304, 305, 308, 310, 315, 319, 320, 323, 361, 365, 397, 398, 446.
Москва-река — 101.
«Московские ведомости», газета — || 225, 241.
Мостовая, Тульской губ. — 301.
Мэвор Джемс (J. Mavor) — 312, 313, || 313.
Мясновка, Тульской губ. — 187, || 421.
Нагорнов Валерьян Николаевич — 236, || 237.
Нагорнов Николай Михайлович — 242, || 236, 237, 242.
Нагорнова Варвара Валерьяновна — 236, || 237.
Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — 101, 181, 211, 436, 443, || 420.
Настасья Митревна — персонаж из былин об Иване Годиновиче — 110.
«Неделя», газета— || 248, 323, 361.
Некрасов Иван Юльевич— 254, || 255.
Нерон (37—68)—с 54 г. римский император — 26, 38.
Нечаев-Мальцев Юрий Степанович — || 279, 280.
«Нива», журнал — 314, || 315.
Нижний Новгород — 271, 324, || 296, 324.
Никитин Дмитрий Васильевич — 186, 327, || 327, 329, 421.
Никифоров А. И. — || 416.
Никифоров Лев Павлович— 273, || 273.
Никодим—евангельский персонаж — 202.
Николаев, Херсонской губ.— 292, || 316.
Николаевская, станица на левом берегу Терека — 153.
Николай I Павлович — 181, 185, 193, 436, 443, || 420.
Николай II (1868—1918) — || 367.
Никольское - Вяземское, Тульской губ. — 227, || 227, 240.
Ниневия —12.
Новгород — 102, 103.
Новиков Алексей Митрофанович — 278, || 278.
Новиков Михаил Петрович— 303, || 303, 330.
— «На войну» — 330, || 330.
Новиков Фома Иванович— 204.
Новикова Мария Алексеевна — 278.
Новикова Ольга Алексеевна — || 240, 241.
«Новое время», газета — 313, || 305, 323.
Новоселки. Орловской губ. — || 228.
Новый Иерусалим, Московской губ. — 196.

Ногайская степь — 154.
Нольде барон — || 347.
Нью-Йорк — || 309.

«Обновление» — петербургское издательство, выпускавшее в 1906—1907 гг. запрещенные цензурой произведения Толстого, — || 372, 376, 446.
Оболенская Мария Львовна, рожд. Толстая — 286, 301, 321, 328, || 282, 322, 329, 362, 364, 371, 372, 394, 406, 407, 446.
Оболенский Леонид Егорович — || 259.
Оболенский Николай Леонидович (1872—1934) — с 1897 г. муж М. Л. Толстой — || 314, 407.
Овсянниково, Тульской губ. — 293, 340, 348, || 340, 348, 349, 421.
Одесса — 267, || 267.
Озерки, Тульской губ. — 301.
Озерова Е. С. — || 321.
Озмидов Николай Лукич — 273, || 273.
Олсуфьев Александр Васильевич — 320, || 321.
Ольденбургский принц. См. Петр Александрович.
Оптина пустынь, Калужской губ. — 196, || 388.
Орест и Пилад — персонажи древнегреческой мифологии — 98.
Ориген (ок. 185—255) — богослов и философ — 305.
Орленев Павел Николаевич (1869—1932) — актер, народный артист РСФСР — || 414.
Орлов Владимир Федорович (1843—1898) — учитель, знакомый Толстого — 263, || 276, 277, 307.
Орлов Иван Иванович — 226, 227, 240.
Орлов Константин Владимирович — 276, || 277.
Орлов Николай Васильевич — 338, || 338.
— «Русские мужики», альбом — || 338.
Остен-Сакен Александра Ильинична (1797—1841) — тетка Толстого — 104, || 385, 388.
Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1789—1881) — генерал-адъютант — 61, 62, || 356.
Остзейский край — 51, 168.
Оффорд Дэниэль (D. Offord) — || 283, 284.
Павел I (1754—1801) — 436.
Павлов М. — || 347.
Павловки, Харьковской губ. — 267.
Пальна, Орловской губ. — 321.
Памир (Памиры) — 47.
Панамский перешеек — 26, 38.
Пантелеева дом (Москва) — 322.
Паскаль Блез (1623—1662) — французский математик, физик и философ-моралист — 88, 262.
Пафнутий Боровский — 196, || 423.
Перевлесский Петр Миронович (ум. 1866) — педагог — 230.
«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым» — || 242, 250.
Перфильев Василий Степанович — || 224.
Перфильев Федор Васильевич — || 270, 271.
Перфильева Прасковья Федоровна — || 224.
Петербург — 244, 263, 305, 320, 337, || 224, 243, 273, 285, 292, 296, 305, 321, 329, 358, 359.
«Петербургская газета» — || 351.
Петр I (1672—1725) — 26, 38, || 419.
Петр Александрович, принц Ольденбургский — 320, || 321.
Пилад. См. Орест.
Пироговo, Тульской губ. — 328, 444, || 294, 322, 369.
Писарев Рафаил Алексеевич — 277, || 278.
«Письма Петра Васильевича Ольховика», Лондон, 1897 — || 317.
Плиски, Курско-Киевской ж. д. — 267, 268.
Полевые Озерки, Тульской губ. — 192, || 422.
Поликарпов В. Д., «Неизданная рукопись Л. Н. Толстого» — || 357.
Полтава — 285, || 286.
Полтавская губерния — 73.
Польша — 51, 64, 168, 434, 444.
Полянский Сергей — 277.
Помпея — город в Италии, разрушенный и засыпанный в 79 г. извержением Везувия — 101.
Попов Евгений Иванович — 281, || 272, 281, 286, 287, 303.

Попов Иван Иванович — 265, || 265, 266.
Порт-Артур — 64, 443.
«Посредник», издательство — 259, 286, || 287, 305, 340, 342, 355, 369, 374, 375, 407, 446.
Поссе Владимир Александрович (1864—1940)—литератор, издатель журнала «Жизнь для всех»— || 382, 383, 384.
Потемкин Владимир Петрович — || 290, 291.
Прага — || 415.
Пригорский Ю. — || 283.
Протопопов М. А. —235, || 232, 234.
Пругавин Александр Степанович — || 271, 272.
Прудон Пьер Жозеф — 182, 306, 307, || 307, 421.
Пугачев Емельян Иванович (р. ок. 1744—1775) — 436.
Пузин Николай Павлович— || 286.
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 235.

Раевский Иван Иванович— 277, || 275, 278.
Рачинский Сергей Александрович — || 262, 263.
— «Письма С. А. Рачинского» — || 263.
Рейнольдс — 338, 339, || 340.
Рейсс Эдуард — 242, || 242.
Ренан Жозеф-Эрнест — 253, || 253.
Рёскин Джон — 182, || 422.
Реслер — || 414.
«Речь», газета — || 342.
Рим (Римская империя) — 31, 41, 49, 211.
Родс Сесиль (1853—1902)—английский политический деятель — 436, 439, 443.
Россия — 46, 49, 51, 57, 61, 63, 75, 101, 154, 164, 167, 195, 298, 305, 315, 327, 431, 442, || 303, 361, 372, 379, 446.
Россошь, Воронежской губ.— || 281.
Рощин Сергей Иванович — || 287, 289.
Рубан-Щуровская Зоя Григорьевна, племянница художника Н. Н. Ге —292, 308, || 308, 315.
«Русская мысль», журнал — 257, || 245, 258.
«Русские ведомости», газета — 313, || 313, 342.
«Русский вестник», журнал — 239, || 225, 239.
«Русское богатство», журнал — || 259.
Руссо Жан-Жак (1712—1778)— 88.
Русь — 103.
«Русь», газета — || 404.
Рыбников Павел Николаевич (1832—1885)—этнограф, собиратель русских былин и песен (отд. изд. 1861—1867) — || 391.
Рыковой дом (Москва) —338.
Рязанская губерния — || 280.
Савва — 196, || 423.

Самара — 225, || 226.
Самарин Дмитрий Федорович — || 254, 255.
Самарин Петр Федорович — 238, || 239, 244, 245.
Самарин Юрий Федорович— || 225, 226.
Самарина Александра Павловна. — || 238, 239, 241.
Самарканд — 305, || 305.
Самарская губерния — 313.
Самозванец. См. Лжедимитрий.
Сапогов Сергей Иванович — 01, || 301.
Сахалин — || 309.
«Сборник Государственного Толстовского музея» — || 247.
«Свободная жизнь»—издательство в Москве — || 446.
«Свободная мысль»—журнал, издававшийся в Швейцарии под редакцией П. И. Бирюкова — || 368, 445.
«Свободное слово»—издательство В. Г. Черткова в Англии — || 365, 366, 368, 372, 400, 406, 421, 446.
«Свободное слово», сборники — || 306.
Святополк-Мирский Дмитрий Иванович— || 251, 252, 253.
Севастополь — 61, || 356.
Северо-Американские Соединенные штаты — 45, 437, 439, || 360.
«Северный вестник», журнал — || 359.
Селезневка, Тульской губ. — 192, || 422.

Семевский Василий Иванович (1848—1916)—историк—|| 249.
Семеновское, Тверской губ. — || 371.
Семякин К. Р. — || 357.
Сена, река — 28, 39.
Сен-Прива (Лотарингия)— 440.
Серафим Саровский (1760—1833)—затворник Саровской пустыни — 196.
Сергеенко Петр Алексеевич — || 335, 336.
Сергий Радонежский — 100, 196, || 423.
«Сеятель», издательство в Харькове — || 446.
Сибирь — || 326.
Сибиряков Константин Михайлович — || 263, 264, 277.
Силоамская башня (Иерусалим) — 134.
Симферополь — || 356.
Син-Джон Артур (A. St.-John) — || 319.
Сине Эдуард (E. Sinet) — 210, || 210.
Скуратово, Тульской губ.— 348, || 348, 349.
Сократ (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист —262.
Солдатенков Кузьма Терентьевич — 324, || 279, 325.
Солодкий Григорий Мокиевич — || 324.
Соломон, царь израильский —243.
— «Книги премудрости» — || 244.
— «Притчи» — || 244.
— «Экклезиаст» — 249, || 244.
Сольсбери Роберт-Сесиль (1830—1903)—английский политический деятель, вождь консервативной партии — 163, 436, || 360.
Сошиной дом (Тула) — 278.
Спиноза Бенедикт (1632—1677)—голландский философ-материалист — 262.
Стадлинг Ионас (I. Stadling, p. 1847)—шведский писатель — || 367, 368.
Стахович Александр Александрович (отец) — 329, || 330.
Стахович Александр Александрович (сын) — || 329.
Стахович Анастасия Петровна — 321, || 321.
Стахович Михаил Александрович — 217, || 329, 341, 424.
Стахович Софья Александровна — || 319, 320, 321, 329.
Степанов Петр Сергеевич— || 261, 262.
Страхов Николай Николаевич — || 230, 242, 243, 250, 390, 423.
Страхов Федор Алексеевич— 293, || 293, 351.
Суворин Алексей Сергеевич — || 305.
Суворов Михаил Данилович — || 371, 372, 373.
Салливан А., «Новая Ирландия» — || 245.
Сутковой Николай Григорьевич (р. 1872)—один из руководителей издательства «Обновление» — || 376.
Сухотин Михаил Сергеевич (1850—1914) — с 1899 г. муж Т. Л. Толстой — || 306.
Сухотина Татьяна Львовна, рожд. Толстая — 189, 305, 311, 348, || 305, 306, 311, 317, 322, 327, 328, 329, 341, 348, 349, 378, 380, 394, 402, 404, 421, 422.
Сухотины — 190.
Сытин Иван Дмитриевич — 260, 261, || 261.
Сютаев Василий Кириллович (1819—1892)—крестьянин Тверской губ. — 257.

Таврическая губерния— 73.
Тастевен — 331, || 331.
Ташкент — || 305.
Тверь — 270.
Телешов Николай Дмитриевич (1867—1957)—писатель — || 318.
Телешова Елена Андреевна — || 317, 318.
Теплов Михаил Васильевич— 270, || 259, 270.
Терек — 153, 154.
Теремото — || 369.
Тертуллиан Квинт-Септимий Флоренс (ок. 160—222)—христианский богослов — 305.
Тифлис — || 310.
Тихон Калужский — 196, || 423.
Тищенко Ф. Ф., «Грешница» — || 259.
Толстая Александра Андреевна —265, || 266.
Толстая Александра Владимировна — 327, 329, || 327, 329.

Толстая Александра Львовна — 350, || 326, 327, 328, 341, 351, 377.
Толстая Дора Федоровна — 295, 328, || 329.
Толстая Мария Константиновна, рожд. Рачинская — 292, || 292.
Толстая Мария Львовна. См. Оболенская М. Л.
Толстая Мария Николаевна (1830—1912)—сестра Толстого — 296, || 223, 237, 296.
Толстая Ольга Константиновна — 315, || 314, 315, 381.
Толстая Софья Андреевна — 201, 231, 239, 250, 255, 256, 266, 277, 291, 295, 301, 328, 329, || 224, 231, 239, 241, 246, 311, 327, 328, 329, 391, 394, 403, 404, 406, 420, 423.
— «Дневники» — || 391, 404.
— «Ежедневник» — || 313, 420.
— «Моя жизнь» — || 239, 395.
Толстая Софья Андреевна (1900—1957)—внучка Толстого — || 381, 409.
Толстая Софья Николаевна — 315, 317, 326, || 315, 317, 327.
Толстая Татьяна Львовна. См. Сухотина Т. Л.
Толстой Андрей Львович — 256, 295, || 256, 315, 330, 331, 333, 334, 381.
Толстой Григорий Сергеевич (1853—1928) — || 227.
Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889)—в 1866—1880 гг. министр народного просвещения, с 1882 г. министр внутренних дел; реакционер — || 347.
Толстой Дмитрий Николаевич (1827—1856)—брат Толстого — 93, || 392.
Толстой Иван Львович — 291, || 292.
Толстой Илья Львович — 267, 326, || 315, 327.
Толстой Лев Львович — 190, 292, 295, 328, || 329, 422.
Толстой Лев Николаевич:
— «Азбука» — 230, 231, 235, 236, 237, 242, || 229, 231, 232, 242, 391.
— «Анна Каренина» — 234, || 234, 239.
— «I. Ассирийский царь Ассархадон. II. Три вопроса. Две сказки. С 9 иллюстрациями Н. И. Живаго», изд. «Посредник» — || 355.
—«Благодарная почва» — 342, || 342.
— «Великий грех» — || 374.
— «Война». См. «Одумайтесь!».
— «Война и мир» — || 390.
—«Воскресение» — 311, 312, 314, 315, 316, || 298, 308, 311, 312, 315, 316, 317, 364.
—«В чем моя вера?» — 249, 315, 316, || 249, 316, 400.
— «Где выход?» — 69, 77.
— «Голод или не голод?» — || 404.
— «Детская мудрость» — 216, || 424.
— «Детский Круг чтения» — || 355.
— Дневники и Записные книжки — || 179, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 204, 216, 217, 224, 252, 254, 310, 326, 351, 356, 357, 361, 365, 367, 378, 382, 389, 391, 397, 398, 400, 406, 407, 409, 411, 412, 418, 424, 445.
— «Единственное средство» — 69, 77.
— «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим» — 286, || 286, 287.
— «Заявление об аресте Н. Н. Гусева» — || 422.
— «Идиллия» — || 389.
— «Исповедь» — || 400.
— «Как читать Евангелие?» — 316.
— «К политическим деятелям» («Послесловие») — 188, || 421.
— «К рабочему народу» — 69, 77, || 421.
— «Критика догматического богословия» — || 400.
— «Круг чтения» — 211, || 331, 423, 424.
— «Мысли мудрых людей» —211, || 424.
— «На каждый день» — || 205, 206, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 215, 423, 424.
— «Неделание» — || 358, 359.
— «Неужели это так надо?» — 69, 77.
— «Николай Палкин» — || 400, 401.
— «Новое произведение Л. Н. Толстого. Выпуск шестой. Благодарная почва (Из дневника)», изд. «Посредник», М. 1910— || 342.
— «Новый сборник писем Л. Н. Толстого», изд. «Окто» — 385, 395.

— «О голоде» — || 279.
— «Одумайтесь!»(«Война») — 69, 77, 192, || 421.
— «О жизни» — 266, 269, || 264, 265, 267, 269.
— «О значении русской революции» — || 331.
— «I. О самосовершенствовании. II. О сознании духовного начала», изд. «Посредник» — || 407.
— «От ней все качества» — || 397.
— «О Шекспире и о драме» — 328, || 329, 421.
— «Памяти Ив. Ив. Раевского»— || 278.
— «Патриотизм или мир. Письмо к англичанину Л. Н. Толстого», изд. М. К. Элпидина, Carouge-Genève — || 362.
— «Патриотизм или мир», изд. А. Дейбнера, Берлин — || 362.
— «Первая ступень» — || 279.

Письма:

Алехину М. В. — || 281.
Бирюкову П. И. — || 262, 270, 271.
Бодянскому А. М. — || 281.
Бондареву Т. М. — || 374, 375.
Боткину В. П. — || 398.
Гаррисону В. — || 284.
Ге Н. Н. (сыну) — 261, || 261.
Гольденвейзеру А. Б. — || 424.
Горбунову-Посадову И. И. — || 374.
Екенину И. Г. — || 423.
Ернефельту А. — || 446.
Заволокину В. К. — || 324.
Зацепину А. Т. — || 323.
Зирич Л. С. — || 352.
Истомину В. К. — || 240.
Кросби Э. — || 309.
Кузминскому А. М. — || 294.
Кузминской Т. А. — || 295.
Лужицким сербам — || 352.
Маклакову В. А. — || 326.
Марксу А. Ф. — || 312.
Олсуфьеву А. В. — || 321.
Попову И. И. — || 266.
Рейнольдсу — 338, 339, || 340, 352.
Син-Джону А. — || 319.
Солдатенкову К. Т. — 324.
Стадлингу И. — || 367.
Стаховичу М. А. — || 424.
Страхову Н. Н. — || 392, 423.
Тищенко Ф. Ф. — 259, || 259.
Толстой А. А. — 265, || 265, 266.
Толстой С. А. — || 254, 261, 406.
Фету А. А. — || 394.
Фино Ж. — || 359.
Хантеру Р. — || 327.
Хилкову Д. А. — || 267, 325, 446.
Черткову В. Г. — || 364, 367, 368.
Чертковым А. К. и В. Г. — || 369, 445, 446.
Шкарвану А. — || 446.
Шуваловой Е. И. — 265, || 266, 352.
Щепкину М. П. — || 255.
Эвансу Ф. — 283, || 284.
Юрьеву С. А. — 245, || 245.
— «Плоды просвещения» — || 275.
— «Полное собрание сочинений, запрещенных в России», изд. «Свободное слово», Christchurch— || 400.
— «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого под редакцией П. И. Бирюкова», М. 1913 — || 355.
— «Полное собрание сочинений». Юбилейное издание:
т. 5 — || 225.
т. 8 — || 232.
т. 17 — || 232, 236.
т. 20 — || 239.
т. 21 — || 231, 232.
т. 22 — || 236.
т. 23 — || 316.
т. 24 — || 264.
т. 25 — || 423.
т. 26 — || 269, 401, 416.
т. 28 — || 316.
т. 29 — || 279, 287, 358, 404.
т. 32 — || 308.
т. 33 — || 315, 316, 317.
т. 34 — || 355, 417, 421.
т. 35 — || 329, 420, 421, 422.
т. 36 — || 422.
т. 37 — || 338.
т. 38 — || 342, 397, 422, 424.
т. 39 — || 287, 296, 306, 316, 404.
т. 40 — || 424.
т. 41 — || 424.
т. 42 — || 423.
т. 43 — || 205, 206, 210, 211, 212, 213.
т. 44 — || 206, 208, 210, 211, 212, 213, 215, 423, 424.
т. 47 — || 224, 225, 330, 356, 357.
т. 48 — || 389, 391, 398, 400, 419.
т. 49 — || 245, 252, 254.
т. 50 — || 286, 320.
т. 53 — || 296, 303, 310, 362, 365.
т. 54 — || 179, 180, 181, 182, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 326, 406, 421, 445.
т. 55 — || 204.

т. 56 — || 378.
т. 57 — || 216, 217, 351, 409, 411, 412, 424.
т. 58 — || 351, 382, 397, 424.
т. 59 — || 223.
т. 60 — || 226, 398.
т. 61 — || 227, 228, 390.
т. 62 — || 232, 234, 237, 238, 239, 240, 244, 256.
т. 63 — || 255, 258, 259, 260, 261, 262, 267, 394.
т. 64 — || 264, 266, 267, 268, 270, 271, 286.
т. 65 — || 264, 423.
т. 66 — || 281, 284, 285, 287, 289, 358, 359.
т. 67 — || 307, 374.
т. 68 — || 291.
т. 69 — || 294, 295.
т. 70 — || 309.
т. 71 — || 306, 309, 324, 420.
т. 72 — || 296, 309, 311, 312, 313, 319, 321, 323, 324, 364, 367, 368, 445, 446.
т. 73 — || 324, 325, 326.
т. 74 — || 327.
т. 75 — || 327, 374.
т. 80 — || 351, 423, 424.
т. 81 — || 382.
т. 82 — || 351.
т. 83 — || 254, 261.
т. 84 — || 309, 406.
т. 88 — || 364, 367, 368, 369, 445, 446.
— «Пора понять» — || 424.
— «После бала» («Корейш») — 186, 193, || 421.
— «Послесловие». См. «К политическим деятелям».
— Предисловие к альбому картин Н. В. Орлова «Русские мужики» — || 338.
— Предисловие к «На каждый день» — || 423, 424.
— «Религия и нравственность» —286, || 287.
— Роман из эпохи Петра I — || 419, 423.
— «Семейное счастье» —224, || 225.
— «Сказки». См. «Три сказки».
— «Соединение и перевод четырех евангелий» — 264, || 264.
— «Сон» — || 424.
— «Сочинения», изд. 12-е, М. 1911 — || 376.
— «Тихон и Маланья» — || 389.
— «Три сказки» («Три вопроса», «Труд, смерть и болезнь», «Ассирийский царь Ассархадон») —193.
— «Хаджи-Мурат» — || 420.
— «Христианское учение» —295, 315, || 296, 403.
— «Царство божие внутри вас» — 280, 290, 315, || 281, 282, 290.
— «Чем люди живы» —246, || 247, 423.
— «Carthago delenda est» — 305, || 306.
Толстой Михаил Львович — 295, 327, 328, 329, || 327, 329.
Толстой Николай Николаевич (1823—1860) — брат Толстого — 93, || 386.
Толстой Сергей Львович — 256, 266, 292, 308, 309, 313, || 256, 292, 308, 309, 313.
— «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» — || 398.
Толстой Сергей Николаевич (1826—1904) — брат Толстого — 93, 227, 327, || 227, 228, 327, 385.
Тополев — 349.
Торонто (Канада) — 312, || 313.
Трансвааль — 47, 49, 168, 433, 442.
Траутенау (Сев. Богемия) — 440.
Трегубов Иван Михайлович — 324, || 324.
«Трезвая жизнь», издательство — || 365, 376.
Третьяков Павел Михайлович — || 243, 325.
Трухменская степь — 154.
Тула — 217, 254, 257, 259, 270, 277, 292, 293, 298, 327, 348, || 228, 275, 282, 292, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 328, 341.
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — || 239.
— «Новь» —238, || 239.
Туркестан —435.
Турция — 46, 47, 49, 167.
Тучнина Мария Архиповна — || 330.
Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — || 225.
Тютчева Екатерина Федоровна — || 224, 225, 247, 398.

Урусов Леонид Дмитриевич — 256, || 256.
Урусов Сергей Семенович (1827—1897) — сослуживец Толстого по Севастопольской кампании — 61, 62.

«Устои», журнал — || 249.
«Утро России», газета — || 342.
«Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Исторический факультет» — || 248.
Ушаков Ф. А. — || 446, 447.

Файнерман Исаак Борисович — || 268, 269, 281, 284, 285, 286.
Фаррар Фредерик Уильям— 200, || 423.
Феофил, архиепископ Новгородский — 102.
Фет Афанасий Афанасьевич — 250, || 225, 227, 228, 231, 237, 238, 239, 243, 244, 250, 394.
Фет Мария Петровна (1828—1894)—жена А. А. Фета— 231, 243.
Филарет (В. М. Дроздов) — 201, || 423.
Филиппины — 64.
Философов Алексей Илларионович (1799—1874)—генерал-адъютант — || 356.
Философова Наталья Николаевна (1872—1926)—сестра жены И. Л. Толстого — || 402.
Финляндия — 51, 168, 292, 434.
Фома Кемпийский— 190, || 422.
Франция — 61, 431, 438, || 420.
Фридрих III (1831—1888),— германский император — 440, 441.
Фролова — 338.

Хантер Роберт (R. Hunter)— || 327, 328.
Хантеры (Hunter'ы) — 327, || 328.
Харкевич И. Т. (р. 1865) — учитель из Воронежа — || 294.
Харьков — 138, 196, || 404.
Хатунка, Тульской губ. — || 270.
Херрон Джордж (G. Herron)— 339, || 339, 340.
Хилков Дмитрий Александрович — 267, || 267, 325, 446.
Хмелевец (Хмелевое), Тульской губ. — 334, 349, || 335.
Холмский Даниил Дмитриевич (XV в.)—князь, боярин и воевода — 102.
Хохлов Петр Галактионович — 285, 286, || 286, 287.
Хохуля Наталья Ивановна— || 304.
«Хрестоматия из писаний Льва Толстого, составленная группой детей под редакцией П. Сергеенко», изд. «Книга» || 336.

Чаев Николай Александрович — || 229.
— «Подспудные силы» — 229, || 229.
Чаева — 229, || 229.
Чайковский Николай Васильевич — || 245.
Челышев Михаил Дмитриевич (1866—1915)—член Государственной думы третьего созыва, октябрист — || 423.
Чемберлен Джозеф (1836—1914) — английский реакционный политический деятель — 436, 443.
Червленная, станица на левом берегу Терека — 153, 155.
Чернигов — 109, 196, || 391.
Черниговская губерния— 73.
Черногория — 197.
Чернский уезд Тульской губ. — 138.
Чернь, Тульской губ. — 299.
Черняевых дом (Москва)— 290.
Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — 294, || 294, 296, 310, 350, 361, 362, 363, 364, 366, 367, 368, 371, 372, 373, 406, 445, 446.
Чехия — 168.
Чикаго — 26, 38.
Чурила Пленкович — 110, || 393.

Шалагинов Михаил Петрович — || 364, 365, 367.
Шатилов Иосиф Николаевич — 235, || 235.
Швейцария — 57, 315, || 315.
Швеция — 57, || 367.
Шекспир Вильям (1564—1616) — 189, 328, || 422.
Широков Аким Дмитриевич —345, || 345.
Широков Иван Акимович— 345, || 345.
Шкарван Альберт (1870—1926)—врач, единомышленник Толстого — || 446.

Шмидт Мария Александровна — 188, 286, || 264, 272, 287, 372, 421.
Шмит Эуген (E. Schmitt) — || 306, 307.
— «Die Kriese des Anarchismus» — 306, || 307.
Шопенгауэр А., «Мир как воля и представление» — || 244.
Штейница Гуго издательство в Берлине — || 446.
Шувалов Петр Андреевич (1827—1889) — управляющий III отделением — || 266.
Шувалова Елена Ивановна — 265, || 266, 352.

Щекино, Тульской губ. — 258, || 258.
Щербаков Антон Петрович (Щербак) — 295, || 296, 420.

Эванс Фредерик (F. Ewans) — 282, || 283.
Эзоп (ок. VI в. до н. э.) —230.
Эйфелева башня (Париж) — 26, 38.
Эльзас — 64, 444.
Эмерсон Ральф Уолдо (1803—1882) — американский поэт и моралист — 88.
Энгельс Фридрих (1820—1895) — 182.
Эрдели Иван Егорович — гусарский офицер, муж М. А. Кузминской — || 273.
Эриванская губерния — || 321.
Эски-Орда (Крым) — || 356.

Юм Давид — 331, || 331.
Юран, река — || 360.
Юрьев Сергей Андреевич — 245, 249, || 245.
Юшко Роман Васильевич — 295, || 296.

Якимичев Антон Осипович — || 315, 316.
Якобса дом (Петербург) — || 224.
Якубовский Юрий Осипович — 305, || 305, 413.
— «Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лет. 1886—1910» — || 305.
Янжул Екатерина Николаевна — 283, || 284.
— «Встречи с Толстым» — || 284.
Янжул Иван Иванович — 283, || 249, 284.

Япония — 52.
Ясенки, Тульской губ. — 314, || 269.
Ясная Поляна (ЯП) — 74, 82, 86, 149, 150, 196, 226, 238, 254, 273, 291, 295, 312, 314, 321, 341, 346, 348, || 223, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 249, 250, 255, 256, 257, 262, 264, 269, 270, 272, 273, 275, 276, 277, 281, 282, 284, 286, 291, 292, 293, 294, 295, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 305, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 317, 319, 321, 322, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 340, 341, 342, 343, 346, 347, 348, 349, 350, 377, 384, 388, 397, 404, 421, 424.
Яшвиль Лев Владимирович — 321, || 322.

«Daily Cronicle» — английская газета — 308, 309, || 361, 362.

«Ethische Kultur» — немецкий журнал — || 287.

«Lake Superior» — пароход, перевозивший в 1898 — 1899 гг. духоборов в Канаду — || 309.

«Leo Tolstoi. Die Rettung wird kommen...» — || 307.

Malaschitz M., «Die Reaktionäre an der Arbeit» — 306, 307, || 307.

Onex (Швейцария) — 315.
«Ohne Staat» — немецкий анархический журнал — 306, || 307.

Revue de Famille» — французский журнал — || 358, 359.
«Revue des deux Monds» — французский журнал — 240, || 241.
«Revue des Revues» — французский журнал — 35, || 359.

«Social Gospel» — американский журнал — || 340.
Sophie m-lle — 256.
Sullivan A., «The New Ireland» — || 245.

«Theosophischer Wegweiser» — немецкий журнал — 190, || 422.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ

			№№	стр.
*	Абамелек-Лазареву С. С.	1884 г. августа 4?	45	253
	»	1885? г. январь?	48	255
*	В редакцию «Русского вестника»	1877 г. июня 10	25	239
	Васильеву П. П.	1882 г. января 1?|	39	248
	Венгерову С. А.	1882 г. март, конец	40	248
*	Ге Н. Н. (сыну)	1887 г. декабря 11	63	266
*	»	1887 г. декабря 12	64	268
*	»	1888 г. сентябрь, до 29	68	269
*	»	1895 г. июня 8	100	291
*	»	1896 г. октября 19	106	295
*	»	1899 г. января 19	127	308
*	»	1899 г. октября 14	136	314
*	Гольденблату Б. О.	1900—1910 гг.	186	342
*	»	1900—1910 гг. марта 28	187	342
*	»	1900—1910 гг.	188	343
*	»	1900—1910 гг.	189	343
*	»	1900—1910 гг.	190	343
*	Горбунову-Посадову И. И.	1905 г. январь — февраль?	163	331
*	»	1890-е гг., конец — 1900-е гг.	181	340
*	»	1900-е гг., лето	182	340
*	»	1910 г. июль, конец	185	342
*	Горлову С.	1908—1909? гг.	173	335
*	Грачеву О. Г.	1880-е гг.	77	274
	Григоровичу Д. В.	1889 г. июня 14	130	310
*	Гроту Н. Я.	1887? г. сентября 21	61	264
*	»	1891 г.	85	278
*	»	1893 г.	98	290
*	Давыдову Н. В.	1885? г.	51	258
*	»	1886 г. апрель?	55	260
*	»	1889 г. октябрь, до 20	73	273
*	»	1890? г. апрель, после 15?	78	275
*	»	1889—1890 гг.	79	275
*	»	1890—1891 гг. октябрь, до 26	83	277
*	»	1889—1891 гг.	84	278
*	»	1880—1892 гг.	91	282
*	»	1895 г. август, начало	101	292

		№№	стр.
* Давыдову Н. В.	1896 г. февраль, начало	104	293
* »	1880—1897 гг. февраля 25	108	297
* »	1885—1897 гг. июня 28	109	297
* »	1880—1897 гг., лето	110	298
* »	1880—1897 гг.	111	298
* »	1880—1897 гг.	112	299
* »	1880—1897 гг.	113	299
* »	1880—1897 гг.	114	300
* »	1880—1897 гг.	115	300
* »	1880—1897 гг.	116	300
* »	1880—1897 гг.	117	301
* »	1890—1897 гг.	118	301
* »	1890—1897 гг.	119	302
* »	1890—1897 гг.	120	303
* Дунаеву А. Н.	1888—1890 гг.	80	276
* »	1892 г. апрель, около 20	88	280
* »	1899 г. июля 19?	133	312
* »	1890-е? гг.	141	317
* »	1887—1900 гг.	148	322
* »	1888—1900-е гг.	149	323
* »	1890-е гг., конец — 1901 г., до мая	152	324
* »	1900-е гг., начало	154	325
* »	1901 г., конец — 1902 г.	156	326
Ергольской Т. А.	1840 г. июля 20	1	223
* »	1845—1855? гг.	2	223
* Желтову Ф. А.	1887? г.	65	268
* Иванову Н. Н.	1886 г. мая 12	56	260
* Ислявину К. А.	1876? г.	23	238
* »	1900 г. октябрь, после 13 — 1901 г. апрель	150	323
Истомину В. К.	1881 г. декабрь, начало	36	246
»	1881 г. декабря 4?	37	247
* »	1883? г.	43	250
* »	1873 — 1880-е гг.	75	274
* Касаткину Н. А.	1888? г. ноябрь — 1889 г. апрель	71	272
* Келеру Г. Ф.	1863—1864 гг.	8	227
* »	1865 — 1870? гг.	11	228
* »	1870-е гг., начало	13	229
* Кони А. Ф.	1897 г. январь	107	296
* »	1901? г.	153	325
* Кросби Э. (E. Crosby)	1899 г. февраля 15	128	308
* »	1896—1900 гг.	180	338
* Кузминским Т. А. и А. М.	1878 г. — 1885 г., первая половина	49	255
* Кузминской Т. А.	1881 г. декабря 19	35	246
* »	1880-е гг.	76	274
* Кузминскому А. М.	1887 г. ноябрь, начало	62	265
* »	1896 г. июль, после 4	105	294
* »	1890—1909 гг.	176	336
Лебедеву В. С.	1885 г. июль, начало	50	257
* Львову Е. В.	1865 г., конец	10	228
* Маклакову А. Н.	1890 г., вторая половина	81	276
* Маклакову В. А.	1902 г. август	155	326
* »	1900-е гг.	183	341

		№№	стр.
* Марксу А. Ф.	1899 г. июля 10	132	312
* »	1899 г. ноября 6—15	138	316
* »	1899 г. ноября 6—15	139	316
* Мартыновой С. М.	1899 г. марта 14	129	310
* Мещерскому Н. П.	1879 г. ноябрь	26	239
* Михайлову К. А.	1895 г., лето	102	293
* »	1890-е гг., середина—1900-е гг.	178	338
* »	1890-е гг., середина—1900-е гг.	179	338
* Морозову П. В.	1874 г. февраль	16	231
* »	1874 г. февраль — март, до 15	17	232
* »	1874 г. февраль — март, до 15	18	233
* »	1874 г. марта 18—19?	19	233
* »	1874 г. марта 20—21?	20	234
* Нагорнову Н. М.	1875 г. февраль, конец	21	236
* Неизвестному	1886 г. февраля 1	52	258
* Неизвестному	1884—1889 гг.	74	273
* Неизвестному	1899 г. июня 28	131	311
* Неизвестному	1899 г. августа 6	134	313
* Неизвестному	1899 г. сентября 25	135	314
* Неизвестному	1906 г. апрель-сентябрь?	165	331
* Неизвестному	1907 г. апреля 3	166	332
* Неизвестному	1890—1900-е гг.	175	336
* Неизвестному	1890—1900-е гг.	177	337
* Неизвестному	1910 г.	191	343
* Нечаеву-Мальцеву Ю. С.	1890-е гг., начало	87	279
* Новиковой О. А.	1870-е гг.	28	240
* Новикову М. П.	1904 г., конец—1905 г., начало	162	330
* Оболенскому Л. Е.	1886? г. февраль, после 11	54	259
* Орлову В. Ф.	1891 г. сентябрь, начало	82	276
* »	1891—1898 гг.	126	307
* Орлову И. И.	1864 г. декабря 7	7	226
* »	1870-е? гг. сентября 13	27	240
* Оффорду Д. (D. Offord)	1893 г. марта 15	93	283
* Перфильеву Ф. В.	1887—1888 гг.	69	270
* Перфильевым П. В. и В. С.	1856? г. мая 14?	3	224
* Попову Е. И.	1893 г. октября 23	96	286
* »	1896—1897? гг.	121	303
* Потемкину В. П.	1895 г. февраля 3	99	290
* Пригорскому Ю.	1892? г.	92	282
* Пругавину А. С.	1887—1888 гг.	70	271
* Рачинскому С. А.	1886? г. июнь, после 20?	58	262
* Рекомендательная записка	1893 г., до июля	94	284
* Рощину С. И.	1892—1893 гг.	97	287
* Самариной А. П.	1877 г. март — апрель?	24	238
* »	1870-е гг.	29	241
* Самарину Д. Ф.	1882—1884? гг.	47	254
* Самарину П. Ф.	1881 г. июня 5	33	244
* Самарину Ю. Ф.	1862? г. июля 1?	6	225
Святополк-Мирскому Д. И.	1884 г. апреля 6	44	251
»	1884 г. мая 2	46	253
* Сергеенко П. А.	1909 г.	174	335
* Сибирякову К. М.	1887 г. январь?	59	263
* Син-Джону А. (A. St.-John)	1900 г. февраля 26	143	319
* Солдатенкову К. М.	1880-е гг., конец—1890-е гг., начало	86	279

		№№	стр.
* Солодкому Г. М.	1901 г. январь, вторая половина	151	324
* Стаховичу А. А.	1900—1904 гг.	160	329
* Стаховичу М. А.	1910 г. января 31	184	341
Стахович С. А.	1900 г. марта 28	144	319
»	1900 г. мая 2	145	320
»	1900 г. мая 23	146	321
* Степанову П. С.	1886 г. июня 4—5	57	261
* Страхову Н. Н.	1872 г. октябрь, середина	14	230
* »	1880 г. апреля 18	30	241
* »	1882 г. ноября 24	41	249
* »	1883 г. июля 18—19	42	250
* Страхову Ф. А.	1890-е гг., середина	103	293
* Суворину А. С.	1898 г. января 20—31	123	305
* Сухотиной Т. Л.	1898 г. апрель	124	305
* »	1898 г. май — 1899? г.	140	317
* »	1900 г. октября 16	147	322
* »	1903 г., июнь, середина	158	327
* Телешовой Е. А.	1890-е гг., конец	142	317
* Теплову М. В.	1886 г. февраля 2	53	259
* Толстой А. Л.	1903 г. июня 7	157	326
* »	1903 г. октября 5	159	328
* Толстой М. Л.	1892 г. сентябрь?	90	282
Толстой Т. Л. См. Сухотиной Т. Л.			
Толстому А. Л.	1896? г., 1904? г., сентябрь или 1905? г. январь	161	330
»	1904—1905 гг., март	164	331
»	1906 или 1907 г. февраля 13	167	333
»	1906 или 1907 г.	168	333
»	1906 или 1907 г.	169	333
»	1906 или 1907 г.	170	334
»	1906 или 1907 г.	171	334
»	1906 или 1907 г.	172	334
Третьякову П. М.	1873—1880? гг. мая 10	31	243
* Тютчевой Е. Ф.	1859 г. апреля 9	4	224
* »	1870-е гг., конец — 1880-е гг., декабря 25	38	247
* Файнерману И. Б.	1888? г., начало	66	268
* »	1888 г. августа 8	67	269
* »	1892 г. август	89	281
* »	1893 г. июнь — июль?	95	284
* Фету А. А.	1856—1859 гг.	5	225
* »	1863 г., конец — 1865? г.	9	227
* »	1864—1870-е гг., начало	15	231
* »	1875 г. апреля 5—6?	22	237
»	1880 г. август	32	243
* Хохуле Н. И.	1898 г. января 29	122	304
Чайковскому Н. В.	1881 г. июля 12	34	245
* Чаеву Н. А.	1870? гг., начало	12	229
Шмидт М. А.	1887 г. августа 3	60	264
»	1889 г. август	72	272
Шмиту Э. (E. Schmitt)	1898 г. мая 20	125	306
Якимичеву А. О.	1889 г. октября 22	137	315

		№№	стр.
* Дело об открытии в Ясной Поляне курсов по подготовке народных учителей	1875—1876 гг.	192	346
* Домашнее условие между Т. Л. Толстой и крестьянами деревень Скуратово и Овсянниково	1894 г. сентября 8	194	348
* Записка к завещанию	1909 г. октября 31? — ноября 1?	196	350
* Прошение министру внутренних дел от имени А. Д. Широкова	1891 г., конец	193	344
* Прошение от имени Ольги Лукиной	1894 г. сентября 24	195	349

СОДЕРЖАНИЕ

Серия первая

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1835—1910

Редакционные пояснения 7

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ассирийский царь Ассархадон (1906—1908?) 11

II. СТАТЬИ

** Проект о переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками (1855) 17
* Le non agir (1893) 22
Неделание. *Перевод А. В. Звенигородского* 35
Патриотизм или мир? (1895—1896) 45
Письмо к фельдфебелю (1899) 54
По поводу конгресса о мире. Письмо к шведам (1899) 60
* Предисловие к книге «Japanese Notions of European Political Economy» (1900) 67
Как освободиться рабочему народу? (1905) 69
Письмо к крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа) (1905) 75
** Истинная свобода (1907) 77
* [Предисловие к письму Т. Л. Сухотиной в редакцию «Голос Москвы»] (1907) 83
Молитва внучке Сонечке (1909) 85
Редактору журнала «Жизнь для всех» В. А. Поссе (1910) 86

III. ДЕТСКИЕ И УЧЕНИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

** Детские забавы (1835) 93
** Рассказы дедушки (1837—1838) 95
** [Ученические сочинения] (1839—1841) 97
** [Эпитафия А. И. Остен-Сакен] (1841) 104

IV. ЧЕРНОВОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ

** [Начало неоконченного рассказа] (1862) 107
*[Заметки к роману о русских богатырях] (1870) 109
*[Шуточные сцены для детского спектакля] (конец 1870-х — начало 1880-х) 111
** Вечерние повести М. Главитина (1879 — начало 1880-х) 115
* [Начало неизвестной сказки] (1908—1909) 118

* [Начало неоконченной пьесы] (1910) 119
* [Проект музыкального общества] 121
* Общество независимых (1860-е гг., конец) 122
Что можно и чего нельзя делать христианину (1879) 123
Царство божие (1879) 125
Чьи мы? (1879) 127
** Согласие против пьянства (1887) 132
* [Зачем я живу?] (1894—1895). 133
* [Письмо в редакцию] (1898) 138
* Что нужнее всего людям (1900-е гг., начало) 139
* О сознании духовного начала (1903) 141
* Молитва («Хочется помощи от бога...») (1909) 143
* Детская молитва (1909) 144
* Молитва («Не знаю, доживу ли...» (1909) 145
* Молитва («Если я в любви...» (1909) 146
* [Молитва] («По утрам...») (1909) 146
* [Не убий] (1910) 148
** [Изречения] (1906, 1910) 150

V. ВАРИАНТЫ

** Казаки 153
* О жизни 161
* Патриотизм или мир 163
** Рабство нашего времени 169

КОММЕНТАРИИ

В. С. Мишин

«Ассирийский царь Ассархадон» 355
«Проект о переформировании батарей...» 356
«Le non agir»
История писания 358
«Патриотизм или мир?»
История писания и печатания 360
Описание рукописей 362
«Письмо к фельдфебелю»
История писания и печатания 364
Описание рукописей 365
«По поводу конгресса о мире. Письмо к шведам»
История писания и печатания 367
Описание рукописей 368

Н. Н. Гусев

«Предисловие к книге «Notion of European Political Economy»
История писания 369

В. С. Мишин

«Как освободиться рабочему народу?»
История писания и печатания 371
Описание рукописей 372
«Письмо к крестьянину о земле»
История писания и печатания 374
Описание рукописей 375
«Истинная свобода»
История писания и печатания 376
Описание рукописей 377
«Предисловие к письму Т. Л. Сухотиной в редакцию
«Голос Москвы» 378

«Молитва внучке Сонечке» 381
«Редактору журнала «Жизнь для всех» В. А. Поссе»
История писания и печатания 382
Описание рукописей 383
«Детские забавы» 385
«Рассказы дедушки» 386
«Ученические сочинения» 387
«Эпитафия А. И. Остен-Сакен» 388
«Начало неоконченного рассказа» 389
«Заметки к роману о русских богатырях»
История писания 390
Примечания 391
«Шуточные сцены для детского спектакля» 394
«Вечерние повести»
История писания и печатания 395
«Начало неизвестной сказки» 396
«Начало неоконченной пьесы» 397
«Проект музыкального общества» 398
«Общество независимых» 399
«Что можно и чего нельзя делать христианину», «Царство божие» и «Чьи мы?»
История писания и печатания 400
«Согласие против пьянства» 402
«Зачем я живу?»
История писания 403
«Письмо в редакцию» 404
«Что нужнее всего людям» 405
«О сознании духовного начала»
История писания и печатания 406
Описание рукописей 407
«Молитва» («Хочется помощи от бога...») 408
«Детская молитва» 409
«Молитва» («Не знаю, доживу ли...») 410
«Молитва» («Если я в любви...») 411
«Молитва» («По утрам...») 412
«Не убий» 413
«Изречения» 414
«Казаки» 415
«О жизни» 416
«Рабство нашего времени» 417

Серия вторая

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ И ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСИ 1877—1909

* Записная книжка 1903—1904 гг. 179
* Записная книжка 1909 г. 194
* Записи на отдельных листах 1877—1880 гг. 196
* Листок из Записной книжки 1905 г. 204
* Листы из Записной книжки 1908 г. 205
* Листы из Записной книжки 1909 г. 216

КОММЕНТАРИИ

Описание рукописей 418
Примечания:
К Записной книжке 1903—1904 гг. 420
К Записной книжке 1909 г. 422
К записям на отдельных листах 1877—1880 гг. 423
К листам из Записной книжки 1908 г. 423
К листам из Записной книжки 1909 г. 424

	1	*1840 г. июля 20*	Т. А. Ергольской. 223
*	2	*1845—1855? гг.*	Т. А. Ергольской. . . . . —
*	3	*1856? г. мая 14?*	П. В. и В. С. Перфильевым —
*	4	*1859 г. апреля 9*	Е. Ф. Тютчевой. 224
*	5	*1856—1859 гг.*	А. А. Фету 225
*	6	*1862? г. июля 1*	Ю. Ф. Самарину . . . . . —
*	7	*1864 декабря 7*	И. И. Орлову 226
*	8	*1863—1864 гг.*	Г. Ф. Келеру 227
*	9	*1863 г., конец — 1865? г.*	А. А. Фету . . . . . —
*	10	*1865 г., конец*	Е. В. Львову 228
*	11	*1865—1870? гг.*	Г. Ф. Келеру 228
*	12	*1870-е гг., начало*	Н. А. Чаеву 229
*	13	*1870-е гг., начало*	Г. Ф. Келеру 229
*	14	*1872 г. октябрь, середина*	Н. Н. Страхову 230
*	15	*1864*—1870-*е гг., начало*	А. А. Фету 231
*	16	*1864 г. февраль*	П. В. Морозову . . . . . —
*	17	1874 *г. февраль — март, до 15*	П. В. Морозову 232
*	18	*1874 г. февраль — март, до 15*	П. В. Морозову 233
*	19	*1874 г. марта 18—19?*	П. В. Морозову . . . . . —
*	20	*1874 г. марта 20—21?*	П. В. Морозову 234
*	21	*1875 г. февраль, конец*	Н. М. Нагорнову 236
*	22	*1875 г. апреля 5—6?*	А. А. Фету 237
*	23	*1876? г.*	К. А. Ислави́ну 238
*	24	*1877 г. март — апрель?*	А. П. Самариной . . . . . —
*	25	*1877 г. июля 10*	В редакцию «Русского вестника» 239
*	26	*1879 г. ноябрь*	Н. П. Мещерскому . . . . . —
*	27	*1870-е? гг. сентября 13*	И. И. Орлову 240
*	28	*1870-е гг.*	О. А. Новиковой . . . . . —
*	29	*1870-е гг.*	А. П. Самариной 241
*	30	*1880 г. апреля 18*	Н. Н. Страхову . . . . . —
	31	*1873—1880? гг. мая 10*	П. М. Третьякову 243
	32	*1880 г. август*	А. А. Фету . . . . . —
*	33	*1881 г. июня 5*	П. Ф. Самарину 244
	34	*1881 г. июля 12*	Н. В. Чайковскому 245
*	35	*1881 г. декабря 19*	Т. А. Кузминской 247
	36	*1881 г. декабря, начало*	В. К. Истомину . . . . . —
	37	*1881 г. декабря 4?*	В. К. Истомину 247
*	38	*1870-е гг., конец — 1880-е гг. декабря 25*	Е. Ф. Тютчевой. . . . . —
	39	*1882 г. января 1*	П. П. Васильеву 248
	40	*1882 г. март, конец*	С. А. Венгерову . . . . . —
*	41	*1882 г. ноября 24*	Н. Н. Страхову. 249
*	42	*1883 г. июля 18—19*	Н. Н. Страхову. 250
*	43	*1883? г.*	В. К. Истомину . . . . . —
	44	*1884 г. апреля 6*	Д. И. Святополк-Мирскому 251
*	45	*1884 г. августа 4?*	С. С. Абамелек-Лазареву . . 253
	46	*1884 г. мая 2*	Д. И. Святополк-Мирскому —
*	47	*1882—1884? гг.*	Д. Ф. Самарину 254
*	48	*1885? г. январь?*	С. С. Абамелек-Лазареву . . 255
*	49	*1878 г. — 1885 г., первая половина*	Т. А. и А. М. Кузминским —
	50	*1885 г. июль, начало*	В. С. Лебедеву 257
*	51	*1885? в.*	Н. В. Давыдову 258
*	52	*1886 г. февраля 1*	Неизвестному . . . . . —
*	53	*1886 г. февраля 2*	М. В. Теплову 259
*	54	*1886? г. февраль, после 11*	Л. Е. Оболенскому . . . . . —

*	55	*1886? г. апрель?*	Н. В. Давыдову 260
*	56	*1886 г. мая 12*	Н. Н. Иванову . . . . . —
*	57	*1886 г. июня 4—5*	П. С. Степанову 261
*	58	*1886? г. июнь, после 20?*	С. А. Рачинскому 262
*	59	*1887 г. январь?*	К. М. Сибирякову 263
	60	*1887 г. августа 3*	М. А. Шмидт 264
*	61	*1887? г. сентября 21*	Н. Я. Гроту . . . . . —
*	62	*1887 г. ноябрь, начало*	А. М. Кузминскому 265
*	63	*1887 г. декабря 11*	Н. Н. Ге (сыну) 266
*	64	*1887 г. декабря 12*	Н. Н. Ге (сыну) 268
*	65	*1887? г.*	Ф. А. Желтову . . . . . —
*	66	*1888? г. начало*	И. Б. Файнерману . . . . . —
*	67	*1888 г. августа 8*	И. Б. Файнерману 269
*	68	*1888 г. сентябрь, до 29*	Н. Н. Ге (сыну) . . . . . —
*	69	*1887—1888 гг.*	Ф. В. Перфильеву 270
*	70	*1887—1888 гг.*	А. С. Пругавину 271
*	71	*1888? г. ноябрь — 1889 г. апрель*	Н. А. Касаткину 272
*	72	*1889 г. август*	М. А. Шмидт 272
*	73	*1889 г. октябрь до 20*	Н. В. Давыдову 273
*	74	*1884—1889 гг.*	Неизвестному . . . . . —
*	75	*1873 г. — 1880-е гг.*	В. К. Истомину 274
*	76	*1880-е гг.*	Т. А. Кузминской . . . . . —
*	77	*1880-е гг.*	О. Г. Грачеву . . . . . —
*	78	*1890? г. апрель, после 15*	Н. В. Давыдову 275
*	79	*1889—1890 гг.*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	80	*1888—1890 гг.*	А. Н. Дунаеву 276
*	81	*1890 г., вторая половина*	А. Н. Маклакову . . . . . —
*	82	*1891 г. сентябрь, начало*	В. Ф. Орлову . . . . . —
*	83	*1890 г. — 1891 г. октябрь, до 26*	Н. В. Давыдову 277
*	84	*1889—1891 гг.*	Н. В. Давыдову 278
*	85	*1891 г.*	Н. Я. Гроту . . . . . —
*	86	*1880-е гг., конец — 1890-е гг., начало*	К. Т. Солдатенкову 279
*	87	*1890-е гг., начало*	Ю. С. Нечаеву-Мальцеву . —
*	88	*1892 г. апрель, около 20*	А. Н. Дунаеву 280
*	89	*1892 г. август*	И. Е. Файнерману 281
*	90	*1892 г. сентябрь?*	М. Л. Толстой 282
*	91	*1880—1892 гг.*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	92	*1892? г.*	Ю. Пригорскому . . . . . —
*	93	*1893 г. марта 15*	Даниэлю Оффорду (Daniel Offord) 283
*	94	*1893 г., до июля*	Рекомендательная записка . 284
*	95	*1893 г. июнь — июль?*	И. Б. Файнерману . . . . . —
*	96	*1893 г. октября 23*	Е. И. Попову 286
*	97	*1892—1893 гг.*	С. И. Рощину 287
*	98	*1893 г.*	Н. Я. Гроту 290
*	99	*1895 г. февраля 3*	В. П. Потемкину . . . . . —
*	100	*1895 г. июня 8*	Н. Н. Ге (сыну) 291
*	101	*1895 г. август, начало*	Н. В. Давыдову 292
*	102	*1895 г. лето*	К. А. Михайлову 293
*	103	*1890-е гг., середина*	Ф. А. Страхову . . . . . —
*	104	*1896? г. февраль, начало*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	105	*1896 г. июль, после 4*	А. М. Кузминскому 294
*	106	*1896 г. октября 19*	Н. Н. Ге (сыну) 295
*	107	*1897 г. январь*	А. Ф. Кони 296
*	108	*1880—1897 гг. февраля 25*	Н. В. Давыдову 297
*	109	*1885—1897 гг. июня 28*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	110	*1890—1897? гг. лето*	Н. В. Давыдову 298
*	111	*1880—1897 гг.*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	112	*1880—1897 гг.*	Н. В. Давыдову 299

*	113	*1880—1897 гг.*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	114	*1880—1897 гг.*	Н. В. Давыдову 300
*	115	*1880—1897 гг.*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	116	*1880—1897 гг.*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	117	*1890—1897 гг.*	Н. В. Давыдову 301
*	118	*1890—1897 гг.*	Н. В. Давыдову . . . . . —
*	119	*1890—1897 гг.*	Н. В. Давыдову 302
*	120	*1890—1897 гг.*	Н. В. Давыдову 303
*	121	*1896—1897? гг.*	Е. И. Попову . . . . . —
*	122	*1898 г. января 29*	Н. И. Хохуле 304
*	123	*1898 г. января 20—31*	А. С. Суворину 305
*	124	*1898 г. апрель?*	Т. Л. Толстой . . . . . —
*	125	*1898 г. мая 20*	Э. Шмиту (E. Schmitt) . . 306
*	126	*1891—1898 гг.*	В. Ф. Орлову 307
*	127	*1899 г. — января 19*	Н. Н. Ге (сыну) 308
*	128	*1899 г. февраля 15*	Э. Кросби (E. Crosby) . . . 308
*	129	*1899 г. марта 14*	С. М. Мартыновой 310
	130	*1899 г. июня 14*	Д. В. Григоровичу 310
*	131	*1899 г. июня 28*	Неизвестному 311
*	132	*1899 г. июля 10*	А. Ф. Марксу 312
*	133	*1899 г. июля 19?*	А. Н. Дунаеву . . . . . —
*	134	*1899 г. августа 6*	Неизвестному 313
*	135	*1899 г. сентября 25*	Неизвестному 314
*	136	*1899 г. октября 14*	Н. Н. Ге (сыну) . . . . . —
*	137	*1899 г. октября 22*	А. О. Якимичеву 315
*	138	*1899 г. ноября 6—15*	А. Ф. Марксу 316
*	139	*1899 г. ноября 6—15*	А. Ф. Марксу . . . . . —
*	140	*1898 г. май — 1899? г.*	Т. Л. Толстой 317
*	141	*1890-е? гг.*	А. Н. Дунаеву . . . . . —
*	142	*1890-е гг. конец*	Е. А. Телешовой . . . . . —
*	143	*1900 г. февраля 26*	А. Син-Джону (A. St. John) 319
	144	*1900 г. марта 28*	С. А. Стахович . . . . . —
	145	*1900 г. мая 2*	С. А. Стахович 320
	146	*1900 г. мая 23*	С. А. Стахович 321
*	147	*1900 г. октября 16*	Т. Л. Сухотиной 322
*	148	*1887 — 1900 гг., начало*	А. Н. Дунаеву . . . . . —
*	149	*1888—1900 гг.*	А. Н. Дунаеву 323
*	150	*1900 г. октябрь, после 13—1901 г. апрель*	К. А. Ославину . . . . . —
*	151	*1891 г. январь, вторая половина*	Г. М. Солодкому 324
*	152	*1890-е гг., конец—1901 г., до мая*	А. Н. Дунаеву . . . . . —
*	153	*1901? г.*	А. Ф. Кони 325
*	154	*1900-е гг., начало*	А. Н. Дунаеву . . . . . —
*	155	*1902 г. август*	В. А. Маклакову 326
*	156	*1901 г., конец — 1902 г.*	А. Н. Дунаеву . . . . . —
*	157	*1903 г. июня 7*	А. Л. Толстой . . . . . —
*	158	*1903 г. июнь, середина*	Т. Л. Сухотиной 327
*	159	*1903 г. октября 5*	А. Л. Толстой 328
*	160	*1900—1904 гг.*	А. А. Стаховичу. 329
	161	*1896? г., 1904? г., сентябрь или 1905? г., январь*	А. Л. Толстому 330
*	162	*1904 г., конец — 1905 г., начало*	М. П. Новикову . . . . . —
*	163	*1905 г. январь — февраль?*	И. И. Горбунову-Посадову 331
	164	*1904—1905 гг., март*	А. Л. Толстому . . . . . —
*	165	*1906 г. апрель — сентябрь?*	Неизвестному . . . . . —
*	166	*1907 г. апреля 3*	Неизвестному 332
	167	*1906 или 1907 г. февраля 13*	А. Л. Толстому 333
	168	*1906 или 1907 г.*	А. Л. Толстому . . . . . —
	169	*1906 или 1907 г.*	А. Л. Толстому . . . . . —
	170	*1906 или 1907 г.*	А. Л. Толстому 333

171 *1906 или 1907 г.* А. Л. Толстому 334
172 *1906 или 1907 г.* А. Л. Толстому . . . . . —
* 173 *1908—1909? гг.* С. Горлову 335
* 174 *1909 г.* П. А. Сергеенко . . . . . —
* 175 *1890—1900-е гг.* Неизвестному 336
* 176 *1890—1909 гг.* А. М. Кузминскому . . . . —
* 177 *1890—1900-е гг.* Неизвестному 337
* 178 *1890-е гг., середина — 1900-е гг.* К. А. Михайлову 338
* 179 *1890-е гг., середина — 1900-е гг.* К. А. Михайлову . . . . . —
* 180 *1896—1900-е гг.* Э. Кросби (E. Crosby) . . . —
* 181 *1890-е гг., конец — 1900-е гг.* И. И. Горбунову-Посадову 340
* 182 *1890-е гг., лето* И. И. Горбунову-Посадову —
* 183 *1900-е гг.* В. А. Маклакову 341
* 184 *1910 г. января 31* М. А. Стаховичу . . . . . —
* 185 *1910 г. июль, конец* И. И. Горбунову-Посадову 342
* 186 *1900—1910 гг.* Б. О. Гольденблату . . . . —
* 187 *1900—1910 гг. марта 28* Б. О. Гольденблату . . . . —
* 188 *1900—1910-е гг.* Б. О. Гольденблату 343
* 189 *1900—1910-е гг.* Б. О. Гольденблату . . . . —
* 190 *1900—1910-е гг.* Б. О. Гольденблату . . . . —
* 191 *1910 г.* Неизвестному . . . . . —

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

* 192 *1874 г.* Дело об открытии в Ясной Поляне курсов по подготовке народных учителей 1875—1876 гг. 345
* 193 *1891 г., конец.* Прошение министру внутренних дел от имени А. Д. Широкова 347
* 194 *1894 г. сентября 8?* Черновик домашнего условия между Т. Л. Толстой и крестьянами деревень Скуратово и Овсянниково 348
* 195 *1894 г. сентября 24.* Прошение от имени Ольги Лукиной . . 349
* 196 *1909 г. октября 31? — ноября 1?* Записка к завещанию от 1 ноября 1909 г. 350
Список писем Л. Н. Толстого, текст которых неизвестен 352

ДОПОЛНЕНИЕ

Патриотизм и правительство 425

Н. Н. Гусев

«Патриотизм и правительство»
История писания и печатания 445

Указатель собственных имен 448

Алфавитный указатель адресатов 464

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Л. Н. Толстой. 1907 г. С фотографии В. Г. Черткова. Между стр. 4 и 5.
Первая страница рукописи заметок к роману о русских богатырях. Между стр. 110 и 111.
Страницы из Записной книжки 1903—1904 гг. Между стр. 184—185.
Прошение, написанное Толстым от имени Ольги Лукиной. Между стр. 348 и 349.

ИСПРАВЛЕНИЯ
к тому 42

Напечатано	Следует
Стр. 713	
Е. С. Серебровская «Корней Васильев»	Е. С. Серебровская и Б. М. Эйхенбаум «Корней Васильев»
Стр. 714	
Е. С. Серебровская «Ягоды»	Е. С. Серебровская и Б. М. Эйхенбаум «Ягоды»

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г., 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г.

Редактор С. Розанова
Технический редактор Л. Сутина
Корректор К. Полетика
Сдано в набор 15/III 1957 г.
Подписано к печати 10/III 1958 г.
Бумага 68×100¹/₁₆. 30,0 печ. л.
36,9 усл. печ л. 23,15 уч.-изд. л. +
+ 4 вкл. = 24,39.
Тираж 5000. Зак. 234.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.